

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

JANE AUSTEN

**PRIDE
AND PREJUDICE**

ДЖЕЙН ОСТИН

**ГОРДОСТЬ
И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ**

Издание подготовили

**Н. М. ДЕДУРОВА, И. С. МАРШАК,
Б. Б. ТОМАШЕВСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики:

Н. И. Конрад (председатель),
М. П. Алексеев, *В. В. Виноградов*,
В. М. Жирмунский, *С. Д. Сказкин*;

члены-корреспонденты АН СССР:

Д. Д. Благой, *Д. С. Лихачев*,
А. М. Самсонов;

член-корреспондент АН Таджикской ССР

И. С. Брагинский;

доктора филологических наук:

А. А. Елистратова, *Ю. Г. Оксман*;

доктор исторических наук *С. Л. Утченко*;

кандидат филологических наук *Н. И. Балашов*,

кандидат исторических наук *Д. Б. Ознобишин*

(ученый секретарь)

Ответственный редактор

М. П. АЛЕКСЕЕВ

J. Austin

Джейн Остин. Рисунок ее сестры Кассандры.

К Н И Г А П Е Р В А Я

Глава I

Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену.

Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть, как на законную добычу той или другой соседской дочки.

— Дорогой мистер Беннет ¹, — сказала как-то раз миссис Беннет своему мужу, — слышали вы, что Незерфилд Парк ² наконец больше не будет пустовать?

Мистер Беннет ответил, что он этого не слышал.

— Тем не менее это так, — продолжала она. — Только что заходила миссис Лонг и сообщила мне эту новость!

Мистер Беннет промолчал.

— А хотелось бы вам знать, кто будет нашим новым соседом? — с нетерпением спросила его жена.

— Готов вас выслушать, если вам очень хочется мне об этом сказать.

Большого от него не требовалось.

— Ну так слушайте, мой дорогой, — продол-

жала миссис Беннет. — Незерфилд, по словам миссис Лонг, снят ³ очень богатым молодым человеком из северной Англии ⁴. В понедельник он приезжал туда в карете, запряженной четверкой лошадей, осмотрел поместье и пришел в такой восторг, что тут же условился обо всем с мистером Моррисом. Он переезжает к Михайлову дню ⁵ и уже в конце будущей недели туда приедет кое-кто из его прислуги.

— А как его зовут?

— Бингли.

— Он женат или холост?

— Холост, дорогой, в том-то и дело, что холост! Молодой холостяк с доходом в четыре или пять тысяч в год! Не правда ли, удачный случай для наших девочек?

— Как так? Разве это имеет к ним отношение?

— Дорогой мистер Беннет, — ответила его жена, — сегодня вы просто невыносимы. Разумеется, вы понимаете, что я имею в виду его женитьбу на одной из них.

— Гм, таковы его планы?

— Планы! Боже ты мой, и скажете же вы иной раз! Но ведь может вполне случиться, что он в одну из них влюбится. Поэтому как только он приедет, вам необходимо будет нанести ему визит.

— Я, признаюсь, не вижу к тому достаточных оснований. Поезжайте-ка вы сами с девочками. Или пошлите их одних — это, возможно, будет еще лучше. Не то вдруг он вздумает влюбиться в вас — ведь вы ничуть не менее привлекательны, чем любая из наших дочек.

— Вы мне льстите, дорогой мой. Когда-то я и в самом деле была не лишена привлекательности. Но сейчас, увы, я уже не претендую на то, чтобы слыть красавицей. Женщине, у которой пять взрослых дочерей, не следует много думать о собственной красоте.

— В этих обстоятельствах у женщины не часто остается столько красоты, чтобы думать о ней приходилось особенно много.

— Но, мой друг, вам непременно следует навестить мистера Бингли, как только он появится.

— Едва ли я за это возьмусь.

— Но подумайте о наших девочках. Вы только представьте себе, как хорошо одна из них будет устроена. Вот увидите, как сразу поспешат в Незерфилд сэр Уильям и леди Лукас. А ради чего, как вы думаете? Уж, конечно, ради своей Шарлот — вы же знаете, они не очень-то любят навещать незнакомых людей. Вы непременно должны поехать — ведь мы сами без этого никак не можем у него побывать.

— Вы, безусловно, слишком щепетильны. Полагаю, что мистер Бингли будет рад вас увидеть. Хотите, я дам вам для него записочку с обещанием выдать за него замуж любую из моих дочек, которая ему больше понравится? Пожалуй, надо будет только замолвить словечко в пользу моей крошки Лиззи.

— Надеюсь, что вы этого не сделаете. Лиззи ничуть не лучше других ваших дочерей. Я уверена, что она и вполвину не так красива, как Джейн и гораздо менее добродушна, чем Лидия. Но ей вы почему-то всегда оказываете предпочтение!

— Ни одна из моих дочек ничем особенным не примечательна,— ответил он.— Они столь же глупы и невежественны, как все другие девчонки в этом возрасте. Просто в Лиззи немножко больше толку, чем в ее сестрах.

— Мистер Беннет, как смеете вы так оскорблять ваших собственных детей? Вам доставляет удовольствие меня изводить. Конечно, вам нет никакого дела до моих истерзанных нервов.

— Вы ошибаетесь, моя дорогая. Я давно привык с ними считаться. Ведь они — мои старые друзья. Недаром вы мне толкуете о них уже не меньше двадцати лет.

— Ах, вы даже себе не представляете, как я страдаю.

— Надеюсь, что вы все же доживете до того времени, когда в окрестностях появится множество молодых людей с доходом не менее четырех тысяч в год.

— Даже если их будет двадцать, какой в них прок, коли вы все равно отказываетесь к ним ездить?

— Ну, если их будет двадцать, моя дорогая, то тогда я, конечно, соберусь да сразу и объеду их всех подряд.

В характере мистера Беннета так затейливо сочетались живость ума и склонность к иронии, замкнутость и взбалмошность, что за двадцать три года совместной жизни жена все еще не сумела к нему приноровиться. Разобраться в ее натуре было намного проще. Она была невежественной женщиной с недостаточной сообразительностью и неустойчивым настроением. Когда она

была чем-нибудь недовольна, она считала, что у нее не в порядке нервы. Целью ее жизни было выдать дочерей замуж. Единственными ее развлечениями были визиты и новости.

Глава II

Мистер Беннет все же одним из первых навестил мистера Бингли. По правде говоря, он с самого начала имел в виду нанести ему визит, хотя все время уверял свою жену, что ни за что к нему не поедет. И она оставалась в полном неведении относительно его намерений до конца того дня, когда визит состоялся. Истинное положение вещей раскрылось следующим образом. Наблюдая за тем, как его вторая дочь украшает лентами шляпку, мистер Беннет неожиданно заметил:

— Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли это понравится.

— Мы никогда не узнаем, что нравится и что не нравится мистеру Бингли,— с раздражением проговорила ее мать,— раз нам не придется бывать в Незерфилде.

— Но вы забываете, мама,— сказала Элизабет,— что мы встретим его на балу, и миссис Лонг обещала нас познакомить.

— О нет, миссис Лонг ни за что этого не сделает. У нее у самой две племянницы. Терпеть не могу эту ханжу и эгоистку!

— И я тоже,— сказал мистер Беннет.— Как приятно, что в этом важном деле вы от нее не зависите.

Миссис Беннет не снизила до ответа; но, не будучи в силах сдержать свое раздражение, она напустилась на одну из дочерей.

— Ради бога, Китти, перестань так кашлять! Хоть чуточку бы считалась с мскими нервами. Они этого не выдержат.

— Китти у нас ни с чем не считается,— сказал отец.— Вечно она кашляет невпопад.

— Я кашляла не для удовольствия,— обиделась Китти.

— Когда у вас следующий бал, Лиззи⁶?

— Через две недели.

— Ах, вот как,— воскликнула мать.— Значит миссис Лонг вернется только накануне бала! Как же это она нам его представит, если даже не успеет с ним до этого встретиться?

— Тогда, дорогая моя, вы сможете оказаться полезной вашей приятельнице, представив ей мистера Бингли.

— Невозможно, мистер Беннет, невозможно, раз я сама не буду с ним знакома. Вы просто надо мной издеваетесь!

— Ваша осторожность делает вам честь. Конечно, такое короткое знакомство почти ничего не значит. Какое же суждение можно составить о человеке в течение двух недель? Однако, если ее не познакомим с мистером Бингли мы, то это сделает кто-нибудь другой. По мне — пускай миссис Лонг и ее племянницы тоже попытают счастья. Я даже готов взять это доброе дело на себя, если оно вам очень не по душе.

Девушки уставились на отца. Миссис Беннет пробормотала:

— Какой вздор!

— Что означает ваше выразительное замечание, сударыня? — спросил он с удивлением. — Считаете ли вы вздорным обычаем, согласно которому, прежде чем иметь дело с незнакомым человеком, он должен быть вам представлен? Или вам не нравится существующий порядок такого представления? Боюсь, что наши взгляды в этом отношении слегка расходятся. А ты, Мэри, что думаешь по этому поводу? Ведь ты у нас такая рассудительная девица, читаешь ученые книги и даже делаешь из них выписки.

Мэри хотелось сказать что-нибудь очень глубокомысленное, но она ничего не смогла придумать.

— Пока Мэри собирается с мыслями, — продолжал он, — вернемся к мистеру Бингли.

— Я больше не могу слышать о мистере Бингли, — заявила жена.

— Жаль, что вы об этом не сказали мне раньше. Знай я это сегодня утром, я бы ни в коем случае к нему не поехал. Экая досада; но раз уж я у него побывал, боюсь, что избежать с ним знакомства будет теперь не так-то легко.

Мистер Беннет добился, чего хотел — дамы пришли в крайнее изумление. Особенно сильно была поражена миссис Беннет. Однако, когда первый порыв радости миновал, она принялась уверять, что именно этого она от него и ожидала.

— Вы поступили просто великодушно, мой дорогой мистер Беннет! Хотя, признаюсь, я не сомневалась, что в конце концов добьюсь от вас этого. Я знала, вы настолько любите наших де-

вочек, что не способны пренебречь подобным знакомством. Ах, как я счастлива! И как мило вы подшутили над нами.— Подумать только, вы еще утром побывали в Незерфилде и до сих пор даже словом об этом не обмолвились!

— Теперь, Китти, можешь кашлять сколько угодно,— сказал мистер Беннет, выходя из комнаты, чтобы не слышать чрезмерно восторженных излияний своей жены.

— Девочки, какой у вас прекрасный отец! — воскликнула она, когда дверь закрылась.— Не знаю, право, чем вы отблагодарите его за такую доброту. Да и меня тоже. Поверьте, в наши годы не так-то приятно каждый день заводить новые знакомства. Но ради своих детей мы ведь готовы на все. Лидия, милочка моя, хоть ты и моложе всех, но, сдается мне, что танцевать на балу мистер Бингли будет именно с тобой.

— Вот уж ничуть этого не испугаюсь! — храбро заявила Лидия.— Хоть я и моложе всех, но зато я — самая высокая.

Остаток вечера прошел в рассуждениях о том, через сколько дней следует ожидать ответного визита мистера Бингли и когда после этого его можно будет пригласить на обед.

Глава III

Как ни старались миссис Беннет и ее пять дочерей, им все же не удалось добиться от главы семьи такого описания мистера Бингли, которое могло бы удовлетворить их любопытство. Они ата-

ковали мистера Беннета самыми различными способами: вопросами напрямик, хитроумными догадками, отдаленными намеками. Но он не поддавался ни на какие уловки. И в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук, полученными от их соседки, леди Лукас. Сообщения последней были весьма многообещающими. Сэр Уильям был в восторге от мистера Бингли. Он еще очень молод, необыкновенно хорош собой, чрезвычайно любезен и, в довершение всего, выражает намерение непременно присутствовать на ближайшем местном балу, куда собирается прибыть с целой компанией своих друзей.

Ничего лучшего нельзя было и желать. Кто интересуется танцами, тому ничего не стоит влюбиться. Все питали самые радужные надежды на скорейшее завоевание сердца мистера Бингли.

— Ах, если бы мне только довелось увидеть одну из моих дочерей счастливой хозяйкой Незерфилда,— сказала своему мужу миссис Беннет,— и столь же удачно выдать замуж всех остальных — мне бы тогда больше нечего было желать.

Через несколько дней мистер Бингли отдал визит мистеру Беннету и просидел десять минут в его библиотеке. Мистер Бингли надеялся взглянуть на молодых леди, о красоте которых он уже много слышал, но ему удалось повидать только их отца. Дамы были несколько удачливее его: им посчастливилось увидеть из верхнего окна⁷, что на нем был синий сюртук и что приехал он на вороной лошади.

Вскоре после этого было послано приглашение на обед. Миссис Беннет составила уже меню, делавшее честь ее хозяйственным способностям, как вдруг из Незерфилда был получен ответ, расстроивший все планы. Мистер Бингли вынужден на следующий день уехать в Лондон, что, к величайшему сожалению, лишало его возможности воспользоваться оказанным ему вниманием и т. д. и т. п. Миссис Беннет была крайне разочарована. Она никак не могла себе представить, что за дела возникли у него в городе так скоро после переезда в Хартфордшир⁸ и начала опасаться, что он вечно будет порхать с места на место и что Незерфилд никогда не станет его постоянным пристанищем. Ее тревога была до некоторой степени рассеяна предположением леди Лукас о том, что он мог поехать в Лондон за своими друзьями, с которыми собирался появиться на балу. Вскоре стали поговаривать о том, что на бал вместе с Бингли прибудут двенадцать дам и семь джентльменов. Барышень опечалило число дам, но они несколько ободрились, услышав, что вместо двенадцати спутниц с ним приехали из Лондона только шесть: пять его сестер и одна кузина. Когда незерфилдская компания вступила в бальный зал, обнаружилось, что она состоит всего из пяти человек: мистера Бингли, двух его сестер, мужа старшей сестры и еще одного молодого джентльмена.

Мистер Бингли оказался молодым человеком с благородной и приятной наружностью и непринужденными манерами. Обе сестры его — особами изящными и весьма светскими. Его зять, мистер Хёрст, с трудом мог сойти за дворянина. Зато

друг мистера Бингли, мистер Дарси, тотчас же привлек к себе внимание всего зала своей высокой статной фигурой, правильными чертами лица и аристократической внешностью. Через пять минут после их прихода всем стало известно, что он — владелец имения, приносящего десять тысяч фунтов годового дохода. Джентльмены нашли его достойным представителем мужского пола, дамы объявили, что он гораздо привлекательнее мистера Бингли, и в течение первой половины вечера он вызывал всеобщее восхищение. Однако позднее, из-за его поведения, популярность мистера Дарси быстро пошла на убыль. Стали поговаривать о том, что он слишком горд, что он задирает перед всеми нос и что ему трудно угодить. И уже все его огромное поместье в Дербишире⁹ не могло искупить его неприятных и даже отталкивающих манер. Разумеется, он не заслуживал даже сравнения со своим другом.

Мистер Бингли вскоре перезнакомился почти со всеми присутствовавшими. Он был оживлен и любезен, участвовал в каждом танце, жалел о слишком раннем окончании бала и даже вскользь упомянул о том, что не мешало бы устроить еще один бал в Незерфилде. Столь приятные качества говорили сами за себя. Как разительно отличался он от своего друга! Мистер Дарси танцевал только один раз с миссис Хёрст и один раз с мисс Бингли, не пожелал быть представленным другим дамам и провел весь остальной вечер, прохаживаясь по залу и изредка перебрасываясь словами с кем-нибудь из своих спутников. Характер его осудили все. Дарси был признан одним из

самых заносчивых и неприятных людей на свете, и все хором выражали надежду на то, что он больше никогда не появится в местном обществе. Среди злейших его противников оказалась миссис Беннет. Разделяемое этой дамой общее неудовольствие поведением мистера Дарси превратилось в личную неприязнь после того, как он отнесся пренебрежительно к одной из ее дочерей.

Из-за недостатка кавалеров Элизабет Беннет была вынуждена в течение двух танцев просидеть у стены. При этом ей невольно пришлось подслушать разговор между мистером Дарси, который стоял неподалеку, и мистером Бингли, на минуту покинувшим танцующих для того, чтобы уговорить своего друга последовать их примеру.

— Пойдемте, Дарси. Я должен заставить вас танцевать, — сказал он, подходя к своему другу. — Не могу смотреть на то, как вы целый вечер глупейшим образом простаиваете в одиночестве. Право же, пригласите кого-нибудь.

— Ни в коем случае! Вы знаете, что танцы не доставляют мне удовольствия, если я не знаком со своей дамой. А в здешнем обществе — это было бы для меня просто невыносимо. Ваши сестры уже приглашены, а кроме них в зале нет ни одной женщины, танцевать с которой для меня не было бы сущим наказанием.

— Я не так привередлив, как вы! — воскликнул Бингли. — Клянусь честью, я еще ни разу не встретил за один вечер так много хорошеньких женщин; среди них есть просто красавицы!

— Вы танцуете с единственной хорошенькой

девицей в этом зале,— сказал мистер Дарси, посмотрев на старшую мисс Беннет.

— О, это самое очаровательное создание, какое мне когда-либо приходилось встречать! Но вон там, за вашей спиной сидит одна из ее сестер. По-моему, она тоже очень недурна. Хотите, я попрошу мою даму вас познакомить?

— Это вы про которую? — Обернувшись, Дарси взглянул на Элизабет, но заметив, что она на него смотрит, отвел глаза и холодно сказал: — Что ж, она как будто мила. И все же не настолько хороша, чтобы нарушить мой душевный покой. А у меня что-то сейчас нет охоты утешать молодых леди, которыми пренебрегли другие кавалеры. Возвращайтесь лучше к своей даме. Уверяю вас, вы напрасно теряете со мной время, которое могли бы провести, наслаждаясь ее улыбками.

Бингли последовал этому совету, его приятель отошел в другой конец комнаты, а Элизабет осталась на месте, полная не слишком добрых чувств по отношению к Дарси. Впрочем, она с удовольствием рассказала об этом эпизоде в кругу своих друзей, так как была наделена живым и веселым нравом и всегда была не прочь посмеяться.

Вся семья, однако, провела вечер очень приятно. Миссис Беннет была в восторге от большого внимания, которое было оказано незерфилдцами ее старшей дочери. Мистер Бингли танцевал с ней дважды, и она была любезно принята его сестрами. Джейн радовалась этому не меньше матери, хотя и не выражала столь явно своего восторга. Элизабет радовалась за Джейн.-Мэри слышала, как

кто-то в разговоре с мисс Бингли назвал ее самой образованной барышней в округе; Кэтрин и Лидии посчастливилось ни разу не оставаться в танцах без кавалеров — большого от бала они пока не научились желать. Таким образом, все вернулись в Лонгборн¹⁰ — селение, в котором они жили и где семейство Беннет занимало самое видное положение, — в превосходнейшем расположении духа. Когда они приехали, мистер Беннет еще не спал. За книгой он обычно не замечал времени; на этот же раз ему было весьма любопытно узнать, как прошел вечер, от которого столь многого ожидали члены его семейства. Он был почти уверен, что замыслы его жены в отношении их нового знакомого не увенчаются успехом. Однако вскоре он обнаружил, что ему предстоит выслушать рассказ совсем в другом роде.

— О, дорогой мистер Беннет, — входя в комнату, воскликнула его жена, — какой вечер мы провели! Бал был великолепен! Хотелось бы, чтобы вы были с нами. Джейн пользовалась необыкновенным успехом. Все только и говорили о том, какая она красавица. Мистер Бингли сказал, что она очаровательна и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте об этом, мой друг, — целых два раза! И она была единственной, кого он пригласил на второй танец. Сначала он пригласил мисс Лукас. Меня всю покорило, когда я увидела его с ней в паре. Но она ему ничуть не понравилась. Да и кому она может понравиться, вы сами знаете! Зато когда стала танцевать Джейн, он как будто весь загорелся. Разузнал, кто она такая, попросил, чтобы его ей представили и тут же

пригласил ее на второй танец. В третьем танце его парой была мисс Кинг, в четвертом — Мерайя Лукас, в пятом еще раз Джейн, в шестом — Лиззи; буланже он танцевал...¹¹

— Будь у него ко мне хоть капля жалости, — нетерпеливо перебил ее муж, — он бы танцевал вдвое меньше. Ради бога, не перечисляйте больше его дам. Что стоило ему подвернуть себе ногу во время первого танца!

— Ах, дорогой мой, я от него в совершенном восторге! — продолжала миссис Беннет. — Он так необыкновенно хорош собой! А его сестры — просто очаровательны! Я в жизни никогда не видывала более эlegantных нарядов! Думаю, что кружево на платье миссис Хёрст...

Здесь ее речь была снова прервана, так как мистер Беннет не пожелал выслушать описания туалетов. Поэтому ей пришлось переменить тему и она с негодованием рассказала в преувеличенном виде про неслыханную дерзость мистера Дарси.

— Могу вас все же заверить, — заключила она, — Лиззи немного потеряла от того, что пришлось ему не по вкусу! Этому неприятному и противному человеку и нравиться даже не стоит. Такой важный и надутый, недаром его там все не взлюбили. Разгуливает туда, разгуливает сюда, воображая о себе бог весть что! Недостаточно хороша, чтобы с ним танцевать!.. Хотела бы я, чтобы вы были там и осадили его как следует. Прямо терпеть не могу этого человека!..

Глава IV

Когда Джейн и Элизабет остались одни, Джейн, которая до того отзывалась о мистере Бингли весьма сдержанно, призналась сестре, насколько он ей понравился.

— Он именно такой, каким должен быть молодой человек, — сказала она, — разумный, добродушный, веселый. И я никогда еще не видела подобных прекрасных манер — столько свободы и вместе с тем так чувствуется хорошее воспитание!

— А кроме того, он недурен собой, — добавила Элизабет, — что также требуется от молодого человека, если только это возможно. Благодаря этому облик его можно считать вполне совершенным.

— Я была так польщена, когда он пригласил меня танцевать во второй раз. Признаюсь, я этого совершенно не ожидала.

— Не ожидала? А я зато ожидала этого вместо тебя. Знаки внимания каждый раз застигают тебя врасплох, а меня — никогда. В этом — одно из важных различий между нами. Ну что могло быть естественнее того, что он во второй раз пригласил тебя танцевать? Разве он не видел, что ты — самая красивая девушка в зале? Что ж тут говорить о его галантности? Впрочем, он в самом деле славный молодой человек и пусть уж он тебе нравится. Тебе не раз нравился кое-кто и похуже.

— Лиззи, дорогая!

— Ты сама знаешь, что слишком склонна расхваливать кого угодно, не замечая ни в ком ни малейшего изъяна. Все тебе кажутся милыми и

прекрасными. Ну разве хоть раз в жизни ты отзывалась о ком-нибудь неодобрительно?

— Я никого не хотела бы поспешно осудить. Но ведь я говорю всегда то, что думаю.

— Мне это известно. И именно этому я больше всего и удивляюсь. Как ты, с твоим здравым смыслом, способна совсем не замечать слабостей и глупости окружающих? Наигранное прекраснодушие встречается достаточно часто, чуть ли не на каждом шагу. Но искренно, без всякой аффектации и притворства видеть в каждом человеке лишь хорошие качества, к тому же их преувеличивая, и не замечать ничего плохого — на это способна ты одна. Значит, тебе так же понравились и его сестры? А ведь своими манерами они сильно отличаются от мистера Бингли.

— Разумеется, если судить по первому впечатлению. Но достаточно с ними немного поговорить, чтобы почувствовать, какие это приятные женщины. Мисс Бингли собирается жить со своим братом и вести его хозяйство. Мне кажется, я не ошибусь, предсказывая, что мы найдем в ней необыкновенно милую соседку.

Элизабет выслушала ее молча, но в душе с ней не согласилась. Поведение сестер мистера Бингли на балу отнюдь не было рассчитано на всеобщее одобрение. Обладая бóльшей, чем Джейн, наблюдательностью и меньшим мягкосердечием и не связанная собственным чувством, Элизабет не могла ими восторгаться. Мисс Бингли и ее сестра, миссис Хёрст, были в самом деле дамами весьма изысканными. Они не были лишены остроумия, когда находились в хорошем расположении

духа, умели понравиться, когда это входило в их намерения, однако в то же время были горды и высокомерны. Обе они были довольно красивы, получили образование в одном из лучших лондонских частных пансионатов, владели двадцатью тысячами фунтов и тратили денег больше, чем имели в своем распоряжении, привыкли вращаться в светском обществе и потому считали себя вправе придерживаться весьма высокого мнения о собственных персоне и довольно низкого — о людях, их окружающих. Родились они в почтенной семье, происходившей из северной Англии, — обстоятельство, запечатлевшееся в их памяти более глубоко, чем то, что своим богатством они были обязаны торговле.

Отец мистера Бингли оставил сыну около ста тысяч фунтов. При жизни он собирался приобрести имение, но так и не осуществил своей мечты. Сам мистер Бингли тоже питал в душе такое намерение и даже как-то ездил с этой целью в родное графство. Но после того, как он обзавелся хорошим домом с принадлежавшими ему охотничьими угодьями¹², для многих, знавших его беспечный характер, казалось вполне вероятным, что он проведет всю свою жизнь в Незерфилде, отложив основание родового поместья Бингли до следующего поколения.

Его сестрам очень хотелось, чтобы он стал землевладельцем. Но хотя пока что он оставался арендатором, мисс Бингли ни в коей мере не отказывалась играть роль хозяйки за его столом. Миссис Хёрст, которая вышла замуж за человека более родовитого, чем богатого, тоже ничего не

имела против того, чтобы считать его дом своим, когда ей это представлялось удобным. Про Незерфилд Парк Бингли узнал благодаря случайной рекомендации через два года после своего совершеннолетия. Он обошел дом за полчаса, остался доволен его местоположением и внутренним устройством, а также изложенными хозяином преимуществами имения и тут же его арендовал.

Несмотря на противоположность характеров, он был связан с Дарси теснейшей дружбой. Дарси ценил Бингли за его легкую, открытую и податливую натуру, хотя эти качества резко противоречили его собственному нраву, которым сам он отнюдь не был недоволен. Бингли вполне полагался на дружбу Дарси, весьма доверяя его суждениям. Сообразительностью Дарси превосходил его. Хотя Бингли вовсе не был недалеким человеком, но Дарси был по-настоящему умен. В то же время Дарси был горд, замкнут и ему было трудно угодить. Его манеры, хотя и свидетельствовали о хорошем воспитании, не слишком располагали к себе окружающих. В этом отношении его друг имел перед ним значительное преимущество. Где бы ни появлялся Бингли, он всюду вызывал к себе дружеские чувства. Дарси же постоянно всех задевал.

Отношение каждого к меритонскому балу было достаточно характерным. Бингли в жизни своей еще не встречал столь милого общества и таких очаровательных женщин; все были к нему добры и внимательны, он не ощущал никакой натянутости и вскоре близко сошелся со всеми, кто находился в зале. Что же касается мисс Беннет,

он не мог себе представить более прелестного ангела. Дарси, напротив, видел вокруг себя толпу людей довольно безобразных и совершенно безвкусных, к которым он не испытывал ни малейшего интереса и со стороны которых не замечал ни внимания, ни расположения. Он признавал, что мисс Беннет недурна собой, но находил, что она чересчур много улыбается.

Миссис Хёрст и ее сестра готовы были согласиться с такой характеристикой мисс Беннет, но все же Джейн им понравилась и они объявили, что она миленькая девочка и что они ничего не имеют против того, чтобы поддерживать с ней знакомство. Мисс Беннет так и осталась миленькой девочкой и в соответствии с этим мистеру Бингли было дозволено относиться к ней так, как ему заблагорассудится.

Глава V

Неподалеку от Лонгборна жила семья, с которой Беннеты поддерживали особенно близкие отношения. Сэр Уильям Лукас ранее занимался торговлей в Меритоне¹³, где приобрел некоторое состояние, а также титул баронета¹⁴, пожалованный ему в бытность его мэром, благодаря специальному обращению к королю. Последнее отличие подействовало на него, пожалуй, слишком сильно. Оно породило в нем неприязнь к прежнему образу жизни и занятиям в небольшом торговом городке. Расставшись с тем и другим, он перебрался со своей семьей в дом, располо-

женный в одной миле от Меритона, который с той поры стал именоваться «Лукас Лодж»¹⁵. Здесь сэр Уильям, не будучи обременен никакими делами, мог с удовольствием предаваться размышлениям о собственной значительности и проявлять предупредительность по отношению ко всему свету. В самом деле, хотя полученное звание и возвеличило его в собственном мнении, оно все же не сделало его высокомерным. Напротив, сэр Уильям был воплощением любезности и внимательности к каждому встречному, так как представление ко двору в Сент-Джеймсе¹⁶ сделало этого, по природе безобидного и дружелюбного человека, еще и обходительным.

Леди Лукас была добродушной женщиной, в меру недалекой, чтобы стать подходящей соседкой для миссис Беннет. У нее было несколько детей. Старшая дочь, смышленная и начитанная девушка лет двадцати семи, была близкой подругой Элизабет.

Барышни Лукас и барышни Беннет неизбежно должны были встретиться, чтобы поговорить о бале. И на следующее утро первые оказались в Лонгборне, готовые слушать и рассказывать.

— Для вас, Шарлот, вечер начался неплохо,— обратилась миссис Беннет к мисс Лукас.— Ведь первый танец мистер Бингли танцевал с вами.

— Да, но он был больше доволен своей дамой во втором танце.

— Ах, вы это говорите, потому что он пригласил Джейн еще раз? Что ж, он и впрямь вел себя так, как будто очень ею увлекся, я в этом уверена.

Я даже кое-что слышала по этому поводу — не помню только подробностей — что-то в связи с мистером Робинсоном.

— Быть может, вы имеете в виду его разговор с мистером Робинсоном, который я случайно подслушала? Разве я вам его не передала? Когда мистер Робинсон расспрашивал его — нравится ли ему наше общество, не находит ли он, что в зале много хорошеньких женщин, и которая из них кажется ему самой красивой, он сразу ответил на последний вопрос: — «О, разумеется, старшая мисс Беннет! Тут даже не может быть двух мнений!»

— Честное слово, это сказано довольно решительно. Можно подумать, что... Но вы знаете — ведь все может кончиться ничем.

— Не правда ли, я была более удачливой шпионкой, чем ты, Элайза? — сказала Шарлот.— Мистер Дарси, кажется, говорит менее приятные вещи, чем его друг? Бедная Элайза! Ты, оказывается, всего-навсего «как будто мила»!

— Надеюсь, вы не станете вбивать Лиззи в голову, что она должна быть огорчена его словами. Это такой несносный человек, что понравиться ему было бы просто несчастьем. Миссис Лонг сказала мне вчера, что он просидел с ней полчаса кряду и за все время ни разу не раскрыл рта.

— Уверены ли вы в этом, сударыня? — спросила Джейн.— Нет ли тут какого-то недоразумения? Я ведь хорошо видела, как мистер Дарси с ней разговаривал.

— Какие пустяки! Она его спросила в конце концов — понравился ли ему Незерфилд. Вот

ему и пришлось что-то ответить. Но, по ее словам, Дарси за этот вопрос очень на нее рассердился.

— Мне рассказала мисс Бингли,— заметила Джейн,— что он терпеть не может подолгу разговаривать с посторонними. Зато с близкими друзьями он держится необыкновенно приветливо.

— Вот уж не поверю ни единому слову, дорогая. Если бы он умел быть приветливым, он разговаривал бы с миссис Лонг. Мне-то вполне ясно, в чем тут дело: все говорят, что он прямо лопается от гордости, а тут он каким-то образом узнал, что у миссис Лонг нет своего экипажа и что на бал она прикатила в наемной карете.

— Меня не так огорчает, что Дарси не беседовал с миссис Лонг,— сказала Шарлот.— Мне только жаль, что он отказался танцевать с Элайзой.

— На твоём месте, Лиззи,— сказала мать,— в следующий раз я бы сама отказалась принять его приглашение.

— Думаю, сударыня, что я могу спокойно обещать вам никогда с ним не танцевать.

— Признаюсь,— сказала мисс Лукас,— гордость мистера Дарси задевает меня не так сильно, как чья-либо другая. У него для гордости достаточные основания. Приходится ли удивляться тому, что столь прекрасный молодой человек, знатный и богатый, придерживается такого высокого мнения о своей особе? Если можно так выразиться, он имеет право быть гордым.

— Все это верно,— ответила Элизабет.— И я бы охотно простила ему его гордость, если бы он не задел мою собственную.

— Гордость,— вмешалась Мэри, всегда стремившаяся к основательности суждений,— представляется мне весьма распространенным недостатком. Из прочитанного мною следует в самом деле, что человеческая природа ей очень подвержена. Среди нас весьма немногие не лелеют в своей душе чувства самодовольства, связанного с той или иной, действительной или мнимой, чертой характера, которая выделяла бы их среди окружающих. Гордость и тщеславие — разные вещи, хотя этими словами часто пользуются как синонимами. Человек может быть гордым, не будучи тщеславным. Гордость скорее связана с нашим собственным о себе мнением, тщеславие же — с мнением других людей, которое нам бы хотелось, чтобы они составили о нас.

— Если бы я был так же богат, как мистер Дарси,— воскликнул юный Лукас, который приехал в Лонгборн вместе с сестрами,— я бы не стал особенно важничать, а завел бы себе свору борзых да откупоривал бы каждый день по бутылочке винца!

— Ты бы при этом выпивал гораздо больше вина, чем следует,— возразила миссис Беннет.— И если бы ты попробовал это сделать при мне, я отобрала бы у тебя бутылку.

Мальчик стал с ней спорить, утверждая, что она не осмелилась бы этого сделать, но она продолжала настаивать на своем и спор прекратился только с отъездом гостей.

Глава VI

Лонгборнские леди вскоре навестили незерфилдских дам. Визит был должным образом возвращен. Приятные манеры старшей мисс Беннет расположили в ее пользу миссис Хёрст и мисс Бингли. И хотя мамаша была признана невыносимой, а о младших дочках не стоило и говорить, двум старшим было дано понять, что с ними желали бы поддерживать более близкое знакомство. Такое внимание очень обрадовало Джейн. Но Элизабет, все еще чувствовавшая их высокомерное отношение ко всему местному обществу, в том числе, пожалуй, даже к ее сестре, приняла его довольно холодно, считая, что некоторая доброжелательность миссис Хёрст и мисс Бингли к Джейн, по всей вероятности, проистекает из склонности к ней мистера Бингли. В самом деле, эта склонность бросалась в глаза всякому, кто видел их вместе. Для Элизабет было также очевидно, что увлечение Джейн мистером Бингли, возникшее с самого начала их знакомства, становится все более сильным и что в скором времени она будет по уши в него влюблена. Элизабет, однако, с удовлетворением замечала, что эта влюбленность станет известна посторонним не скоро, так как большую силу чувства Джейн сочетала с таким самообладанием и приветливостью, которые должны были защитить ее от подозрений слишком любопытных знакомых. Она рассказала об этих наблюдениях своей подруге мисс Лукас.

— Быть может это неплохо, — сказала Шар-

лот,— настолько владеть собой, чтобы не выдавать в подобных случаях своих чувств. Однако в этой способности может таиться и некоторая опасность. Если женщина скрывает увлечение и от своего избранника, она рискует лишиться возможности удержать его за собой. И тогда слабым утешением будет для нее сознание, что мир остался в таком же неведении. Почти всякая привязанность в такой степени держится на благодарности или тщеславии, что пренебрегать ими вовсе небезопасно. Слегка увлечься все мы готовы совершенно бескорыстно — небольшая склонность вполне естественна. Но мало найдется людей столь великодушных, которые будут любить вас без всякого поощрения. В девяти случаях из десяти женщине лучше казаться влюбленной сильнее, чем это есть на самом деле. Бингли несомненно нравится твоя сестра. И тем не менее на этом все может остановиться, если она не поможет ему двинуться дальше.

— Но она помогает ему настолько, насколько допускает ее характер. Неужели он так недалек, чтобы не заметить склонности, которая даже мне кажется очевидной.

— Не забывай, Элайза, что характер Джейн известен ему не так хорошо, как тебе.

— Но если женщина равнодушна к мужчине и не пытается подавить в себе это чувство, должен он это заметить?

— Возможно,— если только он проводит с ней достаточно много времени. Но хотя Бингли и Джейн видятся довольно часто, они никогда не остаются наедине подолгу. А встречаясь в обще-

стве, они, конечно, не могут все время разговаривать только друг с другом. Поэтому Джейн должна была бы использовать как можно лучше каждый час, в течение которого она располагает его вниманием. Когда сердце его будет завоевано, у нее останется сколько угодно времени для того, чтобы влюбиться в него самой.

— Неплохой план,— ответила Элизабет,— для тех, кто ищет, как бы только получше выйти замуж. И если бы я задумала заполучить богатого мужа или мужа вообще, я бы наверно им воспользовалась. Но чувства Джейн — совершенно иного рода. У нее нет никаких планов. До сих пор она еще даже не уверена ни в силе собственного чувства, ни в том, насколько оно разумно. С тех пор, как они познакомились, прошло всего две недели. Она протанцевала с ним два танца в Меритоне, затем видела его в течение одного утра в Незерфилде. После этого они еще четыре раза обедали вместе в большой компании. Этого еще недостаточно, чтобы она могла изучить его характер.

— Конечно, нет, если смотреть на все так, как ты смотришь. Если бы она только обедала с ним, она могла бы лишь узнать его любимые блюда. Но ты забываешь, что они провели при этом вместе четыре вечера. А четыре вечера могут значить очень многое.

— Да, эти четыре вечера позволили им установить, что оба они игру в «Двадцать одно» предпочитают игре в покер. Боюсь, однако, что другие не менее важные черты характера успели им раскрыться гораздо меньше.

— Что ж,— сказала Шарлот,— желаю Джейн успеха от всего сердца. И будь они обвенчаны завтра, я бы считала, что она может так же рассчитывать на счастливую жизнь, как если бы она изучала характер своего будущего мужа хоть целый год. Удача в браке полностью зависит от игры случая. Как бы хорошо ни были известны сторонам обоюдные склонности и как бы хорошо они, на первый взгляд, между собой ни сочетались,— все это никак не скажется на будущем счастье супругов. Со временем между ними возникнет неминуемый разлад, и им выпадут все полагающиеся на их долю огорчения. И не лучше ли в таком случае как можно меньше знать недостатки человека, с которым придется провести жизнь?

— Тебе хочется меня позабавить, Шарлот. Но все эти рассуждения — чистейший вздор. Ты понимаешь это сама. И ты ни за что не руководствовалась бы ими в собственной жизни.

Приглядываясь к отношениям между мистером Бингли и Джейн, Элизабет была далека от мысли о том, что с некоторых пор она сама стала предметом пристального наблюдения со стороны его приятеля. Мистер Дарси вначале едва допускал, что она недурна собой. Он совершенно равнодушно смотрел на нее на балу. И когда они встретились в следующий раз, он видел в ней одни недостатки. Но лишь только он вполне доказал себе и своим друзьям, что в ее лице нет ни одной правильной черты, как вдруг стал замечать, что оно кажется необыкновенно одухотворенным благодаря прекрасному выражению

темных глаз. За этим открытием последовали и другие, не менее рискованные. Несмотря на то, что своим придирчивым оком он обнаружил не одно отклонение от идеала в ее наружности, он все же был вынужден признать ее необыкновенно привлекательной. И хотя он утверждал, что поведение Элизабет отличается от принятого в светском обществе, оно подкупало его своей живой непосредственностью. Элизабет ничего об этом не знала. Для нее мистер Дарси по-прежнему был только человеком, который всем был не по душе и который считал ее не настолько красивой, чтобы он мог с ней танцевать.

У Дарси появилось желание познакомиться с ней поближе, и для того, чтобы найти повод для разговора с Элизабет, он стал прислушиваться к ее разговорам с другими людьми. Эти маневры обратили на себя ее внимание. Произошло это в гостях у сэра Уильяма Лукаса, у которого собралось в этот день большое общество.

— Зачем мистеру Дарси понадобилось подслушивать мой разговор с полковником Форстером? — спросила она у Шарлот.

— На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

— Если он позволит себе это еще раз, я непременно дам ему понять, что замечаю его уловки. У него очень насмешливые глаза, и если я сама не буду с ним достаточно дерзкой, скоро я стану его побаиваться.

Как раз в этот момент мистер Дарси приблизился к ним, не обнаруживая, впрочем, желаний вступить в разговор, и мисс Лукас стала подза-

доривать подругу, чтобы она намекнула ему о своем намерении. Вызов подействовал, и Элизабет, мгновенно к нему обернувшись, сказала:

— Не показалось ли вам, мистер Дарси, что, уговаривая полковника Форстера дать бал в Меритоне, я сейчас говорила достаточно убедительно?

— Вы говорили с большим жаром. Впрочем, какая леди не воспламенится от подобной темы!

— О, вы к нам слишком суровы.

— Ну, а теперь пришло время уговорить и тебя,— сказала мисс Лукас.— Я открываю инструмент, Элайза, и ты знаешь, что за этим должно последовать.

— Какая-то странная ты подруга, Шарлот, вечно стараешься заставить меня играть и петь перед кем угодно. Если бы мне вздумалось прослыть выдающейся музыкантшей, ты была бы просто незаменима. Но так как к этому я не стремлюсь, право же, я поступлю лучше, если не стану утруждать слух тех, кто привык слушать в самом деле хороших исполнителей.

Однако когда мисс Лукас стала настаивать, она сказала:

— Ну что ж, чему быть — того не миновать! — И, хмуро глядя на мистера Дарси, добавила: — В наших краях помнят еще старую поговорку: «Умей вовремя сказать, вовремя смолчать». Видно уж лучше мне смириться, да тем и закончить дело.

Пела она приятно, хоть и не особенно мастерски. После одной или двух песенок, еще до того, как она смогла что-то ответить слушателям, про-

сившим о повторении, ее оттеснила от фортепиано сестра Мэри — единственная в семье дурнушка, которая усиленно занималась самоусовершенствованием и всегда была рада себя показать.

У Мэри не было ни таланта, ни вкуса. И хотя тщеславие сделало ее трудолюбивой, оно в то же время внушило ей такие педантично самодовольные манеры, которые повредили бы и более мастерскому исполнению. Простое и безыскусное пение Элизабет, хотя и менее совершенное, понравилось публике больше. Поэтому после затянувшегося концерта Мэри была рада заслужить аплодисменты, играя шотландские и ирландские песенки по просьбе младших сестер — вместе с сестрами Лукас и двумя или тремя офицерами они затеяли в другом конце комнаты танцы.

Мистер Дарси находился неподалеку от них, негодуя по поводу способа препровождения времени, который исключал возможность разумной беседы. Он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить подошедшего к нему сэра Уильяма Лукаса, пока последний не обратился к нему со словами:

— Не правда ли, какое это очаровательное развлечение для молодежи, мистер Дарси! В самом деле, может ли быть что-нибудь пленительнее танцев? Я нахожу, что танцы — одно из высших достижений цивилизованного общества.

— Совершенно верно, сэр. И в то же время они весьма распространены в обществе, не тронутым цивилизацией. Плясать может каждый дикарь.

Сэр Уильям улыбнулся.

— Ваш друг танцует просто превосходно,— продолжал он после некоторой паузы, увидев, что к танцующим присоединился мистер Бингли.— Не сомневаюсь, что и вы, мистер Дарси, могли бы поразить нас своим искусством.

— Вы, вероятно, видели, сэр, как я танцевал в Меритоне.

— Вы угадали,— и получил при этом немалое удовольствие! Вам часто приходится танцевать в Сент-Джеймсе?

— Никогда, сэр.

— Разве вы не находите это подходящим способом выразить свое внимание королевской семье?

— Я ни одной семье не выражаю своего внимания подобным способом, если могу этого избежать.

— У вас, должно быть, есть в столице собственный дом?

Мистер Дарси кивнул.

— Одно время я тоже подумывал о том, чтобы переселиться в Лондон — я так люблю хорошее общество. Но, признаться, я побаиваюсь, как бы лондонский воздух не оказался вреден леди Лукас.

Он замолчал, дожидаясь ответа. Его собеседник, однако, не был расположен продолжать разговор. В эту минуту к ним приблизилась Элизабет, и сэру Уильяму пришла в голову мысль проявить галантность.

— Как, дорогая мисс Элайза, вы не танцуете? Мистер Дарси, я буду крайне польщен, если

по моему совету вы пригласите танцевать эту очаровательную юную леди. Не правда ли, вы не сможете отказаться танцевать, когда перед вами находится само олицетворение красоты? — И, схватив руку Элизабет, он хотел было уже соединить ее с рукой мистера Дарси, который, испытывая немалое изумление, был отнюдь не прочь этим воспользоваться. Совершенно неожиданно Элизабет отпрянула назад и, с неудовольствием обратившись к сэру Уильяму, воскликнула:

— Уверю вас, сэр, я совершенно не предполагала принять участие в танцах. Право, я была бы очень огорчена, если вы подумали, что я подошла к вам, желая найти себе кавалера.

Мистер Дарси учтиво и серьезно стал просить Элизабет оказать ему честь, приняв его приглашение; но тщетно — она твердо стояла на своем и делу также не помогла попытка уговорить ее, предпринятая сэром Уильямом.

— Вы превосходно танцуете, мисс Элайза, и с вашей стороны просто жестоко лишить меня такого приятнейшего зрелища. И хотя этот джентльмен — небольшой любитель танцев, но у него, конечно, не может быть возражений против того, чтобы так легко оказать нам столь большую услугу.

— Мистер Дарси — сама любезность, — улыбаясь, сказала Элизабет.

— Разумеется, это так. Но, принимая во внимание его побуждения, дорогая мисс Элайза, этому нельзя удивляться. Кто не был бы счастлив танцевать в паре с такой дамой?

Элизабет отошла от них с лукавой усмешкой. Ее отказ не повредил ей в глазах мистера Дарси, и он вспоминал о ней вполне благожелательно, когда к нему обратилась мисс Бингли:

— Хотите, я угадаю, о чем вы задумались?

— Надеюсь, что вам это не удастся.

— Вы думаете о том, как невыносимо будет проводить таким образом много вечеров, один за другим, — в подобном обществе. И, знаете, я совершенно с вами согласна. В жизни еще не испытывала такой скуки! Лезут из кожи вон, чтобы себя показать! Сколько ничтожества и вместе с тем самодовольства в этих людях! Чего бы я не дала, чтобы услышать, как вы над ними потешаетесь.

— На этот раз вы не угадали, поверьте. Я размышлял о гораздо более приятных вещах: ну, скажем, об очаровании, заключающемся в красивых глазах на лице хорошенькой женщины.

Мисс Бингли уставилась на него, требуя чтобы он открыл ей, что за леди удостоилась чести навести его на подобные мысли. Ничуть не смутившись, мистер Дарси ответил:

— Мисс Элизабет Беннет.

— Мисс Элизабет Беннет! — повторила мисс Бингли. — Признаюсь, я поражена до глубины души! Давно ли она пользуется такой благосклонностью? И скоро ли разрешите пожелать вам счастья?

— Именно тот вопрос, которого я от вас ожидал. Какой стремительностью обладает женское воображение! Оно перескакивает от простого одобрения к любви и от любви к браку в один миг.

Я так и знал, что вы мне пожелаете счастья.

— Что ж, если вы говорите серьезно, я это буду считать вполне решенным. У вас будет очаровательная теща, которая, конечно, постоянно будет жить с вами в Пемберли.

Мистер Дарси слушал с совершенным безразличием, как она развлекалась подобным образом. И поскольку его спокойствие убедило ее, что на самом деле тревожиться не из-за чего, она еще долго продолжала изощряться в подобного рода остроумии.

Глава VII

Почти вся собственность мистера Беннета заключалась в имении, приносившем две тысячи фунтов годового дохода. К несчастью его дочерей, это имение наследовалось по мужской линии¹⁷ и, так как в семье не было ребенка мужского пола, переходило после смерти мистера Беннета к дальнему родственнику. Средства миссис Беннет, достаточные при ее теперешнем положении, ни в коей мере не могли восполнить возможную утрату имения в будущем. Отец ее, который при жизни был стряпчим¹⁸ в Меритоне, оставил ей всего четыре тысячи фунтов.

Ее сестра вышла замуж за мистера Филиппа — бывшего клерка отца, который унаследовал его контору. Брат миссис Беннет жил в Лондоне, где он был занят в солидном торговом деле.

Селение Лонгборн находилось всего в одной миле от Меритона — расстоянии, весьма удобном для девиц Беннет, которые обычно устремлялись

туда по три-четыре раза в неделю с тем, чтобы оказать знаки внимания тетушке, а заодно и расположенной по пути модной лавке. Особенно часто подобные вылазки совершались двумя младшими дочерьми, Кэтрин и Лидией. Наиболее легкомысленные из сестер, они, за неимением лучшего, непременно должны были навеститься в Меритон, чтобы развлечься после завтрака и запастьсь новостями для болтовни перед сном. И как бы округа ни была бедна происшествиями, у тетушки им всегда удавалось разузнать что-нибудь стоящее внимания. В настоящее время они не испытывали недостатка в новостях и удовольствиях благодаря расположившемуся на зиму в окрестностях Меритона милицейскому полку¹⁹, офицеры которого были расквартированы в городке.

Теперь при посещении миссис Филипс выяснялось множество самых любопытных подробностей. Каждый день приносил новые сведения об именах офицеров и отношениях между ними. Квартиры офицеров недолго оставались неизвестными, и вскоре стали завязываться знакомства с их обитателями. Мистер Филипс навел на каждого из офицеров и тем самым открыл для своих племянниц новый источник блаженства, несравнимого с прежними радостями жизни. Они не могли разговаривать ни о чем, кроме офицеров. И даже богатство мистера Бингли, всякое упоминание о котором так волновало их мать, не стоило в их глазах ни гроша по сравнению с мундиром прапорщика.

Однажды, наслушавшись подобной болтовни, мистер Беннет, как бы между прочим, заметил:

— Я понял из ваших рассуждений, что вы можете считаться двумя самыми глупыми девчонками в королевстве. Подобная мысль приходила мне в голову и раньше. Но теперь я в этом окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и замолчала, но Лидия, не обратив на его слова никакого внимания, продолжала рассказывать про то, как она восхищена капитаном Картером и как ей хочется еще раз с ним повидаться, прежде чем он завтра уедет в Лондон.

— Меня удивляет, мой дорогой, — сказала миссис Беннет, — с каким пренебрежением судите вы о способностях ваших детей. Если бы я и усомнилась в чьих-либо детях, то уж, во всяком случае, не в своих.

— Если мои дети глупы, мне хотелось бы, по крайней мере, не питать в этом отношении никаких иллюзий.

— К счастью, они необыкновенно умны!

— Надеюсь, что расхожусь с вами только в этом вопросе. Мне было бы приятно, если бы наши взгляды полностью совпадали. Но пока я, увы, нахожу, что две наших младших дочки — препорядочные дуры.

— Дорогой мистер Беннет, нельзя же требовать от молоденьких девочек, чтобы они были так же умны, как их отец и мать. В нашем возрасте они, наверно, будут думать об офицерах не больше, чем мы с вами. Я припоминаю то время, когда мне самой очень нравились красные мундиры²⁰ и, признаюсь, в глубине души я и теперь к ним равнодушна. И если бы какой-нибудь обаятельный молодой полковник с шестью тысячами в год

попросил руки моей дочери, уверяю вас, я не смогла бы ему отказать. Позавчера вечером у сэра Уильяма мне очень понравился полковник Форстер в своей парадной форме.

— Ах, мама! — воскликнула Лидия. — Тетя говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не так часто бывают у мисс Уотсон. Теперь она их чаще видит в библиотеке Кларка.

Ответу миссис Беннет помешало появление посыльного с письмом для ее старшей дочери. Письмо прибыло из Незерфилда, и слуга, который его принес, ждал ответа. Глаза миссис Беннет заблестели от радости, и, пока Джейн читала письмо, она забросала дочь нетерпеливыми вопросами и восклицаниями.

— Ну, Джейн, от кого оно? Что в нем говорится? Что он тебе там написал? Скорее, скорее, Джейн! Говори же, милочка!

— Оно от мисс Бингли, — сказала Джейн и прочла вслух:

«Моя дорогая,

Если вы не согласитесь сегодня из жалости к нам пообедать вместе со мной и Луизой, мы можем возненавидеть друг друга на веки веков, так как пребывание двух женщин tête-à-tête * в течение целого дня никогда не обходится без ссоры. Приезжайте как можно скорее. Мой брат и его друзья обедают с офицерами.

Вечно ваша

Кэролайн Бингли».

---

* Наедине (франц.).

— С офицерами! — воскликнула Лидия. — Как же тетя об этом ничего не сказала?

— Обедают в гостях? — сказала миссис Беннет. — Какая досада!

— Можно мне воспользоваться коляской? — спросила Джейн.

— Нет, дорогая, поезжай лучше верхом. Собирается дождь, и тебе придется там переночевать.

— Неплохо придумано, — сказала Элизабет, — если только вы уверены, что они не захотят отвезти ее домой.

— Но ведь карета мистера Бингли будет с мужчинами в Меритоне. А у Хёрстов вовсе нет лошадей.

— Мне бы все-таки больше хотелось поехать в коляске.

— Милочка, я уверена, что папа не сможет дать лошадей. Они ведь нужны для работы на ферме, не правда ли, мистер Беннет?

— Лошади нужны для работы на ферме гораздо чаще, чем их удается для этого получить!

— Если вы их используете там сегодня, мама будет довольна, — сказала Элизабет.

В конце концов от отца добились подтверждения того, что лошади заняты. Джейн должна была поэтому ехать верхом, и мать проводила ее до дверей, радостно предсказывая ухудшение погоды. Надежды эти вполне оправдались: не успела Джейн уехать, как начался проливной дождь, который привел в беспокойство ее сестер и чрезвычайно обрадовал мать. Дождь продолжался весь вечер без перерыва, так что о возвращении Джейн не могло быть и речи.

— Как удачно я все придумала! — не раз восклицала миссис Беннет, как будто она не только предсказала, но сама вызвала ухудшение погоды. Однако только на следующее утро она смогла полностью оценить все великолепие своего замысла. Завтрак подходил к концу, когда из Незерфилда прибыл слуга со следующей запиской, адресованной Элизабет:

«Дорогая Лиззи,

Сегодня утром я очень плохо себя почувствовала — должно быть оттого, что вчера основательно промокла. Наши добрые друзья и слышать не хотят о моем возвращении, пока я хоть немного не поправлюсь. Они настаивают также на том, чтобы меня осмотрел мистер Джонс — поэтому не тревожьтесь, если услышите, что он меня навестил. У меня всего только головная боль и небольшое воспаление в горле.

Твоя и т. д.»

— Что ж, моя дорогая, — обратился к жене мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, — если ваша дочь серьезно заболеет и, быть может, умрет, — как приятно будет сознавать, что произошло это в погоне за мистером Бингли, осуществленной по вашим указаниям.

— Я вовсе не опасаюсь за ее жизнь. Люди не умирают от каких-то простуд. За ней будут хорошо ухаживать, и пока она там, ничего плохого случиться не может. Если бы можно было взять экипаж, я бы охотно ее навестила.

По-настоящему встревоженная Элизабет решила проведать сестру. И так как экипажа не было, а ездить верхом она не умела, ей ничего не оставалось, как отправиться в Незерфилд пешком. Она объявила об этом намерении.

— Ты с ума сошла,— воскликнула мать,— идти пешком по такой грязи! Да на тебя смотреть нельзя будет, когда ты туда придешь.

— Но я зато смогу присмотреть за Джейн, а это все, что мне нужно.

— Может быть, Лиззи, все же послать за лошадьми?— спросил отец.

— Нет, право, не нужно. Я даже буду рада пройти пешком. Расстояния не замечаешь, если перед тобой определенная цель. Да и всего-то тут каких-нибудь три мили. К обеду я буду дома.

— Я восхищена твоей готовностью помогать ближнему,— сказала Мэри.— Но каждый душевный порыв следует поверять разумом. Мне думается, что во всяком деле нужно прилагать силу, соразмерную необходимому действию.

— Хочешь, дойдем вместе до Меритона?— предложили Кэтрин и Лидия. Элизабет согласилась, и три девицы вышли из дома одновременно.

— Если мы поспешим,— говорила по дороге Лидия,— мы, быть может, успеем повидать капитана Картера перед его отъездом.

В Меритоне они расстались. Младшие сестры отправились к жене одного из офицеров, а Элизабет быстро зашагала вперед, пересекая одно поле за другим, торопливо перебираясь через насыпи и прыгая через лужи, пока не оказалась перед Незерфилдом, усталая, в забрызганных грязью

чулках и с пылающим от напряженной ходьбы лицом.

Ее провели в комнату для завтрака, где собралось все незерфилдское общество за исключением Джейн. Приходу Элизабет все были немало удивлены. Сестрам мистера Бингли казалось просто невероятным, чтобы она смогла пройти в такую рань, при такой погоде да и притом в полном одиночестве целых три мили пешком. И хотя она была принята весьма любезно, Элизабет понимала, что в их глазах поступок ее не заслуживал одобрения. В манерах мистера Бингли, напротив, можно было заметить признаки чего-то большего, чем простая любезность. В них чувствовалось его расположение и признательность. Мистер Дарси был немногословен, а мистер Хёрст — вообще не сказал ничего. Первый размышлял о том, насколько она похорошела, разгоряченная быстрой ходьбой, и в какой мере ее побуждения оправдывали столь дальнюю одинокую прогулку. Мысли второго были целиком сосредоточены на завтраке.

Сведения о состоянии здоровья Джейн были мало утешительными. Мисс Беннет провела тревожную ночь и хотя и встала с постели, но чувствовала себя настолько плохо, что не смогла покинуть свою комнату. По просьбе Элизабет ее немедленно провели к больной. Приход сестры очень обрадовал Джейн, которая не написала, насколько ей хотелось бы ее повидать, только из опасения вызвать чрезмерную тревогу. Однако она почти не могла говорить, и когда мисс Бингли оставила их вдвоем, сумела только выразить благодарность за необычайную доброту, с которой

о ней здесь заботились. Элизабет ухаживала за больной молча.

После завтрака пришли сестры мистера Бингли, и Элизабет почувствовала к ним симпатию, увидев, сколько заботы и внимания оказывают они своей подруге. Приехавший вскоре аптекарь²¹, осмотрев больную, сказал, что, как и предполагалось, заболевание вызвано сильной простудой, потребовал принятия самых энергичных мер, предписал постельный режим и обещал прислать микстуру. Предписание было выполнено немедленно, так как лихорадка и головная боль все время усиливались. Элизабет не покидала сестру ни на минуту. Другие дамы также почти не отлучались — правда, делать им было больше нечего, так как мужчин не было дома.

К трем часам Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться и неохотно об этом сказала. Мисс Бингли предложила ей экипаж, и она уже почти готова была им воспользоваться. Однако Джейн так огорчилась по поводу предстоявшей разлуки, что мисс Бингли поневоле пригласила Элизабет провести еще некоторое время в Незерфилде. Приглашение было принято с искренней благодарностью, и в Лонгборн послали слугу, который должен был предупредить родных и доставить необходимое платье.

Глава VIII

В пять часов дамы ушли переодеваться, и в половине шестого Элизабет позвали к столу. Отвечая на заданные ей вежливые вопросы о здо-

ровье больной, она с удовольствием отметила про себя искреннее беспокойство мистера Бингли.

К сожалению, она не могла сообщить ничего утешительного. Состояние Джейн по-прежнему оставалось весьма тяжелым. Услышав это, сестры мистера Бингли три или четыре раза выразили свое огорчение, порассуждали о том, какая ужасная вещь — простуда и насколько каждая из них не любит болеть, и больше уже не вспоминали о подруге. И Элизабет почувствовала к ним прежнюю неприязнь, убедившись, как мало они думают о Джейн, не видя ее перед собой.

Из всей компании единственным человеком, заслуживавшим ее симпатии, был мистер Бингли. Элизабет сознавала, что остальные смотрят на нее, как на непрошенную гостью, и только Бингли своим искренним беспокойством о Джейн и вниманием к ее сестре несколько смягчил это ощущение. Кроме мистера Бингли ее почти никто не замечал. Внимание мисс Бингли было полностью поглощено мистером Дарси, миссис Хёрст старалась не отставать от сестры, что же касается сидевшего рядом с Элизабет мистера Хёрста — бездушного человека, из тех, что живут на свете лишь для того, чтобы есть, пить и играть в карты, — то после того, как он узнал, что жаркое она предпочитает рагу²², ему уже больше не о чем было с ней говорить.

Сразу же после обеда Элизабет вернулась к Джейн. И, как только она вышла из комнаты, мисс Бингли принялась злословить на ее счет. Ее манеры были признаны вызывающими и самона-

деянными, и было сказано, что она полностью лишена вкуса, красоты, изящества и умения поддерживать беседу. Миссис Хёрст думала то же самое. При этом она добавила:

— Короче говоря, единственным положительным свойством этой особы является способность преодолевать пешком по утрам необыкновенно большие расстояния. Никогда не забуду, в каком виде она появилась сегодня — как будто какая-то дикарка.

— Она такой и была, Луиза. Я едва удерживалась от смеха. Вообще, как глупо, что она пришла. Если ее сестра простудилась, ей-то зачем было бежать такую даль? А что за вид — лицо обветренное, волосы растрепанные!..

— Да, а ее юбка! Надеюсь, вы видели ее юбку — в грязи дюймов на шесть, ручаюсь. Она старалась опустить пониже края плаща, чтобы прикрыть грязные пятна на подоле, но, увы, это не помогало.

— Быть может, все это верно, Луиза, — сказал Бингли, — но я, признаюсь, ничего этого не заметил. Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет прекрасно выглядит, когда она вошла к нам сегодня утром. А грязи на подоле я даже не разглядел.

— Вы-то, надеюсь, ее разглядели, мистер Дарси? — сказала мисс Бингли. — Я полагаю, что вам не захотелось бы встретить в таком виде вашу сестру.

— Вы совершенно правы.

— Пройти пешком три, нет, четыре, да нет, — пять или сколько там миль, чуть ли не по колено

в грязи, к тому же в совершенном одиночестве! О чем она думала? Я в этом вижу худший вид сумасбродства — столь свойственное провинциалам пренебрежение всеми приличиями.

— Это также могло быть проявлением и весьма похвальной привязанности к родной сестре, — сказал мистер Бингли.

— Боюсь, мистер Дарси, — тихонько сказала мисс Бингли, — как бы сегодняшнее приключение не повредило вашему мнению о ее глазках.

— Отнюдь нет, — ответил он. — После прогулки они горели еще ярче.

Наступила короткая пауза, вслед за которой миссис Хёрст начала снова:

— Мне очень нравится Джейн Беннет. Она в самом деле славная девочка. И я от души желаю ей счастливо устроиться в жизни. Но боюсь, что при таких родителях и прочей родне у нее для этого мало шансов.

— Ты, кажется, говорила, что их дядя — стряпчий в Меритоне?

— Как же! А еще один у них живет в Чипсайде²³.

— Какая прелесть! — воскликнула ее сестра, и обе чуть не покатались со смеху.

— Даже если бы их дядюшки заселили весь Чипсайд, — решительно заявил Бингли, — она не стала бы от этого менее привлекательной.

— Да, но это весьма помешало бы ей выйти замуж за человека с некоторым положением в обществе, — заметил Дарси.

Бингли ничего не ответил, но его сестры горячо поддержали Дарси и продолжали еще довольно

долго острить насчет вульгарных родичей их дорогой подруги.

Спустя некоторое время они все же почувствовали новый прилив нежности и опять отправились к ней в комнату, где оставались до тех пор, пока их не позвали пить кофе. Джейн по-прежнему чувствовала себя плохо, и Элизабет не покидала ее до позднего вечера. Несколько успокоенная тем, что больная заснула, она в конце концов ощутила — не желание, а скорее необходимость — вернуться к остальному обществу. Когда она вошла в гостиную, все сидели за картами. Ее тут же пригласили принять участие в игре. Однако боясь, что игра идет на крупные деньги, Элизабет отказалась, сославшись на болезнь сестры и сказав, что непродолжительное время, в течение которого она может побыть внизу, она охотнее проведет за книгой. Мистер Хёрст посмотрел на нее с удивлением.

— Вы предпочитаете чтение картам? — спросил он. — Странно!

— Мисс Элайза Беннет, — сказала мисс Бингли, — презирает карточную игру. Она много читает и не признает других удовольствий.

— Я не заслуживаю ни похвал, ни упреков такого рода, — ответила Элизабет. — Мне нравятся очень многие вещи, и я вовсе не так уж много читаю.

— Я, например, убежден, что вам нравится ухаживать за вашей сестрой, — сказал Бингли. — И я надеюсь, что это удовольствие возрастет еще больше по мере ее выздоровления.

Элизабет поблагодарила его от всего сердца и направилась к столу, где лежало несколько книг.

Бингли предложил показать ей и другие книги, которые хранились в библиотеке.

— Я был бы рад, если бы, к вашей пользе, а моей чести, мог похвалиться более обширной коллекцией. Но я ленив, и хотя она совсем невелика, в ней больше книг, чем я когда-либо надеюсь прочесть.

Элизабет уверила его, что ей вполне достаточно тех книг, которые находятся в комнате.

— Меня удивляет, — сказала мисс Бингли, — что наш отец обходился таким малым количеством книг. Зато какая превосходная библиотека у вас в Пемберли²⁴, мистер Дарси!

— Другой там быть не могло, — ответил Дарси. — Она составлялась трудами множества поколений.

— И как много вы сами к ней прибавили! Вы все время покупаете книги.

— Было бы странно, если бы я пренебрегал фамильной библиотекой в такое время, как наше.

— Пренебрегали! Конечно, вы не пренебрегаете ничем, что могло бы хоть сколько-нибудь увеличить прелесть этого славного поместья. Чарлз, если у тебя будет собственный дом, хотела бы я, чтобы он хотя бы вполтину был так хорош, как Пемберли.

— Я сам бы этого желал.

— Правда, я советовала бы тебе купить имение где-нибудь неподалеку от Пемберли и принять его за образец. Во всей Англии я не знаю лучшего графства, чем Дербишир.

— От души с тобой согласен. Я даже купил бы Пемберли, если бы Дарси его продал.

— Я говорю о возможном, Чарлз.

— Честное слово, Кэрролайн, владельцем такого имения можно скорее стать, купив Пемберли, нежели пытаюсь его воспроизвести.

Этот разговор настолько заинтересовал Элизабет, что она перестала читать свою книгу и вскоре, отложив ее в сторону, подошла к карточному столику и, встав между мистером Бингли и миссис Хёрст, стала наблюдать за игрой.

— Мисс Дарси, я думаю, заметно выросла с прошлой весны,— сказала мисс Бингли.— Она наверно, станет такой же высокой, как я.

— Вполне возможно. Сейчас она ростом, пожалуй, с мисс Элизабет Беннет, или даже чуть-чуть повыше.

— Как бы мне хотелось снова ее увидеть! Я в жизни больше не встречала никого, кто бы мне так понравился. Ее внешность и манеры очаровательны. А какая образованность в подобном возрасте! Она играет на фортепиано не хуже подлинных музыкантов.

— Меня удивляет,— сказал Бингли,— как это у всех молодых леди хватает терпения, чтобы быть прекрасно образованными.

— Все молодые леди — образованные?!²⁵ Чарлз, дорогой, что вы хотите этим сказать?

— Да, по-моему все. Все они рисуют картинки, раскрашивают экраны и вяжут кошельки. Едва ли я знаю хотя бы одну девицу, которая не умела бы делать всего этого. И мне еще, пожалуй, не приходилось слышать, чтобы о молодой леди в

первый раз не сказали, будто она прекрасно образована.

— Ваше перечисление обычных совершенств молодых женщин,— сказал Дарси,— к сожалению, верно. Образованной называют всякую даму, которая заслужила это название только тем, что вяжет кошельки или раскрашивает экраны. Но я далек от того, чтобы согласиться с вашим мнением о женской образованности. Я, например, не мог бы похвастаться, что среди моих знакомых найдется больше пяти-шести по-настоящему образованных женщин.

— Я с вами вполне согласна,— сказала мисс Бингли.

— В таком случае,— заметила Элизабет,— вы, вероятно, сможете дать точное определение понятия «образованная женщина»?

— Да, оно кажется мне довольно ясным.

— О, в самом деле,— воскликнула его преданная союзница.— По-настоящему образованным может считаться лишь тот, кто стоит на голову выше всех окружающих. Женщина, заслуживающая это название, должна быть очень хорошо обучена музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам. И кроме всего, она должна обладать каким-то особым своеобразием внешности, манер, походки, интонации и языка — иначе это название все-таки будет заслуженным только наполовину.

— Всем этим она действительно должна обладать,— сказал Дарси.— Но я бы добавил к этому нечто более существенное — развитый обширным чтением ум.

— В таком случае меня нисколько не удивляет то, что вы знаете только шесть таких образованных женщин. Мне кажется скорее странным, что вам все же удалось их найти.

— Неужели вы так строго относитесь к собственному полу, что сомневаетесь в том, что подобные женщины существуют?

— Мне такие не попадались. Я никогда не видела, чтобы в одном человеке сочетались все те способности, манеры и вкус, которые вами были сейчас перечислены.

Миссис Хёрст и мисс Бингли возмущались несправедливостью такого упрека их полу и наперебой стали уверять, что им приходилось встречать немало женщин вполне соответствующих предложенному описанию, пока наконец мистер Хёрст не призвал их к порядку, жалуясь на их невнимание к игре. Разговор прекратился, и Элизабет вскоре вышла из комнаты.

— Элайза Беннет,— сказала мисс Бингли, когда дверь затворилась,— принадлежит к тем девицам, которые пытаются понравиться представителям другого пола, унижая собственный. На многих мужчин, признаюсь, это действует. Но по моему это — низкая уловка самого худшего сорта.

— Несомненно,— отозвался Дарси, к которому это замечание было обращено.— Низким является каждый способ, употребляемый женщинами для привлечения мужчин. Все, что порождено хитростью — отвратительно.

Мисс Бингли не настолько была удовлетворена полученным ответом, чтобы продолжать разговор на ту же тему.

Элизабет снова вернулась к ним, сообщив, что ее сестре стало хуже и что она не сможет больше от нее отлучаться. Бингли принялся настаивать, чтобы немедленно послали за мистером Джонсом. Его сестры стали уверять, что в глуши нельзя получить должной помощи и посоветовали послать специальный экипаж, чтобы привезти известного врача из столицы. Элизабет и слышать не хотела об этом, но охотно согласилась с предложением мистера Бингли. Было решено, что за мистером Джонсом пошлют с самого утра, если к тому времени Джейн не станет значительно лучше. Бингли был очень обеспокоен, а его сестры заявили, что чувствуют себя крайне несчастными. Однако им удалось утешить себя пением дуэтов после ужина, в то время как он не нашел ничего лучшего, как потребовать от дворецкого, чтобы больной гостье и ее сестре было оказано самое большое внимание.

Глава IX

Почти всю ночь Элизабет провела у постели больной и, к своей радости, утром смогла передать довольно благоприятные сведения о ее здоровье через горничную, очень рано присланную мистером Бингли, а затем через двух элегантных особ, которые прислуживали его сестрам. Однако, несмотря на начавшееся улучшение, она все же попросила помочь ей передать в Лонгборн записку, в которой настаивала на приезде матери, чтобы та сама могла оценить положение. Записка была послана незамедлительно, и так же быстро

исполнена содержащаяся в ней просьба. Миссис Беннет в сопровождении двух дочек прибыла в Незерфилд вскоре после того, как семья позавтракала.

Если бы мать нашла Джейн в опасном состоянии, она, несомненно, была бы этим удручена. Но, успокоенная тем, что болезнь Джейн не была угрожающей, она не желала, чтобы дочь выздоровела слишком быстро, так как это заставило бы ее вскоре покинуть Незерфилд. Поэтому она даже слушать не захотела, когда Джейн попросила, чтобы ее перевезли домой. Приехавший следом за ней аптекарь тоже не считал такой переезд разумным. После того, как миссис Беннет немного побывала с Джейн, к ним поднялась мисс Бингли и пригласила ее и трех ее дочерей в комнату для завтрака. Мистер Бингли, встретив их, выразил надежду, что состояние Джейн не оказалось более тяжелым, чем ожидала миссис Беннет.

— Увы, сэр, это именно так!— отвечала она.— Бедняжка слишком плоха для того, чтобы ее сейчас можно было перевезти в Лонгборн. Мистер Джонс считает, что об этом и думать сейчас не следует. Нам придется еще некоторое время пользоваться вашим гостеприимством.

— Перевезти в Лонгборн!— воскликнул Бингли.— Но об этом не может быть и речи. Уверен, что моя сестра и слышать этого не захочет.

— Можете не сомневаться, сударыня,— с холодной учтивостью заметила мисс Бингли,— что если мисс Беннет останется в нашем доме, то ей будет оказано необходимое внимание.

Миссис Беннет весьма пылко выразила свою признательность.

— Я совершенно уверена,— добавила она,— что не будь вокруг нее таких близких друзей, с нею бы уже бог знает что случилось. Бедняжка ведь в самом деле совсем плоха,— она так страдает, несмотря на свойственное ей величайшее терпение. Но ведь это просто черта ее ангельского характера, с каким вы едва ли где-нибудь встретитесь. Я часто говорю другим моим девочкам, что им до Джейн далеко. Мне очень нравится у вас эта комната, мистер Бингли! Какой очаровательный вид на главную дорожку вашего парка. Не знаю, есть ли во всем графстве уголок, подобный Незерфилду. Вы ведь не поспешите из него уехать, не правда ли, хоть вы его и сняли пока на короткий срок?

— Я всегда отличался стремительностью,— отвечал он.— Поэтому если я решусь покинуть Незерфилд, меня, возможно, не будет здесь через пять минут. В данное время, однако, мне кажется, что я здесь обосновался надолго.

— Именно это я и ожидала от вас услышать,— сказала Элизабет.

— Вы уже начинаете разбираться в моем характере, не правда ли?— ответил, обернувшись к ней, Бингли.

— О да, я превосходно вас понимаю.

— Хотелось бы мне считать это комплиментом. Но боюсь, что человек, которого так хорошо видно насквозь, кажется немного жалким.

— Это зависит от обстоятельств. Скрытые, сложные характеры вовсе не обязательно должны

оцениваться выше или ниже, чем натуры, подобные вашей.

— Лиззи,— вмешалась мать,— пожалуйста, не забывай, где ты находишься и не позволяй себе болтать всякие глупости, которые ты так часто произносишь у себя дома.

— Я и не подозревал,— продолжал Бингли,— что вы занимаетесь изучением человеческой природы. Это, должно быть, весьма интересный предмет.

— Да, особенно интересны сложные характеры. У них, по крайней мере, это преимущество.

— Провинция,— сказал Дарси,— дает немного материала для такого изучения. Слишком ограничен и неизменен круг людей, с которыми здесь можно соприкоснуться.

— Люди, однако, сами меняются так сильно, что то и дело можно подметить что-нибудь новое в каждом человеке.

— О, в самом деле,— воскликнула миссис Беннет, оскорбленная тоном Дарси, которым он говорил о провинциальном обществе,— смею вас уверить, что в провинции всего этого ничуть не меньше, чем в городе.

Все были немало изумлены, и Дарси, бросив на нее взгляд, молча отвернулся. Однако гостье, вообразившей, что ею одержана решительная победа, захотелось продлить свой триумф.

— Я, со своей стороны, вовсе не считаю, что у Лондона есть какие-нибудь серьезные преимущества перед провинцией, конечно, если не иметь в виду магазинов и развлечений. Жить в провинции приятнее, не правда ли, мистер Бингли?

— Когда я нахожусь в провинции,— ответил он,— мне не хочется из нее уезжать. Но когда я живу в городе, со мной и там происходит то же самое. У того и у другого — свои хорошие стороны, и я мог бы быть одинаково счастлив и тут и там.

— Да, но это потому, что у вас здоровый взгляд на вещи. А вот этот джентльмен,— она посмотрела на Дарси,— с презрением смотрит на провинциальную жизнь.

— Вы ошибаетесь, сударыня,— вмешалась Элизабет, краснея за свою мать.— Просто вы совершенно неправильно поняли мистера Дарси. Он только хотел сказать, что в провинции встречаешься с меньшим разнообразием людей, чем в городе, а с этим вы, разумеется, согласитесь.

— Ну, конечно, дорогая, никто тут и не говорит о большем разнообразии. Впрочем, что касается ограниченного круга знакомств, то мне трудно поверить, что он здесь меньше, чем где-нибудь в другом месте. Ведь нас приглашают обедать в двадцать четыре дома!

Едва ли мистеру Бингли удалось бы сохранить при этом серьезное выражение лица, если бы он не счел необходимым пощадить чувства Элизабет. Его сестра была не столь деликатна и посмотрела на Дарси с весьма выразительной улыбкой. Пытаясь придумать что-нибудь, что могло бы направить мысли матери по новому руслу, Элизабет спросила у миссис Беннет, не заходила ли к ним в ее отсутствие Шарлот Лукас.

— О да, вчера она была у нас со своим отцом. Что за милейший человек этот сэр Уильям — не

правда ли, мистер Бингли? Настоящая светскость: благородство и любезность! У него всегда найдется что сказать каждому человеку. Вот, по-моему, образец хорошего тона! Особы, которые воображают о себе бог знает что и даже не желают раскрыть рта, напрасно предполагают, что они хорошо воспитаны.

— Шарлот с вами обедала?

— Нет, она спешила домой. Наверно, ей нужно было там помочь в приготовлении пирога. Что касается меня, мистер Бингли, то я держу у себя таких слуг, которые сами справляются со своей работой. О да, мои девочки воспитаны по-другому. Впрочем, каждый поступает как может. Девушки Лукас все же очень милы, смею вас уверить. Так обидно, что они некрасивы! Я вовсе не говорю, что Шарлот совсем безобразна — она ведь наш большой друг.

— Кажется, она очень приятная молодая женщина, — сказал Бингли.

— О, еще бы! Но вы же не станете отрицать, что она дурнушка. Это признает сама леди Лукас, завидуя красоте моей Джейн. Не хотелось бы хвалиться собственной дочерью, но, в самом деле, если уже говорить о Джейн — не часто найдешь такую красавицу. Об этом говорят на каждом шагу — себе самой я бы не поверила. Когда ей только минуло пятнадцать, мы жили у моего брата Гардинера в Лондоне. И, представьте, там был один джентльмен, который влюбился в нее без памяти — моя невестка ждала уже, что он вот-вот сделает ей предложение еще до того, как мы от них уедем. Правда, этого не случилось. Быть

может, он считал, что Джейн еще слишком молода. Но зато он посвятил ей стихи — знаете, просто очаровательные!

— Тем этот роман и кончился, — поспешно вмешалась Элизабет. — Я думаю, что это не единственное увлечение, нашедшее подобный конец. Интересно, кто первый открыл, что иногда поэзия убивает любовь?

— Я привык считать поэзию питательной средой для любви, — сказал Дарси.

— Да — прочной, здоровой и страстной любви — возможно. То, что уже окрепло, может питаться чем угодно. Но если говорить о легкой склонности, то я уверена, что после одного хорошего сонета от нее может не остаться и следа.

Дарси только улыбнулся. В наступившем молчании Элизабет с тревогой ждала, что мать снова позволит себе какую-нибудь бестактность. Миссис Беннет, в самом деле, очень хотелось поговорить, но так как ей ничего не приходило в голову, она после некоторой паузы стала снова благодарить мистера Бингли за его заботу о Джейн и извиняться за беспокойство, которое ему причиняет еще и Лиззи. Бингли был искренно любезен в своих ответах, заставив быть вежливой и свою младшую сестру, которая произнесла все, что подобало при таких обстоятельствах. И хотя свою роль она исполнила без особенной грации, миссис Беннет все же осталась вполне довольна и вскоре попросила подать экипаж. В то же мгновение, как по сигналу, выступила ее младшая дочка. Китти и Лидия в течение всего визита перешептывались между собой. При этом они условились, что млад-

шая должна напомнить мистеру Бингли про обещание устроить бал в Незерфилде, которое он дал по приезде в Хартфордшир.

Лидия, рослая пятнадцатилетняя девица, с прекрасным лицом, недурная собой, была любимицей матери. Именно благодаря этой привязанности она начала выезжать в свет в столь юном возрасте. Ее природные смелость и жизнерадостность развились в самоуверенность благодаря вниманию офицеров, которым ее рекомендовали хорошие обеды дядюшки и врожденное легкомыслие. Поэтому ей ничего не стоило заговорить с мистером Бингли о бале и недвусмысленно напомнить ему его обещание, добавив, что с его стороны было бы позорнейшим проступком, если бы он не сдержал слова. Его ответ на этот неожиданный выпад был весьма приятен для слуха миссис Беннет.

— Поверьте, я с радостью выполняю свое обещание. И как только мисс Беннет поправится, я попрошу, чтобы именно вы сообразовали выбрать день для этого праздника. Но пока она больна, вам, я полагаю, и самой не захотелось бы танцевать.

Лидия сказала, что вполне удовлетворена его словами.

— О, да, будет гораздо лучше подождать, пока Джейн выздоровеет. К тому же, очень может быть, что за это время в Меритон вернется капитан Картер. А после вашего бала,— добавила она,— я заставлю их устроить свой. Прямо так и скажу полковнику Форстеру, что ему стыдно уклоняться.

После этого миссис Беннет и ее младшие дочери уехали, а Элизабет тотчас вернулась к Джейн, предоставив двум леди и мистеру Дарси возможность рассуждать без всяких помех о ней и ее родных. Впрочем, несмотря на все острооты мисс Бингли по поводу ее «очаровательных глазок», дамы так и не смогли заставить мистера Дарси что-нибудь в ней осудить.

Глава X

В остальном день прошел почти так же, как предыдущий. Миссис Хёрст и мисс Бингли провели в первой половине дня несколько часов у больной, которая продолжала мало-помалу поправляться. Вечером Элизабет спустилась в гостиную, где собралось остальное общество. На этот раз карточного столика там не было. Мистер Дарси писал письмо, а сидевшая рядом с ним мисс Бингли следила за его пером и постоянно отвлекала его внимание различными пожеланиями, которые она просила передать его сестре. Мистер Хёрст и мистер Бингли играли в пикет²⁶, а миссис Хёрст наблюдала за их игрой.

Элизабет, принявшись за шитье, испытала немалое удовольствие, прислушиваясь к тому, что происходило между Дарси и его соседкой. Непрерывные восторженные замечания леди по поводу его почерка, ровности строчек или размеров его письма и полное равнодушие, с которым принимались эти похвалы джентльменом, составили любопытный диалог и в точности соответствовали пред-

ставлению, сложившемуся у Элизабет, о характерах его участников.

— Как этому письму обрадуется мисс Дарси! Ответа не последовало.

— Вы пишете необыкновенно быстро.

— Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

— Сколько писем приходится вам написать на протяжении года! Да еще деловые письма! Представляю себе, какое это изнурительное занятие.

— Что ж, ваше счастье, что оно досталось на мою долю.

— Ради бога, напишите вашей сестрице, как мне хочется ее повидать.

— Я уже написал раньше по вашей просьбе.

— По-моему у вас плохое перо. Дайте, я его вам очиню. Я научилась отлично чинить перья.

— Благодарю вас, но я всегда чиню перья сам.

— Как это вы ухитряетесь так ровно писать?

Он промолчал.

— Скажите вашей сестре, что меня очень обрадовали ее успехи в игре на арфе. И пожалуйста передайте, что я в восторге от ее прелестного рисуночка для скатерти и считаю его гораздо более удачным, чем рисунок мисс Грантли.

— Вы позволите отложить ваши восторги до следующего письма? Здесь у меня уже не осталось для них места, какого они заслуживают.

— О, пусть вас это не беспокоит. Я ведь увижусь с ней в январе. Скажите, вы ей всегда пишете такие восхитительно длинные письма, мистер Дарси?

— Да, они довольно пространные, но насколько они восхитительны, не мне судить.

— Мне кажется само собой разумеющимся, что человек, который способен с легкостью написать длинное письмо, не может написать его плохо.

— Для Дарси это не комплимент, Кэрролайн,— вмешался ее брат,— письма даются ему не так-то легко. Слишком уж он старается. все время выискивать четырехсложные словечки²⁷,— не правда ли, Дарси?

— Стиль моих писем, разумеется, отличается от вашего.

— О,— воскликнула мисс Бингли,— так небрежно, как пишет Чарлз, не пишет никто. Одну половину слов он пропускает, а вторую — зачеркивает.

— В моей голове мысли проносятся так стремительно, что я не успеваю их выразить. Оттого-то мои письма иной раз не доносят никаких мыслей до тех, кому они адресованы.

— Ваша скромность, мистер Бингли,— сказала Элизабет,— разоружила бы любого вашего критика.

— Нет ничего более обманчивого,— сказал Дарси,— чем показная скромность. Под ней часто скрывается равнодушие к посторонним мнениям, а иногда и замаскированная похвальба²⁸.

— Чем же вы назовете мое смиренное суждение?

— Разумеется, замаскированной похвальбой. Ведь в глубине души вы гордитесь недостатками своих писем. Вы считаете, что их порождает быстрота мысли и невнимательность исполнения — свойства, хоть и не похвальные, но все же не лишние привлекательности. Способность делать

что-либо быстро всегда высоко ценится ее обладателем, зачастую независимо от качества выполненного дела. Сегодня утром вы ведь хотели представить себя в весьма выгодном свете, заявив миссис Беннет, что не задержались бы в Незерфилде и пяти минут после того, как вам вздумалось бы его покинуть. А на самом деле, что особенно похвального в поспешности, из-за которой многие ваши дела остались бы незаконченными и от которой никакого проку нет ни вам самому, ни кому-то другому?

— Ну, это уж чересчур, — воскликнул Бингли, — упрекать вечером за вздор, сказанный поутру. Впрочем, клянусь честью, я верил в то, что говорил о себе тогда и продолжаю в это верить до этих пор. И уж, во всяком случае, я говорил о своей излишней торопливости вовсе не с тем, чтобы порисоваться перед дамами.

— Не сомневаюсь, что вы в это верили. Но я-то вовсе не убежден, что вы бы уехали с такой стремительностью. Ваше поведение точно так же зависело бы от обстоятельств, как и поведение любого другого человека. И если бы в тот момент, когда вы вскочили на коня, поблизости нашелся друг, который сказал бы: «Бингли, а не лучше ли вам на недельку задержаться?» — быть может, вы так бы и поступили и никуда бы не поехали — другими словами, застряли бы еще на целый месяц.

— Вы только доказали, — воскликнула Элизабет, — что мистер Бингли несправедлив сам к себе. И превознесли его гораздо больше, чем это сделал он сам.

— Мне очень приятно, что вы обращаете слова моего друга в похвалу мягкости моего характера,— сказал Бингли.— Но боюсь, что ваше толкование его слов прямо противоположно мысли, которую вкладывал в них Дарси. Он-то, разумеется, думает, что при таких обстоятельствах для меня лучше всего было бы наотрез отказаться и укатать как можно быстрее.

— Разве мистер Дарси находит, что опрометчивость вашего первоначального решения искупалась бы упрямством, с которым вы его выполняли?

— Честное слово, мне трудно вам объяснить, в чем тут дело. Пусть лучше Дарси говорит за себя.

— Вы хотите, чтобы я защищал мнение, которое вы мне приписываете, но которого я не высказывал. Допустим, однако, что дело обстоит так, как вы говорите. Как вы помните, мисс Беннет, мы предположили, что друг, который захотел отсрочить отъезд, выразил только свое желание, просьбу и даже ничем этой просьбы не объяснил.

— А разве вы не видите заслуги в готовности легко уступить настояниям друга?

— Неразумная уступка не сделала бы чести умственным способностям обоих.

— Мне кажется, мистер Дарси, что вы недооцениваете влияние дружбы или привязанности. А между тем уважение к просителю нередко может заставить человека выполнить просьбу, даже не вникая в то, насколько она обоснована. Я не имею в виду тот случай, который вы предположили в отношении мистера Бингли. Мы можем подождать, пока в самом деле сложатся подобные обстоятель-

ства и тогда уже судить о разумности его поступков. Но, говоря вообще, если бы друга попросили отказаться от не слишком важного шага, неужели вы бы его осудили за то, что он уступил, не дожидаясь логических доказательств?

— А уж не следует ли нам, прежде чем обсуждать дальше этот вопрос, поточнее определить значительность просьбы, так же, как и степень близости между друзьями?

— Совершенно необходимо! — воскликнул Бингли. — Давайте условимся обо всех мелочах, не забывая даже о росте и силе друзей, — это, мисс Беннет, может иметь гораздо большее значение, чем на первый взгляд кажется. Поверьте, если бы Дарси не выглядел по сравнению со мной таким великаном, я бы с ним гораздо меньше считался. При известных обстоятельствах и в определенных местах он, признаюсь, заставляет себя бояться, особенно в его собственном доме, да еще в воскресный вечер, когда ему нечего делать.

Дарси улыбнулся, но Элизабет почувствовала, что в глубине души он довольно сильно обижен, и сдержала улыбку. Мисс Бингли была глубоко возмущена нанесенным ему оскорблением, и разбранила брата за его глупую болтовню.

— Я разгадал ваш замысел, Бингли, — сказал его друг, — вам не нравится наш спор, и вы решили таким способом с ним покончить.

— Быть может. Споры слишком похожи на диспуты. Если вы и мисс Беннет отложите ваши пререкания до тех пор, пока я уйду из этой комнаты, я буду вам премного обязан. И тогда вы сможете говорить обо мне все, что вам вздумается.

— Ваша просьба,— сказала Элизабет,— не требует жертвы с моей стороны. А для мистера Дарси было бы гораздо лучше, если бы ему удалось закончить свое письмо.

Мистер Дарси воспользовался ее советом и дописал письмо до конца.

Освободившись, он попросил мисс Бингли и Элизабет немного развлечь компанию музыкой. Мисс Бингли устремила к фортепиано и, любезно предложив Элизабет выступить первой, от чего та столь же любезно, но более искренно отказалась, уселась за инструмент.

Миссис Хёрст пела вместе с сестрой. И пока обе они были заняты, Элизабет, перебирая разбросанные на инструменте ноты, невольно заметила, как часто останавливается на ней взор мистера Дарси. Она никак не могла предположить, что столь выдающийся человек ею любит. Вместе с тем, мысль о том, что он смотрит на нее именно потому, что она ему не нравится, казалась не менее дикой. В конце концов ей оставалось объяснить его внимание только тем, что среди присутствовавших в зале людей в ней он находил больше всего черт, не отвечающих его идеалам. Эта догадка нимало ее не огорчила. Он был ей настолько неприятен, что его мнением о себе она вовсе не дорожила.

Исполнив несколько итальянских арий, мисс Бингли для разнообразия начала играть веселую шотландскую мелодию. Почти тотчас же мистер Дарси подошел к Элизабет и сказал:

— А не желаете ли вы, мисс Беннет, воспользоваться случаем и протанцевать рил^{29?}

Она улыбнулась, ничего не ответив. Удивленный ее молчанием, он повторил свой вопрос.

— Я вас прекрасно расслышала,— сказала она.— Просто я не смогла сразу придумать ответ. Вам, конечно, хотелось, чтобы я приняла приглашение и тем самым дала вам желанный повод осудить мой вкус. Но я всегда любила разгадывать такого рода ловушки, лишая тех, кто их придумал, предвкушаемого удовольствия. Вот почему мне пришло в голову сказать, что я вообще терпеть не могу танцевать рил. А теперь осуждайте меня, если осмелитесь!

— Увы, за это я не мог бы вас осудить.

Элизабет, считавшая, что ее слова должны были его задеть, была удивлена его любезностью. Но прелестное лукавство, сквозившее в ее поведении, едва ли могло задеть кого бы то ни было. Дарси чувствовал, что он еще никогда не был так сильно очарован никакой другой женщиной. И ему было ясно, что если бы у Элизабет оказались более подходящие родственники, то его сердцу угрожала бы серьезная опасность.

Мисс Бингли заметила или заподозрила вполне достаточно, чтобы почувствовать ревность. Поэтому ее горячая забота о скорейшем выздоровлении ее дорогой подруги Джейн подкреплялась в ней желанием поскорее отделаться от ее сестры.

Она часто пыталась возбудить в душе Дарси неприязнь к Элизабет болтовней об их предполагаемой женитьбе и рассуждениями о том, насколько он будет счастлив в таком браке.

— Надеюсь,— сказала мисс Бингли, когда они на следующее утро прогуливались вдвоем по

окаймленным кустами дорожкам около дома, — что после того, как столь желанное событие совершится, вам удастся намекнуть вашей теще, как бывает полезно иногда держать язык за зубами. А когда вы с этим справитесь — отучите младших сестер от привычки бегать за офицерами. И, если только мне позволено затронуть столь деликатную тему, постарайтесь избавить вашу избранницу от чего-то такого, что граничит с высокомерием и наглостью.

— Может быть, вы посоветуете мне еще что-нибудь полезное для моего семейного счастья?

— О, разумеется! Непременно повесьте портреты дяди и тети Филипс в галерее Пемберли. Где-нибудь рядом с портретом судьи — дяди вашего отца. Они ведь — представители одной и той же профессии³⁰, не правда ли, хотя и разных ее сторон? Что же касается портрета вашей Элизабет, то даже не пытайтесь его заказывать. Разве какой-нибудь художник сумеет достойно запечатлеть на полотне эти прелестные глазки?

— Их выражение в самом деле будет не так-то легко передать. Но их форму, цвет, удивительно длинные ресницы хороший художник сможет изобразить.

В эту минуту они встретились с самой Элизабет и миссис Хёрст, которые шли по другой дорожке.

— Я не знала, что вы собираетесь на прогулку, — воскликнула мисс Бингли, несколько обеспокоенная тем, что их могли подслушать.

— Как вам не стыдно! Убежали из дому, не сказав ни слова, — ответила миссис Хёрст.

И, уцепившись за свободную руку мистера Дарси, она предоставила Элизабет двигаться дальше одной, как ей заблагорассудится. Ширины дорожки как раз хватало для трех человек. Мистер Дарси, заметив ее бестактность, тотчас же сказал: — Эта тропинка недостаточно широка для нашей компании. Давайте выйдем на аллею.

Однако Элизабет, которой очень хотелось от них отделаться, смеясь, ответила:

— Нет, нет, оставайтесь там, где находитесь! Вы образуете необыкновенно живописную группу. Гармония будет нарушена, если к вам присоединится четвертый. Прощайте!

И она с радостью убежала от них, довольная тем, что через день или два сможет, наконец, вернуться домой. Джейн чувствовала себя настолько хорошо, что уже в этот вечер собиралась ненадолго покинуть свою комнату.

Глава XI

Когда дамы после обеда вышли из-за стола, Элизабет поднялась к Джейн и, хорошенько ее закутав, спустилась с ней в гостиную, где больная была встречена множеством радостных возгласов своих подруг. За все время знакомства Элизабет с сестрами мистера Бингли они еще никогда не казались ей такими приветливыми, как в тот час, в течение которого дамы ждали прихода мужчин. Обе они великолепно поддерживали разговор, были способны подробно описать какое-нибудь развлечение, с юмором рассказать анекдот, с задором высмеять кого-нибудь из знакомых.

Однако, когда мужчины появились, Джейн сразу же отошла на второй план, взгляд мисс Бингли немедленно остановился на Дарси, и, прежде чем он сделал несколько шагов, она уже должна была ему что-то сказать. Подойдя к Джейн, Дарси любезно поздравил ее с выздоровлением. Мистер Хёрст также ей слегка поклонился, пробормотав что-то вроде: «Весьма рад». Зато приветствие Бингли было пылким и многоречивым. Он был полон забот и восторга. Первые полчаса он потратил на разведение огня в камине, чтобы Джейн не пострадала от перемены воздуха. По его желанию она перешла в кресло около камина, чтобы быть подальше от дверей. Затем он расположился подле нее и в течение всего вечера разговаривал почти только с ней. Элизабет, сидевшая за шитьем в противоположном углу, следила за всеми его хлопотами с большим удовлетворением.

После чая мистер Хёрст тщетно пытался напомнить своей невестке о карточном столике. Каролайн было известно, что у мистера Дарси не было желания сесть за игру. Громкое обращение мистера Хёрста ко всем собравшимся было отклонено. Мисс Бингли ответила ему, что играть никому не хочется. И так как это подтверждалось общим молчанием, мистеру Хёрсту не оставалось ничего иного, как растянуться на диване и захрапеть. Дарси взял книгу, мисс Бингли сделала то же самое, а миссис Хёрст занялась тем, что стала перебирать свои браслеты и кольца, изредка вставляя словечко в разговор брата и Джейн.

Внимание мисс Бингли в равной степени было поглощено чтением собственной книги и наблюде-

нием за тем, как читал свою книгу мистер Дарси. Она то и дело о чем-нибудь его спрашивала и заглядывала в раскрытую перед ним страницу. Однако вовлечь его в беседу ей не удавалось: он коротко отвечал на вопросы и продолжал читать. Наконец, совершенно обессиленная тщетными попытками сосредоточиться на собственной книге, выбранной только потому, что на полке она стояла рядом с томом, который читал Дарси, мисс Бингли, широко зевнув, сказала:

— Как приятно так провести вечер! Говоря откровенно, я не знаю удовольствий, подобных чтению. Насколько быстрее устаешь от всякого другого занятия! Когда я обзаведусь собственным домом, я буду чувствовать себя самым несчастным человеком, если у меня не окажется превосходной библиотеки.

Никто не ответил. Она зевнула еще раз, отшвырнула книгу и оглядела комнату в поисках какого-нибудь развлечения. Услышав, что брат говорит с мисс Беннет о бале, она повернулась к нему и неожиданно сказала:

— Между прочим, Чарлз, ты в самом деле намерен устраивать танцы в Незерфилде? Прежде чем принять решение, я бы советовала тебе узнать желание присутствующих. Должно быть, я не слишком ошибусь, если скажу, что среди нас может найтись кто-нибудь, кому бал едва ли доставит удовольствие.

— Ты, видимо, имеешь в виду Дарси, — ответил мистер Бингли. — Что ж, если ему будет угодно, он сможет отправиться спать. А что касается самого бала, то это — вопрос решенный. И как

только все будет готово и Николас наготовит достаточно белого супа³¹, я немедленно разошлю приглашения.

— Я бы любила балы гораздо больше,— сказала мисс Бингли,— если бы они устраивались по-другому. Нынешние балы невыносимо скучны. Насколько было бы полезнее, если бы танцы во время бала были заменены разумной беседой.

— Конечно, полезнее, дорогая. Но, осмелюсь сказать, это вряд ли было бы похоже на бал.

Мисс Бингли не снизила до ответа и вскоре встала и начала прохаживаться по комнате. У нее была стройная фигура и красивая походка. Однако Дарси, для которого предназначалась демонстрация этих качеств, был по-прежнему поглощен чтением. В отчаянии она предприняла еще один маневр и, повернувшись к Элизабет, сказала:

— Мисс Элайза Беннет, разрешите предложить вам последовать моему примеру и немножко пройтись по комнате. Уверяю вас, что после того, как долго просидишь на одном месте, это действует очень ободряюще.

Элизабет удивилась, но сделала так, как ее просили. Мисс Бингли добилась успеха и в отношении истинного объекта своих маневров. Дарси поднял глаза. Проявление внимания мисс Бингли по этому адресу было для него не меньшей новостью, чем для самой Элизабет, и он бессознательно захлопнул книгу. Ему тотчас же предложили присоединиться к их компании, но он отказался. По его мнению, прогуливаться по комнате они могли только по двум причинам, причем в обоих случаях его участие сделалось бы для них помехой.— Что он

хотел этим сказать? Она умирает от желания узнать, что он имеет в виду, — и мисс Бингли обратилась к Элизабет с вопросом, догадывается ли она, что бы это могло означать.

— Конечно, нет, — ответила она. — Но можете быть уверены, что чем-то он хотел нас задеть. И самый верный для нас способ вызвать разочарование мистера Дарси заключается в том, чтобы его ни о чем не спрашивать.

Мисс Бингли, однако, была неспособна чем бы то ни было вызвать разочарование мистера Дарси. Поэтому она продолжала настаивать, чтобы ей объяснили скрытый смысл его слов.

— Ничего не имею против, — сказал мистер Дарси, как только ему позволили говорить. — Вы либо выбрали этот способ препровождения времени, так как весьма доверяете друг другу и должны поделиться каким-то секретом, либо думаете, что ваша внешность особенно выигрывает, когда вы ходите. В первом случае я буду для вас помехой, во втором же я с гораздо большим успехом могу наслаждаться вашей красотой, сидя около камина.

— Какой ужас! — воскликнула мисс Бингли. — Я никогда в жизни не слышала ничего более дерзкого! Как наказать нам его за эти слова?

— Нет ничего проще, стоит только по-настоящему захотеть, — сказала Элизабет. — Мы все можем легко досадить друг другу. Дразните его, смейтесь над ним. Вы же с ним близкие друзья и должны знать его слабые места.

— Но, честное слово, я не знаю. Уверяю вас, наше знакомство меня этому не научило. Дразнить само хладнокровие и присутствие духа! Нет, нет,

я чувствую, что из этого ничего не выйдет. Не захотим же мы выставять себя дуручками, смеясь без всякого повода. О нет, мистер Дарси может быть спокоен.

— Разве над мистером Дарси нельзя смеяться? — удивилась Элизабет. — Какое редкое преимущество! Настолько редкое, что я надеюсь, оно навсегда останется исключением. Мне бы очень не повезло, если бы у меня оказалось много таких знакомых, — ведь я обожаю смешное.

— Мисс Бингли, — отвечал Дарси, — приписывает мне неуязвимость, которой я, к сожалению, не обладаю. Мудрейший и лучший из людей, нет, мудрейшие и самые благородные их действия могут быть высмеяны особами, у которых главная цель в жизни — насмешка.

— Конечно, такие люди бывают, — сказала Элизабет. — Но надеюсь, что я не принадлежу к их числу. Мне кажется, я никогда не высмеивала мудрость и благородство. Глупость и причуды, капризы и непоследовательность кажутся мне смешными, и я смеюсь над ними, когда мне это удастся. Но все это качества, от которых вы, по-видимому, совершенно избавились.

— Этого, наверно, никто не может достигнуть. Но на протяжении своей жизни я немало потрудился над тем, чтобы освободиться от недостатков, которые могут сделать смешным даже неглупого человека.

— Таких, например, как гордость и тщеславие?

— Да, тщеславие это, в самом деле, недостаток. Но гордость... Что ж, тот, кто обладает настоя-

щим умом, может всегда сдержать гордость в должных пределах.

Элизабет отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Вы, как будто, уже успели разобраться в характере мистера Дарси, не так ли? — спросила мисс Бингли. — Мне очень хочется узнать ваше мнение.

— Что ж, я вполне убедилась, что мистер Дарси лишен недостатков. Да он этого и сам не скрывает.

— Подобных претензий, — ответил Дарси, — я не высказывал. Слабостей у меня вполне достаточно. Я только надеюсь, что от них избавлен мой ум. А вот за нрав свой я бы не поручился. Возможно, что я слишком мало уступчив — во всяком случае, с точки зрения удобства тех, кто меня окружает. Я не умею забывать глупость и пороки ближних так быстро, как следовало бы, так же, как и нанесенные обиды. Меня не так легко растрогать. Характер мой, вероятно, может быть назван мстительным. Если кто-нибудь лишается моего уважения, то уже навсегда.

— Вот это в самом деле серьезный порок! — воскликнула Элизабет. — Неумолимая мстительность — безусловно мрачная черта характера. Но вы хорошо выбрали свой недостаток. Я не способна над ним смеяться. Вы можете меня не бояться.

— Думаю, что каждому свойственна склонность к каким-то недостаткам, которая не может быть преодолена даже отличным воспитанием.

— Ваша слабость — это готовность ненавидеть людей.

— А ваша,— отвечал он с улыбкой,— намеренно их не понимать.

— Мне хочется немножко послушать музыку,— сказала мисс Бингли, устав прислушиваться к разговору, в котором она не принимала участия.— Луиза, ты не рассердишься, если я разбужу твоего мужа?

Ее сестра ничего не имела против, и она раскрыла фортепиано. Дарси, поразмыслив, не стал об этом жалеть, так как чувствовал, что уделяет Элизабет слишком много внимания.

Глава XII

Как было условлено между сестрами, Элизабет наутро написала матери, чтобы за ними в этот же день прислали экипаж. Миссис Беннет, однако, рассчитывала, что ее дочери останутся в Незерфилде до вторника ³², с тем, чтобы Джейн провела там целую неделю и поэтому не испытала никакого удовольствия оттого, что они собираются приехать раньше. Ее ответ поэтому оказался мало благоприятным — по крайней мере, для Элизабет, с нетерпением ждавшей возвращения домой. В письме говорилось, что миссис Беннет едва ли удастся послать экипаж раньше вторника, причем в постскриптуме добавлялось, что если мистер Бингли и его сестры станут уговаривать их остаться подольше, то она отлично обойдется без старших дочерей и более долгое время. Элизабет, однако, и думать не могла о задержке в Незерфилде — она даже не вполне была уверена в том,

что их об этом попросят. Напротив, боясь, как бы не показалось, что их пребывание слишком затянулось, она стала уговаривать Джейн сразу же попросить экипаж у Бингли. В конце концов было решено сказать, что им хотелось бы вернуться домой в это же утро и одновременно обратиться с просьбой об экипаже.

Известие об их отъезде вызвало всеобщее огорчение. При этом была высказана уверенность, что для полного выздоровления больной им следует пробыть в Незерфилде еще хотя бы один день. Под конец сестры согласились задержаться до следующего утра. Мисс Бингли вскоре стала жалеть о том, что предложила отложить их отъезд, так как ревность и неприязнь, вызванные в ней одной из сестер, были гораздо сильнее ее привязанности ко второй.

Хозяин дома был искренно опечален сообщением о скорой разлуке и настойчиво доказывал мисс Беннет, что она еще не совсем поправилась для переезда. Но тщетно — Джейн, когда она была уверена в правильности своих действий, умела проявить твердость.

Мистер Дарси был доволен этим решением. Элизабет пробыла в Незерфилде достаточно долго. Чары ее действовали на него гораздо сильнее, чем ему бы хотелось. К тому же мисс Бингли была с ней чересчур резка, а к самому Дарси приставала чаще, чем в обычные дни. Он весьма мудро рассудил, что ему следует избегать всяческих знаков внимания по отношению к Элизабет, которые позволили бы ей заподозрить, что от нее может зависеть его счастье. При этом он

сознавал, что если подобные догадки уже успели зародиться в ее голове, то их подтверждение в значительной степени зависит от того, как он себя поведет в последний день перед ее отъездом. Укрепившись в своем намерении, он сказал ей за всю субботу не более десятка слов, и, хотя им пришлось около получаса пробыть вдвоем в одной комнате, он в течение всего времени с таким усердием читал книгу, что даже не взглянул в ее сторону.

В воскресенье, сразу после утреннего богослужения, наступил, наконец, столь желанный для большинства момент разлуки. Любезность мисс Бингли к Элизабет, так же, как и ее привязанность к Джейн, перед самым отъездом заметно возросли. При расставании старшую сестру уверили в том, что встреча с ней — в Лонгборне или Незерфилде — всегда будет самым радостным событием. После того, как мисс Бингли нежнейшим образом обняла Джейн и даже протянула руку ее сестре, Элизабет рассталась со всей компанией в прекрасном расположении духа.

Мать встретила их не очень сердечно. Миссис Беннет была крайне удивлена их приездом, полагая, что они весьма неразумно причинили всем столько хлопот, и не сомневалась, что Джейн заболела опять. Отец, напротив, хотя и в весьма сдержанной форме, дал им понять, что он доволен их возвращением — ему сильно не хватало старших дочерей при семейных беседах. В отсутствие Джейн и Элизабет вечерние разговоры потеряли значительную часть своего остроумия и почти весь свой смысл.

Они застали Мэри, как обычно, погруженную в изучение музыкальной гармонии и основ человеческой природы и выслушали несколько новых цитат и нравоучительных изречений. Совсем в ином роде были сообщения Кэтрин и Лидии. С прошлой среды в полку произошло множество событий: несколько офицеров обедали у их дядюшки, был подвергнут телесному наказанию рядовой³³ и распространились самые достоверные слухи о том, что полковник Форстер собирается жениться.

Глава XIII

— Надеюсь, моя дорогая, вы позаботились о том, чтобы у нас был сегодня приличный обед?— спросил на следующее утро за завтраком мистер Беннет.— Я полагаю, что за нашим столом должно появиться некое новое лицо.

— О ком вы говорите, друг мой? Насколько мне известно, никто к нам не собирается. Разве что заглянет Шарлот Лукас... Но для нее, я надеюсь, мои обеды всегда достаточно хороши. Не думаю, чтобы она особенно привыкла к подобному столу у себя дома.

— Я имею в виду одного приезжего джентльмена.

Глаза миссис Беннет заблестели.

— Приезжего джентльмена? Уверена, что это мистер Бингли! Ах, Джейн, лукавая девочка, как же ты раньше ничего не сказала? Ну что ж, я буду рада увидеть мистера Бингли. Но, боже мой, какой ужас! У нас не будет рыбьего блюда.

Лидия, душенька моя, позвони, пожалуйста. Необходимо сию же минуту отдать распоряжение миссис Хилл.

— Это вовсе не мистер Бингли,— отвечал ее муж.— Я жду человека, которого еще никогда в жизни не видел.

Слова эти вызвали общее удивление, и, к полному удовольствию мистера Беннета, все члены семейства засыпали его вопросами. Позабавившись всеобщим любопытством, он в конце концов дал следующее разъяснение:

— Около месяца тому назад я получил вот это письмо, на которое ответил две недели спустя. Дело казалось настолько тонким, что я предпочел его предварительно обдумать. Письмо написал мой кузен, мистер Коллинз, тот самый, который после моей смерти сможет выбросить вас из этого дома, как только ему заблагорассудится.

— Ах, мой друг,— воскликнула миссис Беннет,— и слышать о нем не желаю! Ради бога, не говорите об этом чудовище. Можно ли совершить что-нибудь более несправедливое, чем выгнать из принадлежащего вам имения ваших собственных детей? Я убеждена, что будь я на вашем месте, я бы уже давно постаралась что-нибудь предпринять.

Джейн и Элизабет попытались объяснить матери сущность закона о майорате³⁴. Подобные попытки делались ими и раньше. Но предмет этот выходил за пределы ее разумения, и она продолжала горько сетовать на жестокость законов, отнимающих дом у семьи с пятью дочерьми в поль-

зу человека, до которого никому нет никакого дела.

— Это, конечно, крайне несправедливо,— сказал мистер Беннет.— И мистери Коллинзу ничем не удастся снять с себя вины в наследовании Лонгборна. Однако, если вы позволите мне прочесть его послание, то, быть может, вас несколько примирит с ним тон, в котором оно написано.

— Уверена, что со мной этого не случится! Как вообще у него хватило наглости и лицемерия вам писать! Терпеть не могу этих фальшивых друзей! Уже лучше бы он враждовал с вами, подобно его отцу.

— Как вы услышите, он и впрямь ощущает некоторые сыновние обязательства в этом смысле:

«Хансфорд, около Уэстерхема,

Кент³⁵

15 октября

Дорогой сэр,

Недоразумения, существовавшие между Вами и моим высокочтимым покойным родителем, причиняли мне всегда много огорчений, и с тех пор, как я имел несчастье его потерять, я не раз испытывал желание преодолеть разделяющую нас пропасть. В течение некоторого времени меня все же одолевали сомнения, как бы я нечаянно не оскорбил память отца, установив хорошие отношения с теми, с кем ему было угодно находиться в размолвке».

— Вот видите, миссис Беннет!

«Однако в настоящее время у меня созрело решение. Приняв на прошлую пасху пасторский сан, я оказался тем счастливым смертным, который удостоился прихода в поместье ее сиятельства³⁶ леди Кэтрин де Бёр, вдовы сэра Льюиса де Бёра. Благодаря щедрости и расположению этой леди, я стал священником здешнего прихода, в каковой роли моим самым искренним стремлением будет вести себя с подобающим уважением по отношению к ее сиятельству и осуществлять обряды и церемонии, предписанные пастырю англиканской церкви. В качестве служителя церкви я считаю также своим долгом сеять мир и благоволение среди всех семейств, на которых может простираться мое влияние. По этой причине я льщу себя надеждой, что Вы доброжелательно отнесетесь к моему настоящему изъявлению доброй воли и не отклоните протянутую мною оливковую ветвь, великодушно закрыв глаза на то, что я являюсь наследником Лонгборна. Я не могу без сожаления сознавать, что представляю собой невольное средство нанесения ущерба благополучию Ваших прелестных дочерей, и, позволяя себе принести им в этом свои извинения, спешу также заверить Вас в моей готовности сделать все от меня зависящее, чтобы как-то восполнить этот ущерб... Но об этом позднее. Если у Вас не будет возражений против моего визита, я доставлю себе удовольствие посетить Вас и Ваше семейство в понедельник 18-го ноября в четыре часа и, возможно, пользоваться Вашим гостеприимством до субботы на следующей неделе,— что я могу себе позволить без особых хлопот, так как леди Кэтрин

отнюдь не возражает против того, чтобы я изредка отсутствовал в воскресенье, разумеется, если какое-нибудь другое духовное лицо выполнит за меня подобающие этому дню церковные обязанности.

Остаюсь, дорогой сэр, с почтительнейшим поклоном Вашей супруге и дочерям, Ваш добροжелатель и друг

Уильям Коллинз».

— Итак, в четыре часа мы можем ждать у себя этого миротворца,— сказал мистер Беннет, складывая письмо.— По-видимому, это необычайно добропорядочный и воспитанный молодой человек. Я полагаю, что мы будем дорожить этим знакомством, особенно если леди Кэтрин и впредь будет так любезно отпускать его в наши края.

— В том, что он пишет о наших девочках, есть все же какой-то смысл. Если он хочет что-то для них сделать, я не собираюсь его от этого отговаривать.

— Трудно представить,— сказала Джейн,— как это он думает восполнить наносимый им ущерб. Но уже одно такое желание делает ему честь.

Элизабет больше всего бросилось в глаза его крайнее почтение к леди Кэтрин и добрые намерения крестить, венчать и хоронить, по мере необходимости, свою паству.

— Ну и диковина, должно быть, этот наш троюродный братец,— сказала она.— Сразу его даже и не раскусишь. Что за напыщенный слог! И для чего он вздумал извиняться в своих наследственных правах? Трудно поверить, чтобы он нам

помог, даже если бы он был на это способен. Вы думаете — он человек разумный?

— Нет, моя дорогая, совсем не думаю. Я надеюсь на нечто прямо противоположное. Письмо его — такая смесь раболепия и самодовольства, которая служит отличным предзнаменованием. Поэтому-то мне очень интересно на него посмотреть.

— Что касается стиля, — сказала Мэри, — то его письмо безукоризненно. Идея об оливковой ветви, пожалуй, не блещет новизной, но выражена не плохо.

Для Кэтрин и Лидии письмо и его автор не представляли ни малейшего интереса. Нельзя было ожидать, что кузен появится в красном мундире, а за последние недели общество мужчин в одежде другого цвета не доставляло им никакого удовольствия. Вместе с тем прочитанное письмо настолько рассеяло в душе миссис Беннет недоброжелательство по отношению к мистеру Коллинзу, что она охотно стала готовиться к встрече, чем немало удивила мужа и дочерей.

Мистер Коллинз прибыл точно в назначенное время и был принят всей семьей с большим радушием. Хозяин дома, правда, ограничился лишь кратким приветствием, но дамы были достаточно словоохотливы, а мистер Коллинз не нуждался в ободрении и не отличался молчаливостью. Он оказался полным и высоким молодым человеком лет двадцати пяти, важного вида и солидного поведения. Не прошло и нескольких минут знакомства, как он уже преподнес миссис Беннет комплимент по поводу необычайной красоты ее дочерей,

о которой он уже столько слышал. При этом он признался, что в данном случае молва даже преуменьшила их истинные достоинства и выразил уверенность, что они достаточно быстро сделают прекрасные партии. Такая галантность пришлась, правда, не совсем по вкусу некоторым из его слушателей. Но миссис Беннет, которой всякий комплимент доставлял удовольствие, приняла его весьма благосклонно.

— Вы в самом деле, сэр, очень добры. Я всей душой желаю, чтобы ваше предсказание сбылось,— иначе их ждет печальная судьба. Обстоятельства сложились так нелепо!..

— Быть может, вы имеете в виду мои наследственные права?

— О, сэр, разумеется! Вы сами понимаете, как это ужасно для моих бедных девочек. Я ведь вовсе не считаю вас виноватым — такие вещи зависят только от случая. Когда имение переходит по мужской линии, оно может достаться кому угодно.

— Я, сударыня, вполне сочувствую несчастью моих прелестных кузин и мог бы не мало сказать по этому поводу. Однако, чтобы не опережать событий, пока что я воздержусь. Могу все же заверить молодых леди, что я прибыл сюда, готовый восхищаться их красотой. Сейчас я ничего к этому не прибавлю, но когда мы познакомимся поближе...

Тут его речь была прервана приглашением к обеду. Барышни пересмеивались друг с другом. Их красота была не единственным предметом восхищения мистера Коллинза. Гостиная, столовая, обстановка, все подверглось внимательному осмот-

ру и получило высокую оценку. Похвалы эти, несомненно, тронули бы миссис Беннет, если бы ее душу не леденила мысль, что мистер Коллинз смотрит на все, как на свою будущую собственность. Обед, в свою очередь, вызвал поток самых восторженных отзывов, причем мистер Коллинз пожелал узнать, кулинарным способностям какой из своих кузин они обязаны столь отменным угощением. Однако тут хозяйка дома водворила гостя на место, заверив его с достоинством, что она вполне может держать хорошего повара и что ее дочерям нечего делать на кухне. Гость не преминул попросить у нее прощения за допущенную оплошность, и миссис Беннет, смягчившись, сказала, что нисколько на него не обиделась. Однако мистер Коллинз еще в течение четверти часа продолжал извиняться.

Глава XIV

На протяжении всего обеда мистер Беннет почти ни с кем не разговаривал. Но когда прислуга удалилась, он решил, что для беседы с гостем наступило подходящее время. Коснувшись темы, которая несомненно должна была воспламенить мистера Коллинза, он заметил, что последний, по видимому, очень доволен своей патронессой. Сочувствие леди Кэтрин де Бёр всем его желаниям и ее забота о комфорте мистера Коллинза кажутся, на первый взгляд, из ряда вон выходящими. Мистер Беннет едва ли мог найти более удачный предмет для разговора. Гость говорил о леди де

Бёр с величайшим восторгом. Тема эта сделала его слог необычно высокопарным даже для него самого. С полной убежденностью он объявил, что за всю жизнь ему не приходилось наблюдать подобного поведения высокопоставленных особ — такой снисходительности и благосклонности, с какими отнеслась к нему леди Кэтрин. Она милостиво одобрила обе его проповеди, которые он уже имел честь произнести в ее присутствии. Дважды она пригласила его к обеду в Розингсе и всего только неделю назад присылала за ним, чтобы он принял участие в ее вечерней игре в кадрили³⁷. Многие, как известно, находят, что леди Кэтрин не в меру горда. Однако по отношению к нему она всегда была необыкновенно приветлива. Ее сиятельство всегда разговаривала с ним так же, как с любым другим порядочным человеком. Она ничуть не возражала ни против его знакомства с окрестным обществом, ни против того, чтобы он время от времени оставлял на неделю-другую свой приход ради визита к родственникам. Она даже снизошла до того, что порекомендовала ему по возможности поскорее жениться, конечно, с подобающей осмотрительностью и однажды посетила мистера Коллинза в его скромной обители. Там она вполне одобрила все предпринятые им усовершенствования и даже снабдила его кое-какими советами по части устройства полок в каморке на втором этаже.

— Все это необыкновенно похвально с ее стороны и, разумеется, крайне любезно, — заметила миссис Беннет. — Осмелюсь сказать, что это, должно быть, чрезвычайно приятная женщина. Как

жаль, что большинство важных дам на нее не похожи! И она живет, сэр, неподалеку от вас?

— Сад, в котором находится мое скромное обиталище, только одной аллеей отделен от Розингс Парка³⁸— резиденции ее сиятельства.

— Вы как будто сказали, что она — вдова, сэр? Есть ли у нее дети?

— У нее всего одна дочь — наследница Розингса, весьма значительного имения.

— Увы,— воскликнула миссис Беннет, покачав головой.— В таком случае она гораздо счастливее многих других барышень. А что собой представляет эта благородная особа? Хороша ли она?

— Воистину это — очаровательнейшая юная леди! Ее мать, леди Кэтрин, сама говорит, что по части красоты мисс де Бёр намного превзошла других прелестнейших представительниц своего пола, так как в ней есть что-то такое, что сразу отличает молодую особу высокого происхождения. К несчастью, у нее довольно слабое сложение, которое помешало ей преуспеть во многих искусствах. По мнению дамы, занимавшейся ее воспитанием, мисс де Бёр пошла бы весьма далеко, будь только она покрепче здоровьем. И она настолько мила, что нередко удостаивает своим посещением мою скромную обитель, когда выезжает на прогулку в своем запряженном пони маленьком фаэтоне.

— А она уже была представлена ко двору? Я почему-то не встречала ее имени в списках придворных дам³⁹.

— Увы, здоровье, к несчастью, не позволяет ей переселиться в город. Это обстоятельство, как

я однажды уже заметил самой леди Кэтрин, лишило двор Британии его лучшего украшения. Ее сиятельству очень понравилось мое замечание. Можете себе представить, я часто прибегаю к такого рода изящным комплиментам, которые столь нравятся дамам. Например, я не раз говаривал леди Кэтрин, что ее прелестная дочь рождена, чтобы стать герцогиней и украсить собой любое место, которое само украсило бы всякую другую леди. Я считаю священным долгом свидетельствовать подобными приятными мелочами свое внимание к ее сиятельству.

— Вы рассуждаете весьма здраво,— сказал мистер Беннет.— И ваше счастье, что вы обладаете талантом льстить с такой деликатностью. А позвольте спросить,— рождаются ли у вас эти приятные свидетельства внимания в результате мгновенного проблеска мысли или вы их придумываете заблаговременно?

— Обычно они всегда имеют отношение к происходящему. И хотя иногда, ради развлечения, я на досуге занимаюсь изобретением элегантных маленьких сюрпризов, которые могут подойти к различным случаям жизни, но, преподнося их, я всегда стараюсь придать им форму экспромта.

Ожидания мистера Беннета целиком подтвердились. Глупость кузена вполне оправдала его надежды. И, слушая гостя с серьезнейшим выражением лица, он от души развлекался. При этом, если не считать редких случаев, когда он бросал взгляд на Элизабет, он вовсе не нуждался в партнере, с которым мог бы разделить удовольствие.

Ко времени вечернего чаепития принятая им доза оказалась, однако, уже настолько значительной, что мистер Беннет был рад спровадить своего кузена в гостиную и попросить его почитать что-нибудь дамам. Мистер Коллинз с готовностью согласился, и ему была принесена книга. Однако, взглянув на заглавие (легко было видеть, что это — книга из общественной библиотеки⁴⁰), он сразу же от нее отпрянул и, попросив прощения, заявил, что никогда не читает романов. Китти изумленно на него уставилась, а Лидия даже от удивления вскрикнула. Были извлечены другие книги, и после некоторого раздумья он остановился на проповедях Фордайса⁴¹. Как только том был раскрыт, Лидию одолела зевота. И не успел он прочитать монотонным голосом трех страниц, как она воскликнула, перебив его на полуслове:

— Вы слышали, мама, дядя Филипс хочет уволить Ричарда? Если он на это решится, Ричарда тут же возьмет к себе полковник Форстер. Мне об этом в субботу сказала тетюшка. Нужно будет завтра же сходить в Меритон и расспросить обо всем поподробнее. А заодно и узнать, когда же вернется из города мистер Денни.

Две старшие сестры попросили Лидию придержать язык, но мистер Коллинз, оскорбленный до глубины души, отложил книгу и сказал:

— Мне часто приходилось наблюдать, как мало интересуют молодых леди книги серьезного содержания, написанные, увы, для их же пользы. И, признаюсь, меня это удивляет. В самом деле, могло ли быть для них что-нибудь благотворнее хорошего нравоучения! Но я больше не стану

утруждать слух моих юных кузин...— и, повернувшись к мистеру Беннету, он предложил ему сыграть партию в трик-трак⁴². Мистер Беннет принял приглашение, заметив, что кузен поступает весьма разумно, предоставляя девчонкам заниматься своими пустячными развлечениями. Миссис Беннет и ее дочери самым искренним образом извинились за выходку Лидии, обещая, если он возобновит чтение, впредь не допустить ничего подобного. Однако, заверив, что он не затаил против юной кузины ни малейшей обиды и что ее поступок вовсе не был для него оскорбителен, мистер Коллинз уселся с мистером Беннетом за другой столик и приготовился к игре.

Глава XV

Мистер Коллинз не был одаренной натурой. Вместе с тем его природные недостатки были мало исправлены воспитанием и общением с людьми. Большую часть жизни он провел под надзором отца — человека необразованного и мелочного. Находясь в университете, он прослушал курсы наук, но не завел каких-нибудь полезных знакомств. Подавленный отцовским воспитанием, первоначально привившим его характеру раболепие, позднее он приобрел самодовольство недалекого человека, который живет сам по себе и неожиданно рано преуспел в жизни. Благодаря счастливой случайности он подвернулся вдове сэра Льюиса де Бёра в тот момент, когда освободился хансфордский приход. Почтение к ее высокому рангу, благоговение перед личностью патронессы и вместе с тем

высокое мнение о собственной персоне, авторитете священнослужителя и правах главы церковного прихода сделали из него человека, в характере которого своеобразно сочетались высокомерие и угодничество, самодовольство и униженность.

Обзаведясь приличным жильем и вполне достаточным доходом, он возымел намерение жениться. В поисках же примирения с семьей мистера Беннета он задумал взять себе в жены одну из его дочерей, при условии, если знакомство с ними подтвердит дошедшие до него сведения об их красоте и благонравии. В этом-то и заключался его план восполнения ущерба, который наносился семье Беннет его наследственными правами. Сам мистер Коллинз считал, что ему пришел в голову необыкновенно удачный и для всех приемлемый план, который свидетельствовал в то же время о его великодушии, ибо не представлял для него никакой личной выгоды.

План этот не изменился после того, как он познакомился с семьей своего родственника. Созерцание прелестного личика мисс Беннет старшей, напротив, укрепило мистера Коллинза в его намерениях, подтвердив в то же время его строгие взгляды на права, связанные со старшинством. Таким образом, на протяжении первого вечера его избранницей сделалась Джейн. Следующее утро, однако, внесло в его планы некоторую поправку. Перед завтраком он провел четверть часа tête-à-tête* с миссис Беннет. Беседа меж-

---

* Наедине (*франц.*)

ду ними коснулась пасторского дома в Хансфорде и, естественным образом, перешла к надежде мистера Коллинза найти будущую хозяйку этого дома в Лонгборне. И среди приятнейших улыбок, свидетельствовавших, что она, вообще говоря, вполне одобряет его намерения, миссис Беннет смогла все же предостеречь гостя в отношении той своей дочери, на которой он было остановил свой выбор. «Она-де ничего не может позволить себе сказать в отношении младших девочек,— быть может, она недостаточно осведомлена,— но ей неизвестно о существовании у них каких-либо душевных привязанностей. Что же касается старшей дочери,— она просто должна упомянуть об этом, так как чувствует себя этим обязанной по отношению к Джейн,— весьма вероятно, что в скором времени она будет обручена».

Мистеру Коллинзу потребовалось только сменить одну сестру на другую. И это было сделано тотчас же, за то время, пока миссис Беннет перемешивала угли в камине. Почти равная Джейн годами и внешностью, Элизабет стала естественной преемницей прав старшей сестры.

Миссис Беннет высоко оценила намерения, на которые намекал мистер Коллинз, поверив, что в скором времени у нее будет две замужних дочери. И человек, имени которого она еще накануне не могла слышать, приобрел теперь ее полное расположение.

Лидия не забыла о своем желании отправиться в Меритон, и вместе с нею решили прогуляться также все ее сестры, кроме Мэри. По просьбе мистера Беннета мистер Коллинз должен был их

сопровождать. Хозяину дома очень хотелось от него избавиться и получить в свое распоряжение библиотеку, куда гость последовал за ним после завтрака и где, якобы заинтересованный одним из самых толстых томов, он почти без перерыва докучал своему родственнику болтовней о доме и саде в Хансфорде. Такое поведение кузена совершенно вывело мистера Беннета из терпения. В библиотеке он всегда рассчитывал найти покой и тишину. И хотя, как мистер Беннет признавался Элизабет, он постоянно был готов столкнуться с проявлениями глупости и самодовольства в любой другой части дома, здесь он привык от них отдыхать. Поэтому предложение совершить прогулку с девицами Беннет было высказано мистеру Коллинзу самым настоятельным образом. Более расположенный к прогулке, чем к чтению, мистер Коллинз с наименьшей охотой это предложение принял и тут же захлопнул свою огромную книгу.

Разговор по пути в Меритон почти все время поддерживал один мистер Коллинз, высокопарная болтовня которого лишь изредка прерывалась вежливыми замечаниями его кузин. Однако, очутившись в городке, младшие сестры совершенно перестали обращать на него внимание и принялись поглядывать во все стороны в поисках офицеров, так что отвлечь их от этого занятия мог только выставленный в окне лавки особенно модный чепчик или образчик только что привезенной кисеи.

Внимание девиц вскоре привлек неизвестный молодой человек благородной наружности, который прогуливался вместе с каким-то офицером по противоположной стороне улицы. Когда они по-

равнялись, офицер поклонился. Это был сам мистер Денни, о приезде которого Лидия хотела разузнать в Меритоне. Его спутник произвел на дам неотразимое впечатление, и они принялись разгадывать, кто бы это такой мог оказаться. Китти и Лидия решили выяснить это по возможности тотчас же и пересекли улицу, как бы направляясь в находившуюся неподалеку лавку. Им посчастливилось перейти на другую сторону как раз в ту минуту, когда два молодых человека, повернув назад, подошли к тому же самому месту. Мистер Денни сразу заговорил, попросив разрешения представить своего друга, мистера Уикхема, который прибыл с ним накануне в Меритон и, к удовольствию говорившего, был зачислен в их полк. Все складывалось необыкновенно удачно, ибо чтобы стать окончательно неотразимым, молодому человеку не хватало только полкового мундира. Внешность его вполне располагала в его пользу. В ней все было хорошо: правильные черты лица, отличная фигура, приятные манеры. Представленный дамам, он сразу обнаружил счастливую склонность к непринужденной беседе и при этом в его готовности не чувствовалось ни малейшей искусственности. Компания продолжала стоять, любезно болтая, когда послышалось цоканье копыт и вдали показались скакавшие вдоль улицы Дарси и Бингли. Увидев знакомых дам, всадники подъехали ближе и засвидетельствовали им свое почтение. Говорил главным образом Бингли, речь которого почти целиком была обращена к старшей мисс Беннет. По его словам, они направлялись в Лонгборн, чтобы осведомиться о ее здо-

ровье. Мистер Дарси подтвердил это кивком головы и, вспомнив о своем намерении не засматриваться на Элизабет, внезапно остановил взгляд на незнакомце. Элизабет, которая в это время случайно на них посмотрела, была поражена действием этой встречи на того и другого: оба изменились в лице — один побледнел, другой покраснел. Через несколько секунд мистер Уикхем притронулся рукой к шляпе — приветствие, на которое мистер Дарси едва ответил. Что бы это могло означать? Нельзя было придумать никакого объяснения. И также невозможно было удержаться от желания проникнуть в скрывавшуюся за этим тайну.

Через минуту мистер Бингли попрощался и ускакал со своим другом, как будто так и не заметив происшедшего.

Мистер Денни и мистер Уикхем проводили молодых леди до дома мистера Филипса и здесь раскланялись с ними, несмотря на настойчивые приглашения Лидии зайти в дом, поддержанные громкими восклицаниями высунувшейся из окна миссис Филипс.

Эта дама всегда была рада видеть своих племянниц. А недавнее долгое отсутствие двух старших мисс Беннет делало приход Джейн и Элизабет особенно желанным. Она тут же стала говорить о том, как удивило ее их раннее возвращение в Лонгборн. Они вернулись в чужом экипаже, и миссис Филипс могла бы об этом ничего не узнать, не попадись ей на улице мальчишка из аптеки мистера Джонса, который сказал, что он больше не носит лекарств в Незерфилд, так как обе мисс

Беннет оттуда уехали. В эту минуту ее внимание было привлечено к мистеру Коллинзу, которого ей представила Джейн. Миссис Филипс встретила его самым любезным образом, на что гость отвечал еще более любезно. Извиняясь за то, что он вторгся в дом, не имея чести быть с ней знакомым, мистер Коллинз льстил себя надеждой, что его поступок может быть все же оправдан родством с молодыми леди, представившими его ее вниманию. Миссис Филипс почувствовала благоговение перед столь воспитанным гостем. Однако ее тут же отвлекли от одного незнакомца расспросами относительно другого, о котором она, увы, могла сообщить своим племянницам только уже им известные сведения: что его привез из Лондона мистер Денни и что он собирается вступить лейтенантом в ***ширский полк. По ее словам, она вела наблюдения за ним уже в течение часа, пока он разгуливал по их улице, и если бы мистер Уикхем снова оказался перед окнами, Китти и Лидия, несомненно, тотчас бы продолжили это занятие. К несчастью, однако, на улице не появилось больше никого, кроме одного-двух офицеров, которые, по сравнению с заинтересовавшим их человеком, показались «невзрачными и не стоящими внимания». Кое-кто из полка должен был на следующий день прийти к Филипсам, и тетюшка взялась уговорить мужа, чтобы он позвал также мистера Уикхема, если к ней приедут ее родственники из Лонгборна. Приглашение было немедленно принято, и миссис Филипс обещала, что они смогут весело поиграть в лото, прежде чем будет подан легкий горячий ужин⁴³. Все были

очень обрадованы ожиданием столь приятных развлечений и расстались весьма довольные друг другом. Перед уходом мистер Коллинз снова принес свои извинения, которые были любезно отклонены хозяйкой дома.

По пути в Лонгборн Элизабет рассказала Джейн, что произошло на ее глазах между двумя молодыми людьми. Но так как ее сестра была готова защищать каждого из них в отдельности и обоих одновременно от любого возможного обвинения, то ей понять эту сцену было еще труднее.

Мистер Коллинз доставил большое удовольствие их матери восхвалениями манер и любезности миссис Филипс. Если не считать леди Кэтрин и мисс де Бёр, он, по его мнению, еще никогда не встречал более благовоспитанной дамы. Мало того, что она так любезно приняла его в своем доме. Она пригласила его еще и на завтрашний вечер, хотя до сих пор он не имел чести быть с ней знакомым. В какой-то степени это объяснялось его родством с семьей Беннет, но все же ему никогда еще не приходилось видеть подобного внимания к своей особе.

Глава XVI

Поскольку желание всех мисс Беннет отправиться к тетушке было одобрено их родителями, а опасения мистера Коллинза покинуть на один вечер хозяина и хозяйку дома были решительно отклонены, карета в надлежащее время достави-

ла молодого человека и его пять кузин в Меритон. По прибытии барышни с удовольствием узнали, что мистер Уикхем принял приглашение мистера Филипса и уже находится среди гостей.

Когда, выслушав это сообщение, все вступили в гостиную и расселись по местам, мистер Коллинз обрел наконец возможность осмотреться и прийти в восторг от своих наблюдений. По его словам, он был настолько поражен величиной зала и обстановкой, что мог вообразить себя находящимся в маленькой летней комнате для завтрака в самом Розингсе.

Такое сравнение на первый взгляд показалось миссис Филипс не особенно лестным. Однако когда он дал ей понять, что собой представляет Розингс и кому принадлежит это поместье, когда она услышала описание лишь одной из гостиных в доме леди Кэтрин и узнала, что только камин в ней обошелся владелице в восемьсот фунтов, миссис Филипс смогла оценить значение преподнесенного ей комплимента в такой мере, что вряд ли была бы даже обижена сравнением своего самого парадного зала с комнатой дворецкого в доме патронессы его преподобия.

Описывая величие леди Кэтрин и ее владений и позволяя себе изредка вставить словечко о собственном скромном обиталище и предпринятых в нем усовершенствованиях, мистер Коллинз весьма приятно провел время до прихода мужчин. В лице миссис Филипс он нашел самого внимательного слушателя. Мнение этой дамы о его персоне возрастало с каждым словом рассказчика вместе с желанием как можно скорее поделиться

полученными сведениями со своими знакомыми. Для девиц, которым уже надоело слушать кузена и которым не оставалось ничего другого, как с нетерпением ждать музыки и рассматривать собственные посредственные имитации китайских рисунков на камине, время тянулось гораздо медленнее. Но вот, наконец, минуты ожидания миновали. Появились мужчины, и когда Уикхем вошел в комнату, Элизабет стало ясно, что она смотрела на него при первой встрече и думала о нем впоследствии не без некоторого бессознательного восхищения. Офицеры ***ширского полка были в большинстве достойными молодыми людьми, из которых на вечере присутствовали самые избранные. Однако мистер Уикхем настолько же превосходил любого из них своим видом, фигурой, манерами и походкой, насколько сами они выгодно отличались от вошедшего следом за ними выдыхавшего пары портвейна, располневшего и обрюзгшего дядюшки Филипса.

Мистер Уикхем был тем счастливым представителем мужского пола, к которому обратились глаза всех присутствовавших в зале дам. А Элизабет оказалась среди них той счастливицей, возле которой он в конце концов нашел себе место. Усевшись, он тотчас же вступил с ней в беседу, приятнейший характер которой, хотя она и касалась всего-навсего сырости вечера и приближения дождливой погоды, позволил ей почувствовать, что самая скучная и избитая тема может приобрести значительность при надлежащем искусстве собеседника.

Такие соперники в борьбе за внимание со стороны прекрасного пола, как мистер Уикхем и его приятели-офицеры, заставили мистера Коллинза почти совсем ступешаться. Для молодых леди он и в самом деле попросту перестал существовать. Однако время от времени он все же обретал внимательного слушателя в лице миссис Филипс и благодаря ее заботам не испытывал недостатка в кофе и булочках.

Когда были расставлены карточные столы, он получил возможность в свою очередь оказать ей любезность, приняв участие в игре.

— Я еще пока недостаточно опытный партнер, — сказал он, — но мне необходимо усовершенствоваться. Ибо при моем положении в жизни... Миссис Филипс была ему очень признательна за принятое приглашение, но не смогла дослушать его до конца.

Мистер Уикхем не играл в вист⁴⁴ и был с восторгом принят за другим столом, где он сел между Лидией и Элизабет. Вначале существовала опасность, что способная безумолку болтать Лидия завладеет им полностью. Однако игра интересовала ее ничуть не меньше. И вскоре она настолько ей увлеклась и с таким жаром начала выкрикивать ставки и выигрыши, что перестала обращать внимание на кого бы то ни было. Благодаря этому мистер Уикхем получил возможность, насколько позволяла игра, разговаривать с Элизабет, которая слушала его с большой охотой, хотя и не надеялась, что разговор коснется предмета, интересовавшего ее больше всего — его знакомства с мистером Дарси. Она даже не

смела назвать имени этого человека. Совершенно неожиданно, однако, ее любопытство было удовлетворено. Мистер Уикхем сам коснулся этой темы. Осведомившись о расстоянии между Незерфилдом и Меритонем и получив ответ на этот вопрос, он с некоторой неуверенностью спросил, давно ли здесь находится мистер Дарси.

— Около месяца,— сказала Элизабет. И, не желая упустить волновавшую ее тему, добавила: — У него, я слышала, большое имение в Дербишире?

— О, да,— ответил Уикхем,— отличное поместье — чистых десять тысяч годовых! Вряд ли вы могли встретить кого-нибудь, кроме меня, кто дал бы вам на этот счет более точные сведения. С его семейством я связан известным образом с раннего детства.

Элизабет не могла не выразить своего удивления.

— Еще бы вам не удивляться, мисс Беннет! Должны же вы были вчера заметить, как холодно мы с ним встретились. Вы с ним близко знакомы?

— Ровно настолько, чтобы не желать знакомства более близкого! — с чувством ответила Элизабет.— Мне довелось провести с ним под одной кровлей четыре дня и он показался мне человеком весьма неприятным.

— Не смею судить — приятный или неприятный он человек,— сказал Уикхем.— Мне даже не подобает иметь такого мнения. Слишком долго и хорошо я его знаю, чтобы быть беспристрастным судьей. И все же мне кажется, что ваше

мнение о Дарси удивило бы многих. Быть может, где-нибудь в другом месте вы бы его даже не высказали. Здесь, конечно, другое дело. Вы находитесь среди своих...

— Честное слово, я не сказала ничего, что не смогла бы повторить в любом доме нашей округи, за исключением Незерфилда. Он никому в Хартфордшире не нравится. Гордость этого человека оттолкнула от него решительно всех. И едва ли вы найдете кого-нибудь, кто отозвался бы о мистере Дарси лучше, чем я.

— Не стану прикидываться огорченным, что мистера Дарси или кого бы то ни было оценивают по заслугам,— сказал после небольшой паузы мистер Уикхем.— Однако с мистером Дарси это случается довольно редко. Мир обычно бывает ослеплен его богатством и властью или подавлен его высокомерными и внушительными манерами. И его видят таким, каким он желает выглядеть сам.

— Даже поверхностное знакомство позволило мне почувствовать, насколько у него тяжелый характер.

Уикхем только покачал головой.

Когда ему удалось снова заговорить с Элизабет, он спросил:

— И долго мистер Дарси собирается пробыть в этих местах?

— Вот уж не знаю. Когда я была в Незерфилде, об его отъезде ничего не говорили. Надеюсь, что его пребывание по соседству не отразится на вашем намерении поступить в *** ширский полк?

— О нет! Мне незачем уступать ему дорогу. Пусть сам убирается, если не хочет со мной встречаться. Мы не состоим в дружеских отношениях, и мне всегда тяжело его видеть. Но других причин избегать его, кроме тех, которые я могу открыть всему свету, не существует. Прежде всего это сознание причиненной мне жестокой обиды. А еще — мне мучительно больно оттого, что он сделался таким человеком. Его отца, покойного мистера Дарси, я считал лучшим из людей. Он был моим самым близким другом. И меня мучают тысячи трогательнейших воспоминаний, когда судьба сталкивает нас с молодым мистером Дарси. Он причинил мне немало зла. Но я все бы ему простил, если бы он не опозорил память отца и не обманул так сильно его надежд.

Элизабет слушала его, затаив дыхание, чувствуя, что разговор захватывает ее все больше и больше. Однако деликатность темы помешала ее расспросам.

Мистер Уикхем перешел к предметам более общим: городу Меритону, его окрестностям и, наконец, к его жителям. Одобрив все, что ему удалось повидать, он особенно тонко, но вполне ощутимо похвалил местное общество.

— При поступлении в *** ширский полк я прежде всего имел в виду завести здесь постоянные и притом приятные дружеские связи. Я знал, что это — прославленная и достойная войсковая часть. Но мой друг Денни особенно соблазнял меня своими рассказами о городе, в котором полк в настоящее время расквартирован. Сколько внимания проявляют здесь к офицерам! И как много

приобрели они здесь приятных знакомств! Да, общество, признаюсь, мне необходимо. Я — человек, разочарованный в жизни, и душа моя не терпит одиночества. У меня непременно должны быть занятия и общество. Меня не готовили к военной карьере. Но, волею обстоятельств, теперь это — лучшее, на что я могу рассчитывать. Увы, моей сферой должна была стать церковь. Меня воспитывали для духовной стези. И я бы уже располагал отличным приходом, будь это угодно джентльмену, которого мы упомянули в нашей беседе.

— Неужели это возможно?

— О да, покойный мистер Дарси предназначал для меня лучший приход в своих владениях — сразу же после того, как в нем должна была открыться вакансия. Он был моим крестным отцом и просто души во мне не чаял. Заботы его обо мне не поддаются описанию. Он так хотел меня обеспечить и был спокоен, что ему это удалось! Но вот приход освободился и... достался другому.

— Боже правый! — воскликнула Элизабет. — Но это неслыханно! Как мог мистер Дарси пренебречь волей родного отца?! И вы для защиты своих прав не обратились к закону?

— Формальные недоговоренности в завещании не позволили мне опереться на закон. Человек чести не усомнился бы в воле покойного, но мистер Дарси предпочел подвергнуть ее сомнению. Эту часть завещания он объявил только условной рекомендацией, и осмелился утверждать, что я утратил свои права из-за моего легкомыс-

лия, моей расточительности, короче говоря,— решительно всех пороков или же попросту никаких. Верно лишь то, что два года тому назад приход оказался свободным,— как раз тогда, когда я по возрасту мог этим воспользоваться,— но я его не получил. И столь же верно, что я не могу обвинить себя в каком-нибудь проступке, из-за которого я должен был бы его лишиться. У меня горячий, несдержанный нрав. И, быть может, я слишком вольно высказывал свое мнение о молодом Дарси, признаюсь, иногда даже прямо ему в лицо. Ничего худшего я не припомню. Но все дело заключается в том, что мы с ним — слишком разные люди и что он меня ненавидит.

— Но это чудовищно! Он заслуживает публичного осуждения!

— Рано или поздно это случится. Но это не будет делом моих рук. Пока я помню Дарси-отца, я не смогу очернить или разоблачить Дарси-сына.

Элизабет вполне оценила его благородные чувства, заметив, как хорош он был в тот момент, когда о них говорил. После некоторой паузы она спросила:

— Но какие же у него для этого могли оказаться причины? Что толкнуло его на столь жестокий поступок?

— Решительная и глубокая неприязнь ко мне. Неприязнь, которую я не могу в какой-то мере не приписывать чувству ревности. Если бы покойный мистер Дарси любил меня не так сильно, его сын, быть может, относился бы ко мне лучше. Но необычайная привязанность ко мне отца ста-

ла, по-видимому, раздражать сына с самого раннего возраста. Ему не нравилось возникшее между нами своеобразное соревнование, и он не мог смириться с тем, что мне нередко оказывалось предпочтение.

— Мне и в голову не приходило, что мистер Дарси — такой недостойный человек. Правда, он мне и раньше не нравился. И все же так плохо я о нем не судила. Конечно, я замечала, с каким презрением он относится к окружающим. Но я никогда не предполагала, что он способен на такую низкую месть, такую несправедливость, такую бесчеловечность.

Подумав, она добавила:

— Я, правда, припоминаю, как он однажды хвалился в Незерфилде, что бывает в гневе безжалостен и не умеет прощать. Какой ужасный характер!..

— Не стану высказывать своего мнения по этому поводу, — ответил Уикхем. — Мне трудно быть к нему справедливым.

Элизабет снова погрузилась в раздумье и после некоторой паузы воскликнула:

— Так обойтись с крестником, другом, любимцем родного отца! — Она могла бы добавить: «С юношей, самая внешность которого располагает к нему людей с первого взгляда», но ограничилась словами: «С человеком, который к тому же с самого детства был его ближайшим товарищем! И который, как я вас поняла, связан с ним теснейшими узами!».

— Мы родились в одном приходе, в одном и том же поместье. И провели вместе все детские

годы — жили под одной кровлей, играли в одни игры, радовались общей отеческой ласке. В юности мой отец избрал тот жизненный путь, на котором с такой честью подвизается ваш дядюшка, мистер Филипс. Но он пренебрег всем, стремясь оказаться полезным покойному мистеру Дарси и посвятил свою жизнь заботам о Пемберли. Зато как высоко ценил его мистер Дарси! Какими задушевными друзьями были наши отцы! Мистер Дарси всегда признавал, чем он обязан своему другу. И незадолго до смерти отца мистер Дарси по собственной воле обещал ему обеспечить мое будущее. Я убежден, что он поступил так столько же из чувства благодарности к отцу, сколько из-за своей привязанности к сыну.

— Неслыханно! — воскликнула Элизабет. — Чудовищно! Казалось бы, одна гордость должна была заставить младшего мистера Дарси выполнить по отношению к вам свой долг! Если ему несвойственны лучшие чувства, то как его гордость позволила ему поступить так бесчестно? О да, бесчестно — его поведению нет другого названия!

— Это и в самом деле странно, — подтвердил Уикхем. — Ведь почти все его поступки так или иначе объясняются гордостью. Гордость нередко была его лучшим советчиком. Из всех чувств она его больше всего приблизила к добродетели. Но ведь не бывает правил без исключений: в отношениях со мной им руководили более сильные побуждения.

— Неужели его непомерная гордость когда-нибудь могла принести ему пользу?

— О да. Она часто заставляла его поступать снисходительно и великодушно — щедро раздавать деньги, оказывать гостеприимство, поддерживать своих арендаторов, помогать бедным. Все-му этому способствовала фамильная гордость и сыновняя гордость — настолько он гордится своим отцом. Опасение лишить былой славы свой род, ослабить влияние и популярность дома Пемберли сыграло немалую роль в его жизни. Ему свойственна и гордость старшего брата, которая в соединении с известной братской привязанностью сделала из него доброго и внимательно-го опекуна своей сестры. И вы могли бы услышать, что о нем говорят как о самом лучшем и заботливом брате.

— А что собой представляет мисс Дарси?

Он покачал головой.

— Если бы вы знали, как мне бы хотелось отозваться о ней хорошо. С именем Дарси так больно связывать что-то дурное. Но, увы, она слишком похожа на своего брата — столько в ней гордости. А какая это была милая, ласковая девочка в детстве, как нежно она была ко мне привязана! И кто скажет — сколько часов потратил я, заботясь о ее развлечениях? Но теперь она для меня — ничто. Это — довольно хорошенькая девица лет пятнадцати-шестнадцати, получившая, насколько я могу судить, недурное образование. С тех пор, как скончался ее отец, она постоянно живет в Лондоне в обществе какой-то дамы, которая руководит ее занятиями.

После нескольких пауз, прерывавшихся попытками найти другие темы для разговора, Эли-

забет не смогла удержаться от того, чтобы еще раз не вернуться к мистеру Дарси.

— Меня удивляет,— сказала она,— его близость к мистеру Бингли. Как это мистер Бингли, который кажется мне самым воплощением благожелательности и, я уверена, обладает превосходным характером, может поддерживать дружбу с подобным человеком? Неужели они могут друг с другом ладить? Кстати, вы знакомы с мистером Бингли?

— Нет, мы друг друга не знаем.

— О, это — в самом деле милейший человек. Он и не догадывается о том, что собой представляет мистер Дарси.

— Вполне вероятно. Когда мистер Дарси пожелает, он умеет понравиться. Он не лишен способностей. Если нужно, он оказывается превосходным собеседником. Вообще среди равных он совсем другой, нежели среди тех, кто стоит ниже его на общественной лестнице. Гордость не оставляет его никогда. Но к богатым он более справедлив и снисходителен. С ними он бывает искренен, порядочен и даже, пожалуй, приветлив,— если к тому же принять во внимание его внешность и положение.

Вскоре после этого игра в вист закончилась, и ее участники собрались вокруг другого стола. Мистер Коллинз расположился при этом между своей кузиной Элизабет и ее тетужкой, которая, разумеется, не преминула осведомиться о его карточных успехах. Последние оказались отнюдь не блестящими — он не выиграл ни одной ставки. Однако в ответ на выраженное ею сочувствие он

с самым серьезным видом попросил ее ни в коей мере не огорчаться, ибо он не придает значения деньгам и вполне может пренебречь небольшим проигрышем.

— Мне достаточно известно, сударыня, — сказал он, — что, сядя за карточный стол, человек должен быть готов к подобного рода невгодам. К счастью, мои обстоятельства не таковы, чтобы я должен был много думать о пяти шиллингах. Конечно, есть немало людей, которые не смогли бы сказать то же самое. Но благодаря леди Кэтрин де Бёр я достаточно обеспечен, чтобы не обращать внимания на подобные пустяки.

Слова эти привлекли внимание Уикхема. Взглянув на мистера Коллинза, он вполголоса спросил у Элизабет, насколько ее родственник близко знаком с семейством де Бёр.

— Леди Кэтрин де Бёр, — ответила она, — совсем недавно предоставила ему церковный приход. Мне неизвестно, каким образом она обратила на него свое внимание, но знакомство их не может быть продолжительным.

— Вы, конечно, знаете, что леди Кэтрин де Бёр и леди Энн Дарси были родными сестрами. Леди Кэтрин поэтому приходится теткой мистеру Дарси.

— О нет, я этого не знала. Я вообще не имею никакого понятия о родственных связях леди Кэтрин. До позавчерашнего дня я даже не догадывалась о ее существовании.

— Ее дочь, мисс де Бёр, получит огромное наследство. Полагают, что она и ее кузен следуют два состояния.

При этих словах Элизабет улыбнулась, невольно вспомнив о бедной мисс Бингли. Тщетными были, оказывается, все ее усилия привлечь внимание мистера Дарси. Тщетными и бесполезными были ее привязанность к его сестре и восхищение им самим. Мистер Дарси был предназначен для другой.

— Мистер Коллинз,— сказала она,— всячески превозносит леди Кэтрин и ее дочь. Но некоторые странности в его рассказах о своей благодетельнице заставили меня заподозрить, что чувство признательности ввело его в заблуждение. Несмотря на всю благосклонность к моему кузену, ее сиятельство представляется мне взбалмошной и самодовольной.

— Думаю, что то и другое верно. Я не видел ее уже много лет, но припоминаю, что мне никогда не нравились ее деспотические и вызывающие манеры. Она слывет женщиной необычайно умной и рассудительной. Но я полагаю, что этим она отчасти обязана своему рангу и состоянию, отчасти самоуверенности, а в остальном — гордости племянника, которому хочется, чтобы вся его родня славилась выдающимся умом.

Отзыв этот показался Элизабет вполне убедительным. Молодые люди, очень довольные друг другом, не переставали болтать до тех пор, пока начавшийся ужин не прервал игру, позволив и другим дамам воспользоваться долей внимания мистера Уикхема. За столом миссис Филипс обычно царил такой шум, что разговаривать во время ужина было почти совершенно невозможно. Однако манеры мистера Уикхема понравились

всем. Что бы он ни сказал, было сказано хорошо, что бы ни сделал, было сделано с изяществом. Элизабет уехала домой, думая только о нем. Дорргой мысли о мистере Уикхеме и о том, что он ей рассказал, не покидали ее ни на минуту. И все же ей даже не удалось произнести его имени, так как Лидия и мистер Коллинз болтали без умолку. Лидия непрерывно тараторила о лотерейных билетах, о ставках, которые она проиграла, и ставках, которые выиграла. Мистер Коллинз превозносил любезность мистера и миссис Филипс, убеждал всех, что его совершенно не тревожит карточный проигрыш, перечислял все поданные на стол блюда и беспрестанно беспокоился, не слишком ли он потеснил кузин в экипаже. Круг этих тем был слишком обширен для того, чтобы он успел с ними покончить до остановки кареты перед домом в Лонгборне.

Глава XVII

На следующий день Элизабет рассказала Джейн о своем разговоре с Уикхемом. Джейн была удивлена и расстроена: она не могла поверить, что мистер Дарси столь недостоин дружбы мистера Бингли. И, вместе с тем, ей было несвойственно сомневаться в правдивости молодого человека с такой привлекательной внешностью, какой обладал мистер Уикхем. Одной мысли о нанесенном ему ущербе было достаточно, чтобы вызвать ее горячие симпатии. Поэтому ей ничего не оставалось, как попытаться оправдать обоих,

приписав все, что могло бросить на них тень, недоразумениям или ошибкам.

— Я думаю,— сказала она,— что оба они были неизвестным нам образом введены в заблуждение. Быть может, какие-то люди, преследуя корыстные цели, создали у них друг о друге ложное представление. Но что именно вызвало между ними разлад, в котором нам лучше не обвинять ни того, ни другого, навсегда останется для нас тайной.

— Ты совершенно права. А теперь, дорогая Джейн, что ты скажешь в защиту тех, кто был в этом деле замешан и преследовал корыстные цели? Не следует ли оправдать также и этих людей? Иначе нам все же придется о ком-то плохо подумать.

— Можешь смеяться надо мной сколько угодно, но переубедить меня тебе не удастся. Лиззи, дорогая, ты только на минуту подумай, какую тень это бросает на мистера Дарси! Так обойтись с любимцем отца, с юношей, жизнь которого его отец обещал обеспечить. Это просто невероятно. Ни один человек, который дорожит своей репутацией, не способен на такой поступок. Разве самые близкие друзья могли бы в нем так обмануться? О нет, это невозможно.

— Мне гораздо легче представить себе, что в нем обманулся мистер Бингли, чем вообразить, что рассказанная вчера история — выдумка мистера Уикхема. Он называл имена, обстоятельства, факты без малейшей запинки. Пусть мистер Дарси попытается, если сможет, все опровергнуть. В глазах его светилась чистая правда!

— Это настолько неприятно и запутанно — прямо не знаешь, что и подумать.

— Прости, пожалуйста, но мне-то ясно, что об этом следует думать.

Для Джейн, однако, ясно было только одно — что мистер Бингли, если он и в самом деле был введен в заблуждение, будет глубоко огорчен, когда ему станут известны все обстоятельства.

Этот разговор происходил на поросшей кустарником дорожке около дома, которую молодым девицам пришлось покинуть из-за приезда некоторых лиц, упоминавшихся в их беседе. Мистер Бингли и его сестры явились в Лонгборн для того, чтобы лично пригласить всех на долгожданный бал в Незерфилде, имеющий быть в ближайший вторник. Обе леди были счастливы снова увидеть свою дорогую подругу, с которой, как им казалось, они не виделись целую вечность. И они наперебой расспрашивали ее, чем она занималась с тех пор, как они расстались. На других Беннетов они почти не обращали внимания, стараясь находиться подальше от хозяйки дома, по возможности не разговаривать с Элизабет и не обмениваться ни одним словом с ее младшими сестрами. Вскоре они поднялись, поразив брата своей поспешностью, и сейчас же уехали. Уходя, они так торопились к выходу, как будто им хотелось уклониться от обмена любезностями с миссис Беннет.

Мысли о незерфилдском бале чрезвычайно занимали всех дам в семействе Беннет. Миссис Беннет была склонна считать, что он устраивается в честь ее старшей дочери и чувствовала себя

необыкновенно польщенной тем, что вместо письменного приглашения мистер Бингли сам явился в Лонгборн просить их пожаловать на бал. Джейн рисовала в своем воображении счастливый вечер, который она проведет в обществе двух подруг, принимая знаки внимания со стороны мистера Бингли. Элизабет с удовольствием представляла себе, как она будет танцевать с мистером Уикхемом, находя доказательство всего, что он ей рассказал, в выражении лица и поведении мистера Дарси. Блаженство, которое предвкушали Кэтрин и Лидия, в меньшей степени было связано с какими-нибудь определенными людьми или обстоятельствами. И хотя каждая из них, подобно Элизабет, собиралась половину вечера танцевать с Уикхемом, он ни в коей мере не был для них единственным возможным кавалером — бал должен был быть балом при любых обстоятельствах. Даже Мэри уверяла родных, что у нее нет против него возражений.

— С меня достаточно, если я могу располагать своими утренними часами. И я вовсе не считаю, что приношу особенно большую жертву, время от времени принимая участие в вечерних развлечениях. Общество ко всем предъявляет свои права. И я отношусь к тем его членам, которые находят полезным позволить себе изредка немного отдохнуть и развлечься.

Элизабет была в превосходном настроении. И хотя обычно она старалась разговаривать с мистером Коллинзом как можно меньше, на этот раз она не сдержалась, спросив у него, думает ли он воспользоваться приглашением Бингли и подо-

бает ли его сану участвовать в подобных развлечениях. Она была немало удивлена, услышав, что ее кузен не испытывал на этот счет ни малейших сомнений и вовсе не опасался упреков со стороны архиепископа или леди Кэтрин де Бёр по поводу своего участия в танцах.

— Позвольте вам заметить,— добавил он,— что бал подобного рода, устроенный вполне достойным молодым человеком для респектабельной публики, не может, по моему мнению, таить в себе зловредных начал. Будучи далек от того, чтобы относиться к танцам с неодобрением, я питаю надежду танцевать в течение вечера с каждой из моих прелестных кузин. И, пользуясь случаем, мисс Элизабет, я имею честь уже сейчас пригласить вас на первый танец,— особая привилегия, которая, как я полагаю, будет правильно понята моей кузиной Джейн и отнюдь не воспринята ею за недостаток уважения с моей стороны.

Элизабет поняла, что попала впросак. Она была уверена, что на первый танец ее непременно пригласит Уикхем. И что же,— вместо этого ей придется танцевать с Коллинзом. Никогда еще она не проявляла своей общительности так не вовремя. Но делать было нечего. Счастливые для нее и для мистера Уикхема минуты должны были, таким образом, наступить несколько позднее. Приглашение мистера Коллинза было принято со всей любезностью, на которую она была способна. Оттого что в его разглагольствованиях проскользнуло нечто большее чем простая галантность, они не стали приятнее. Ей впервые пришлось

в голову, что из всех дочерей мистера Беннета именно она может оказаться достойной стать хозяйкой хансфордского прихода, а заодно — и четвертым участником карточной партии в Розингсе при отсутствии более подходящих партнеров. Подозрение это превратилось в уверенность по мере того, как она стала замечать все возрастающие знаки внимания со стороны кузена и его частые комплименты по поводу ее жизнерадостности и остроумия. Она была скорее встревожена, нежели обрадована действием своих чар, в особенности после того, как миссис Беннет дала ей понять, что весьма приветствует возможность такой партии. Сознывая, какая буря будет вызвана в доме ее ответом, Элизабет предпочла вести себя так, как будто она не понимала намеков. Могло случиться, что мистер Коллинз не соберется сделать предложение. И, пока он ни на что не решился, не было смысла поднимать шум по этому поводу.

Без надежды на бал в Незерфилде, к которому нужно было готовиться и о котором можно было вдоволь наговориться, младшие мисс Беннет чувствовали бы себя в это время крайне несчастными. С самого дня приглашения и до того дня, когда бал, наконец, состоялся, почти непрерывно лил дождь, лишивший их возможности добираться до Меритона. Ни тетушки, ни офицеров, ни новостей — даже банты для бальных башмаков были приобретены с помощью посыльного. Испытанию подверглось даже терпение Элизабет, так как плохая погода воздвигла непреодолимое препятствие ее дальнейшему знакомству с мистером Уикхе-

мом. Только ожидание танцев во вторник позволило Китти и Лидии как-то пережить совершенно несносные пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

Глава XVIII

Прежде чем Элизабет вступила в незерфилдскую гостиную и принялась тщетно выискивать мистера Уикхема среди собравшихся красных мундиров, ей и в голову не приходила мысль, что он может туда не явиться. Встреча с ним казалась ей настолько сама собой разумеющейся, что Элизабет даже не подумала о некоторых обстоятельствах, которые могли воспрепятствовать его появлению в Незерфилде. Она наряжалась к балу с особой тщательностью и в самом превосходном настроении готовилась к завоеванию всех оставшихся непокоренными уголков его сердца, будучи уверена, что эта задача может быть легко решена в течение одного вечера. Но как только она вошла, у нее зародилось зловещее подозрение, что в угоду своему другу Бингли не включил Уикхема в список приглашенных на бал офицеров. И хотя в действительности дело обстояло не совсем так, отсутствие Уикхема было тут же подтверждено его другом, мистером Денни, на которого с нетерпеливыми расспросами набросилась Лидия. Сообщив, что Уикхему пришлось накануне уехать по делам в Лондон и что он до сих пор оттуда не вернулся, Денни с многозначительной улыбкой добавил:

— Не думаю, чтобы дела были способны оторвать его от нас именно в такой день, если бы он

не стремился избежать встречи с неким присутствующим здесь джентльменом.

Это замечание едва ли дошло до ушей Лидии, но было понято ее сестрой. Оно доказывало, что Дарси не менее виновен в отсутствии Уикхема, чем если бы подтвердилась ее первоначальная догадка. И, разочарованная во всех своих ожиданиях, Элизабет почувствовала к Дарси такую неприязнь, что с трудом принудила себя вежливо ответить на любезное приветствие, с которым он устремился к ней навстречу. Внимание, сочувствие, снисходительность к этому человеку были равносильны предательству по отношению к Уикхему. Она настолько отвергала всякую возможность беседы с Дарси, что, отвернувшись от него, не смогла преодолеть свой гнев даже в разговоре с мистером Бингли, слепая привязанность которого к своему другу казалась ей непростительной.

Однако Элизабет не была создана для меланхолии. И хотя все ее связанные с балом надежды рухнули, она не могла чересчур долго предаваться мрачным мыслям. Поведав свои огорчения Шарлот Лукас, с которой они не виделись больше недели, она охотно перешла к рассказу о своем необыкновенном кузене, предоставив его вниманию своей подруги. Первый танец, однако, снова поверг ее в полное уныние. Это была убийственная церемония. Мистер Коллинз, важный и неуклюжий, делающий все время неверные па и то и дело извиняющийся, вместо того, чтобы следить за ходом танца, заставил ее почувствовать все унижение и досаду, какие только способен вызвать на протяже-

нии одного танца неприятный партнер. Минута, когда она от него наконец освободилась, принесла ей несказанное облегчение.

После Коллинза она танцевала с одним из офицеров. Она несколько пришла в себя, разговорившись с ним об Уикхеме и узнав, что молодой человек пользуется всеобщей симпатией. Оставив своего кавалера, она вернулась к мисс Лукас и, поглощенная беседой, не сразу заметила, что к ней обращается мистер Дарси, приглашая ее на следующий танец. От неожиданности Элизабет растерялась и в замешательстве приняла приглашение. Дарси отошел, и она осталась наедине с подругой, крайне недовольная тем, что не проявила достаточной находчивости. Шарлот попыталась ее успокоить.

— Надеюсь все же, что ты останешься довольна своим партнером.

— Упаси боже! Это было бы самым большим несчастьем. Остаться довольной человеком, которого решила ненавидеть! Ты не могла пожелать мне ничего худшего.

Когда танцы возобновились и Дарси приблизился к ним, предложив ей свою руку, Шарлот все же не удержалась и тихонько предостерегла подругу, чтобы она вела себя разумно и из симпатии к Уикхему не уронила бы себя в глазах несравненно более значительного человека. Элизабет ничего не ответила и заняла место среди танцующих, удивляясь, как это она удостоилась стоять в паре с мистером Дарси и замечая то же удивление в глазах окружающих. Некоторое время они танцевали молча. Она уже стала думать, что молчание

это продлится до конца танца и хотела сперва ничем его не нарушать. Но, вообразив вдруг, что могла бы вызвать бóльшую досаду партнера, если бы заставила его говорить, она произнесла несколько слов по поводу исполнявшейся фигуры. Дарси ответил и замолчал. После паузы, длившейся одну-две минуты, она обратилась к нему снова.

— Теперь, мистер Дарси, ваша очередь поддерживать разговор. Я отозвалась о танце, а вы могли бы сделать какое-нибудь замечание о величине зала или числе танцующих пар.

Он улыбнулся и выразил готовность сказать все, что она пожелала бы услышать.

— Ну вот и отлично,— ответила она.— На ближайшее время вы сказали вполне достаточно. Быть может, немного погодя я еще замечу, что частные балы гораздо приятнее публичных. Но пока мы вполне можем помолчать.

— А вы обычно разговариваете, когда танцуете?

— Да, время от времени. Нужно ведь иногда нарушать молчание, не правда ли? Кажется очень нелепым, когда два человека вместе проводят полчаса, не сказав друг другу ни слова. И все же кое-кто остался бы в выигрыше, если мы поведем разговор таким образом, чтобы сказать друг другу как можно меньше.

— Говоря это, вы подразумевали свои собственные желания или предполагали, что это угодно мне?

— И то и другое,— лукаво ответила Элизабет.— Я уже давно заметила немало совпадений

в нашем образе мыслей. Мы оба мало общительны и не склонны к разговору, если только нам не представляется случай сказать что-нибудь из ряда вон выходящее — такое, что может вызвать изумление всех присутствующих и наподобие пословицы из уст в уста передаваться потомству.

— Что касается вашего характера, — сказал он, — то вы, по-моему, обрисовали его не вполне точно. Не мне решать, насколько верно вы охарактеризовали меня. Впрочем, не сомневаюсь, что, по крайней мере, вы сами находите этот портрет удачным.

— Не могу судить о собственном искусстве.

Дарси ничего не ответил, и они опять замолчали, пока во время следующей фигуры танца он не спросил у нее, часто ли ее сестрам и ей самой приходится бывать в Меритоне. Ответив утвердительно, она не удержалась от соблазна и добавила:

— Когда мы с вами на днях там встретились, мы только что приобрели в этом городе новое знакомство.

Действие этих слов сказалось незамедлительно. На лице Дарси появилось надменное выражение. Но он не сказал ни слова, а у Элизабет, как она ни ругала себя за свое малодушие, не хватило решимости пойти дальше. Немного погодя Дарси холодно заметил:

— Мистер Уикхем обладает такими счастливыми манерами и внешностью, что весьма легко приобретает друзей. Достаточно ли он способен их сохранять — вот что кажется мне более сомнительным.

— Он имел несчастье потерять вашу дружбу,— многозначительно заметила Элизабет.— Быть может, это наложит тяжелый отпечаток на всю его жизнь.

Дарси ничего не ответил, но было видно, что ему хотелось переменить тему разговора. В эту минуту рядом с ними очутился сэр Уильям Лукас, пробиравшийся через толпу танцующих на противоположную сторону зала. Заметив мистера Дарси, он чрезвычайно любезно раскланялся и тут же рассыпался в комплиментах по поводу его манеры танцевать и красоты его дамы.

— Я получил, дорогой сэр, высочайшее удовольствие. Как редко приходится видеть танцующих с таким изяществом. Ваша принадлежность к высшему обществу бросается в глаза. Но разрешите заметить, что прелестная леди, с которой вы сейчас танцуете, кажется мне вполне достойной своего партнера, и я надеюсь получать теперь подобное наслаждение особенно часто. Конечно, после того, как произойдет определенное и, разумеется, столь желанное — не правда ли, дорогая мисс Элайза? — событие! — При этом он посмотрел в сторону Бингли и Джейн.— Сколько оно вызовет поздравлений! Но,— я обращаюсь к мистеру Дарси,— не позволяйте мне вас задерживать, сэр. Вы не станете благодарить меня за то, что я мешаю вашей очаровательной беседе с молодой дамой, сверкающие глазки которой уже начинают посматривать на меня с явным укором.

Последняя часть этой тирады едва ли была услышана Дарси. Но предположение сэра Уильяма относительно его друга сильно на него подейство-

вало. Его лицо приняло очень серьезное выражение, и он пристально посмотрел на танцевавших неподалеку Бингли и Джейн. Придя, однако, в себя, он обернулся к своей даме и сказал:

— Вмешательство сэра Уильяма заставило меня потерять нить нашего разговора.

— По-моему, мы вовсе не разговаривали. Едва ли сэр Уильям мог найти в этом зале двух танцующих, которые хотели бы так мало сказать друг другу. Мы пытались уже безуспешно коснуться нескольких тем. И мне даже в голову не приходит, о чем бы мы могли поговорить теперь.

— Что вы думаете о книгах? — спросил он с улыбкой.

— О книгах? О нет, я уверена, что мы с вами никогда не читали одних и тех же книг. И уж во всяком случае не испытывали при чтении одинаковых чувств.

— Мне жаль, что вы так думаете. Но даже если бы вы были правы, тем легче нам было бы найти тему для разговора. Мы могли бы сопоставить различные мнения.

— Нет, я не в состоянии говорить о книгах во время бала. Здесь мне на ум приходят другие мысли.

— Они всегда относятся к тому, что вас непосредственно окружает, не правда ли? — сказал он недоверчиво.

— Да, да, всегда, — машинально ответила Элизабет. На самом деле мысли ее блуждали в это время весьма далеко от предмета разговора, что вскоре подтвердилось ее внезапным замечанием:

— Помнится, мистер Дарси, вы признавались, что едва ли простили кого-нибудь в своей жизни. По вашим словам, тот, кто однажды вызвал ваше неудовольствие, не может надеяться на прощение. Должно быть вы достаточно следите за тем, чтобы не рассердиться без всякого повода?

— О да, разумеется,— уверенно ответил Дарси.

— И никогда не становитесь жертвой предубеждения?

— Надеюсь, что нет.

— Для тех, кто не поступает своим мнением, особенно важно судить обо всем здраво с самого начала.

— Могу я узнать, что вы имеете в виду?

— О, я просто пытаюсь разобраться в вашей натуре,— ответила она, стараясь сохранить на лице непринужденное выражение.

— И вам это удастся?

Она покачала головой:

— Увы, ни в малейшей степени. Я слышала о вас настолько различные мнения, что попросту теряюсь в догадках.

— Что ж, могу представить себе, что полученные вами сведения весьма противоречивы,— сказал он очень серьезно.— Я бы предпочел, мисс Беннет, чтобы вы пока не рисовали в своем воображении моего духовного облика. В противном случае полученная вами картина не сделает чести ни вам, ни мне.

— Но если я сейчас не подмечу самого главного, быть может, мне никогда не представится другого случая.

— Я бы не хотел лишать вас какого бы то ни было удовольствия,— холодно сказал Дарси.

Она ничего не ответила. И, закончив танец, они молча разошлись с чувством взаимного осуждения. Впрочем, мистер Дарси уже питал в своем сердце достаточно сильную привязанность к Элизабет, благодаря которой он довольно быстро нашел ей оправдание, сосредоточив свой гнев на другом лице.

Вскоре после этого к Элизабет подошла мисс Бингли и обратилась к ней с любезно-высокомерным видом:

— Итак, мисс Элайза, вы в восторге от Джорджа Уикхема, не правда ли? Я слышала об этом от Джейн. Она буквально засыпала меня вопросами о вашем новом приятеле. Однако из ее слов я поняла, что среди прочих своих сообщений молодой человек забыл вам сказать, что он — сын старого Уикхема, служившего дворецким у покойного мистера Дарси. Я бы все же хотела дружески вас предостеречь, чтобы вы не очень доверяли его высказываниям. Все, что он говорит о плохом обращении с ним мистера Дарси,— чистейший вымысел. Мистер Дарси, напротив, проявил необыкновенное благородство. Зато Джордж Уикхем поступил по отношению к мистеру Дарси самым непорядочным образом. Я незнакома с подробностями, но хорошо знаю, что мистера Дарси едва ли можно было бы в чем-нибудь упрекнуть. Недаром он даже не переносит упоминания о Джордже Уикхеме! И хотя моему брату казалось невозможным исключить Уикхема из списка приглашенных офицеров, он весьма обрадовался, узнав, что тот сам уклонил-

ся от приглашения. Появление Уикхема в этих местах — неслыханная дерзость. Непонятно, как он мог на это осмелиться! Мне очень жаль, мисс Элайза, что я должна была разоблачить пороки вашего протеже. Но, пожалуй, учитывая его происхождение, от него едва ли можно было ожидать чего-нибудь лучшего.

— Из ваших слов, сударыня, я поняла, что порок мистера Уикхема заключается в его происхождении, — резко ответила Элизабет. — Вы не сказали про него ничего плохого, кроме того, что его отец служил дворецким у мистера Дарси. Но об этом, смею вас заверить, он сообщил мне и сам.

— Прошу прощения, — саркастически заметила, отходя от нее, мисс Бингли. — Извините за вмешательство — я руководствовалась лучшими побуждениями.

— Какая наглость! — произнесла про себя Элизабет. — Но вы, сударыня, глубоко заблуждаетесь, рассчитывая повлиять на меня столь недостойной выходкой. Кроме вашего самодовольного невежества и порочности мистера Дарси, вы ничего ей не доказали.

Она тут же разыскала Джейн, которая уже успела поговорить по интересовавшему их поводу с мистером Бингли. Сестра встретила ее сияющей улыбкой, свидетельствующей о том, сколько радости доставил ей этот вечер. Догадавшись о мыслях Джейн по выражению ее лица, Элизабет поняла, что все ее сочувствие невзгодам мистера Уикхема, негодование против его врагов и прочее значат очень немного по сравнению с надеждой на грядущее счастье сестры.

— Мне, конечно, хотелось бы узнать,— сказала она с не менее приветливой улыбкой,— удалось ли тебе что-нибудь выяснить о мистере Уикхеме. Но, быть может, ты провела время так приятно, что могла думать только об одном человеке? За это я бы на тебя не обиделась.

— Я вовсе про него не забыла, Лиззи,— ответила Джейн.— Но, увы, не могу сказать тебе ничего утешительного. Мистеру Бингли эта история мало знакома. В чем именно мистер Уикхем виноват перед мистером Дарси, он не знает. Но он готов поручиться за добропорядочность, честность и благородство своего друга. И он твердо убежден, что мистер Уикхем не заслуживал даже той заботы, которую проявил по отношению к нему мистер Дарси. Меня это очень огорчает, но из его слов, так же, как из слов мисс Бингли, следует, что мистера Уикхема нельзя считать порядочным человеком. Боюсь, что он вел себя слишком неосмотрительно и тем самым лишился уважения мистера Дарси вполне заслуженно.

— А мистер Бингли знаком с мистером Уикхемом?

— Нет, он его ни разу не видел до встречи в Меритоне.

— В таком случае его взгляды на Уикхема заимствованы у мистера Дарси. Что ж, я вполне удовлетворена. Ну-с, а какие у него сведения о церковном приходе?

— Он не припоминает в точности обстоятельств, хотя не раз слышал о них от своего друга. Приход, кажется, был оставлен за Уикхемом только условно.

— Я не сомневаюсь в искренности мистера Бингли, — сказала Элизабет как можно мягче. — Но ты меня извини, если я не удовольствуюсь общими фразами. Мистер Бингли, конечно, должен добросовестно защищать интересы своего друга. Но так как некоторые части этой истории ему неизвестны, а с остальными он знаком только со слов самого мистера Дарси, я позволю себе относиться к обоим молодым людям по-прежнему.

Элизабет перевела разговор на гораздо более приятную тему, которая не вызывала между ними никаких разногласий. С радостью услышала она от Джейн, сколько счастливых и вместе с тем робких надежд вызывает в ней ухаживание мистера Бингли. И Элизабет высказала все, что было возможно, чтобы поддержать в ней эти надежды. Когда к ним присоединился мистер Бингли, Элизабет отошла в сторону и отыскала мисс Лукас. Она едва успела ответить на вопрос подруги о том, насколько ей понравился ее последний партнер по танцам. В эту минуту к ним подошел мистер Коллинз и в крайнем возбуждении сообщил, что он имел удовольствие только что сделать величайшее открытие.

— Благодаря чистой случайности, — сказал он, — я обнаружил в этой комнате близкого родственника моей патронессы. Мне посчастливилось услышать, как он в разговоре с молодой леди, являющейся украшением этого дома, упомянул имена его кузины мисс де Бёр и ее матери леди Кэтрин. Случаются же на свете подобные чудеса! Кто бы мог подумать, что здесь, на этом балу, я встречу чуть ли не с племянником леди Кэтрин?

Я благодарю небо за то, что оно вовремя раскрыло мне глаза, позволив засвидетельствовать ему мое почтение! Конечно, я не премину совершить это сию же минуту. И я уповаю на то, что он простит мне медлительность, которая оправдывается моей неосведомленностью.

— Не собираетесь ли вы представиться мистери Дарси?

— О, разумеется. Я буду покорнейше просить у него прощения за то, что не сделал этого раньше. Думаю, что он в самом деле приходится племянником леди Кэтрин. И я буду в состоянии заверить его, что всего неделю тому назад здоровье ее сиятельства не оставляло желать лучшего.

Элизабет всячески попыталась удержать мистера Коллинза от этого шага. Она доказывала, что Дарси сочтет обращение к нему незнакомого человека скорее непозволительной вольностью, нежели данью уважения к своей тетке, что здесь они вполне могут не обращать друг на друга внимания и, наконец, что если бы даже в этом и возникла необходимость, то первый шаг к знакомству должен был сделать мистер Дарси, занимающий более высокое положение в обществе. Мистер Коллинз выслушал ее с видом человека, твердо решившего поступить по-своему, и когда она замолчала, ответил:

— Дорогая моя мисс Элизабет! Я питаю самое высокое мнение относительно вашей превосходной способности судить о вещах, в которых вы хорошо разбираетесь. Но позвольте мне сказать, что имеется глубокое различие между нормами человеческих отношений, принятыми среди мирян, и теми,

которые определяют поведение священнослужителей. Я должен также присовокупить к этому, что ставлю служение церкви, в смысле почетности, вровень с исполнением самых высоких обязанностей в королевстве, — конечно, если только не забывать, что это служение должно осуществляться с подобающим смирением. А потому разрешите мне следовать в данном случае голосу совести, который призывает меня совершить то, что я считаю своим долгом. Простите меня за нежелание воспользоваться вашим советом, которым я готов руководствоваться в любом другом деле. Но при сложившихся обстоятельствах я полагаю себя по образованию и опыту более способным судить о правильности своего поведения, нежели подобная вам юная леди.

Отвесив глубокий поклон, мистер Коллинз покинул Элизабет и направился прямо к мистеру Дарси. С тревогой стала она наблюдать, какое действие произведет на Дарси это неожиданное обращение. При первых же словах кузена на лице Дарси выразилось недоумение. Мистер Коллинз начал с торжественного расшаркивания, и, хотя речь его до нее не долетала, ей казалось, что она слышит фразу за фразой, по мере того, как по движению его губ она разгадывала произносимые им слова: «извинения», «Хансфорд» и «леди Кэтрин де Бёр». Ей было крайне досадно видеть, что ее родственник выставляет себя перед мистером Дарси в столь комическом свете. Последний смотрел на Коллинза с нескрываемым изумлением и когда тот, наконец, позволил Дарси заговорить, ответил ему очень холодно. Это, однако, нисколько

не обескуражило мистера Коллинза и не удержало его от новой тирады, продолжительность которой, казалось, еще больше увеличила презрение к нему мистера Дарси, так что, когда она закончилась, он только слегка кивнул головой и пошел прочь, в то время как Коллинз возвратился к Элизабет.

— Поверьте, что я ни в коей мере не разочарован оказанным мне приемом,— сказал он, подойдя.— Мистер Дарси весьма доволен моей почтительностью. Он разговаривал со мной необыкновенно любезно и даже отплатил мне комплиментом, сказав, что достаточно знает разборчивость леди Кэтрин и не сомневается, что ее благосклонностью могут пользоваться только истинно достойные люди. Как это прекрасно сказано! Право, он мне очень понравился.

Так как самой Элизабет уже нечего было ждать от бала, она почти все внимание сосредоточила на сестре и мистере Бингли. Это навело ее на приятнейшие мысли, от которых она почувствовала себя почти такой же счастливой, как Джейн. В своем воображении она уже видела сестру хозяйкой этого дома, живущей в довольстве и счастье, которое может возникнуть только в браке, основанном на настоящей любви. При таких обстоятельствах она считала себя даже способной попытаться полюбить сестер мистера Бингли. Было очевидно, что мысли миссис Беннет сосредоточены на том же, и Элизабет твердо решила держаться от нее поодаль, боясь как бы мать не наговорила ей чего-нибудь лишнего. Однако, усаживаясь за стол, Элизабет, к своему огорчению, оказалась почти рядом с миссис Беннет. С досадой услышала она, что безудержная и

громкая болтовня матери с самым неподходящим человеком — леди Лукас — посвящена не чему иному, как предстоящей женитьбе Бингли и Джейн. Тема была настолько увлекательной, что в своих перечислениях преимуществ будущей партии миссис Беннет была совершенно неумоима. Прежде всего она поздравляла себя с тем, что Бингли такой милый молодой человек, и что он так богат, и что живет он всего в трех милях от Лонгборна. Далее она с восторгом говорила о том, как привязались к Джейн сестры мистера Бингли и как они должны радоваться возможности взаимно породниться. Более того, как много хорошего это событие сулит ее младшим дочерям, которые после замужества Джейн окажутся на виду у других богатых мужчин. И, наконец, как будет удобно ей, в ее возрасте, оставлять своих незамужних дочерей на попечении замужней сестры и появляться в обществе только тогда, когда ей заблагорассудится — это обстоятельство, в соответствии с общепринятыми взглядами, следовало непременно выдавать за приятное, хотя трудно было найти человека, который всю свою жизнь менее охотно сидел дома, чем миссис Беннет. В заключение выразилось множество пожеланий о том, чтобы леди Лукас оказалась столь же счастливой в ближайшем будущем, хотя всем своим видом миссис Беннет отчетливо и с явным торжеством давала понять, что считает это совершенно невероятным.

Тщетно дочка пыталась унять поток материнского красноречия или хотя бы упросить мать, чтобы она выражала свои восторги не таким громким

шепотом, который, как замечала к своей невыразимой досаде Элизабет, почти полностью доходил до ушей сидевшего напротив мистера Дарси. Мать только сердилась на нее, говоря, что она несет чепуху.

— Ну что для меня твой мистер Дарси, чтобы мне нужно было его бояться? Мы, слава богу, у него не в долгу за его особенно любезное обращение с нами, чтобы стараться не сказать чего-нибудь, что ему, видите ли, не угодно услышать.

— Мама, ради бога, старайтесь говорить тише. Для чего вам оскорблять мистера Дарси? Разве вы этим хорошо зарекомендуете себя перед его другом?

Уговоры, однако, не производили на мать никакого действия. Миссис Беннет продолжала во всеуслышание разглагольствовать о питаемых ею надеждах, и Элизабет то и дело приходилось краснеть от стыда и досады. Ей было трудно удерживаться от того, чтобы время от времени не взглянуть на Дарси, каждый раз убеждаясь, насколько основательны ее опасения. Хотя Дарси и не всегда смотрел в сторону миссис Беннет, она была убеждена, что его внимание сосредоточено именно на ней. При этом выражение его лица постепенно менялось: если вначале на нем было написано негодующее презрение, то под конец оно было исполнено мрачной и неуклонной решимости.

В конце концов, однако, красноречие миссис Беннет иссякло, и леди Лукас, которая во время этих, едва ли разделяемых ею, восторженных излияний неоднократно подавляла зевки, получила, наконец, возможность спокойно сосредоточиться на курице и ветчине. Элизабет начала было уже

приходить в себя. Однако передышка продолжалась недолго. Когда ужин окончился, заговорили о музыке, и ей пришлось перенести еще одно унижение, увидев, как Мэри, после недолгих уговоров, приготовилась порадовать публику своим искусством. Элизабет попыталась взглядами предотвратить такую самоотверженность с ее стороны, но тщетно. Обрадовавшись возможности показать себя во всем блеске, Мэри не хотела ничего понимать и тут же уселась за фортепиано. С крайней досадой Элизабет наблюдала за сестрой, не отрывая от нее глаз и нетерпеливо следя за тем, как она переходит от куплета к куплету. Окончание песни, впрочем, не принесло ей облегчения — уловив среди одобрительных возгласов намек на просьбу продлить доставленное всем удовольствие, сестра тотчас же принялась за новую. У Мэри не было никаких данных для выступлений перед публикой: голос у нее был слабый, манера исполнения — вымученная. Элизабет была в отчаянии. Она посмотрела на старшую сестру, чтобы узнать, как переносит эту же муку Джейн. Но Джейн очень мило болтала с Бингли. Элизабет взглянула на двух его сестер и увидела, что они делают насмешливые знаки друг другу и мистеру Дарси, который, однако, сохранял непроницаемо мрачное выражение. Наконец она бросила взгляд на отца, умоляя его вмешаться, так как иначе Мэри могла бы продолжать свое пение до утра. Он понял ее, и когда Мэри закончила вторую песню, громко сказал:

— Этого вполне хватит, дитя мое. Ты уже достаточно долго услаждала наш слух. Позволь те-

перь и другим молодым девицам выставить себя напоказ.

Хотя Мэри и сделала вид, что его слова до нее не дошли, она все же была ими несколько сконфужена. А Элизабет, переживая обиду за сестру и досадуя на отца, чувствовала, что своим вмешательством только ухудшила дело. Между тем стали искать нового исполнителя.

— Если бы мне, — произнес мистер Коллинз, — посчастливилось обладать музыкальными способностями, я несомненно счел бы для себя огромным удовольствием порадовать общество какой-нибудь арией. Ибо я нахожу музыку самым невинным развлечением, вполне совместимым с положением служителя церкви. Разумеется, я не считаю, что мы вправе уделять музыке слишком много времени — существует так много дел, требующих от нас внимания. Если бы вы знали, сколько обязанностей у пастыря церковного прихода! Во-первых, ему нужно распределить десятину, заботясь при этом о своих интересах и не нарушая в то же время интересов своего патрона. Далее, ему необходимо сочинять проповеди. Остального времени едва хватает на исполнение церковных обрядов и заботу об усовершенствовании своего жилища, комфортом которого он ни в коем случае не вправе пренебрегать. Столь же важно для него проявлять внимание и участие ко всем окружающим людям и в особенности к тем из них, кому он обязан своим положением. И я отнюдь не освобождаю себя от подобного долга, так же, как не стал бы хорошо думать о человеке, который упускает возможность выразить почтение любой особе, нахо-

дящейся в родственных отношениях с его патроном!

И он заключил свою речь, произнесенную таким громким голосом, что ее услышала половина собравшегося общества, глубоким поклоном в сторону мистера Дарси. Кое-кто из присутствовавших пристально посмотрел на мистера Коллинза, кое-кто улыбнулся. Но никого его речь не позабавила больше, чем мистера Беннета, в то время как миссис Беннет вполне серьезно ее одобрила, поведав вполголоса своей соседке леди Лукас о том, что мистер Коллинз необыкновенно умный и достойный молодой человек.

Элизабет казалось, что если бы все члены ее семейства нарочно сговорились выставить в этот вечер напоказ свои недостатки, им едва ли удалось бы выполнить это с бóльшим блеском и добиться более значительного успеха. К счастью для мистера Бингли и Джейн, некоторые номера этого спектакля, по-видимому, ускользнули от внимания молодого человека, не слишком чувствительного к проявлениям человеческой глупости. Однако достаточным злом было уже и то, что для его сестер и мистера Дарси открывалась великолепная возможность высмеивать ее родню. И Элизабет не могла решить, что для нее было более невыносимо: вызывающие улыбки двух леди или молчаливое презрение джентльмена.

Остаток вечера принес ей мало приятного. Ее продолжал мучить мистер Коллинз, неотлучно следовавший за ней по пятам. Не будучи в состоянии уговорить ее танцевать, он своим присутствием лишал ее возможности принять приглашение

какого-нибудь другого кавалера. Тщетно уговаривала она его воспользоваться обществом других молодых леди, предлагая познакомить его с любой из присутствовавших дам. Мистер Коллинз утверждал, что он равнодушен к танцам и что больше всего ему бы хотелось выразить свое особое внимание дорогой кузине, надеясь тем самым как можно лучше зарекомендовать себя в ее глазах. По этой причине он предпочел бы остаться около нее до конца бала. Против такого желания было трудно что-нибудь возразить. Поэтому Элизабет была благодарна мисс Лукас за то, что ее подруга часто к ним подходила и самоотверженно принимала на себя труд поддерживать разговор с мистером Коллинзом.

Элизабет, по крайней мере, была рада избавиться от знаков внимания со стороны мистера Дарси, который, хотя нередко и прохаживался без всякого дела неподалеку от нее, но больше уже не пытался с ней заговорить. Было приятно предположить, что она добилась этого намеками на мистера Уикхема.

Гости из Лонгборна покинули зал последними. Благодаря особой уловке миссис Беннет, их экипаж был подан только спустя четверть часа после того, как все остальные приглашенные уже уехали. Это дало им возможность заметить, с каким нетерпением ждал их отъезда кое-кто из обитателей Незерфилда. Миссис Хёрст и ее сестра открывали рот только для того, чтобы посетовать на свою усталость, всем своим видом показывая, насколько им хотелось, наконец, остаться наедине. Отклоняя всякую попытку миссис Беннет завя-

зять разговор, они наводили оцепенение на всех присутствующих. Картина эта слабо оживлялась пространными рассуждениями мистера Коллинза, которые были полны комплиментов по адресу мистера Бингли и его сестер, по поводу изысканности только что закончившегося вечера и любезности и гостеприимства хозяев дома. Мистер Дарси вообще ничего не говорил. Мистер Беннет также молчал, смакуя развернувшееся перед ним зрелище. Мистер Бингли и Джейн, стоя несколько поодаль от других, разговаривали только между собой. Элизабет хранила молчание не менее упорно, чем миссис Хёрст и мисс Бингли. И даже Лидия была настолько утомлена, что не произнесла ни слова, если не считать отрывочных восклицаний вроде: «Боже, как я устала!», сопровождавшихся энергичным зевком.

Когда все, наконец, направились к выходу, миссис Беннет любезнейшим образом выразила неперемное желание вскоре увидеть незерфилдскую компанию у себя в Лонгборне. Обращаясь главным образом к мистеру Бингли, она сказала ему, что ее семья будет счастлива в любое время разделить с ним и его близкими свой скромный обед — без церемоний и формальных приглашений. Мистер Бингли искренно поблагодарил и охотно обещал навестить их при первом удобном случае после его возвращения из короткой деловой поездки в Лондон, куда он должен был выехать на следующее утро.

Миссис Беннет была вполне удовлетворена. Покидая Незерфилд, она была полна счастливой уверенности, что ее дочь переедет сюда спустя три-

четыре месяца, необходимых для приобретения новых экипажей и обстановки и приготовления свадебных нарядов. В той же мере она была убеждена в скором замужестве и второй дочери. Надежда на этот брак также доставляла ей немалое удовольствие, хотя и не столь сильное, как предвкушение замужества Джейн. Миссис Беннет любила Элизабет меньше других своих дочерей. И хотя она ничего не имела против Коллинза и его пасторского домика, они, конечно, не шли ни в какое сравнение с мистером Бингли и Незерфилдом.

Глава XIX

На следующее утро в Лонгборне произошли новые важные события. Мистер Коллинз сделал формальное предложение второй дочери мистера Беннета. Срок его пребывания в Лонгборне истек в ближайшую субботу, и он решил не терять времени. Он не страдал застенчивостью, которая помешала бы ему свободно выражать свои чувства, а потому осуществил свое намерение весьма продуманно, сопровождая свои действия всем, что казалось ему подходящим обстоятельствам.

Застав миссис Беннет после завтрака в обществе Элизабет и одной из ее младших сестер, он обратился к хозяйке дома со следующими словами:

— Могу ли я надеяться, сударыня, что вы употребите ваше влияние на прелестную мисс Элизабет, если я попрошу ее оказать мне сегодня

особую честь, позволив побеседовать с ней наедине?

Элизабет успела только покраснеть от неожиданности, ибо миссис Беннет сейчас же воскликнула:

— Ах, боже мой! Ну конечно! Само собой разумеется! Я уверена, что Лиззи выслушает вас с большим удовольствием. У нее не может быть никаких возражений. Пойдем, Китти, мы мне понадобимся наверху.

И, собрав свое шитье, она заторопилась к выходу. Ее остановила Элизабет.

— Пожалуйста, не уходите отсюда. Я вас очень прошу. Мистер Коллинз меня извинит. Он не скажет мне ничего, что не мог бы услышать любой человек в этом доме. Я предпочитаю уйти сама.

— Ах, Лиззи, какие глупости. Мне хочется, чтобы ты оставалась в этой комнате.— И, увидев, что смутившаяся и растерявшаяся Элизабет может и в самом деле убежать, добавила:— Лиззи, я требую, чтобы ты осталась и выслушала мистера Коллинза.

У Элизабет не хватило духу нарушить столь безоговорочный приказ. И так как короткое размышление подсказало ей, что умнее всего будет покончить с делом возможно быстрее и с наименьшим шумом, она снова присела и углубилась в шитье. Ей хотелось и смеяться и плакать. Как только миссис Беннет и Китти вышли, Коллинз приступил к объяснению.

— Поверьте, дорогая мисс Элизабет, что ваша скромность не только не роняет вас в моих гла-

зах, но даже еще сильнее подчеркивает ваши совершенства. Вы не казались бы мне столь очаровательной, если бы не обнаружили некоторого нежелания пойти мне навстречу. Позвольте, однако, вас заверить, что обращаясь к вам, я уже заручился согласием вашей почтенной матушки. Вы едва ли заблуждаетесь в отношении преследуемых мною целей, хотя, быть может, и станете это отрицать ввиду вашей природной деликатности. В самом деле, я слишком явно оказывал вам свое предпочтение, чтобы вы могли не понять моих намерений. Почти в ту самую минуту, когда я переступил порог этого дома, я понял, что вам суждено стать спутницей моей жизни. Но, прежде чем дать волю моим пламенным чувствам, быть может, мне следовало бы поделиться с вами мотивами, по которым я собираюсь жениться и которые заставили меня приехать в Хартфордшир, чтобы найти в этом доме свою будущую подругу?

Мысль, что ее рассудительный и напыщенный кузен может дать волю своим пламенным чувствам, чуть не заставила Элизабет рассмеяться. Из-за этого она не смогла воспользоваться небольшой паузой и удержать его от дальнейших излияний, позволив мистеру Коллинзу продолжить свой монолог.

— Итак я собираюсь жениться, считая, во-первых, что всякий служитель церкви, не стесненный, подобно мне, в средствах, должен быть примерным семьянином в своем приходе. Во-вторых, я уверен, что этот шаг сделает мою жизнь еще более счастливой. И, наконец, в-третьих, — хотя, быть может, мне следовало бы упомянуть об этом

прежде всего,— я особо руководствуюсь в данном случае советом и пожеланиями весьма благородной леди, которую имею честь называть своей патронессой. Она уже дважды снизошла до того, чтобы высказать (без всякой просьбы с моей стороны!) свои взгляды по этому поводу. И даже в субботу, накануне моего отъезда из Хансфорда, когда миссис Дженкинсон, в перерыве между двумя партиями кадрили, поправляла скамеечку в ногах мисс де Бёр, леди Кэтрин сказала мне: «Мистер Коллинз, вам следует жениться. Служитель церкви вашего склада должен быть женатым человеком. Выбирайте разумно, выбирайте достойную. Учтите мой вкус, считаясь, конечно, и со своим. Пусть это будет порядочная и работающая женщина, не избалованная, а такая, которая способна сводить концы с концами при скромном доходе. Я вам это очень советую. Найдите себе как можно скорее подходящую жену, привезите ее в Хансфорд, и я нанесу ей визит». Я бы хотел, кстати, заметить, моя прелестная кузина, что отнюдь не ставлю внимание и доброту леди Кэтрин де Бёр на последнее место в ряду тех преимуществ, которые я в состоянии предложить вместе с моей рукой. Познакомившись с леди Кэтрин, вы поймете, что я не мог описать вам ее манеры так, как они того заслуживают. И я надеюсь, что ей понравятся свойственные вам живость и остроумие, которые, разумеется, будут должным образом смягчены сдержанностью и уважением, внушаемыми ее высоким рангом. Вот к чему сводятся общие соображения, которые побуждают меня к женитьбе. Мне остается только сказать — поче-

му именно я обратил свои взоры в сторону Лонгборна, а не окружающих Хансфорд селений, в которых, смею вас уверить, имеется немало приятных молодых леди. Суть дела в том, что после смерти вашего высокочтимого батюшки (да проживет он еще многие лета!) мне предстоит унаследовать его имение. И, дабы успокоить в этом отношении мою щепетильность, я решил сделать своей женой одну из его дочерей. Я бы хотел, чтобы они как можно меньше почувствовали потерю тогда, когда произойдет, увы, столь печальное событие, которое, однако, как я уже говорил, может совершиться еще очень нескоро. Таковы были мои побуждения, прелестная кузина, и я льщу себя надеждой, что они не уронят меня в ваших глазах. Мне остается только уверить вас самым пламенным образом в необыкновенной силе моей привязанности. Я вполне равнодушен к деньгам и не собираюсь предъявлять никаких претензий по этому поводу вашему батюшке, ибо достаточно знаю, сколь мало они могут быть удовлетворены. Я также осведомлен, что одна тысяча фунтов из четырех процентов годовых, и то переходящая к вам только после кончины миссис Беннет, — все, чем вы можете располагать в будущем. По этому поводу я буду нем, как рыба, и вы можете быть уверены, что ни один неблагоприятный упрек вовеки не сорвется с моих уст.

Было совершенно необходимо остановить его как можно скорее.

— Вы торопитесь, сэр! — вскричала Элизабет. — Вы забыли, что я еще ничего не ответила. Разрешите мне это сделать без промедления.

Примите, сэръ, благодарность за оказанную мне честь. Поверьте, я глубоко сознаю, сколь почетно для меня ваше предложение, но я вынуждена его отклонить.

— О, мне приходилось слышать, — отвечал мистер Коллинз с выразительным жестом, — что молодые леди, когда мужчина впервые просит их составить его счастье, нередко отклоняют предложение, которое в глубине души готовы принять. В некоторых случаях отказ повторяют во второй и даже в третий раз. Поэтому меня ничуть не обескуражили ваши слова, и я искренне надеюсь, что в недалеком будущем я поведу вас к алтарю.

— Однако после моего ответа, сэръ, — воскликнула Элизабет, — ваша надежда не кажется обоснованной. Уверяю вас, что я не отношусь к числу молодых женщин (если они вообще существуют), у которых хватает смелости рискнуть своим счастьем, рассчитывая на повторное предложение. Я отвечала вам серьезно. Вы не сможете сделать счастливой меня, и по моему глубокому убеждению, из всех женщин на свете я меньше всех могла бы составить счастье такого человека, как вы. Не сомневаюсь, что если бы меня узнала ваш друг леди Кэтрин, то она ни в коем случае не одобрила бы ваш выбор.

— Неужели леди Кэтрин в самом деле так бы о вас подумала? — проговорил мистер Коллинз с серьезной миной. — Но я не могу себе представить, чтобы вы не понравились ее сиятельству. Можете быть уверены, что, когда я буду иметь честь с ней встретиться, я опишу ей вашу скром-

ность, хозяйственность и прочие положительные качества в самом выгодном свете.

— Увы, мистер Коллинз, похвалы по моему адресу будут тщетными. Позвольте мне самой решать свою судьбу и соблаговолите поверить моим словам. Я желаю вам от души богатства и счастья и, отказываясь выйти за вас замуж, делаю все, что только зависит от меня, чтобы эти пожелания исполнились. Предложив мне руку, вы должны были успокоить свою щепетильность в отношении нашей семьи. И теперь вы сможете вступить во владение Лонгборнским имением, когда оно к вам перейдет, без угрызений совести. Таким образом, вопрос этот можно считать вполне решенным.

С этими словами она уже было хотела покинуть комнату, но мистер Коллинз заговорил опять:

— Когда я буду иметь честь беседовать с вами на ту же тему еще раз, я буду надеяться получить более благоприятный ответ, чем тот, который вы мне дали сейчас. Вместе с тем я далек от того, чтобы обвинить вас в жестокости, хорошо зная, насколько свойственно вашему полу отвергнуть мужчину, когда он делает предложение в первый раз. Быть может, вы даже обнадежили меня ровно в той мере, какую допускает истинная деликатность женской души.

— Вы в самом деле меня озадачили, мистер Коллинз,— с некоторым волнением проговорила Элизабет.— Если мой ответ показался вам обнадеживающим, то я не представляю себе, как мне выразить свой отказ, чтобы он стал для вас убедительным.

— Позвольте мне, кузина, утешить себя мыслью, что вы отклонили мое предложение лишь на словах. Короче говоря, я убежден в этом по следующим причинам. Мне вовсе не кажется, что я недостойн вашей руки или что условия жизни, которые я в состоянии предложить вам, могут вас не устроить. Мне особо благоприятствует мое положение в обществе, связи с семьей де Бёр и родство с вашим семейством. И, несмотря на все ваши достоинства, вы должны понимать, что вам может не представиться нового случая выйти замуж. Незначительность вашего приданого может уничтожить всю притягательную силу вашей красоты и прочих положительных качеств. Поэтому я считаю, что в глубине души вы вовсе не намерены мне отказать. И я склонен объяснить ваш ответ желанием сильнее воспламенить мои чувства посредством свойственного хорошеньким женщинам очаровательного кокетства.

— Уверю вас, сэр, я совершенно не претендую на успех, которого можно добиться игрой на чувствах серьезного человека. Мне больше хотелось бы, чтобы вы оценили мою искренность. Я еще раз благодарю вас за честь, оказанную мне вашим любезным предложением, но принять его для меня решительно невозможно. Все мои чувства восстают против этого. Могу ли я выразиться яснее? Перестаньте же смотреть на меня, как на увлекающую вас в сети кокетку, и постарайтесь увидеть перед собой разумное существо, говорящее правду от всего сердца!

— Вы просто прелестны!— воскликнул он, проявляя несвоевременную галантность.— И я

убежден, что, когда мое предложение будет одобрено вашими высокочтимыми родителями, оно будет вами принято без возражений.

Элизабет поняла, что она совершенно бессильна хоть сколько-нибудь поколебать самоуверенность мистера Коллинза. И она тут же вышла из комнаты, решив, если он и дальше будет принимать ее отказ за обнадеживающие поощрения, обратиться к отцу, который сможет ему ответить достаточно определенно, не опасаясь, что его поведение будет принято за кокетство хорошенькой женщины.

Глава XX

Мистеру Коллинзу не пришлось долго предаваться размышлениям о своих любовных успехах. Исхода переговоров нетерпеливо ожидала в прихожей миссис Беннет. И как только ее дочь, распахнув дверь, пробежала мимо нее, она устремилась к Коллинзу, горячо поздравляя его и себя по поводу того, что между ними в скором времени должно было установиться самое близкое родство. Мистер Коллинз выслушал это пылкое обращение и ответил на него столь же восторженно, а затем пересказал ей подробности состоявшегося объяснения, результатами которого он, как ему казалось, мог быть вполне удовлетворен. В самом деле, упорный отказ его кузины естественно объяснялся ее застенчивостью и деликатностью ее натуры.

У миссис Беннет это сообщение вызвало все же некоторую тревогу. Она охотно признала бы,

что Элизабет отвергла сватовство мистера Коллинза, намерсваясь еще больше воспламенить его чувства. Однако она не смела этому верить и не смогла скрыть своих опасений от собеседника.

— Но положитесь, мой дорогой, на меня!— воскликнула она.— Уж я-то сумею ее образумить. Сию же минуту поговорю с ней начистоту. Экая упрямая и своенравная девчонка — сама не сознает своего счастья. Но она у меня научится его понимать.

— Простите, сударыня, что я позволю себе вас перебить,— заметил мистер Коллинз.— Но если она в самом деле так упряма и своенравна, то я не уверен, насколько она вообще способна стать подходящей супругой человека моего положения, который, естественно, идет в брачном союзе благополучия. Поэтому если она будет и дальше отказываться принять мое предложение, вам, быть может, лучше не принуждать ее к этому. Боюсь, что страдая подобными недостатками, она едва ли сможет сделать меня счастливым.

— Ах, сэр, вы поняли меня совершенно превратно,— ответила встревоженная миссис Беннет.— Лиззи бывает упряма только в подобных исключительных случаях. При всех других обстоятельствах — это самое покладистое существо на земле. Я сейчас переговорю с мистером Беннетом и ручаюсь вам, что очень скоро мы все уладим.

Не давая ему времени для ответа, она опрометью бросилась к мужу, заговорив прямо с порога библиотеки.

— О, мистер Беннет, вы должны немедленно прийти мне на помощь! Все мы в полном смяте-

нии. Бегите и заставьте Лиззи выйти замуж за мистера Коллинза, так как она не согласна становиться его женой. И если вы не вмешаетесь в это дело сию же минуту, то он может раздумать и не пожелает стать ее мужем.

При ее появлении мистер Беннет оторвался от книги и невозмутимо посмотрел на супругу, ничем не показывая, что он сколько-нибудь обеспокоен ее сообщением.

— К сожалению, моя дорогая, я не имел удовольствия уразуметь смысл ваших слов,— сказал он, когда она замолчала.— О чем это вы толкуете?

— О мистере Коллинзе и Лиззи. Лиззи заявила, что она не хочет выйти замуж за мистера Коллинза, а мистер Коллинз начинает уже говорить, что он не женится на Лиззи.

— И что же при таких обстоятельствах я могу предпринять? Дело выглядит достаточно безнадёжным.

— О, вы сами должны поговорить с Лиззи. Потребуйте от нее, чтобы она вышла за него замуж.

— Пусть ее позовут сюда. Я ей выскажу свое мнение.

Миссис Беннет позвонила, и мисс Элизабет была приглашена в библиотеку.

— Подойди ко мне, дитя мое,— произнес отец, когда она вошла.— Я послал за тобой ради важного дела. Насколько я понимаю, мистер Коллинз предложил тебе выйти за него замуж. Верно ли это?

Элизабет ответила утвердительно.

— Очень хорошо. И ты ему отказала?

— Да, сэръ.

— Прекрасно. Теперь мы подходим к самому главному. Твоя мать требует, чтобы ты приняла его предложение — не правда ли, миссис Беннет?

— О да. Иначе я больше не хочу ее видеть.

— Итак, моя дочь, ты поставлена перед трагическим выбором. С этой минуты ты лишаешься одного из родителей. Твоя мать не желает видеть тебя, если ты не пойдешь за мистера Коллинза, а я больше никогда на тебя не взгляну, если ты вздумаешь принять его предложение.

Элизабет не могла удержаться от улыбки, услышав подобное заключение разговора, начатого с такой торжественностью. Но миссис Беннет, которая внушила себе, что ее муж смотрит на дело так же, как и она, была в высшей степени раздосадована.

— Что вы имеете в виду, мистер Беннет, рассуждая подобным образом? Разве вы не обещали мне заставить эту девчонку выйти за него замуж?

— Дорогая моя, — ответил ее супруг, — у меня к вам две небольшие просьбы. Во-первых, я бы хотел, чтобы вы мне разрешили свободно располагать в данном случае собственным здравым смыслом, а во-вторых — собственной комнатой. Мне было бы очень приятно, если бы библиотека как можно скорее оказалась в моем распоряжении.

Несмотря на то, что миссис Беннет была разочарована своим мужем, она все же не собиралась сдаваться. Снова и снова она заговаривала с Элизабет, то и дело переходя от увещеваний к

угрозам. Мать попробовала было найти поддержку у Джейн, но Джейн, с присущей ей мягкостью, отказалась вмешаться. Элизабет отвечала на атаки матери то вполне серьезно, то пытаясь от них отшутиться. Но сколько бы она не меняла характер своих ответов, решение ее оставалось непоколебимым.

Между тем мистер Коллинз обдумывал в одиночестве все, что с ним в это утро произошло. Он был слишком высокого мнения о своей особе, чтобы понять причину, из-за которой кузина не захотела принять его предложение. И хотя его самолюбие несомненно было уязвлено, других огорчений он не испытывал. Его склонность к ней была только воображаемой. И предполагая, что упреки, брошенные матерью в ее адрес, могли быть заслуженными, он едва ли мог о чем-нибудь пожалеть.

Семейство Беннет пребывало в смятении, когда их навестила Шарлот Лукас. В прихожей ее встретила Лидия. Бросившись к гостье, она объявила довольно громким шепотом:

— Хорошо, что ты приехала. У нас тут такое творится! Что бы ты думала случилось сегодня утром? Мистер Коллинз сделал предложение Лиззи, а она ему отказала!

Прежде чем Шарлот успела ответить, в прихожую вбежала Китти, сообщавшая ту же новость. И как только девицы вошли в комнату для завтрака, в которой одиноко восседала хозяйка дома, миссис Беннет снова заговорила на ту же тему, взывая к сочувствию мисс Лукас и умоляя

ее повлиять на подругу, чтобы Лиззи уступила, наконец, чаяниям всей семьи.

— Ради бога, дорогая мисс Лукас, сделайте это,— добавила она удрученно.— Здесь меня никто не поддерживает. Я не вижу ни в ком ни малейшего сочувствия,— все ведут себя просто безжалостно. Хоть бы кто-нибудь вспомнил о моих истерзанных нервах!

Ответу Шарлот помешало появление Джейн и Элизабет.

— Вот вам она сама,— продолжала миссис Беннет.— С нее как с гуся вода. Ей и дела нет до всех нас, будто бы мы все живем где-нибудь в Йорке ⁴⁵! Лишь бы ее не трогали! Но я вам вот что скажу, дорогая мисс Лиззи: ежели вы себе вбили в голову, что можете и впредь отказывать всякому жениху, кто бы к вам ни посватался, то вы и вовсе не выйдете замуж! И клянусь вам, мне неизвестно, кто станет о вас заботиться, когда умрет ваш отец. Мне это будет не под силу, запомните. С этого дня я с вами покончила. Больше я с вами не стану разговаривать, помните, я уже это вам сказала в библиотеке. И вы убедитесь, что я сумею сдержать свое слово. Что за удовольствие разговаривать с неблагодарными дочками? И вообще, с какой стати стану я разговаривать с кем бы то ни было? Люди, страдающие расстройством нервов, не очень-то склонны к разговорам. Увы, моих мучений не понимают! Но это такая обычная вещь. Кто сам не пожалуется, не дождет-ся сочувствия,

Дочки слушали эти излияния молча, сознавая, что всякая попытка ее урезонить и успоко-

ить только увеличит степень раздражения матери. Поэтому миссис Беннет продолжала беспрепятственно сетовать на судьбу, пока к ним не присоединился мистер Коллинз, имевший еще более, чем обычно, напыщенный вид. При виде его миссис Беннет сказала девицам:

— А теперь я хочу, чтобы вы,— да, да, вы все,— попридержали языки и позволили нам с мистером Коллинзом хоть немножко поговорить по душам.

Элизабет вышла из комнаты, Джейн и Китти последовали за ней, а Лидия не тронулась с места, решив услышать все, что только будет возможно. Шарлот сначала задержалась, отвечая на любезности мистера Коллинза, который самым подробным образом расспросил обо всех ее родственниках и поинтересовался ее собственным самочувствием. Позже, одолеваемая любопытством, она удовлетворилась тем, что отошла к окну, сделав вид, что оттуда ей ничего не слышно.

Страдальческим голосом миссис Беннет начала подготовленный таким образом разговор словами:

— О, мистер Коллинз!

— Сударыня,— отвечал он,— не будем больше касаться этой темы. Я далек от того, чтобы обидеться на поведение вашей дочери,— продолжал он тоном, в котором все же проскальзывало известное неудовольствие.— Покорность перед неизбежным злом — наш общий долг. Тем более она приличествует молодому человеку, которому, подобно мне, посчастливилось рано выдвинуться в обществе. А потому я заставляю себя покориться. Быть может, правда с тем большей легкостью,

что у меня возникло сомнение — нашел ли бы я истинное счастье, если бы прелестная кузина удостоила меня своей руки. Ибо я часто наблюдал, что покорность никогда не бывает столь полной, как тогда, когда благо, которого мы лишились, начинает в нашем представлении терять свою ценность. Надеюсь, сударыня, вы не сочтете, что я проявлю неуважение к вашей семье своим отказом от благосклонности вашей дочери, не затруднив вас и мистера Беннета просьбой употребить ради меня родительскую власть. То, что я счел себя свободным, основываясь на ответе вашей дочери, а не ее родителей, может, я опасаюсь, бросить тень на мое поведение. Но все мы склонны к маленьким слабостям. Во всяком случае, в своих поступках я руководствовался лучшими намерениями. Мне хотелось приобрести приятную спутницу жизни и оказать в то же время услугу вашей семье. И если в чем-то мое поведение все же заслуживает упрека, то я, сударыня, умоляю о снисхождении.

Глава XXI

Волнения по поводу сватовства мистера Коллинза подходили к концу. Элизабет страдала теперь только от оставленного этим событием неприятного осадка и ворчливых замечаний, которые еще иногда высказывала по ее адресу миссис Беннет. Что касается самого джентльмена, то он вовсе не выглядел смущенным или подавленным и даже не избегал общества кузины, об-

наруживая свои чувства только особой скованностью движений и негодующим молчанием. Он почти не разговаривал с ней и в течение всего вечера уделял столь высоко ценимое им внимание одной мисс Лукас. И, охотно поддерживая с ним беседу, Шарлот оказала подруге и всей ее семье весьма своевременную услугу.

Следующее утро не улучшило здоровья и настроения миссис Беннет. С физиономии мистера Коллинза по-прежнему не сходило выражение уязвленного самолюбия. Элизабет надеялась, что обида заставит его преждевременно покинуть Лонгборн, но планы гостя не изменились: его отъезд был назначен на субботу, и именно в субботу он намеревался от них уехать.

После завтрака девицы отправились в Меритон, чтобы узнать, вернулся ли уже мистер Уикхем и выразить огорчение по поводу его отсутствия на незерфилдском балу. Он встретил их на окраине города и зашел вместе с ними к миссис Филипс, где его собственная досада и сожаления всех остальных были высказаны достаточно красноречиво. Однако в разговоре с Элизабет он признался, что необходимость его отъезда была преувеличена.

— Когда до бала оставались считанные дни,— сказал он,— я понял, что мне лучше не встречаться с мистером Дарси. Я мог бы не вынести длительного пребывания с ним в одной комнате и в одной компании. А это привело бы к сценам, неприятным не только для меня самого.

Элизабет высоко оценила его благоразумие. Им удалось вдоволь наговориться на эту тему и

выразить высокое мнение друг о друге, пока Уикхем и еще один офицер сопровождали девиц до Лонгборна. Во время этой прогулки молодой человек оказывал Элизабет особое внимание. Его готовность следовать за ней до самого ее дома была вдвойне приятна Элизабет: во-первых, она была лестна сама по себе, а во-вторых, создавала удобную возможность представить мистера Уикхема ее родителям.

Вскоре после их возвращения для старшей мисс Беннет принесли письмо из Незерфилда. Оно было тотчас же распечатано. В конверте лежал красивый листок лощеной бумаги, исписанный изящным дамским почерком.

Пока сестра читала письмо, иногда задерживаясь на отдельных фразах, Элизабет видела, как менялось выражение ее лица. Джейн вскоре взяла себя в руки и, отложив письмо, постаралась с обычной веселостью присоединиться к общей беседе. Однако письмо настолько заинтересовало Элизабет, что отвлекло ее внимание даже от Уикхема. Едва Уикхем и его приятель покинули Лонгборн, Джейн взглядом пригласила сестру последовать за ней наверх и, когда они вошли в свою комнату, сказала, снова раскрыв письмо:

— Письмо от Кэролайн Бингли. Я, признаюсь, очень удивлена его содержанием. К этому времени вся их компания уже должна была выехать из Незерфилда и находиться на пути в Лондон. И они не собираются возвращаться. Послушай, что здесь написано.

Она прочла затем первую фразу о том, что сестры мистера Бингли решили последовать за

братом в Лондон и намереваются обедать в этот день в доме мистера Хёрста на Гровнор-стрит⁴⁶. В следовавших далее строчках говорилось: «Не хочу от вас скрывать, моя бесценная подруга, что, покидая Хартфордшир, я не жалею ни о чем, кроме Вашего общества. Но станем надеяться, что когда-нибудь нам доведется еще не раз насладиться восхитительной близостью, подобной той, которая существовала между нами в этих местах. А пока что облегчим боль разлуки самой частой и самой интимной перепиской. В этом отношении я очень на Вас надеюсь». Эти фальшивые и высокопарные фразы Элизабет выслушала равнодушно. И хотя ее удивила внезапность отъезда сестер мистера Бингли, в полученном известии она не нашла ничего особенно огорчительного. Из него вовсе не следовало, что отсутствие мисс Бингли и миссис Хёрст может помешать мистеру Бингли вернуться в Незерфилд. А что касается разлуки с этими молодыми дамами, то Элизабет не сомневалась, что, наслаждаясь обществом брата, Джейн достаточно быстро перестанет замечать отсутствие сестер.

— Разумеется, жаль, что вам не удалось до их отъезда повидаться,— сказала она после короткой паузы.— Но разве мы не можем рассчитывать, что ваша счастливая встреча, о которой мечтает мисс Бингли, произойдет раньше, чем она думает? И что восхитительная близость, пережитая вами, когда вы были подругами, возникнет вновь, став еще более приятной, когда вы будете сестрами? Не удержат ведь они мистера Бингли в Лондоне.

— Кэрлайн ясно пишет, что никто из них не вернется в Хартфордшир этой зимой. Позволь я тебе прочту это место.

«Покидая нас вчера, брат воображал, что с делом, вызывавшим его в Лондон, он сможет покончить всего за какие-нибудь три дня. Но мы хорошо знаем, что это не так. Будучи уверены, что, приехав в город, Чарлз не будет торопиться снова его покинуть, мы решили последовать за ним и избавить его от необходимости проводить часы досуга в неудобной гостинице. Многие из моих знакомых уже съезжают в город на зиму. Мне бы очень хотелось услышать, что и Вы, моя бесценная подруга, предполагаете оказаться в их числе, но, увы, я не смею на это рассчитывать. Надеюсь от души, что рождество в Хартфордшире принесет Вам все радости, свойственные этому времени года, и что многочисленность ваших кавалеров не даст Вам ощутить потерю тех трех, которых мы вас лишаем».

— Из этих слов очевидно, — добавила Джейн, — что он не приедет обратно этой зимой.

— Из этих слов очевидно лишь, что он не должен приехать по мнению мисс Бингли.

— Но почему ты так думаешь? Тебе, наверно, кажется, что это его собственное дело? Он ведь сам себе хозяин. Но ты еще не знаешь всего. Я прочту тебе то место, которое ранило меня особенно сильно. Мне нечего от тебя скрывать.

«Мистеру Дарси не терпится повидать свою сестру и, откровенно говоря, нам хочет-

ся встретиться с ней не меньше, чем ему самому. Я в самом деле не думаю, чтобы кто-нибудь сравнился с Джорджианой Дарси красотой, изяществом и прочими качествами. Но привязанность, которую она своими совершенствами вызывает во мне и Луизе, становится чем-то более значительным, благодаря лелеемой нами надежде, что она станет со временем нашей сестрой. Не помню, говорила ли я Вам раньше об этих мыслях, но мне бы не хотелось покинуть провинцию, не рассказав Вам о них, и я верю, что Вы не поймете их превратно. Мой брат и прежде восхищался мисс Дарси. Теперь же он будет часто иметь возможность встречаться с ней в самой непринужденной обстановке. Все ее родные, как и его, желают этой партии. И, надеясь, что меня не обманывают родственные чувства, я считаю Чарлза вполне способным завоевать любое женское сердце. При всех обстоятельствах, способствующих возникновению такой привязанности, и отсутствии каких-либо помех, разве я не права, моя бесценная Джейн, питая надежду на событие, которое столь многим принесет счастье?»

— Что ты скажешь по поводу этой фразы, Лиззи, дорогая? Разве она недостаточно ясна? — спросила Джейн, складывая письмо. — Разве Кэролайн не заявляет без околичностей, что она не хочет стать моей сестрой и не считает это возможным? И что, убежденная в безразличии ко мне мистера Бингли и, подозревая, быть может,

характер моего чувства к нему, она меня хочет деликатно предостеречь? Можно ли это объяснить по-другому?

— Да, и очень легко. Я, например, смотрю на это совсем не так. Сказать тебе, что я думаю?

— Конечно, скажи.

— Я это могу выразить очень коротко. Мисс Бингли видит, что ее брат влюблен в тебя, го хочет его женить на мисс Дарси. Она следует за ним в Лондон, надеясь, что сможет там его удержать, и старается тебя уверить, что ему нет до тебя дела.

Джейн покачала головой.

— Джейн, милая, ты должна мне поверить! Никто из видевших вас вместе не мог усомниться в его чувствах. В них, конечно, не сомневается мисс Бингли,— для этого у нее хватит ума. Если бы она заметила в мистере Дарси малую толику тех же чувств к собственной особе, она бы уже заказывала подвенечное платье. Суть дела однако заключается в том, что мы для них недостаточно богаты и родовиты. А мисс Бингли хотела бы женить брата на мисс Дарси еще и потому, что, как она полагает, при одной родственной связи между семьями, ей будет легче добиться второй. План этот в самом деле не лишен остроумия. Пожалуй, он мог бы увенчаться успехом, не будь у нее на пути дочки леди де Бёр. Но ты же не можешь серьезно думать, что, раз мисс Бингли описала тебе, как ее брат восхищается сестрой мистера Дарси, мистер Бингли стал ценить тебя хоть немного меньше, чем когда прощался с тобой после бала во вторник. Или

что во власти мисс Бингли внушить ему, что он любит не тебя, а ее дорогую подругу.

— Если бы мы смогли судить о мисс Бингли одинаково,— ответила Джейн,— то твое толкование письма совершенно бы меня успокоило. Но я знаю, что ты исходишь из неверных предположений. Кэрролайн не может нарочно обманывать. И моя единственная надежда заключается в том, что она сама заблуждается.

— Ну вот и отлично. Раз мои объяснения для тебя неприемлемы, ты не могла придумать ничего лучшего. Ради бога, считай, что это ее заблуждение. Ты выполнила свой долг и можешь больше ни о чем не тревожиться.

— Но, Элизабет, дорогая, предположим даже самое лучшее. Буду ли я счастлива, выходя замуж за человека, сестры и друзья которого хотят, чтобы он женился на другой?

— Это дело твое,— сказала Элизабет.— И если, хорошенько подумав, ты считаешь, что счастливое замужество будет значить для тебя меньше, чем неудовольствие его сестер, то я бы тебе советовала ответить ему отказом.

— Как можешь ты так говорить? — сказала Джейн со слабой улыбкой.— Ты же знаешь, что, сколько бы ни огорчало меня их неодобрение, я не поколебалась бы в своем ответе.

— А я в этом не сомневаюсь. Потому я и не могу относиться к твоему горю с большим сочувствием.

— Но если он не возвратится в течение всей зимы, мой ответ, быть может, даже не потребует. За шесть месяцев могут возникнуть тысячи новых обстоятельств!

Предположение, что мистер Бингли не вернется в Незерфилд, казалось Элизабет совершенно невероятным и представлялось ей вымыслом заинтересованной в этом Кэролайн. Элизабет ни на минуту не могла допустить, чтобы желание сестры, как бы искусно или настойчиво она его высказывала, могло повлиять на брата, располагающего полной самостоятельностью.

Она убеждала Джейн в своей правоте так горячо, что уже вскоре с радостью заметила благоприятное действие своих слов. Джейн от природы не была склонна к унынию, и сестре удалось заронить в ней надежду — правда, робкую и иногда омрачаемую сомнениями, — что Бингли возвратится в Незерфилд и ответит каждому движению ее сердца.

Они решили сказать матери лишь об отъезде сестер мистера Бингли из Незерфилда, ничего не говоря о намерениях самого молодого человека. Но даже эти неполные сведения чрезвычайно расстроили миссис Беннет, которая горько сетовала на роковое стечение обстоятельств, заставившее мисс Бингли и миссис Хёрст уехать как раз тогда, когда ее семья так близко с ними сошлась. Однако, погоревав в течение некоторого времени, она утешилась мыслью о том, что мистер Бингли в скором времени возвратится и приедет обедать в Лонгборн. И успокоившись, она заявила в заключение, что хотя мистер Бингли приглашен всего-навсего на семейный обед, она не преминет позаботиться, чтобы количество блюд в этот день было удвоено.

Глава XXII

Беннетты были приглашены пообедать у Лукасов, и мисс Лукас опять была настолько добра, что в течение большей части дня выслушивала излияния мистера Коллинза. Элизабет воспользовалась случаем, чтобы поблагодарить подругу.

— Разговаривая с тобой, он находится в прекрасном расположении духа, — сказала она. — И я очень обязана тебе за эту помощь.

Шарлот заверила ее, что ей приятно оказаться полезной своим друзьям и что этим с лихвой окупается приносимая ею незначительная жертва. Все это было весьма мило с ее стороны. Но великодушие Шарлот простиралось дальше, чем могла себе представить Элизабет. Ни много ни мало, она имела в виду вовсе избавить подругу от угрозы возобновления ухаживаний со стороны мистера Коллинза, обратив их на собственную персону. И дело у нее подвигалось настолько успешно, что когда Шарлот в этот вечер расставалась со своим кавалером, она могла бы почти не сомневаться в достижении цели, не будь срок его пребывания в Хартфордшире таким коротким. Но она недооценила прямолинейности и стремительности его характера, благодаря которым мистер Коллинз на следующее же утро с изумительной ловкостью улизнул из Лонгборна, чтобы поспешить в Лукас Лодж и броситься там к ее ногам. Он постарался выбраться из дома тайком, опасаясь, что, если его уход будет замечен, его намерения, которые он хотел сохранить втайне до того, как они увенчаются успехом, будут преж-

девременно разгаданы. Ибо, хотя он почти не сомневался в исходе дела (притом не без основания, так как Шарлот его достаточно поощряла), все же после случившегося в нем появилась известная неуверенность. Он был принят, однако, самым лестным для себя образом. Заметив его из верхнего окна, когда он подходил к Лукас Лоджу, мисс Лукас тотчас же выбежала из дома, чтобы как будто невзначай встретиться с ним на садовой дорожке. Едва ли, однако, она осмеливалась предположить, сколько любовного красноречия ожидало ее на месте встречи.

К обоюдному удовлетворению, молодые люди договорились обо всем настолько быстро, насколько это допускали пространные речи мистера Коллинза. Когда они входили в дом, он уже со всей настойчивостью умолял ее назвать день, который сделает его счастливейшим из смертных. И хотя в данную минуту это его желание еще не могло быть удовлетворено, дама вовсе не была склонна отнестись легкомысленно к счастью своего кавалера. Глупость, которой жених был наделен от природы, лишала предсвадебную пору всякого очарования, ради которого невесте захотелось бы сделать ее более продолжительной. И для мисс Лукас, которая согласилась выйти за него замуж только для того, чтобы устроить свою судьбу, было безразлично, когда именно осуществится ее замысел.

Немедленно было испрошено согласие сэра Уильяма и леди Лукас, данное ими с полным восторгом. Положение мистера Коллинза, которое он занимал даже в настоящее время, делало эту пар-

тию весьма удачной для их дочери, за которой они могли дать очень небольшое приданое. К тому же ему предстояло так разбогатеть в будущем! Леди Лукас с интересом, гораздо более сильным, чем она испытывала к данному предмету когда-либо раньше, стала прикидывать, сколько лет способен протянуть мистер Беннет, а сэр Уильям весьма убежденно заявил, что, когда мистер Коллинз вступит во владение Лонгборном, он и его жена вполне смогут быть представлены ко двору. Короче говоря, радости всей семьи не было границ. Младшие сестры стали надеяться, что их вывезут в свет на год-два раньше, чем они могли прежде рассчитывать. Братья перестали бояться, что Шарлот умрет старой девой. Сама она казалась достаточно спокойной. Она достигла своей цели и старалась теперь обдумать создавшееся положение. Выводы ее были в основном удовлетворительными. Мистера Коллинза, разумеется, нельзя было считать ни умным, ни симпатичным человеком; общество его было тягостным, а его привязанность к ней — несомненно воображаемой. Но тем не менее ему предстояло стать ее мужем. Несмотря на то, что она была не высокого мнения о браке и о мужчинах вообще, замужество всегда было ее целью. Только оно создавало для небогатой воспитанной женщины достойное общественное положение, в котором, если ей не суждено было найти свое счастье, она хотя бы находила защиту от нужды. Такую защиту она теперь получала. И в свои двадцать семь лет, лишенная привлекательности, она прекрасно сознавала свою удачу. Самой неприятной стороной

помолвки было ожидаемое отношение к ней Элизабет Беннет, чьей дружбой Шарлот особенно дорожила. Новость должна была показаться ее подруге совершенно невероятной и, возможно, вызвать с ее стороны резкое осуждение. И хотя оно не поколебало бы решимости Шарлот, такое осуждение могло причинить ей глубокую душевную рану. Она решила рассказать обо всем подруге сама и потому потребовала от мистера Коллинза, чтобы, вернувшись к обеду в Лонгборн, он ни словом не обмолвился о случившемся. Обещание хранить тайну было дано, разумеется, с полной готовностью. Выполнить его оказалось, однако, нелегко. Долгое отсутствие мистера Коллинза возбудило такое любопытство в семье Беннетов, что по возвращении в Лонгборн, он был подвергнут самому тщательному допросу. Уклончивые ответы потребовали от него некоторой изобретательности и в то же время большой самоотверженности, ибо ему очень хотелось похвастаться перед ними своими любовными успехами.

Так как мистеру Коллинзу предстояло на следующее утро покинуть Лонгборн слишком рано, чтобы перед отъездом повидать кого-нибудь из семьи Беннет, церемония прощания произошла в тот момент, когда дамы должны были отправиться спать. При этом миссис Беннет в самых любезных и сердечных выражениях постаралась убедить его в том, насколько она будет счастлива видеть его в Лонгборне, когда обстоятельства позволят ему снова их навестить.

— Ваше приглашение, сударыня,— отвечал мистер Коллинз,— мне особенно дорого, ибо оно

вполне отвечает моим собственным намерениям. А потому вы можете быть уверены, что я воспользуюсь им как только это для меня станет возможным.

Его ответ удивил всех. Мистер Беннет, которому отнюдь не улыбалась возможность быстрого возвращения Коллинза, не замедлил сказать:

— Но не боитесь ли вы, сэр, вызвать этим неодобрение леди Кэтрин? Уж лучше вам немного пренебречь родственными связями, чем рискнуть обидеть свою патронессу.

— О, сэр, я вам чрезвычайно обязан за дружеское предостережение, — отвечал мистер Коллинз. — Но, будьте покойны, — я, разумеется, не предприму столь существенного шага без соизволения ее сиятельства.

— Едва ли вы можете оказаться излишне осторожным. Жертвуйте чем угодно, но только не давайте ей повода для малейшего неудовольствия. И если вы увидите, что такой повод может возникнуть из-за нового приезда в Лонгборн, — а это я считаю вполне вероятным, — то спокойно оставайтесь дома. Будьте уверены, что мы ни в коей мере на вас не обидимся.

— Поверьте, дорогой сэр, вы возбудили во мне самую горячую признательность столь исключительным вниманием к моей особе. И знайте, что в скором времени вы получите от вашего покорного слуги письмо с выражением благодарности за этот и все другие знаки внимания, оказанные мне на протяжении моего пребывания в Хартфордшире. Что же касается прелестных кузин, то, хотя мое отсутствие может продлиться не

столь долго, чтобы сделать это необходимым, я все же позволю себе пожелать им здоровья и благополучия, не исключая и кухню Элизабет.

Вслед за тем дамы с подобающими церемониями удалились, каждая в равной степени изумленная его намерением вскоре вернуться в Лонгборн. Миссис Беннет хотелось объяснить это тем, что он имеет в виду обратить свое внимание на одну из ее младших дочерей. И ей казалось, что Мэри скорее всего согласилась бы принять его предложение. Мэри оценивала его достоинства значительно выше, чем ее сестры, нередко восхищаясь основательностью его суждений. И не считая его таким же умным, как она сама, она все же полагала, что, последовав ее примеру и занимаясь чтением и самоусовершенствованием, он смог бы стать для нее подходящим спутником жизни. Увы, все надежды подобного рода были развеяны уже на следующее утро. Вскоре после завтрака в доме появилась мисс Лукас и, уединившись с Элизабет, сообщила ей о событиях прошедшего дня.

Догадка о том, что мистер Коллинз способен вообразить себя влюбленным в Шарлот, уже как-то приходила Элизабет в голову. Но подруга, по ее мнению, могла поощрять мистера Коллинза не больше, чем она сама. Ее удивление поэтому было так велико, что в первый момент, нарушив все границы приличия, она воскликнула:

— Помолвлена с мистером Коллинзом? Шарлот, дорогая, это невысказано!

Под действием такого прямого упрека, выдержка, с которой мисс Лукас рассказала ей эту новость, сменилась на один момент выражением

растерянности, но восклицание Элизабет не превосходило того, к чему Шарлот заранее подготовилась, и, овладев собой, она спокойно ответила:

— Неужели это так тебя удивляет, дорогая Элайза? Разве тебе кажется невероятным, чтобы мистер Коллинз заслужил благосклонность какой-либо женщины, если он потерпел неудачу с тобой?

Немного успокоившись и взяв себя в руки, Элизабет оказалась способной произнести достаточно уверенно, насколько она счастлива породниться с подругой, а также высказать ей пожелания всяческого благополучия.

— Я вполне представляю себе, что ты сейчас должна чувствовать, — сказала Шарлот. — Ты, вероятно, изумлена, крайне изумлена. Ведь мистер Коллинз еще недавно хотел жениться на тебе. Но когда ты сможешь все хорошенько обдумать, ты, я надеюсь, поймешь, что я поступила разумно. Ты знаешь, насколько я далека от романтики. Мне она всегда была чужда. Я ищу крова над головой. И, обдумав характер мистера Коллинза, его образ жизни и положение в обществе, я пришла к выводу, что для меня надежда прожить с ним счастливую жизнь не уступает надеждам, которыми вправе хвалиться почти все люди при вступлении в брак.

Элизабет тихо ответила: — О да, разумеется, — и, после неловкой паузы, подруги вернулись к остальному обществу. Шарлот пробыла в Лоягборне совсем недолго, и после ее ухода Элизабет смогла поразмыслить над тем, что она услышала. Прошло немало времени, прежде чем она научи-

лась как-то мириться с мыслью об этом браке. Два предложения мистера Коллинза, следовавшие одно за другим на протяжении трех дней, по своей нелепости не шли ни в какое сравнение с тем, что второе его предложение было принято. Ей всегда было ясно, что у ее подруги взгляды на замужество не вполне совпадают с ее собственными. Но она не могла бы предположить, что Шарлот и впрямь решится пожертвовать всеми лучшими чувствами ради мирского благополучия. Ее самая близкая подруга — жена мистера Коллинза! Какая удручающая картина! И боль, вызванная тем, что Шарлот унизила себя подобным образом, так сильно упав в ее мнению, усугублялась мрачной уверенностью в ее печальной судьбе.

Глава XXIII

Элизабет сидела с матерью и сестрами и размышляла об услышанной новости и о том, вправе ли она рассказать о ней своим родным, когда в Лонгборн явился сам сэр Уильям Лукас. Шарлот послала его объявить о ее обручении с родственником семейства Беннет. Украсив речь множеством комплиментов и неоднократно поздравив себя с тем, что их семьям суждено породниться, сэр Уильям сообщил изумленным и недоверчивым слушателям о совершившемся событии. Миссис Беннет излишне самоуверенно и недостаточно вежливо заметила, что он решительно ошибается, а вечно несдержанная и нередко дерзкая Лидия воскликнула:

PRIDE
AND
PREJUDICE:
A NOVEL.

IN THREE VOLUMES.

BY THE
AUTHOR OF "SENSE AND SENSIBILITY."

VOL. I.

London :
PRINTED FOR T. EGERTON,
MILITARY LIBRARY, WHITEHALL.
1813.

Титульный лист первого прижизненного издания романа «Гордость и предубеждение».

Chapter II. ~~Even~~
~~When~~ ~~can~~ ~~be~~ ~~in~~ ~~doubt~~ ~~of~~
who & followed? When any two
opposing People take it into their
heads to marry, they are ^{likely to surge} ~~likely to surge~~
by perseverance to ~~bring down~~ ^{bring down}
opposition — be they ever so poor
or ever so imprudent, or even so
little likely to be necessary to each
other's ultimate comfort. This may
be had. Probability to conclude will
but I believe it to be. Truth —
and if such practices succeed, has
it not ^{for} Capt. W. & Amosson. I
think, with the advantage of audacity
of kind, consciousness of flight, &
the ^{very} interdependence. Fortuna between
them ^{that} of bearing down every oppo-
sition. They might in fact, have
brought down a great deal more
than they met with, for there
was little to disturb them beyond
the want of gracious help & warmth
in W. made no objection. & they too
did nothing worse than look cold
& unconnected. — Capt. W. with
£25,000 — & as high in his

Рукопись романа «Убеждение». Автограф.

— Боже мой! Сэр Уильям, как можете вы рассказывать подобную чепуху? Разве вы не знаете, что мистер Коллинз хочет жениться на Лиззи?

Чтобы без раздражения стерпеть подобные выходы, требовалась обходительность истинного придворного. Однако сэр Уильям был настолько хорошо воспитан, что сумел остаться невозмутимым. И, уверяя их в достоверности своего сообщения, он перенес все дерзкие замечания по своему адресу вполне снисходительно.

Элизабет сочла своим долгом помочь ему выйти из неприятного положения и подтвердила его слова, сказав, что она еще раньше обо всем узнала от самой Шарлот. Желая прекратить поток удивленных возгласов матери и младших мисс Беннет, она обратилась к сэру Уильяму с подобающими поздравлениями, которые затем были также от души высказаны ее старшей сестрой. К своим поздравлениям Элизабет присоединила пожелание счастья жениху и невесте, а также несколько фраз о превосходном характере мистера Коллинза и о близости Хансфорда к столице.

Миссис Беннет и в самом деле была так сильно потрясена, что до ухода сэра Уильяма не сказала почти ни слова. Зато как только он ушел, ее чувства тотчас же прорвались наружу. Во-первых, она принялась настаивать на том, что все это совершенно неправдоподобно. Во-вторых, она не сомневалась, что мистера Коллинза обвели вокруг пальца. В-третьих, она была уверена, что этот брак не принесет счастья. И, наконец, в-четвертых, ей было ясно, что помолвка будет нарушена.

Из всего этого, естественно, вытекали два следствия. Первое, — что настоящей виновницей всех бед была Элизабет, а второе, — что все с ней обращаются варварски. Обе эти мысли послужили основой для ее высказываний в течение дня. Ее нельзя было умиротворить или утешить. И ее негодование не рассеялось за один день. Прошла неделя, прежде чем она смогла смотреть на Элизабет, не осыпая ее упреками, месяц, прежде чем она стала разговаривать с сэром Уильямом и леди Лукас, не допуская в своей речи колкостей, и только спустя много месяцев она смогла простить Шарлот. Мистер Беннет отнесся к событию много спокойнее. По его словам, оно даже доставило ему известное удовольствие. Особенно его радовало, что в Шарлот Лукас, которую он привык считать разумной девицей, оказалось ума не больше, чем у его жены, и даже меньше, чем у его собственной дочери.

Джейн не могла не признаться, что повторное сватовство мистера Коллинза ее несколько поразило. Но она гораздо меньше говорила о своем удивлении, чем о том, сколько счастья желает она жениху и невесте. Даже Элизабет не смогла ее убедить, что этот брак вряд ли будет счастливым. Китти и Лидии не приходило в голову завидовать мисс Лукас, так как мистер Коллинз был всего-навсего священником. Для них эта помолвка была только одной из новостей, которую следовало распространить по Меритону.

Леди Лукас не могла не торжествовать, в свою очередь получив возможность похвалиться перед соседкой удачным замужеством дочери. И она ча-

ще, чем прежде, навещала Лонгборн, чтобы поделиться своими счастливыми мыслями, хотя злобные взгляды и язвительные замечания хозяйки дома, казалось бы, могли кого угодно сделать несчастным.

Между Элизабет и Шарлот возникла натянутость, заставлявшая их обходить деликатную тему, и Элизабет была убеждена, что они уже никогда не смогут по-прежнему доверять друг другу. Разочаровавшись в подруге, Элизабет почувствовала еще большую привязанность к Джейн, порядочность и душевное благородство которой, несомненно, не изменили бы ей при любых обстоятельствах. День ото дня она все больше тревожилась о счастье сестры. После отъезда Бингли прошла уже целая неделя, а о его возвращении не было ни слуху, ни духу.

Джейн тотчас же ответила на письмо Кэролайн и гадала теперь, когда она может ждать от подруги новых вестей. Обещанное благодарственное письмо от мистера Коллинза было получено во вторник. Оно было адресовано мистеру Беннету и содержало выражение такой глубокой признательности, которая у обычного человека могла бы возникнуть после пребывания в чужой семье в течение, по крайней мере, целого года. Исполнив свой долг, мистер Коллинз самым восторженным тоном сообщал, что ему посчастливилось приобрести расположение их прелестной соседки мисс Лукас, добавляя при этом, что только ради возможности наслаждаться ее обществом он с такой готовностью принял великодушное приглашение еще раз навестить Лонгборн, куда, если об-

стоятельства сложатся благоприятно, он прибудет в понедельник через две недели. Ибо, как он добавлял, леди Кэтрин всем сердцем одобряет его предстоящую женитьбу и желает, чтобы бракосочетание состоялось возможно скорее. Это обстоятельство, бесспорно, послужит весьма веским доводом для его дражайшей Шарлот, чтобы приблизить день, который сделает его счастливейшим из смертных.

Возвращение мистера Коллинза в Хартфордшир не могло больше радовать миссис Беннет. Напротив, теперь у нее было не меньше причин к неудовольствию по случаю приезда нежеланного гостя, чем у ее мужа. Намерение Коллинза остановиться не в Лукас Лодже, а в Лонгборне казалось достаточно странным и было сопряжено с множеством неудобств и беспокойств. При плохом самочувствии всегда трудно оказывать гостеприимство кому бы то ни было, а влюбленные молодые люди особенно несносны. Таковы были непрерывные сетования миссис Беннет, разнообразившиеся только вспышками еще большего раздражения по поводу длительного отсутствия мистера Бингли.

Джейн и Элизабет были также встревожены этим обстоятельством. День проходил за днем, не принося от Бингли никаких вестей, если не считать распространившегося по Меритону слуха о том, что он вообще не приедет в Незерфилд в течение всей зимы. Слух этот вызывал у миссис Беннет крайнее возмущение, и она не пропускала случая его опровергнуть, называя его скандальной выдумкой.

Даже Элизабет начала опасаться — не равнодушия мистера Бингли, нет, — но того, как бы его сестрам и вправду не удалось задержать его в Лондоне. Она всячески старалась отогнать от себя эту мысль, столь гибельную для счастья Джейн и подвергающую сомнению стойкость ее избранника. Но мысль эта невольно снова и снова приходила ей в голову. И Элизабет в самом деле стала бояться, что совместные действия его враждебно настроенных сестер и его властного друга, усиленные чарами мисс Дарси и столичными развлечениями, окажутся чересчур сильными для его привязанности.

Что касается самой Джейн, то неизвестность мучила ее, конечно, еще сильнее, чем Элизабет. Но какие бы чувства ей ни приходилось испытывать, она всячески их скрывала, так что тема эта никогда больше не поднималась в разговорах между сестрами. Миссис Беннет, напротив, не отличалась подобной деликатностью, и редкий час проходил без того, чтобы она не заговорила о Бингли, выражая нетерпение по поводу его задержки, или даже требуя, чтобы Джейн подтвердила, как жестоко она будет обманута, если он вообще не вернется. Только безмерная кротость Джейн позволяла ей выносить эти нападки, сохраняя внешнее спокойствие.

Мистер Коллинз возвратился в понедельник, ровно через две недели после своего отъезда. Его приняли далеко не столь радушно, как при его первом появлении в Лонгборне. Однако он настолько был полон своими чувствами, что едва ли нуждался во внимании. Целиком занятый ухажи-

ванием за Шарлот, он, ко всеобщему удовольствию, весьма редко обременял семью Беннет своим обществом. Большую часть дня он проводил в Лукас Лодже и нередко, возвратясь в Лонгборн, едва успевал принести извинения за свое долгое отсутствие, прежде чем все члены семейства расходились по своим спальням.

Миссис Беннет поистине пребывала в самом жалком состоянии. Малейшее упоминание о чем-нибудь, имеющем отношение к женитьбе мистера Коллинза, приводило ее чувства в величайшее расстройство, а вместе с тем, куда бы она ни пошла, всюду только и говорили, что об этой женитьбе. Самый вид мисс Лукас вызывал в ней отвращение. Достаточно было Шарлот заглянуть в Лонгборн, как бедной миссис Беннет начинало казаться, что она уже предвкушает тот час, когда сделается хозяйкой этого дома. И если Шарлот о чем-нибудь тихо беседовала с Коллинзом, то в воображении миссис Беннет разговор у них неизменно шел об их поместье и о выдворении из него хозяйки вместе со всеми ее дочерьми тотчас же после смерти ее мужа. На все это она горько жаловалась мистеру Беннету.

— Подумайте, мой дорогой, — говорила она, — как тяжело сознавать, что Шарлот Лукас когда-нибудь окажется здесь хозяйкой. А я увижу ее на своем месте и вынуждена буду убраться во-свояси.

— Незачем давать волю столь мрачным мыслям, моя дорогая. Давайте лучше думать о чем-нибудь более приятном и позволим себе надеяться на то, что я переживу Коллинза.

Слова эти не успокоили миссис Беннет в достаточной мере, и вместо ответа она снова заговорила на ту же тему.

— Для меня невыносима мысль, что наше имение достанется этим людям. Если бы оно далось им не по праву наследования по мужской линии, я бы еще могла согласиться...

— С чем именно вы могли согласиться?

— Я бы могла согласиться с чем угодно!

— Возблагодарим же небо за то, что вы спасены от подобного состояния полной неопределенности.

— Я, мистер Беннет, никогда не смогу почувствовать благодарность за что-то, имеющее отношение к наследованию по мужской линии. Не могу понять, как только у людей хватает совести отнимать поместье у родных дочерей его владельца. И чтобы это делалось ради какого-то мистера Коллинза! Разве он чем-нибудь этого заслужил?

— Я предоставляю вам ответить на этот вопрос без моей помощи,— сказал мистер Беннет.

К Н И Г А   В Т О Р А Я

Глава I

От мисс Бингли было получено письмо, рассеявшее всякие сомнения. В первой же фразе сообщалось, что Бингли и его сестры обосновались в Лондоне на всю зиму. Их брат, говорилось далее, весьма сожалел, что перед отъездом ему не довелось засвидетельствовать свое почтение хартфордширским друзьям.

Никаких, решительно никаких надежд больше не оставалось. И когда Джейн смогла, наконец, дочитать письмо до конца, она не нашла в нем ничего, что могло бы ее порадовать, кроме неискренних выражений привязанности, высказанных ее подругой. В остальном письмо почти целиком было посвящено прославлению мисс Дарси. Снова подробнейшим образом перечислялись ее многочисленные достоинства. Кэрлайн хвалилась возросшей близостью между ними и выражала надежду на осуществление своих чаяний, о которых уже упоминалось в предыдущем письме. С тем же удовольствием она сообщала, что брат ее стал в доме мистера Дарси своим человеком и добавляла несколько восторженных слов о намерении хозяина дома приобрести новую обстановку.

Элизабет, которой Джейн сразу же пересказала суть письма, выслушала сестру с молчаливым негодованием. Она в равной мере сочувствовала

Джейн и сердилась на всех, кто был упомянут в этом письме. Сообщению Кэралайн, что ее брат равнодушен к мисс Дарси, она не поверила. Его чувство к Джейн, как и раньше, казалось ей несомненным. Но хотя ей хотелось относиться к мистеру Бингли по-прежнему благожелательно, она не могла без гнева и даже без некоторого презрения думать о его безволии и нерешительности, превративших его в игрушку коварных друзей. В угоду их прихотям его заставляли жертвовать своим счастьем. Если бы речь шла только о его собственной судьбе, он имел бы право распоряжаться ею как ему заблагорассудится. Но ведь одновременно, — и он должен был это сознавать, — решалась и судьба ее сестры! Подобные мысли не выходили у нее из головы, не давая никакого успокоения. И сколько бы Элизабет ни думала о том, действительно ли Бингли охладел к Джейн или он поступает своей привязанностью под влиянием близких ему людей, сознает ли он, как глубоко полюбила его Джейн, или ее чувство осталось от него скрытым, все это могло изменить ее мнение о Бингли, но не смягчало участи бедной Джейн, сердцу которой в любом случае наносилась тяжелая рана.

Целых два дня у Джейн не хватало смелости заговорить с Элизабет о своих переживаниях. Но как-то раз, когда миссис Беннет после особенно пространств рассуждений о Незерфилде и его хозяине оставила их вдвоем, Джейн, не удержавшись, сказала:

— Как бы мне хотелось, чтобы наша дорогая мама умела лучше владеть собой! Ей и в голову

не приходит, какую боль она причиняет мне своими непрерывными разговорами о мистере Бингли. Но я не должна впадать в отчаяние. Скоро с этим будет покончено. Он будет забыт, и мы проживем по-прежнему.

Элизабет недоверчиво посмотрела на сестру, но ничего не сказала.

— Ты мне не веришь! — воскликнула Джейн, слегка покраснев. — Но ты ошибаешься. Разве он не может сохраниться в моей памяти только как самый милый из знакомых мне молодых людей? Мне не на что надеяться, нечего опасаться и не в чем его упрекнуть. От этого страдания я, слава богу, избавлена. Пройдет лишь короткое время, и я почувствую себя лучше.

Вскоре она добавила более твердым тоном:

— Я утешаю себя по крайней мере тем, что все это было лишь игрой моего воображения и кроме меня никому не причинило вреда.

— Джейн, дорогая, — воскликнула Элизабет, — ты слишком добра! Это — доброта и самоотверженность ангела. Я не нахожу подходящих слов, но мне кажется, что я никогда тебя не ценила и не любила так, как ты этого заслуживаешь.

Мисс Беннет категорически отвергла подобное восхваление своих качеств, объяснив его родственным чувством своей сестры.

— Послушай, Джейн, — сказала Элизабет, — ведь это несправедливо. Ты готова хвалить решительно всех на свете и расстраиваешься, если я хоть о ком-нибудь выскажусь неодобрительно. А когда я всего-навсего назвала совершенством только одну мою бедную сестричку, ты сразу на-

чала со мной спорить. Не бойся, это не распространится на многих и я не покушаюсь на твою исключительную привилегию смотреть на мир сквозь розовые очки. Этому не бывать — на свете слишком мало людей пользуется моей любовью. И еще меньше таких, которых я по-настоящему уважаю. Чем больше я наблюдаю мир, тем меньше он мне нравится. Каждый день подтверждает мне несовершенство человеческой природы и невозможность полагаться на кажущиеся порядочность и здравый смысл. Два отличных урока я получила в последние дни. Об одном я не хочу говорить. А другой дала мне своим обручением Шарлот. Оно для меня до сих пор остается непостижимым, право, непостижимым, как бы я на него ни смотрела.

— Лиззи, милая, не давай волю подобным чувствам. Они разобьют твое сердце. Ты не принимаешь во внимание характер и условия жизни каждого человека. Подумай, какое достойное место занимает мистер Коллинз в обществе и как свойственны характеру Шарлот здравый смысл и благоразумие. Вспомни, как много у нее братьев и сестер и насколько это замужество устраивает ее при ограниченных средствах ее семьи. И постарайся ради нас всех поверить, что она в самом деле может высоко оценить нашего кузена и отнести к нему с некоторым расположением.

— Ради тебя я, кажется, готова поверить во что угодно. Но от этого едва ли кому-нибудь станет легче. В самом деле, если бы меня убедили, что Шарлот чувствует к Коллинзу расположение, я стала бы думать об ее уме еще хуже, чем думаю

сейчас об ее сердце. Джейн, дорогая, ты не меньше меня знаешь, что мистер Коллинз — человек самодовольный, чванный, глупый и ограниченный. А потому ты, подобно мне, должна сознавать, что женщина, выходящая за него замуж, не может руководствоваться естественными побуждениями. Не пытайся же ее защищать, если этой женщиной оказалась Шарлот Лукас. Ради одного человека нельзя изменять взгляды на порядочность и добродетель. И ты не сможешь убедить меня или себя в том, что корыстолюбие это — благоразумие, а пренебрежение здравым смыслом — верный путь к счастью.

— Мне кажется, ты судишь о каждом из них слишком сурово,— ответила Джейн.— И, надеюсь, ты сама в этом убедишься, когда увидишь, как счастливо сложится их жизнь. Но довольно об этом. Говоря о двух полученных тобою уроках, ты ведь намекнула еще на одного человека. Я не могла тебя не понять. Умоляю тебя, Лиззи, дорогая, не делай мне больно, обвиняя этого человека и говоря, что и он упал в твоём мнении. Мы не должны быть склонны к предположению, что нам причинили зло умышленно. Нельзя же требовать от жизнерадостного юноши, чтобы он всегда был настороже и следил за каждым своим шагом. Нас очень часто обманывает собственное тщеславие. Женщины придают слишком большое значение единственному восхищенному взгляду.

— А мужчины стараются их в этом заблуждении поддержать.

— Если мужчиной руководит расчет, он не заслуживает оправдания. Но я вовсе не думаю,

что мир настолько расчетлив, как кажется некоторым людям.

— Я далека от мысли хоть в какой-то мере объяснять расчетом поведение мистера Бингли, — сказала Элизабет. — Но даже не стараясь причинить зла и сделать кого-то несчастным, можно совершить ошибку и нанести душевную рану. Стоит лишь проявить легкомыслие, недостаток внимания к чувствам других людей, бесхарактерность.

— И ты находишь, что ему свойственно какое-нибудь из этих качеств?

— Все три — от первого до последнего. Но я могу тебя огорчить, если стану тебе говорить все, что думаю о людях, которых ты оцениваешь так высоко. Постарайся остановить меня, пока не поздно.

— Ты продолжаешь считать, что на него влияют его сестры?

— О да, так же, как и его приятель.

— Не могу этому поверить. К чему это им? Они должны желать ему счастья. А если бы он в самом деле меня полюбил, ему не найти счастья ни с какой другой женщиной.

— Ошибка заключается в исходной посылке. Кроме его счастья, они могут преследовать и другие цели, например, увеличение его богатства и веса в обществе, или его женитьбу на девушке из хорошего рода, обладающей большими деньгами и связями.

— Конечно, им хотелось бы, чтобы выбор его пал на мисс Дарси, — ответила Джейн. — Это можно объяснить более благородными чувствами, чем те, которые ты им приписываешь. С ней они

познакомились значительно раньше, чем со мной. Понятно поэтому, что они должны были сильнее к ней привязаться. Но каковы бы ни были их намерения, не станут же они препятствовать стремлениям самого мистера Бингли. Какая сестра, не будучи к этому вынуждена, поступила бы так со своим братом? Если бы они считали, что он меня любит, они не пытались бы нас разлучить,— такая попытка не имела бы успеха. Предполагая в нем такую склонность, ты приписываешь всем ложные и неестественные поступки, а меня ранишь в самое сердце. Не заставляй же меня страдать, настаивая на этой мысли. Я не стыжусь своей ошибки, или, по крайней мере, этот стыд — пустяк, ничто по сравнению с той болью, которая овладела бы мной, если бы мне пришлось плохо подумать о нем или об его сестрах. Позволь же мне смотреть на все в благоприятном свете — в таком, в котором их поведение выглядит вполне естественным.

Элизабет не могла отказать ей в этой просьбе. И с этого времени в разговорах между старшими мисс Беннет имя мистера Бингли почти не упоминалось.

Миссис Беннет все еще продолжала удивляться и горько сетовать по поводу его отсутствия. И хотя редкий день проходил без того, чтобы Элизабет не попыталась растолковать ей истинное положение вещей, трудно было надеяться, что ее мать когда-нибудь сможет отнестись к отсутствию мистера Бингли с меньшей досадой. Сама не веря своим словам, дочь старалась убедить мать в том, что ухаживание Бингли за Джейн было следстви-

ем легкого и преходящего увлечения, которое исчезло, как только он перестал с ней встречаться. Но хотя миссис Беннет со временем и начала признавать правдоподобность такого объяснения, ей приходилось по крайней мере раз в день повторять все с начала до конца. По-настоящему ее утешала только мысль о том, что мистер Бингли все же должен вернуться в Незерфилд к началу лета.

Мистер Беннет отнесся к случившемуся совсем иначе.

— Итак, Лиззи,— сказал он как-то раз,— у твоей сестры, насколько я понимаю, немного разбито сердечко. Поздравь-ка ее от моего имени. Барышни любят время от времени разбивать себе сердце, почти так же, как выходить замуж. Это дает пищу для размышлений и чем-то выделяет их среди подруг. Ну, а когда придет твой черед? Ты ведь не допустишь, чтобы Джейн намного тебя опередила, не правда ли? Пора, пора. В Меритоне хватит офицеров, чтобы разбить сердца всем девицам в округе. Не остановиться ли тебе на Уикхеме, а? Отличнейший малый — может вскружить голову кому угодно.

— Благодарю вас, сэр, но меня устроит и не столь блестящий кавалер. Не всем же должно везти так, как Джейн.

— Это верно,— сказал мистер Беннет.— А как приятно сознавать, что у тебя имеется заботливая мамаша, которая при подобных обстоятельствах ничего не упустит...

Общество мистера Уикхема принесло жителям Лонгборна немалое облегчение, рассеяв уныние,

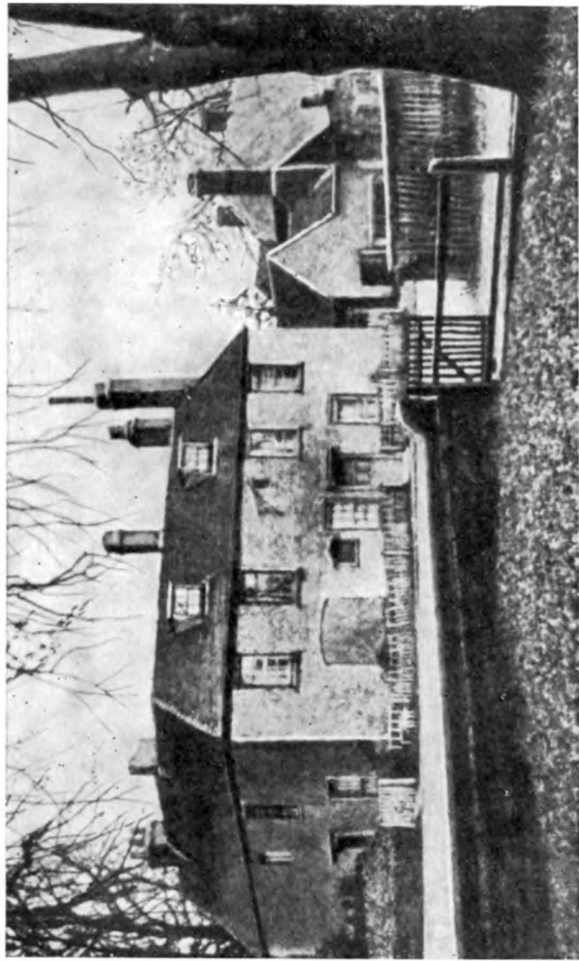

в которое впали многие члены семьи Беннет под влиянием печальных событий последнего времени. Они видели его весьма часто и в их представлении к остальным его положительным качествам добавилась еще одна черта: полная откровенность. Все, что Элизабет когда-то услышала от него — история его обиды на мистера Дарси и нанесенного ему этим человеком ущерба — было объявлено теперь Уикхемом во всеуслышание и обсуждалось публично. И окрестные жители с удовольствием сознавали, насколько Дарси был им антипатичен еще задолго до того, как раскрылось его подлинное лицо.

Старшая мисс Беннет была единственным существом, которое допускало, что в этой истории могут быть какие-то неизвестные хартфордширскому обществу смягчающие обстоятельства. С неизменной кротостью она всегда стремилась к снисхождению и всякое зло объясняла недоразумениями. Но все остальные осуждали мистера Дарси, как последнего негодяя.

Глава II

Наступила суббота, и после недели, потраченной на изъяснения в любви и предвкушение будущего блаженства, мистер Коллинз вынужден был расстаться со своей дорогой Шарлот. Боль разлуки, однако, сглаживалась для него заботами о подготовке дома к приему невесты, ибо он имел все основания надеяться, что вскоре после его следующего приезда в Хартфордшир наступит, на-

Дом в Тогэне, ныне музей Джейн Остин.

Бал в Бате. Гравюра начала XIX века.

конец, день, который сделает его счастливейшим из смертных. Со своими родственниками в Лонгборне он расстался не менее торжественно, чем в предыдущий раз, снова пожелав здоровья и благополучия своим прелестным кузинам и пообещав прислать второе благодарственное послание их отцу.

В следующий понедельник миссис Беннет имела удовольствие принять у себя брата и его жену, которые прибыли, чтобы, по своему обыкновению, провести в Лонгборне рождество. Мистер Гарднер был рассудительным и достойным человеком, неизмеримо превосходившим свою сестру умственным развитием и душевными качествами. Незерфилдским дамам было бы трудно поверить, что человек, занятый торговлей и проживающий неподалеку от собственного склада товаров, мог быть так хорошо воспитан и так приятен в обращении. Умная, приветливая и изящная миссис Гарднер была на несколько лет моложе миссис Беннет и миссис Филипс. Лонгборнские племянницы ее обожали. Особенно близкая дружба связывала ее с двумя старшими мисс Беннет, которые нередко гостили у нее в Лондоне.

Первым делом миссис Гарднер по приезде в Лонгборн было раздать привезенные подарки и описать новейшие столичные моды. Покончив с этим, она должна была исполнить более скромную роль слушательницы. Миссис Беннет, горько сетуя на судьбу, сообщила ей о множестве печальных событий. Со времени последней их встречи они натерпелись столько обид и огорчений! Подумать только, две ее дочери уже вот-вот

должны были выйти замуж. И вдруг все пошло прахом...

— Мне не в чем упрекнуть Джейн,— продолжала она.— Если бы она могла, она бы вышла за мистера Бингли. Но Лиззи! Вы не можете себе представить, сестра, как тяжело сознавать, что если бы не ее дурной нрав, она уже сейчас называлась бы миссис Коллинз! Он сделал ей предложение в этой самой комнате, а она ему отказала. И теперь у леди Лукас дочь окажется замужем раньше, чем у меня! А лонгборнское имение так и уйдет по мужской линии. Эти Лукасы — удивительно ловкий народ, никогда не упустят своего. Мне грустно говорить о них подобные вещи, но, увы, это в самом деле правда. Я и так совсем больна и издергана, а мне то и дело перечат в собственном доме. Да еще под боком живут соседи, которые думают прежде всего о собственной выгоде. Так приятно, что вы приехали именно сейчас — иначе от кого бы мы вовремя узнали, что теперь опять носят длинные рукава!

Миссис Гардинер, уже знакомая по письмам Джейн и Элизабет с большинством этих новостей, постаралась ответить золовке покороче и из сочувствия к племянницам переменила тему разговора.

Оставшись с Элизабет наедине, она снова заговорила о прошедших событиях.

— По-видимому, это и в самом деле была бы для Джейн прекрасная партия,— сказала она.— Как жаль, что она расстроилась! Но такие вещи случаются очень часто. Молодые люди, подобные мистеру Бингли,— я его себе представила по ва-

шим рассказам,— легко влюбляются на короткое время в хорошеньких девушек. А затем,— стоит им только куда-нибудь уехать,— так же легко их забывают. Непостоянство этого рода встречается на каждом шагу.

— Прекрасное утешение при описанных вами обстоятельствах,— сказала Элизabet.— Но к нам оно не применимо. Мы пострадали не случайно. Не так часто вмешательство друзей заставляет вполне независимого молодого человека перестать думать о девушке, в которую он только что был страстно влюблен.

— Выражение «страстно влюблен» настолько избито, обманчиво и неопределенно, что почти ничего не означает. Его одинаково часто употребляют, описывая чувство, возникшее в результате получасового знакомства, и истинную, глубокую привязанность. Пожалуйста, скажи мне, насколько же мистер Бингли был в самом деле влюблен в Джейн?

— Мне еще никогда не приходилось наблюдать более явной сердечной склонности. Он становился все менее внимательным по отношению к окружающим, и его мысли сосредоточивались на ней одной. С каждой их встречей это становилось все заметнее. Устроив бал в своем доме, он обидел двух или трех девиц, не пригласив их танцевать. Я сама дважды заговаривала с ним и не получала ответа. Можно ли требовать более убедительных признаков? Разве невнимание к окружающим — не лучшее доказательство влюбленности?

— О, да! Именно такой влюбленности, которую по моим представлениям, должен был питать

мистер Бингли. Бедная Джейн! Мне так ее жаль — при ее характере она не скоро оправится. Лучше бы это случилось с тобой, Лиззи! С твоим чувством юмора ты бы справилась со всем этим гораздо быстрее. Но как тебе кажется, не сможем ли мы уговорить Джейн поехать с нами в Лондон? Перемена обстановки и некоторый отдых от домашних забот могут подействовать на нее весьма благотворно.

Это предложение очень обрадовало Элизабет, и она была убеждена, что Джейн охотно на него согласится.

— Надеюсь, — добавила миссис Гардинер, — что она не будет связывать эту поездку с мыслями о молодом человеке. Мы живем совсем в другой части города и не имеем с ним общих знакомых. Как тебе известно, мы настолько редко выезжаем из дома, что их встреча в Лондоне кажется почти невероятной — если только ему в самом деле не вздумается ее навестить.

— Ну, это совершенно исключено. Он находится под надзором своего друга. А мистер Дарси никак не допустит, чтобы его приятель отправился с визитом в такие места. Тетя, дорогая как вы могли об этом подумать? Быть может, мистер Дарси что-то и слышал о Грейсчёрч-стрит¹. Но он вряд ли считает, что мог бы за месяц очистить себя от грязи, которая пристала бы к нему в этих местах, если бы ему все же пришлось там когда-нибудь побывать. А что касается мистера Бингли, то вы можете быть совершенно спокойны, — он и шагу не смеет ступить без позволения наставника.

— Ну что же, тем лучше. Надеюсь, они больше вообще не встретятся. Впрочем, разве Джейн не переписывается с его сестрой? Мисс Бингли все же не сможет уклониться от визита.

— Я думаю, она вообще покончит с этим знакомством.

Хотя Элизабет высказала последнюю мысль, как и более важную предыдущую — о том, что мистеру Бингли не позволят встретиться с Джейн, — достаточно решительно, она чувствовала, что ей бы хотелось продолжить обсуждение этой темы. Поразмыслив, она поняла, что дело вовсе не кажется ей безнадежным. Могло случиться, и иногда это ей казалось вполне вероятным, что в душе мистера Бингли снова заговорит его чувство к Джейн, и он преодолет влияние своих близких под действием более сильной и естественной привязанности к ее сестре.

Мисс Беннет с радостью приняла приглашение тетки. Так как Кэролайн жила отдельно от брата, Джейн могла надеяться изредка проводить с ней утренние часы, не рискуя встретиться со своим бывшим поклонником — других надежд, связанных с этой семьей, она себе не позволяла питать.

Гардинеры прожили в Лонгборне неделю. Благодаря Филипсам, Лукасам и офицерам *** широкого полка ни одного дня за это время не прошло без какого-нибудь визита. Миссис Беннет так усердно старалась развлечь своего брата и невестку, что им ни разу не пришлось пообедать в узком семейном кругу. Если компания собиралась в Лонгборне, там непременно присутствовало несколько офицеров и в их числе, разумеется, ми-

стер Уикхем. Восторженные отзывы Элизабет об этом молодом человеке показались миссис Гардинер несколько подозрительными и заставили ее более пристально приглядеться к нему и к своей племяннице. Хотя на основании этих наблюдений нельзя было предположить, что они питают друг к другу серьезную привязанность, их очевидная взаимная склонность не могла ее не встревожить. И миссис Гардинер решила непременно поговорить с Элизабет до своего отъезда, объяснив ей, насколько неблагоприятно с ее стороны было дать волю подобному увлечению.

Случайное обстоятельство стало причиной того, что мистер Уикхем заинтересовал миссис Гардинер не только своей внешностью. Лет десять-двенадцать тому назад, еще до своего замужества, она довольно долго прожила в той самой части Дербишира, откуда Уикхем был родом. У них поэтому оказалось много общих знакомых. И хотя за последние пять лет, с тех пор, как умер отец мистера Дарси, Уикхем почти не бывал в родных краях, он все же мог сообщить миссис Гардинер более свежие сведения о ее прежних друзьях, чем те, которыми она располагала сама.

Когда-то миссис Гардинер довелось побывать в Пемберли, и она много знала о его покойном владельце. Это могло служить неисчерпаемой темой для разговоров. Обоим доставляло немалое удовольствие сравнивать сохранившиеся у нее воспоминания о Пемберли с более точным описанием поместья, которое мог предложить ее собеседник, и обмениваться восторженными отзывами о покойном мистере Дарси. Узнав, как жестоко

поступил с Уикхемом молодой мистер Дарси, она попыталась восстановить в памяти все, что слышала о наследнике Пемберли в то время, когда он был еще подростком. И в конце концов она убедилась, что ей удалось припомнить разговоры о гордом и неприятном характере юного Фицуильяма Дарси.

Глава III

Миссис Гардинер не преминула осуществить свое намерение и при первой же возможности, позволившей ей поговорить с племянницей наедине, весьма деликатно поделилась с ней своей тревогой. Откровенно высказав все, что ее беспокоило, она продолжала:

— Ты достаточно умна, Лиззи, чтобы влюбиться только из-за того, что тебя против этого предостерегают. Поэтому я не боюсь говорить открыто. Мне бы очень хотелось, чтобы ты была начеку. Не увлекайся сама и не старайся увлечь его чувством, которое представляется весьма неблагоразумным, принимая во внимание, какими ничтожными средствами вы оба располагаете. Мне не в чем его упрекнуть. Разумеется, он весьма интересный молодой человек. И если бы он был так богат, как того заслуживает, я считаю, что ты не смогла бы сделать более удачного выбора. Но при существующих обстоятельствах ты не должна давать воли своему воображению. У тебя есть здравый смысл и все мы уверены, что ты сумеешь руководствоваться им в своих поступках. Я знаю, как твой отец полагается на твой рассу-

док и хорошее поведение. И он не должен в тебе разочароваться.

— Тетя, дорогая, вы говорите о таких серьезных вещах!

— Конечно. И я надеюсь, что ты так же серьезно их воспримешь.

— В таком случае вы можете не тревожиться. Я позабочусь о себе и о мистере Уикхеме. И он ни за что в меня не влюбится, если только я смогу этому помешать.

— Элизабет, ты пытаешься отшутиться.

— Прошу прощения. Начну сначала. Сейчас я не влюблена в мистера Уикхема. Могу это заявить с полной уверенностью. Но, конечно, он безусловно — самый привлекательный молодой человек из всех, которых мне приходилось встречать. И если бы он всерьез почувствовал ко мне привязанность... — я полагаю, что было бы гораздо лучше, если бы этого не случилось. Я очень хорошо сознаю, насколько это неблагоприятно. Ах, этот ужасный мистер Дарси!.. Отцовское доверие, конечно, обязывает меня ко многому. И я чувствовала бы себя очень несчастной, если бы мне пришлось его обмануть. Однако отец весьма расположен к мистеру Уикхему. Короче говоря, тетя, дорогая, мне было бы очень больно кого-нибудь из вас огорчить. Но ведь мы чуть ли не каждый день бываем свидетелями того, что никакая нужда не препятствует влюбленным молодым людям связывать свои судьбы. Как же я могу дать слово, что окажусь перед подобным искушением мудрее моих сверстниц? А ведь я даже не знаю, действительно ли я поступлю мудро, заста-

вив себя перед ним устоять. Поэтому все, что я могу вам обещать, это — не торопиться. Я не буду поспешно решать, что действительно завладела его сердцем. Находясь в его обществе, я не буду к этому стремиться. Короче говоря, я сделаю все, что смогу.

— Может быть стоило бы ему намекнуть, что он не должен так часто приходиться в этот дом? По крайней мере, тебе не следует напоминать матери, чтобы она его приглашала.

— Как я поступила вчера, не так ли? — спросила Элизабет со смущенной улыбкой. — О, да, вы правы. С моей стороны было бы гораздо разумнее не делать этого. Но не подумайте, тетя, что он всегда проводит у нас столько времени. В эту неделю его приглашали так часто только из-за вашего приезда. Разве вы не знаете, как мама заботится, чтобы наши друзья были всегда окружены обществом? Но, право же, даю вам слово, что постараюсь поступать так, как мне будет казаться наиболее разумным. Надеюсь, вы довольны моим обещанием?

Тетка заверила ее, что она полностью удовлетворена ответом Элизабет, племянница поблагодарила миссис Гардинер за дружескую заботу, и они расстались, вполне расположенные друг к другу, явив миру редчайший пример того, как может быть принят, и притом без всякого негодования, совет столь деликатного свойства.

Мистер Коллинз вернулся в Хартфордшир вскоре после отъезда Гардинеров и Джейн. Но так как на этот раз он уже поселился у Лукасов, его приезд не причинил миссис Беннет больших не-

удобств. Женитьба его теперь быстро приближалась, и хозяйка Лонгборна наконец настолько смягчилась, что стала относиться к этому событию как к неизбежному и даже время от времени с кислым видом говорила о том, насколько бы ей хотелось, чтобы этот брак оказался счастливым.

Венчание было назначено на четверг, а в среду мисс Лукас нанесла прощальный визит в Лонгборн. Когда она поднялась, чтобы покинуть их дом, Элизабет, устыдившись скудных и нелюбезных напутствий, высказанных на прощанье миссис Беннет, и чувствуя себя искренно взволнованной, проводила подругу до крыльца. На лестнице Шарлот сказала:

— Надеюсь, Элайза, ты будешь писать достаточно часто?

— Конечно, можешь быть в этом уверена.

— Я прошу тебя еще об одном одолжении. Не согласишься ли ты меня навестить?

— Мы будем, надеюсь, часто встречаться в Хартфордшире?

— Едва ли я смогу покинуть Кент в ближайшее время. Поэтому обещай мне приехать в Хансфорд.

Элизабет не смогла отказаться, хотя не предвкушала никаких радостей от подобной поездки.

— Мой отец и Мерая должны побывать у меня в марте, — добавила Шарлот. — Надеюсь, что ты сможешь приехать вместе с ними. Поверь, Элайза, твой приезд обрадует меня не меньше, чем каждого из них.

Свадьба состоялась, молодые отбыли в Кент прямо из церкви и, как обычно, по поводу этого

события было немало толков. Вскоре Элизабет получила от подруги письмо. И они стали обмениваться мыслями и наблюдениями не менее часто, чем в прежние времена, хотя и без прежней откровенности. Принимаясь за письмо, Элизабет никогда не могла избавиться от ощущения, что вся прелесть их старой душевной близости утрачена безвозвратно. И, заботясь о постоянстве их переписки, она сознавала, что делает это не ради настоящей, а лишь ради прошлой дружбы. Первые письма Шарлот прочитывались, разумеется, с большим интересом. Было весьма любопытно узнать, что она расскажет о своем новом доме, как ей понравилась леди Кэтрин и в какой мере осмелится она говорить о своем семейном счастье. Однако, читая их, Элизабет замечала, что по каждому поводу Шарлот высказывается именно так, как можно было заранее ожидать. Письма были веселыми, в них говорилось, что она живет, окруженная всеми удобствами, и не упоминалось ничего, что не заслуживало одобрения. Дом, обстановка, соседи и дороги — все пришлось ей по вкусу, а отношение к ней леди Кэтрин было самым дружеским и любезным. Картина, которую рисовала Шарлот, выглядела так, как будто это было разумно смягченное ею изображение Хансфорда и Розингса, вышедшее из-под пера самого мистера Коллинза. Было очевидно, что правильное представление о жизни подруги Элизабет сможет получить, только навестив Хансфорд сама.

Джейн еще раньше прислала сестре несколько строк, извещая ее о своем благополучном приезде в Лондон. Элизабет надеялась, что в следующую

шем письме она уже сможет сообщить что-нибудь о семействе Бингли.

Нетерпение, с которым она ждала второго письма, было вознаграждено так, как обычно вознаграждается всякое нетерпение. Проведя неделю в столице, ее сестра ни разу не встретила с Кэрролайн и ничего о ней не слышала. Джейн объясняла это тем, что письмо, отправленное ею подруге еще из Лонгборна, по какой-то причине затерялось.

«Тетушка, — продолжала она, — собирается завтра побывать в той части города и я воспользуюсь случаем, чтобы нанести визит на Гровнор-стрит».

Следующее письмо было написано после этого визита и встречи с мисс Бингли.

«Кэрролайн, по-видимому, была не в духе, — говорилось в письме, — но она очень обрадовалась встрече со мной и упрекнула меня в том, что я ничего не сообщила ей из Лонгборна о своем приезде. Таким образом, я была права, предполагая, что мое последнее письмо до нее не дошло. Разумеется, я осведомилась у нее, как поживает ее брат. Он здоров, но так много времени проводит с мистером Дарси, что его сестры почти с ним не встречаются. В этот день у них должна была обедать мисс Дарси. Признаюсь, мне очень хотелось на нее посмотреть! Визит мой продолжался недолго, так как Кэрролайн и миссис Хёрст куда-то спешили. Смею надеяться, что скоро увижу их теперь у себя».

Прочтя это письмо, Элизабет покачала головой. Было ясно, что о приезде ее сестры в город мистер Бингли сможет узнать только случайно.

Четыре недели прошли со времени приезда Джейн в Лондон, но ей так и не довелось его повидать. Джейн пыталась уверить себя, что несколько этим не огорчается, но уже не могла закрывать глаза на невнимание к себе его сестер. Целых две недели она провела дома в ожидании мисс Бингли, каждый вечер придумывая, чем бы еще оправдать задержку ее ответного посещения, пока, наконец, Кэролайн не появилась в доме Гардинеров. Краткость этого визита и сухость ее манер лишили Джейн возможности обманывать себя еще дольше. Ее чувства были достаточно ясно отражены в письме, которое она написала сестре после этой встречи:

«Я уверена, что моя любимая Лиззи не станет торжествовать, убедившись, что она оказалась права и что я глубоко заблуждалась, принимая за чистую монету дружбу мисс Бингли. Но, дорогая сестра, хотя жизнь доказала твою правоту, не считай меня упрямецей, если я и сейчас утверждаю, что, основываясь на ее прежнем поведении, мое доверие к ней было не менее естественным, чем твоя подозрительность. Для меня остаются непонятными причины, из-за которых она старалась со мной сблизиться. Но если бы прежние обстоятельства повторились, я несомненно была бы во второй раз введена в заблуждение. Визит мой не был возвращен

Кэролайн до вчерашнего дня. И за все это время я не получала от нее никаких известий, ни одной строчки. С самого ее прихода было очевидно, что эта встреча ее несколько не радовала. Она очень холодно и небрежно извинилась, что до сих пор не удосужилась меня навестить, ни слова не сказала о намерении впредь со мной встречаться и, казалось, настолько изменилась, что после ее ухода я твердо решила не продолжать с ней знакомства. К моему глубокому сожалению, я не могу ее не осуждать. Ей вовсе не следовало завязывать раньше со мной такую дружбу — уверяю тебя, что каждый новый шаг к сближению делался с ее стороны. Но мне жаль ее, потому что она должна чувствовать, как нехорошо она поступает. А еще потому, что ее поведение несомненно вызвано беспокойством за брата. Мне нет нужды объясняться более подробно. И хотя мы с тобой знаем, что беспокойство это ни на чем не основано, но если Кэролайн его испытывает, это вполне объясняет ее отношение ко мне. При том, что он так заслуживает ее любви, всякая ее забота о нем кажется естественной и простибельной. Меня, однако, удивляют ее опасения в настоящее время, потому что, если бы он еще хоть немножко меня помнил, мы бы уже давно встретились. Он знает о моем приезде, я в этом уверена — она даже сама что-то об этом сказала. И все же, судя по ее тону, ей приходится убеждать себя в том, что он на самом деле любит мисс

Дарси. Мне это непонятно. И если бы я не боялась судить слишком резко, у меня был бы большой соблазн сказать, что все это слишком похоже на двойную игру. Но я постараюсь отогнать от себя все мрачные мысли и думать только о радостных вещах: нашей с тобой дружбе и бесконечной доброте ко мне моих дорогих дяди и тети. Напиши мне как можно скорее. Мисс Бингли дала мне понять, правда не совсем уверенно, что ее брат никогда не вернется в Незерфилд и откажется от аренды. Об этом, пожалуй, лучше дома не говорить. Меня очень обрадовали хорошие вести от наших друзей в Хансфорде. Непременно проведай их вместе с сэром Уильямом и Мерайей. Уверена, что там тебе будет хорошо.

Твоя и т. д.»

Это письмо причинило Элизабет некоторую боль. Но она воспрянула духом, когда подумала, что Джейн не будет больше обманываться хотя бы в сестре мистера Бингли. Всякие надежды в отношении самого молодого человека исчезли окончательно. Элизабет даже и не хотела, чтобы он возобновил свое ухаживание за ее сестрой — так низко пал он в ее глазах. И она искренне пожелала скорейшего заключения его брака с мисс Дарси, который принес бы успокоение Джейн и явился наказанием для него самого, так как, судя по отзывам Уикхема, Джорджиана быстро заставила бы его пожалеть о той, от любви которой он с такой легкостью отказался.

В эти же дни миссис Гардинер напомнила Элизабет ее обещание относительно мистера Уикхема и попросила написать, как обстоят ее дела. То, что Элизабет смогла сообщить по этому поводу, было гораздо приятнее ее тетке, нежели ей самой. Очевидная склонность к ней Уикхема исчезла, он перестал оказывать ей внимание и уже волочился за другой. У Элизабет хватило наблюдательности, чтобы вовремя это заметить, и она отнеслась к этому и написала обо всем тетке без особых сожалений. Сердце ее было задето не сильно, а ее тщеславие было вполне удовлетворено мыслью, что он остановил бы свой выбор на ней, если бы располагал необходимыми средствами. Внезапное приобретение десяти тысяч фунтов было главным достоинством девицы, которой он теперь старался понравиться. Однако Элизабет, быть может, менее объективная в данном случае, нежели в истории с Шарлот, не упрекала Уикхема за его стремление к независимости. Напротив, что могло быть естественнее? И даже допуская в душе, что отказ от нее стоил ему некоторой внутренней борьбы, она была готова согласиться с разумностью этого шага, отвечавшего их общим интересам, и искренне желала ему счастья.

Все это она сообщила миссис Гардинер. Изложив все обстоятельства, она продолжала:

«Я убедилась, дорогая тетушка, что не была влюблена по-настоящему. Ведь если бы я в самом деле пережила это возвышенное и чистое чувство, то должна была бы сейчас содрогаться даже при упоминании его име-

ни и желать ему всяческих бед. А между тем я отношусь дружески не только к нему самому, но даже к мисс Кинг. Я не могу в себе заметить никакой ненависти к ней и даже не считаю, что о ней нельзя сказать доброго слова. Разве это могло быть любовью? Мое самообладание сослужило мне службу. И хотя для всех знакомых я представляла бы гораздо больший интерес, будь я безнадежно в него влюблена, я все же не могу сказать, что меня печалит моя скромная участь. Слава покупается иногда слишком дорогой ценой. Китти и Лидия приняли его измену гораздо ближе к сердцу, чем я. Они еще слишком юны, и их глазам еще не открылась беспощадная истина, в силу которой самые привлекательные молодые люди так же должны иметь средства к существованию, как и самые незначительные».

Глава IV

Январь и февраль промелькнули без каких-либо новых важных событий в семье Беннетов и не внесли другого разнообразия в их жизнь, кроме прогулок в Меритон, совершавшихся иногда по замерзшим дорогам, а иногда и по грязи. В марте Элизабет предстояло навестить Хансфорд. Сначала она вовсе не думала серьезно об этой поездке. Но мало-помалу она обнаружила, что Шарлот в самом деле ждет ее приезда и постепенно привыкла смотреть на этот визит как на неизбежную и не такую

уж неприятную необходимость. Разлука усилила ее привязанность к подруге и ослабила ее отвращение к мистеру Коллинзу. Поездка сулила новые впечатления, а так как жизнь с матерью и достаточно несносными младшими сестрами едва ли можно было назвать приятной, кратковременная смена обстановки была желательна сама по себе. Путешествие, кроме того, давало ей возможность взглянуть на Джейн. Короче говоря, когда срок визита приблизился, она уже была бы огорчена, если бы его пришлось отложить. Никаких препятствий к поездке, однако, не возникло, и, в конце концов, все было устроено согласно первоначальному плану Шарлот. Элизабет должна была выехать в сопровождении сэра Уильяма и его второй дочери. Предложение провести ночь в Лондоне было внесено вовремя и составленный окончательно план путешествия казался безукоризненным.

Единственное связанное с отъездом огорчение вызывала разлука с отцом, который должен был сильно почувствовать ее отсутствие. И когда пришло время, мистер Беннет так неохотно с ней простился, что даже велел дочке ему написать и чуть ли не обещал прислать ей ответ.

Прощание с Уикхемом было вполне дружеским, с его стороны, пожалуй, даже больше, чем дружеским. Новая привязанность не заставила его забыть, что Элизабет первая обратила на себя его внимание, первая его выслушала и выразила ему сочувствие и первая заслужила его восхищение. И в манере, с которой он с ней простился, пожелав ей всяческих радостей, напомнив, чего она может ожидать от леди Кэтрин де Бёр, и выразив уверен-

ность в совпадении их мнений об этой даме и обо всех прочих общих знакомых, заключались забота и внимание, которыми он, казалось, навсегда завоевал самое искреннее расположение Элизабет. Расставаясь с ним, она была убеждена, что, холостой или женатый, он навсегда останется для нее образцом обаятельного молодого человека.

Спутники Элизабет, составившие ей компанию на следующий день, отнюдь не могли вытеснить в ее душе приятное впечатление, оставленное прощанием с Уикхемом. Сэр Уильям Лукас и его дочь Мерайя, девица добродушная, но такая же пустоголовая, как и ее папаша, не могли сказать ничего, заслуживающего внимания, и к их болтовне Элизабет прислушивалась почти с тем же интересом, как к дребезжанию экипажа. Человеческие причуды всегда привлекали ее внимание, но с сэром Уильямом она была знакома слишком давно. И, рассказывая о церемонии своего представления ко двору, он уже не мог открыть ей ничего нового. А его любезности были такими же затасканными, как и его повествование.

Им предстояло проехать всего двадцать четыре мили, и они выехали достаточно рано, чтобы уже к полудню прибыть на Грейсчёрч-стрит. Когда они подъезжали к дому мистера Гардинера, Джейн стояла у окна гостиной в ожидании их приезда. Она встретила их у входа. Пристально взглядевшись в ее лицо, Элизабет была обрадована цветущим видом сестры. На лестнице их поджидали несколько маленьких ребятишек. Желание посмотреть, как выглядит их кузина, заставило их покинуть гостиную, а застенчивость, вызванная годич-

ной разлукой — помешала спуститься еще ниже. Встреча была проникнута радостью и весельем, и день прошел самым приятным образом: первая его часть — в суматохе и беготне по магазинам, а вторая — в театре.

Элизабет удалось занять место рядом с миссис Гардинер. Их разговор прежде всего коснулся ее сестры. И она была скорее опечалена, нежели удивлена, когда из подробных расспросов узнала, что Джейн, хотя и старается держать себя в руках, все же иногда впадает в уныние. Вместе с тем можно было надеяться, что это продолжится не так долго. Тетушка подробно рассказала о визите мисс Бингли и своих многочисленных беседах со старшей племянницей, свидетельствовавших, что Джейн от всего сердца решила порвать это знакомство.

Миссис Гардинер не преминула пошутить над Элизабет по поводу измены Уикхема, одновременно поздравив ее с тем, как прекрасно она эту измену перенесла.

— Кстати, дорогая, а что за девица, эта мисс Кинг? Мне бы не хотелось узнать, что наш друг оказался человеком расчетливым.

— Но тетя, разве можно в матримониальных делах найти точную грань между расчетливостью и благоразумием? Кто знает, где кончается рассудительность и начинается алчность? В дни рождества вы боялись, как бы я по неблагоразумию не вышла за него замуж. А теперь, когда он пытается заполучить невесту, у которой за душой всего десять тысяч фунтов, вы уже видите в этом корыстолюбие.

— Если ты мне скажешь, что собой представляет мисс Кинг, я смогу составить правильное суждение.

— По-моему, это очень славная девушка. Не могу сказать о ней ничего дурного.

— Но он и внимания не обращал на нее, пока смерть деда не сделала ее обладательницей этой суммы.

— Нет, да и с какой бы стати? Если из-за моей бедности он был не вправе добиваться моего сердца, зачем ему было волочиться за девушкой не богаче меня, не чувствуя к ней расположения?

— Но не кажется ли неприличным, что он обратил на нее внимание тотчас же после получения ею наследства?

— В стесненных обстоятельствах человек не может позволить себе соблюдать все приличия, которые другим кажутся столь обязательными. Если она сама не против, то нам-то какое дело?

— Снисходительность мисс Кинг не оправдывает мистера Уикхема. Она доказывает, что ей самой чего-то недостает — ума или такта.

— Ну что ж, — воскликнула Элизабет, — пусть все будет так, как вам угодно: он — стяжатель, а она — дура.

— Это вовсе мне не угодно, Лиззи. Неужели ты не понимаешь, что мне бы не хотелось думать плохо о молодом человеке родом из Дербишира?

— Ах, вот что! Ну, если дело только в этом, то я не питаю особенно высокого мнения о молодых людях из Дербишира. А их закадычные друзья, проживающие в Хартфордшире, не намного лучше их самих. Все они мне достаточно

опротивели. Слава богу, завтра я увижу человека без единого положительного качества, — не отличающегося ни умом, ни манерами. В конце концов, знаться стоит только с глупцами.

— Берегись, Лиззи. В твоих словах слишком чувствуется разочарование.

Прежде чем их беседа была прервана окончанием пьесы, Элизабет была неожиданно обрадована приглашением сопровождать мистера и миссис Гардинер во время их летней поездки по стране.

— Мы еще не решили, как далеко заберемся, — сказала миссис Гардинер. — Но, возможно, мы доедем до Озерного края².

Никакое предложение не могло так обрадовать Элизабет. Она приняла его с готовностью и искренней благодарностью.

— Тетя, милая, дорогая! — воскликнула она с восторгом, — как это замечательно! Вы вдохнули в меня свежие силы, подарили мне жизнь. Прощайте, разочарование и сплин! Что значат люди по сравнению с холмами и скалами? Сколько впереди упоительных часов! И мы ведь — не то, что другие путешественники, которые и двух слов связать не могут по возвращении. Уж мы-то, когда вернемся, сумеем рассказать, где мы были, и вспомнить, что повидали. Озера, горы и реки не смешаются в нашей памяти, и мы не станем пререкаться, как это принято, описывая, какой-нибудь примечательный вид. А потому наш рассказ не покажется слушателям таким невыносимым.

Глава V

Все, что во время путешествия на другой день останавливало на себе взгляд Элизабет, казалось ей новым и интересным. Сердце ее радостно билось. Вид сестры доказывал, что за ее здоровье можно не опасаться, а предвкушение поездки на Север служило постоянным источником радостных мыслей.

Когда карета с главной дороги свернула в проселок, ведущий к Хансфорду, путники стали искать глазами приходский домик, который мог теперь открыться за каждым поворотом. Они проезжали мимо ограды Розингс Парка и, вспомнив рассказы об его жителях, Элизабет не смогла удержаться от улыбки.

Наконец, показалось и само жилище мистера Коллинза. Сад, спускавшийся к дороге, с домом в глубине, зеленая ограда, лавровый кустарник— все свидетельствовало о приближении к цели путешествия. Кланяющиеся и улыбающиеся мистер Коллинз и Шарлот появились в дверях и экипаж с кланяющимися и улыбающимися пассажирами остановился у небольшой калитки, отделенной от дома короткой гравиевой дорожкой. Приезжие тотчас вышли из кареты и вместе с хозяевами дома принялись с наслаждением рассматривать друг друга. Миссис Коллинз встретила подругу самым сердечным образом, и Элизабет, видя, как радушно ее принимают, почувствовала еще большее удовольствие оттого, что решилась на эту поездку. Она сразу заметила, что женитьба несколько не изменила манер ее кузена, который с обычной

многословной любезностью задержал их на несколько минут у калитки, обстоятельно расспрашивая Элизабет обо всех членах ее семьи. Вслед за тем они были введены в дом без дальнейших проволочек, если не считать того, что мистер Коллинз обратил их внимание на красоту парадного входа. И как только они оказались в прихожей, он во второй раз напыщенно приветствовал их по поводу вступления в его скромное обиталище, дословно повторив все сказанное его женой относительно отдыха путешественников.

Элизабет заранее готовилась увидеть Коллинза во всем блеске его славы. И ей было трудно избавиться от мысли о том, что, указывая на размеры помещения, виды из окон и обстановку, он обращался главным образом к ней, давая почувствовать, чего она лишилась, отказавшись выйти за него замуж. Но хотя все выглядело уютно и мило, она все же была не способна порадовать его ни единым знаком сожаления и поглядывала на подругу, удивляясь, как это ей удастся сохранять жизнерадостность, имея подобного спутника жизни. Когда мистер Коллинз произносил что-нибудь, от чего его жена могла бы прийти в смущение, — а случалось это нередко, — Элизабет невольно бросала взгляд на Шарлот. Раз или два она заметила, что подруга слегка покраснела, но в большинстве случаев Шарлот мудро пропускала подобные вещи мимо ушей. Просидев в гостиной некоторое время, необходимое для того, чтобы воздать должное каждому находившемуся в комнате предмету — от буфета до каминной решетки, — описать их путешествие и рассказать обо всем,

что они видели в Лондоне, гости были приглашены хозяином пройтись по обширному, прекрасно разбитому саду, который он обрабатывал собственными руками. Работа в саду была для него одним из самых любимых развлечений, и Элизабет с восхищением наблюдала, как великолепно Шарлот владеет собой, рассуждая о пользе физического труда и признаваясь, что она всей душой поддерживает эту склонность супруга. Проведя гостей по всем продольным и поперечным дорожкам сада и не давая им возможности высказать одобрение, которого сам же усиленно добивался, мистер Коллинз обратил их внимание на каждый представший перед глазами пейзаж, сопровождая это подробностями, от которых самая привлекательная картина теряла всякое очарование. Он мог точно определить, какие поля простираются в каждом направлении, сколько стволов насчитывается в любой самой отдаленной рощице. Но из всех прекрасных видов, которые могли прославить его сад, графство и даже королевство, ни один не мог сравниться с изумительным видом на Розингс, открывшимся почти перед самым его домом в прогалине среди окаймлявших парк деревьев. Это было в самом деле красивое современное здание, удачно расположенное на склоне холма.

Из сада мистер Коллинз хотел было провести гостей по двум своим пастбищам, но, так как обувь дам не могла защитить их от еще не вполне растаявшего снега, с хозяином отправился один сэр Уильям, а Шарлот повела сестру и подругу осматривать дом, радуясь возможности сделать это в от-

существование своего супруга. Дом оказался небольшим, но удобным и отлично выстроенным. Все в нем было обставлено и пригнано с основательностью и вкусом, свидетельствовывавшими о хозяйственных способностях Шарлот. Отвлекаясь от мыслей о мистере Коллинзе, во всем можно было усмотреть дух благополучия. А по удовлетворенному виду Шарлот Элизабет заключила, что ее подруга и в самом деле нередко забывает о муже.

Элизабет уже было известно, что леди Кэтрин до сих пор не переехала из своего поместья в Лондон. Разговор об этом зашел за обедом и принимавший участие в беседе мистер Коллинз заметил:

— О да, мисс Элизабет, в воскресенье вы будете иметь честь лицезреть в церкви леди Кэтрин де Бёр, и мне нет нужды говорить о том, как сильно вы будете ею восхищены. Моя патронесса — воплощение любезности и снисходительности, и я не сомневаюсь, что после окончания службы вы удостоитесь какого-нибудь знака внимания с ее стороны. Я даже, почти не колеблясь, могу сказать, что она не преминет распространить на вас и мою сестру Мерайю все приглашения, которыми она почтит нас за время вашего пребывания в Кенте. Она необыкновенно внимательна к моей дорогой Шарлот. Мы обедаем в Розингсе два раза в неделю и никогда не возвращаемся домой пешком: экипаж ее сиятельства всегда к нашим услугам. Мне, конечно, следовало бы сказать — один из экипажей ее сиятельства, поскольку их у нее, разумеется, несколько.

— Леди Кэтрин, в самом деле, — весьма степенная и рассудительная дама, — подтвердила

Шарлот.— К тому же она — очень внимательная соседка.

— Совершенно верно, дорогая, это — как раз то, что я имел в виду. Никакое почтение к столь высокой особе не может оказаться чрезмерным.

Вечер был посвящен главным образом разговорам об уже известных читателю хартфордских новостях. Перед сном, оставшись одна в своей комнате, Элизабет смогла подумать о том, насколько удовлетворена судьбой ее подруга, разобратся в образе действий, избранном Шарлот по отношению к мужу, и прийти к выводу, что он является наилучшим. Она смогла также мысленно представить себе, как будет дальше протекать ее визит в Хансфорд: размеренный ход домашних занятий и бесед с подругой, назойливость мистера Коллинза, забавные встречи в Розингсе. Картины эти одна за другой промелькнули в ее воображении.

В середине следующего дня, когда Элизабет одевалась в своей комнате перед прогулкой, снизу донесся неожиданный шум. Ей показалось, что весь дом мистера Коллинза пришел в смятение. Прислушиваясь, она разобрала, что кто-то в необыкновенной спешке поднимается по ведущей в ее комнату лестнице, выкрикивая на ходу ее имя. Элизабет распахнула дверь и увидела на площадке лестницы Мерайю, которая выпалила, захлебываясь от возбуждения:

— Элайза, дорогая, ради бога, скорее! Бегите в столовую. Если бы вы знали, что вы там увидите из окна! Но я вам ничего не скажу. Скорее, скорее, сию же минуту!

Элизабет тщетно пыталась расспросить Мерайю о случившемся. Девушка не желала больше ничего говорить, и они прибежали в столовую смотреть на чудо через окно, которое выходило на проезжую дорогу. Они увидели двух дам, сидевших в низеньком фэртоне³, который остановился у садовой калитки.

— И это все? — воскликнула Элизабет. — Я ожидала, что в сад по крайней мере забрались свиньи, а это всего лишь леди Кэтрин и ее дочка.

— Ну что вы, дорогая Элайза! — отвечала явно возмущенная ее ошибкой Мерайя. — Какая же это леди Кэтрин? Пожилая дама — это миссис Дженкинсон, ее компаньонка, а та, что помоложе — сама мисс де Бёр! Вы только на нее посмотрите. Какая она крохотная! Кто бы мог подумать, что она такая худенькая и маленькая!

— С ее стороны крайне нелюбезно заставлять Шарлот стоять на таком ветру. Неужели ей трудно зайти в дом?

— Шарлот говорит, что она почти никогда к ним не заходит. Появление мисс де Бёр в доме — особая милость с ее стороны.

— А она мне понравилась, — сказала Элизабет под действием вновь нахлынувших мыслей. — Девушка выглядит болезненной и раздражительной. Что же, она отлично ему подойдет — из нее выйдет как раз такая жена, которой он заслуживает.

Стоявшие у калитки Шарлот и мистер Коллинз беседовали с дамами в коляске. В то же время сэр Уильям, к полному удовольствию Элизабет, расположился на крыльце, почтительно созерцая находившуюся перед ним величественную

особу и отвешивая поклоны каждый раз, когда на него устремлялся взгляд мисс де Бёр.

В конце концов все было сказано, коляска отъехала, и хозяева вернулись в дом. Как только мистер Коллинз увидел обеих девиц, он тут же поздравил их с радостной новостью. Как пояснила Шарлот, новость эта заключалась в том, что все они приглашены на завтра к обеду в Розингс.

Глава VI

Торжество мистера Коллинза по поводу полученного приглашения было поистине полным. Больше всего ему хотелось представить гостям все величие своей патронессы и дать им воочию убедиться в знаках ее внимания по отношению к миссис Коллинз и к своей собственной особе. И то, что он столь быстро получил соответствующую возможность, свидетельствовало о таком расположении со стороны леди Кэтрин, которому он никак не мог достаточно надивиться.

— Признаюсь,— говорил он,— мне не показалось бы странным, если бы ее сиятельство предложила нам выпить с ней чаю и провести в Розингсе воскресный вечер. Более того, зная ее беспредельную доброту, я, говоря откровенно, был даже к этому подготовлен. Но кто бы мог подумать, что она окажет нам столь большое внимание! Кто бы вообразил, что мы получим приглашение на обед,— к тому же, приглашение на обед для всей нашей компании,— почти тотчас же после вашего приезда!

— А меня это вовсе не удивило,— откликнулся сэр Уильям.— Благодаря своему положению в обществе я, слава богу, немного знаком с обычаями великих мира сего. И должен сказать, что подобные примеры обходительности при дворе вовсе не являются редкостью.

В течение всего остального дня и следующего утра в доме только и было разговоров, что о визите к ее сиятельству. Мистер Коллинз тщательнейшим образом подготавливал своих гостей к тому, что их ждет в Розингсе, с тем, чтобы они не утратили присутствия духа при виде огромных зал, большого количества прислуги и великолепной сервировки.

Прежде, чем дамы ушли переодеваться, он нашел нужным дать Элизабет следующий совет:

— Вы можете не тревожиться, дорогая кузина, по поводу вашего костюма. Леди Кэтрин вовсе не требует от нас того изящества туалетов, которое свойственно ее сиятельству и мисс де Бёр. Я бы посоветовал вам просто выбрать платье, которое вам кажется несколько более нарядным,— ничего другого не требуется. Уверяю вас, что леди Кэтрин вовсе не подумает о вас хуже, если вы будете скромно одеты. Напротив, ей даже нравится, когда сохраняется различие в положении.

Пока все одевались, он по два-три раза подбегал к каждой двери, советуя поторопиться, так как ее сиятельство очень не любит, когда ее задерживают с обедом. Столь устрашающее описание леди Кэтрин и ее привычек вконец перепугало не привыкшую к обществу Мерайю Лукас, так что

она стала смотреть на свое появление в Розингсе с тем же трепетом, с каким отец ее ждал когда-то представления ко двору.

Воспользовавшись прекрасной погодой, они около полудня прошли по парку пешком. Каждый парк имеет свои особые красоты и очарование. И Элизабет любовалась им с большим удовольствием, хотя и не приходила от величия представившейся ей картины в тот восторг, которого ожидал мистер Коллинз. Она не была потрясена даже названным ей числом окон на фасаде здания и стоимостью стекла в этих окнах, когда-то приобретенного покойным сэром Льюисом де Бёром.

Робость Мерайи возрастала с каждым шагом вверх по входной лестнице замка, и даже сам сэр Уильям не казался в этот момент вполне спокойным. Элизабет, напротив, не испытывала тревоги. Она не слыхала ни о каких необыкновенных талантах или особых добродетелях леди Кэтрин, которые требовали преклонения, а что касается признаков знатности и богатства, то она считала, что сможет созерцать их без особенного волнения.

Миновав прихожую, в которой мистер Коллинз с восторгом обратил их внимание на размеры помещения и изящество орнаментов, они следом за слугами прошли через холл в комнату, в которой уже сидели ее сиятельство, мисс де Бёр и миссис Дженкинсон. Леди Кэтрин снизошла до того, чтобы подняться им навстречу, и, так как Шарлотт заранее условилась с мужем, что она сама представит гостей хозяйке дома, церемония знакомства совершилась естественным образом, без излиш-

них извинений и оправданий, которые не преминул бы употребить по такому случаю мистер Коллинз.

Хотя сэр Уильям когда-то имел честь побывать даже в Сент-Джеймсе, он был сейчас настолько подавлен окружавшим его величием, что смог лишь отвесить низкий поклон и затем молча занять предложенное ему место. Его дочка, напуганная почти до бесчувствия, уселась на самый краешек стула, не смея поднять глаза. И только Элизабет не испытывала особого волнения и смогла спокойно рассмотреть трех находившихся перед нею дам. Леди Кэтрин оказалась высокой и полной женщиной с резкими чертами лица, которое в давние годы могло быть красивым. Она ничем к себе не располагала, и в ее манерах не чувствовалось желанья хозяйки, чтобы ее гости забыли о своем более низком общественном положении. Она не наводила страха молчанием, но все, что она говорила, произносилось самым авторитетным тоном, подчеркивавшим всю значительность ее особы — именно так, как рассказывал о ней мистер Уикхем. И, наблюдая ее в течение всего вечера, Элизабет решила, что леди Кэтрин вполне соответствует нарисованному им портрету.

Рассмотрев хозяйку дома, в лице и жестах которой она вскоре уловила некоторые черты мистера Дарси, Элизабет взглянула на ее дочь и была удивлена ее худобой и тщедушием почти в такой же степени, как Мерая Лукас. Между матерью и дочерью не замечалось никакого сходства ни в лице, ни в фигуре. Мисс де Бёр была девушкой бледной и болезненной. Лицо ее нельзя было на-

звать некрасивым, но казалось невыразительным. Она почти ничего не говорила, если не считать нескольких фраз, обращенных к миссис Дженкинсон, ничем не примечательной женщине, занятой только словами своей воспитанницы и тем, чтобы получше установить перед ее глазами защитный экран ⁴.

Гости не просидели и пяти минут, когда им было предложено подойти к одному из окон и полюбоваться открывшимся из него видом. Мистер Коллинз взялся при этом обратить их внимание на его красоты, а леди Кэтрин снисходительно пояснила, что смотреть на этот вид еще приятнее в летнее время.

Обед оказался превосходным и, пока он продолжался, им были представлены все предметы сервировки и вся прислуга, обещанные мистером Коллинзом. Как он и предсказывал, ему, по желанию ее сиятельства, пришлось занять место напротив хозяйки дома. При этом вид у него был такой, как будто он достиг высочайших почестей в мире. Он орудовал ножом, ел и восхищался каждым подаваемым блюдом. Сначала свое суждение высказывал мистер Коллинз, а следом за ним — сэр Уильям, который достаточно пришел в себя, чтобы повторять его слова. К удивлению Элизабет, леди Кэтрин не только переносила все это, но даже казалась довольной их чрезмерным восхищением и смотрела на них с самой снисходительной улыбкой, особенно в тех случаях, когда поданное блюдо оказывалось для них совершенно незнакомым. Никакой беседы за столом так и не завязалось. Элизабет была готова под-

держат разговор, но она сидела между Шарлот и мисс де Бёр. Первая была целиком занята тем, что прислушивалась к словам хозяйки дома, а вторая на протяжении всего обеда ни разу не обратилась к Элизабет. Внимание миссис Дженкинсон было целиком поглощено тем, что ее подопечная почти ничего не ела, попытками уговорить ее попробовать хотя бы еще одно блюдо и беспокойством по поводу самочувствия мисс де Бёр. Меррайя не могла произнести ни слова, а джентльмены все время только ели и восторгались.

Когда дамы перешли в гостиную, Элизабет тоже не оставалось ничего другого, как слушать разглагольствования леди Кэтрин, продолжавшиеся без перерыва до тех пор, пока было подано кофе. Мнения, высказывавшиеся хозяйкой дома, произносились таким безапелляционным тоном, который свидетельствовал, что она не привыкла к возражениям. Она подробнейшим и самым нескромным образом расспрашивала Шарлот о ее домашних делах, давала ей всевозможные советы, объясняла, как следует вести ее маленькое хозяйство и наставляла ее в отношении ухода за птицей и коровами. Элизабет поняла, что для этой важной дамы не существовало мелочей, недостойных ее внимания, если только эти мелочи служили ей поводом поучать окружающих. В промежутках между обсуждением различных дел, касавшихся миссис Коллинз, леди Кэтрин обращалась со всевозможными расспросами к Меррайе и Элизабет. В особенности ее интересовала мисс Беннет, о родне которой ей было известно меньше всего и которую она охарактеризовала, обращаясь

к Шарлот, как вполне приличную и миловидную девицу. Постепенно она узнала у Элизабет, сколько у нее сестер, старше ли они ее или моложе, можно ли надеяться, что какая-нибудь из них выйдет замуж, красивы ли они, где они получили воспитание, какой экипаж у ее отца и какова была девичья фамилия ее матери. И хотя Элизабет сознавала всю бесцеремонность подобного вопроса, она давала хозяйке дома каждый раз исчерпывающие ответы. Далее леди Кэтрин заметила:

— Я слышала, что имение вашего батюшки наследуется по мужской линии и должно перейти к мистеру Коллинзу? В данном случае, имея в виду ваши интересы, миссис Коллинз, — сказала она, обращаясь к Шарлот, — я, конечно, не могу этому не радоваться. Но вообще я не одобряю, когда женщин в семье лишают наследственных прав. В семействе сэра Льюиса де Бёра, слава богу, не сочли нужным заводить такой порядок. Вы поете и играете, мисс Беннет?

— Немножко.

— О, в таком случае мы будем рады как-нибудь вас послушать. У меня, знаете, превосходный инструмент, уж верно получше, чем... Вы сами в этом убедитесь. А ваши сестры тоже поют и играют?

— Да, одна из них.

— Почему же только одна? Нужно было научить всех. У мистера Уэбба музыкой занимались все дочки, а доход у него даже меньше, чем у вашего отца. Вы рисуете?

— Увы, не рисую.

— Как, ни одна из вас?

— Ни одна.

— Это странно. У вас, должно быть, не было случая поучиться. Вашей матери следовало каждую весну вывозить вас в столицу, чтобы вы могли брать уроки.

— Моя мать не имела бы ничего против, но отец ненавидит Лондон.

— Ваша гувернантка с вами больше не занимается?

— У нас никогда не было гувернантки.

— Не было гувернантки? Но это просто немыслимо! Пять дочерей воспитаны без гувернантки! Никогда не слыхала ничего подобного. Ваша мать, должно быть, не имела минуты покоя, забываясь о вашем воспитании!

Элизабет едва удержалась от улыбки, заверив леди Кэтрин в том, что она ошибается.

— Но кто же тогда занимался вашим обучением? Кто за вами следил? Без гувернантки, вы были предоставлены сами себе!

— По сравнению с некоторыми семьями это, наверно, так и было. Но те из нас, кто хотел учиться, имели для этого все, что требовалось. Нас всегда поощряли к чтению, и у нас были необходимые учителя. Конечно, если одна из нас предпочитала бездельничать, то для этого у нее оставалась полная возможность.

— Еще бы, несколько не сомневаюсь. С этим-то гувернантке и необходимо бороться. Если бы я была знакома с вашей матерью, я бы самым решительным образом посоветовала ей нанять гувернантку. Я уже много раз говорила, что в обра-

зовании ничего нельзя достигнуть без каждодневных и упорных упражнений, а это может обеспечить одна только гувернантка. Просто удивительно, скольким семьям принесли пользу мои советы. И я всегда с удовольствием помогаю подыскать место молодым особам. Мне, например, удалось отлично пристроить четырех племянниц миссис Дженкинсон. А совсем на днях я порекомендовала одной семье девицу, которую мне только случайно назвали, и, представьте, ею оказались очень довольны. Миссис Коллинз, я не рассказывала вам, что вчера ко мне заезжала леди Меткаф и очень меня благодарила? Подумайте только, она находит, что мисс Поуп — настоящее сокровище. Она прямо так и сказала: «Леди Кэтрин, вы мне подарили сокровище». Ну, а выезжает кто-нибудь из ваших сестер в свет, мисс Беннет?

— Да, сударыня, все.

— Как все? Что же — все пять одновременно? Вот странно! И вы только вторая дочка в семье! Младшие сестры выезжают в свет, прежде чем старшие вышли замуж! Ваши младшие сестры должны быть еще совсем девочками?

— Да, самой младшей нет еще и шестнадцати. Возможно, она и в самом деле слишком молода, чтобы бывать в обществе. Но, по совести говоря, было бы слишком жестоко по отношению к младшим сестрам, если бы они лишились своей доли светских развлечений только из-за того, что старшие не имели возможности или охоты рано выйти замуж. Та, которая родилась последней, имеет такое же право радоваться своей моло-

дости, как родившаяся первой. Оказаться лишенной этих радостей из-за того, что ты моложе других! При этом, я полагаю, трудно было бы рассчитывать, что между сестрами возникнет достаточная привязанность и они будут обладать необходимыми душевными качествами.

— Клянусь вам, вы высказываете свое мнение довольно решительно для столь юной особы,— проговорила леди Кэтрин.— Интересно, сколько вам лет?

— Учитывая, что у меня уже три взрослых младших сестры,— ответила Элизабет, улыбаясь,— ваше сиятельство едва ли полагает, что я могу назвать вслух свой возраст.

Леди Кэтрин, казалось, совершенно опешила оттого, что не получила прямого ответа, и Элизабет заподозрила, что ей суждено было оказаться первым человеком, осмелившимся дать отпор бесцеремонности столь важной особы.

— Вам, я уверена, не может быть больше двадцати. А потому вам вовсе незачем скрывать свои годы.

— Увы, мне уже и не двадцать один.

Джентльмены присоединились к ним, и после чаепития появились карточные столы. Леди Кэтрин, сэр Уильям, мистер и миссис Коллинз уселись за кадрили. А так как ее дочери захотелось сыграть в казино⁵, двум приезжим девицам вместе с миссис Дженкинсон выпала честь составить партию мисс де Бёр. За их столом царила отменная скука. Едва ли на протяжении всей партии было произнесено хотя бы одно слово, не относившееся к игре, если не считать того, что

миссис Дженкинсон иногда беспокоилась, не холодно или не жарко ли ее воспитаннице или не слишком ли ей светло или темно. Другой стол отличался зато значительно большим оживлением. Леди Кэтрин говорила почти непрерывно, то отмечая ошибки своих партнеров, то рассказывая им какой-нибудь случай из своей жизни. Мистер Коллинз был поглощен тем, что соглашался со словами ее сиятельства, благодарил ее за каждое выигранное очко и извинялся, когда полагал, что выиграл их слишком много. Сэр Уильям говорил мало, стараясь запомнить услышанные анекдоты и аристократические имена.

Когда хозяйке дома и ее дочери игра стала надоедать, столы были убраны. Леди Кэтрин предложила Шарлот экипаж, и, так как она с благодарностью приняла это предложение, хозяйка дала необходимые распоряжения. Вслед за тем все собрались около камина послушать, как леди Кэтрин распорядится относительно завтрашней погоды. Ее предсказания были прерваны прибытием кареты и, после множества благодарственных речей мистера Коллинза и поклонов сэра Уильяма, они, наконец, отбыли. Не успели они отъехать, как мистер Коллинз осведомился у Элизабет о ее впечатлениях от Розингса. Ради подруги она постаралась высказать свое мнение в более благоприятном свете, чем оно у нее сложилось на самом деле. Но, несмотря на сделанные ею усилия, выводы ее ни в моей мере не смогли удовлетворить мистера Коллинза, которому вскоре пришлось самому заняться восхвалением ее сиятельства.

Глава VII

Сэр Уильям провел в Хансфорде всего одну неделю. Но и за этот срок он смог вполне удостовериться в благополучии своей дочери, имевшей счастье приобрести такого супруга и такую соседку, которые не часто встречаются на свете. На протяжении визита тестя, мистер Коллинз ежедневно выезжал с ним по утрам в своем шарабане, чтобы показать ему окрестные места. Но когда гость уехал, все обитатели Хансфорда вернулись к обычным занятиям. К радости Элизабет, перемена не заставила ее проводить в обществе кузена больше времени, чем прежде. В самом деле, в часы между завтраком и обедом хозяин дома теперь либо копался в саду, либо уходил к себе в кабинет и там читал или писал, а то и просто смотрел из выходявшего на дорогу окна. Дамы проводили время в комнате с окнами, обращенными во двор. Сначала Элизабет показалось странным, что Шарлот предпочитала эту небольшую комнату просторной столовой с более красивым видом. Однако вскоре она поняла, что у ее подруги имелись для такого выбора достаточно веские основания: будь общая комната расположена так же удачно, как и кабинет мистера Коллинза, последний, несомненно, проводил бы гораздо меньше времени в одиночестве. И она вполне согласилась с разумным выбором Шарлот.

Из своей гостиной дамы не могли наблюдать за дорогой. Поэтому сведениями о проезжающих по ней экипажах и, в частности, о прибытии фэтона мисс де Бёр, они были целиком обязаны

мистеру Коллинзу. Подобные сообщения делались неукоснительно, несмотря на то, что мисс де Бёр заезжала в Хансфорд достаточно часто. Нередко она задерживалась около дома и обменивалась несколькими фразами с Шарлот, почти никогда не покидая своего экипажа.

Дни, в которые мистер Коллинз не отправлялся в Розингс, выпадали не часто. И почти всегда его жена считала необходимым его сопровождать. Готовность Шарлот жертвовать столь многими своими часами оставалась непонятной Элизабет до тех пор, пока она не сообразила, что у леди Кэтрин в будущем могут появиться и другие вакантные церковные приходы. Изредка Коллинзов удостаивала своим визитом сама леди Кэтрин. Во время своих посещений ни одно обстоятельство не ускользало от внимания ее сиятельства. Бесцеремонно вмешиваясь в их дела, она рассматривала дамское рукоделие, советуя пользоваться иными приемами, находила недостатки в расстановке мебели и разоблачала недобросовестность прислуги. И если она соглашалась разделить с ними трапезу, казалось, что она делала это лишь для того, чтобы обратить внимание на слишком большой кусок жаркого, подаваемый к обеду столь малочисленного семейства.

Элизабет вскоре заметила, что, хотя заботы о судьбах местных жителей могли бы и вовсе не обременять эту важную даму, она тем не менее принимала горячее участие в делах прихода и что даже самое мелкое из этих дел непременно доводилось до ее сведения мистером Коллинзом. И если кто-нибудь из прихожан оказывался недо-

вольным, несговорчивым или слишком стесненным в средствах, ее сиятельство всегда была готова немедленно помчаться в деревню, чтобы рассудить спорщиков, заставить умолкнуть жалобщиков и должным образом водворить общее благополучие и согласие.

Раза два в неделю жителям Хансфорда выпадала честь обедать в Розингсе. И, не считая отсутствия сэра Уильяма, а вместе с ним и второго карточного столика, все последующие обеды в замке ничем не отличались от самого первого. Иных развлечений жители Хансфорда были лишены почти полностью, так как образ жизни большинства соседних семейств не соответствовал возможностям Коллинзов. Впрочем, Элизабет вовсе от этого не страдала, проводя дни достаточно приятно. Время от времени она могла с удовольствием поболтать полчаса со своей подругой. А необыкновенно хорошая для ранней весны погода позволяла ей почти ежедневно наслаждаться прогулками. И когда все остальные отправлялись с визитом в Розингс, она чаще всего уходила в примыкавшую к ближней стороне парка открытую рощу и бродила там вдоль полюбившейся ей дорожки, густо обсаженной деревьями, прелесть которой, казалось, оценила только она одна и где она чувствовала себя достаточно защищенной от любопытства ее сиятельства.

Так спокойно, без всяких происшествий, протекли первые две недели ее пребывания в Кенте. Приближалась пасха, и за неделю до праздника население Розингса, прежде столь немногочисленное, заметно увеличилось. Еще вскоре после сво-

его прибытия в Хансфорд Элизабет услышала об ожидающемся в ближайшие недели визите мистера Дарси. И хотя у нее было мало знакомых, с которыми бы она менее охотно встретилась, чем с племянником леди Кэтрин, его приезд обещал дать ей новую пищу для наблюдений во время визитов в Розингс. При этом, увидев его обращение с кузиной, которую леди Кэтрин прочла ему в жены, она могла бы порадоваться беспочвенности надежд, питаемых в отношении мистера Дарси сестрой мистера Бингли. Леди Кэтрин была весьма довольна ожидавшимся приездом племянника, отзывалась о нем в самых восторженных выражениях и чуть ли не пришла в негодование, когда обнаружила, что мисс Лукас и Элизабет успели с ним познакомиться в другом месте.

О приезде Дарси тут же стало известно в Хансфорде, так как мистер Коллинз, жаждавший узнать об этом событии как можно раньше, в течение всего утра, назначенного для приезда, прогуливался по дороге, с которой можно было беспрепятственно наблюдать за воротами замка. Отвесив поклон прибывшему экипажу в тот самый момент, когда он заворачивал в парк, мистер Коллинз сразу устремился домой, желая поскорее доставить туда важное известие. На следующее утро он поспешил в Розингс, чтобы засвидетельствовать там свое почтение. Его приветствие было принято сразу двумя племянниками леди Кэтрин, ибо вместе с мистером Дарси в Розингс приехал еще и младший сын его дяди, лорда***, полковник Фицуильям. И, ко всеобщему изумле-

нию, мистер Коллинз вернулся домой в сопровождении обоих молодых людей. Шарлот увидела их из окна кабинета в тот момент, когда они пересекали дорогу, и, тотчас же перебежав в гостиную, сообщила девицам об ожидавшей их чести, добавив при этом:

— Этим знаком внимания я, конечно, обязана только тебе, Элайза. Мистер Дарси ни за что не навестил бы так скоро меня одну.

У Элизабет едва хватило времени, чтобы отказать от комплимента, прежде чем зазвенел колокольчик, возвестивший о приходе гостей. И тотчас же после этого три джентльмена вступили в комнату. Вошедшему первым полковнику Фицуильяму можно было дать лет тридцать. Он был не слишком хорош собой, но по обращению и внешности казался истинным джентльменом. Мистер Дарси был в точности таким же, каким его привыкли видеть в Хартфордшире. С обычной для него сдержанностью, он засвидетельствовал свое почтение миссис Коллинз. И каковы бы ни были его чувства к ее подруге, он встретился с ней с полным самообладанием. Элизабет встретила его едва заметным поклоном, не проронив при этом ни слова.

С легкостью, свойственной хорошо воспитанному человеку, полковник Фицуильям сразу завязал беседу, доставившую удовольствие всем присутствовавшим. Его кузен, обменявшись несколькими словами с Шарлот по поводу ее дома и сада, хранил в течение некоторого времени полное молчание. В конце концов, однако, у него хватило любезности осведомиться у Элизабет

о здоровье ее семейства. Ответив ему подобающим образом, она, после короткой паузы, добавила:

— Моя старшая сестра последние три месяца провела в Лондоне. Вам не приходилось встречаться?

Она заранее знала, что ответ будет отрицательным. Но ей было любопытно, не выдаст ли он свою осведомленность о том, что произошло между семьей Бингли и Джейн. И, как ей показалось, Дарси слегка смутился, ответив, что ему не повезло встретиться в столице мисс Беннет. Больше об этом не говорили, и молодые люди вскоре покинули Хансфорд.

Глава VIII

Манеры полковника Фицуильяма произвели в Хансфорде самое благоприятное впечатление, и дамы почувствовали, что удовольствие, получаемое при посещениях Розингса, с его приездом должно будет значительно возрасти. Прошло, однако, несколько дней, прежде чем они туда были приглашены. Пока у леди Кэтрин жили ее племянники, она вполне могла обходиться без гостей из пасторского домика. Только в первый день пасхи, почти через неделю после приезда молодых людей, Коллинзы, наконец, удостоились приглашения: покидая церковь, леди Кэтрин попросила их провести в Розингсе вечер. В последнюю неделю им почти не довелось видеть леди Кэтрин и ее дочь. Полковник Фицуильям, правда, несколько

раз навестил пасторский домик, но мистера Дарси они встретили только в церкви.

Приглашение было, разумеется, принято, и в должный час они присоединились к собравшимся в гостиной Розингса. Леди Кэтрин приняла их любезно, однако, чувствовалось, что их общество уже было далеко не так дорого ее сердцу, как в те дни, когда она не могла рассчитывать на чье-либо другое. Сейчас внимание хозяйки было главным образом поглощено обоими племянниками, с которыми, — особенно, с Дарси, — она разговаривала гораздо больше, чем с остальными присутствовавшими.

По-настоящему их приходом был доволен только полковник Фицуильям. Его радовало все, что хоть как-нибудь помогало ему рассеять скуку пребывания в Розингсе. К тому же хорошенькая подруга миссис Коллинз не на шутку вскружила ему голову. И теперь, усевшись около нее, он так мило болтал с ней о Кенте и Хартфордшире, о домашней жизни и путешествиях, о новых книгах и музыке, что Элизабет впервые испытывала удовольствие от посещения замка. Живостью и непринужденностью своей беседы они привлекли к себе внимание мистера Дарси и самой леди Кэтрин. Его взгляд не раз обращался к ним с выражением любопытства. То же чувство было прямо высказано хозяйкой дома, которая не постеснялась спросить:

— Что это ты говоришь, Фицуильям? О чем вы толкуете? Нельзя ли и нам услышать, что ты рассказываешь мисс Беннет?

— Мы беседуем, сударыня, о музыке, — ска-

зал он, когда больше уже невозможно было уклоняться от ответа.

— О музыке! Так, ради бога, говорите погромче. Музыка для меня превыше всего. Я не могу промолчать, коли вы заговорили о музыке. Я полагаю, что в Англии едва ли сыщутся люди, которые ценят музыку больше меня или питают к ней бóльшую склонность. Если бы только меня с детства ей обучили, я стала бы великой артисткой. Так же, как и Энн, будь она только покрепче здоровьем. Уверена, что ее игра доставляла бы всем несравнимое наслаждение. А как обстоят дела у Джорджианы, Дарси?

Мистер Дарси весьма одобрительно отозвался об успехах своей сестры.

— Что же, я рада услышать о ней столь похвальный отзыв,— произнесла леди Кэтрин.— Пожалуйста, предупреди ее от моего имени, что ей ничего не добиться без достаточного усердия.

— Ручаюсь вам, сударыня, что она не нуждается в таком предостережении,— ответил мистер Дарси.— Она упражняется очень прилежно.

— Тем лучше. Упражнения никогда не могут быть лишними. Когда я буду ей писать в следующий раз, я постараюсь ее убедить, чтобы она ни в коем случае не пренебрегала прилежанием. Мне постоянно приходится втолковывать молодым девицам, что без повседневных упражнений в музыке нельзя добиться успехов. Ведь вот, сколько раз я это объясняла мисс Беннет: она не сможет играть по-настоящему хорошо, если перестанет упражняться. И раз у миссис Коллинз нет своего

инструмента, она вполне может ежедневно приходить в Розингс и играть на фортепиано в комнате миссис Дженкинсон. В этой части дома она никому не помешает.

Мистер Дарси, казалось, был несколько смущен бестактностью своей тетки и ничего не ответил.

Когда с кофе было покончено, полковник Фицуильям напомнил Элизабет ее обещание поиграть ему на фортепиано, и она села за инструмент. Он придвинул свое кресло поближе. Леди Кэтрин прослушала пьесу до середины, а затем, так же, как и раньше, принялась болтать с другим племянником, пока тот не оставил ее и, перейдя с обычным для него задумчивым видом к инструменту, расположился таким образом, чтобы получше видеть лицо хорошенькой исполнительницы. Элизабет это заметила и в первом же перерыве между пьесами сказала ему, насмешливо улыбаясь:

— Вы думали смутить меня, мистер Дарси, приготовившись слушать меня с таким вниманием. Но я вас несколько не боюсь, хоть ваша сестра и играет столь превосходно. Свойственное мне упрямство не позволяет мне высказывать малодушие, когда того хотят окружающие. И при попытке меня утратить я, напротив, становлюсь еще более дерзкой.

— Мне незачем доказывать, что вы ошибаетесь,— ответил мистер Дарси.— Не могли же вы в самом деле счесть меня на это способным. Я имею удовольствие быть с вами достаточно знакомым, чтобы знать, как охотно вы высказываете

суждения, которые вовсе не отвечают вашим мыслям.

Такой отзыв о ней заставил Элизабет искренне рассмеяться. И, обращаясь к полковнику Фицуильяму, она сказала:

— Мистер Дарси может неплохо обрисовать мой характер, научив вас не верить ни одному моему слову. Мне на редкость не посчастливилось встретиться с человеком, способным вывести меня на чистую воду в тех местах, где я надеялась хоть немного пользоваться доброй славой. В самом деле, мистер Дарси, с вашей стороны не очень великодушно припоминать все дурное, что вы разузнали обо мне в Хартфордшире. Могу добавить, что это также и неразумно, так как может вынудить меня дать вам отпор. И тогда как бы и о вас не открылись такие вещи, которые будут неприятны вашим родным.

— Я этого совершенно не боюсь,— сказал он с улыбкой.

— Умоляю вас, откройте нам, в чем его можно обвинить,— воскликнул полковник Фицуильям.— Должен же я знать, как он ведет себя за пределами родного дома.

— Ну так вы об этом узнаете! Но приготовьтесь услышать нечто чудовищное. Могу сообщить вам, что в первый раз мы встретились с мистером Дарси в Хартфордшире во время бала. И чем, вы полагаете, он на этом балу отличился? Несмотря на недостаток молодых людей, он соизволил принять участие только в каких-нибудь четырех танцах! Мне жаль вас огорчать, но дело обстояло именно так. Он танцевал только четыре раза.

И это в то время, когда, как мне доподлинно известно, немало молодых леди вынуждены были сидеть из-за отсутствия кавалера! Надеюсь, вы не станете этого отрицать, мистер Дарси?

— В тот вечер я не имел чести быть знакомым ни с одной из присутствовавших дам, кроме тех, с которыми приехал на бал.

— О, разумеется. И ведь нельзя было допустить, чтобы вас тогда же с кем-нибудь познакомили! Полковник Фицуильям, что я играю дальше? Мои пальцы ждут ваших приказаний.

— Быть может,— сказал Дарси,— обо мне судили бы лучше, если бы я потрудился кому-нибудь представиться. Но я не стремлюсь навязывать свое общество незнакомым мне людям.

— Не объяснит ли нам ваш кузен, чем это вызвано? — спросила Элизабет, по-прежнему обращаясь к полковнику. — Может быть, он в силах назвать причину, по которой образованный и неглупый человек, к тому же принятый в светском обществе, не вправе рассчитывать на расширение знакомства?

— Пожалуй, я и сам смог бы ответить на ваш вопрос,— промолвил Фицуильям. — Это, конечно, не относится к мистеру Дарси! Причина может состоять в нежелании доставить беспокойство собственной персоне.

— Я и вправду лишен присущего некоторым людям таланта,— отвечал Дарси,— свободно болтать с человеком, которого я прежде никогда не встречал. Мне не легко, подобно другим, подладиться к тону его рассуждений или сделать вид, что меня интересуют его дела,

— Мои пальцы,— сказала Элизабет,— движутся по клавишам этого инструмента не с тем мастерством, какое мне приходилось наблюдать в игре многих других музыкантов. Им недостает ни силы удара, ни выразительности, ни беглости. Но мне всегда казалось, что я виновата в этом сама, не дав себе труда как следует поупражняться. Мысль о том, что у меня неподходящие пальцы, почему-то не приходила мне в голову.

Улыбнувшись, Дарси сказал:

— Совершенно с вами согласен. Время, которым вы располагали, вы использовали гораздо лучше. Тем, кто пользуется привилегией быть вашим слушателем, едва ли удастся заметить какой-нибудь ваш недостаток. А при посторонних мы с вами оба не выступаем.

Здесь они были прерваны хозяйкой дома, которая потребовала, чтобы ее посветили в содержание их разговора. Элизабет тотчас же начала новую пьесу. Леди Кэтрин подошла ближе, и немного послушав ее игру, снова заговорила с Дарси.

— Мисс Беннет играла бы не так плохо, если бы больше практиковалась и пользовалась указаниями лондонского маэстро. У нее есть даже некоторая беглость пальцев, но она не обладает вкусом моей дочери. Из Энн вышла бы превосходная исполнительница, если бы только здоровье позволило ей заниматься музыкой.

Элизабет взглянула на Дарси, стремясь понять по его лицу, насколько он присоединяется к восхвалению кузины. Но ни в эту минуту, ни в какое

другое время она не смогла заметить в нем никаких признаков сердечного увлечения. Отношение Дарси к своей кузине позволило сделать вывод, который весьма порадовал бы мисс Бингли: при таких же родственных связях, она могла бы с тем же успехом выйти за него замуж, как и мисс де Бёр.

Леди Кэтрин продолжала еще в течение некоторого времени высказывать замечания о музыкальных способностях Элизабет, сопровождая их различными советами о манере игры и музыкальном вкусе. Мисс Беннет переносила это с подобающим гостье терпением. И, подчиняясь просьбам джентльменов, она просидела за инструментом до того времени, когда была подана карета ее сиятельства, чтобы доставить их в Хансфорд.

Глава IX

На следующее утро, когда миссис Коллинз и Мерая отравились по делам в деревню, а Элизабет, сидя в одиночестве, писала письмо своей старшей сестре, ее вдруг потревожил колокольчик, звон которого извещал о приходе гостей. Она не слышала шума колес подъехавшего экипажа, и ей пришло в голову, что это могла внезапно нагрянуть леди Кэтрин. И, чтобы избежать назойливых расспросов бесцеремонной посетительницы, она как можно быстрее спрятала недописанное письмо. Дверь распахнулась, и к ее глубочайшему изумлению в комнату вошел мистер Дарси, притом совершенно один. Гость, казалось, был тоже

озадачен тем, что нашел ее в одиночестве, и, принеся свои извинения, сказал, что надеялся застать в этой комнате сразу всех дам.

Оба сели, и после заданных ею вопросов о здоровье обитателей Розингса, наступило молчание, грозившее затянуться на неопределенно долгое время. Совершенно необходимо было придумать какую-нибудь тему для разговора. В эту критическую минуту Элизабет вспомнила, при каких обстоятельствах она в последний раз видела Дарси в Хартфордшире, и ей захотелось узнать, чем он объяснит свой внезапный отъезд из Незерфилда.

— Как неожиданно вы покинули наши места в ноябре, мистер Дарси! И каким, наверно, приятным сюрпризом для мистера Бингли была возможность увидеться с вами так скоро после разлуки. Ведь он сам, помнится, выехал в Лондон всего только за день до этого, не так ли? Надеюсь, что он и его сестры были здоровы, когда вы покинули Лондон?

— Благодарю вас, вполне здоровы.

Она почувствовала, что больше он ничего не ответит и после короткой паузы продолжала:

— Как мне сказали, у мистера Бингли нет большого желания опять поселиться в Незерфилде?

— Я никогда не слышал, чтобы он об этом говорил. Но весьма вероятно, что ему не придется проводить там в будущем много времени. У него немало друзей, а сейчас он вступил в тот период жизни, когда число друзей и занятость увеличиваются день ото дня.

— Раз он больше не намерен жить в Незерфилде, то для его соседей было бы лучше, если бы он вообще распрощался с нашим краем. В таком случае это поместье могла бы занять другая семья. Впрочем, быть может, мистер Бингли арендовал Незерфилд, заботясь о собственных удобствах больше, чем об удобствах соседей, и нам следует ждать, что он удержит или освободит Незерфилд, руководствуясь теми же побуждениями?

— Меня бы не удивило, — сказал Дарси, — если бы Бингли в самом деле покинул Незерфилд навсегда, представься ему подходящая возможность приобрести дом в другом месте.

Элизабет промолчала. Боясь продолжать разговор о его приятеле и не имея сказать ничего другого, она решила переложить теперь заботу о поддержании беседы на мистера Дарси.

Тот понял намек и вскоре проговорил:

— Дом этот выглядит очень уютным. Леди Кэтрин, я полагаю, немало здесь потрудилась, когда мистер Коллинз переселился в Хансфорд.

— Думаю, что вы правы — и я уверена, что она не могла бы уделить свое внимание более благодарному человеку.

— Мистер Коллинз, кажется, удачно женился.

— Еще бы. Его друзья могут только порадоваться тому, что он встретил одну из немногих разумных женщин, которые согласились бы выйти за него замуж и к тому же обеспечили бы ему счастливую жизнь. Моя подруга очень неглупа, хотя я и не уверена в том, что вступление ее в брак с Коллинзом было самым мудрым из принимав-

шихся ею в жизни решений. Она, однако, кажется вполне счастливой, а, с точки зрения здравого смысла, этот брак для нее может считаться весьма удачным.

— Особенно благоприятным должно быть то обстоятельство, что она поселилась так близко от родителей и друзей.

— Вы находите, что отсюда до Меритона «так близко»? Но ведь здесь почти пятьдесят миль.

— Что значит пятьдесят миль хорошей дороги? Чуть больше, чем полдня пути. Мне кажется, что это весьма короткое расстояние.

— Мне бы не пришло в голову оценивать преимущества брака милями! — воскликнула Элизабет. — И я вовсе не считаю, что миссис Коллинз поселилась поблизости от своих родителей.

— Это свидетельствует о вашей собственной привязанности к Хартфордширу. Вам, должно быть, кажется далеким все, что находится не совсем рядом с Лонгборном?

Он проговорил это с улыбкой, которая его собеседнице показалась понятной. По-видимому, он считал, что ее слова относятся к Незерфилду и к Джейн. И, покраснев, она ответила:

— Я вовсе не хотела сказать, что женщина не может поселиться слишком близко от дома своих родителей. Близость и отдаленность — понятия относительные, зависящие от обстоятельств. Там, где богатство делает дорожные расходы несущественными, расстояние перестает быть злом. Но в данном случае это отнюдь не так. Коллинзы имеют приличный доход, которого не может, однако, хватить для частых разъездов. И я убежде-

на, что моя подруга не считала бы, что она живет близко от родительского дома, даже и в том случае, если бы расстояние до него было бы вдвое короче пути из Кента в Хартфордшир.

Мистер Дарси пододвинул свой стул немного поближе и сказал:

— Не следует так привязываться к родным местам. Не сможете же вы всю жизнь провести в Лонгборне!

Элизабет была удивлена этими словами. Но настроение Дарси переменилось, он отодвинулся, взял со стола газету и, глядя поверх нее, произнес уже более равнодушным тоном:

— Как вам понравился Кент?

За этим последовал короткий обмен мнениями о здешних местах, достаточно лаконичный и сдержанный с обеих сторон. Он был прерван возвращением с прогулки Шарлот и ее сестры, которые немало удивились столь неожиданному tête-à-tête. Мистер Дарси объяснил им свою ошибку, из-за которой мисс Беннет пришлось прервать свои занятия и, просидев еще почти в полном молчании несколько минут, удалился.

— Что бы это могло означать? — спросила Шарлот, как только он ушел. — Элайза, дорогая, он, должно быть, в тебя влюблен — иначе он ни за что бы так запросто к нам не пришел.

Но когда она узнала от Элизабет, как мало он с ней разговаривал, подобная догадка уже не показалась убедительной даже заинтересованной Шарлот. И после ряда предположений им в конце концов пришлось объяснить визит Дарси только отсутствием более подходящего способа провести

время. В самом деле, охотничий сезон уже прошел. В замке были леди Кэтрин, книги и бильярд. Но не могут же мужчины проводить весь день взаперти! Привлеченные ли близостью пасторского дома или прелестью ведущей к нему дороги, или, наконец, удовольствием от встречи с его обитателями, но с этого времени оба двоюродных брата стали навещаться туда чуть ли не ежедневно. Они приходили в утренние часы, иногда врозь, иногда вместе, а иной раз и в сопровождении своей тетки. Для дам было ясно, что появления полковника Фицуильяма объясняются тем, что ему нравится их компания — качество, особенно его рекомендовавшее. Удовольствие, которое получала Элизабет, находясь в его обществе и замечая, какое сильное впечатление она производит на него, напомнило ей об ее прежнем избраннике, Джордже Уикхеме. И хотя, сравнивая обоих, она видела, что в манерах полковника недостает подкупающей задушевности ее меритонского приятеля, ей казалось, что зато он обладает значительно более развитым умом.

Но почему в Хансфорде так часто появлялся мистер Дарси,— было решительно необъяснимо. Он явно не нуждался в собеседниках, так как нередко в течение десяти минут не произносил ни единого слова. И даже когда он, наконец, начинал говорить, казалось, что он это делает лишь по необходимости, а не из душевной потребности,— ради приличия, а не для собственного удовольствия. Он редко был по-настоящему оживленным. Миссис Коллинз просто не знала, что о нем думать. Поскольку полковник Фицуильям время от времени

подтрунивал по поводу его рассеянного вида, можно было предположить, что обычно он ведет себя по-другому. Собственное ее знакомство с Дарси не позволяло ей судить об этом с уверенностью. Разумеется, она была бы непрочь объяснить эту перемену влюбленностью в ее подругу и всячески старалась в этом удостовериться. Она стала внимательно наблюдать за Дарси, когда им случалось навещать Розингс или когда он приходил в Хансфорд, но так и не смогла достичь заметного успеха в своих наблюдениях. Он, несомненно, часто останавливал взор на Элизабет, однако выражение его лица при этом можно было толковать по-разному. Этот взор был пристальным и серьезным, но Шарлот нередко сомневалась в том, что он заключает в себе какое-то чувство. А иногда ей просто казалось, что когда Дарси смотрит на ее подругу, он думает о чем-то другом.

Раз или два она пыталась поделиться с Элизабет своими догадками относительно того, что Дарси мог быть в нее влюблен, но та обращала этот разговор в шутку. И Шарлот не сочла более возможным настаивать, опасаясь вызвать надежды, которые могли бы привести к напрасному разочарованию. В самом деле она нисколько не сомневалась, что питаемая ее подругой неприязнь к мистеру Дарси исчезла бы сразу, как только она вообразила бы, что он находится в ее власти.

Желая своей подруге всяческого добра, Шарлот иногда задумывалась о возможности ее брака с полковником Фицуильямом. Это был вне всякого сомнения приятнейший человек. Элизабет ему явно нравилась, и он занимал прекрасное положение

в обществе. Однако, в противовес этим преимуществам, Дарси был патроном многих церковных приходов, тогда как у его кузена не имелось в распоряжении ни одного.

Глава X

Во время прогулок по парку, Элизабет несколько раз неожиданно встречалась с мистером Дарси. Первую встречу в той части парка, в которой она до сих пор никогда никого не видела, она объяснила досадной случайностью. Чтобы избежать в будущем таких недоразумений, Элизабет с первого же раза дала ему понять, что для своих прогулок она постоянно выбирает эти места. Каким образом подобные встречи могли повториться, оставалось для нее совершенно необъяснимым. Тем не менее Дарси оказался на ее пути во второй и даже в третий раз. Можно было подумать, что он делает это ей на зло или занимается самоистязанием, так как увидев ее, вместо того, чтобы сказать ей несколько общих фраз и после неловкой паузы удалиться, он находил нужным свернуть со своей тропинки и пойти с ней рядом. Он всегда был молчалив, и Элизабет тоже не утруждала себя поисками тем для беседы. Однако при третьей встрече она обратила внимание на его странные, бессвязные вопросы о том, хорошо ли ей в Хансфорде, любит ли она гулять в одиночестве и что она думает о супружеском счастье мистера и миссис Коллинз. Он говорил о Розингсе и о том, что у нее должно было сложиться не вполне правильное представле-

ние об этом доме, как будто предполагал, что при следующем приезде в Кент ей придется там остановиться. Это как бы подразумевалось в его словах. Неужели он намекал на полковника Фицуильяма? Ей казалось, что дело клонится к этому, если он действительно что-нибудь имел в виду. И, почувствовав себя немного задетой, она была рада наконец оказаться у садовой калитки неподалеку от пасторского домика.

Во время одной из прогулок, когда она перечитывала последнее письмо Джейн, раздумывая над теми его фразами, в которых печаль сестры звучала особенно сильно, она была вновь встревожена приближающимися шагами. Однако, подняв глаза, вместо мистера Дарси она увидела идущего ей навстречу полковника Фицуильяма. Быстро спрятав письмо и заставив себя улыбнуться, она воскликнула:

— Не думала я, что могу встретить вас в этих местах!

— Раз в году я обычно совершаю обход всего парка, — ответил полковник. — А сейчас бы мне хотелось навестить Хансфорд. Вы далеко идете?

— Нет, я как раз хотела идти обратно.

И она в самом деле повернула и пошла вместе с ним к дому священника.

— Правда, что вы уезжаете в субботу? — спросила Элизабет.

— Да, если только Дарси снова не отложит отъезд. Я вынужден к нему приноравливаться. А он подчиняется только своим прихотям.

— И, будучи господином прихотливым, он находит удовлетворение своим прихотям, только

подчиняя себе всех окружающих? Мне еще не приходилось видеть человека, который бы больше него дорожил правом всегда поступать по собственному усмотрению.

— Да, он хочет сам распоряжаться своей судьбой,— отвечал полковник Фицуильям.— Но ведь это свойственно каждому. Отличие Дарси заключается в том, что у него больше возможностей удовлетворить это желание. Он достаточно богат, тогда как многие другие — бедны. Я это слишком хорошо сознаю. Младший сын должен привыкнуть к зависимости и необходимости отказывать себе на каждом шагу.

— А мне казалось, что младшему сыну графа⁶ эти вещи не слишком знакомы. Скажите честно, много ли вы знали зависимости и лишений? Разве из-за недостатка средств вам когда-нибудь не удавалось отправиться туда, куда бы вам вздумалось, или приобрести вещь, которую бы вам хотелось иметь?

— Все это относится к жизни в семье. И, быть может, я не вправе утверждать, что пережил много затруднений такого рода. Но в более значительном деле недостаток средств способен причинить вполне достаточные огорчения. Младшие сыновья, например, не могут жениться на девушке, которая им больше всех пришлась по душе.

— Если только им не пришлась по душе достаточно богатая наследница, что, я думаю, с ними обычно случается.

— Привычка жить на широкую ногу делает нас слишком зависимыми от богатства. Поэтому между людьми моего круга немного найдется та-

ких, которые позволили бы себе вступить в брак, не задумываясь о средствах, которыми они смогут располагать в будущей жизни.

— Неужели эти слова были предназначены для меня? — подумала Элизабет, покраснев. Однако, взяв себя в руки, она ответила, улыбаясь:

— Но скажите мне, ради бога, какова теперь цена на младших сыновей графа? Если только старший брат не дышит на ладан, я полагаю, что младший едва ли стоит больше каких-нибудь пятидесяти тысяч фунтов.

Он ответил ей в том же духе, и разговор прекратился. Чтобы нарушить молчание, которое он мог приписать действию на нее высказанного им намека, она сказала:

— Мне кажется, ваш кузен захватил вас с собой главным образом для того, чтобы кем-нибудь здесь распорядиться. Но я не понимаю, почему бы ему не жениться и не обеспечить себя постоянным удобством такого рода. Впрочем, возможно, что для этой цели ему пока вполне подходит его сестра. Мистер Дарси — ее единственный опекун и он вправе командовать ею, как ему вздумается.

— О, нет, — сказал полковник Фицуильям, — этой привилегией ему приходится делиться со мной. Ответственность за судьбу мисс Дарси лежит на мне так же, как и на нем.

— В самом деле? Ну и как же вы справляетесь с вашей обязанностью? Много ли она причиняет вам хлопот? Молодыми девицами ее возраста иногда не так-то просто руководить. А если

еще у нее настоящая натура Дарси, она вполне может попробовать вести себя так, как ей вздумается.

Произнеся эти слова, она заметила, что он взглянул на нее очень внимательно. Серьезность, с которой он спросил, почему она считает, что мисс Дарси могла причинить им беспокойство, подтвердила ей, что высказанное ею предположение было недалеко от истины. Элизабет ответила ему без промедления.

— Вы можете не тревожиться. Я не слыхала о ней ничего дурного. Хотя я и вправе считать, что едва ли о какой-нибудь особе говорится так много, как о мисс Дарси. В ней души не чают две знакомые мне дамы — миссис Хёрст и мисс Бингли. Вы, кажется, говорили, что вам приходилось с ними встречаться?

— Да, я их немножко знаю. Их брат — большой друг Дарси — очень славный молодой человек.

— О да, — хмуро произнесла Элизабет. — Мистер Дарси необыкновенно добр по отношению к мистеру Бингли, который доставляет ему немало хлопот.

— Немало хлопот? Что ж, я и в самом деле думаю, что Дарси немало о нем похлопотал — и как раз тогда, когда Бингли особенно в этом нуждался. Из нескольких слов, сказанных Дарси на пути в Кент, я понял, что Бингли перед ним в огромном долгу. Впрочем, как бы мне не пришлось просить у Дарси прощения, я не знаю толком, что речь шла о Бингли. Это — всего лишь мои предположения.

— А что вы имеете в виду?

— Так, одно обстоятельство, сведения о котором Дарси, разумеется, не захотел бы сделать всеобщим достоянием. Они могли бы дойти до семейства одной особы, что было бы весьма неприятно.

— Вы можете быть уверены, что я никому о них не проговорюсь.

— Не забывайте при этом, что может быть он подразумевал вовсе не Бингли. Он сказал только, что вправе поздравить себя со спасением друга от неприятностей, связанных с неразумной женитьбой, но ни имен, ни подробностей я от него не слышал. Я заключил, что дело касается Бингли только потому, что, как мне кажется, он вполне способен попасть в подобное положение. К тому же они с Дарси провели вместе прошлое лето.

— А назвал ли вам мистер Дарси причины, которые его заставили вмешаться в дела его друга?

— Насколько я понял, девица вызывала весьма серьезные возражения.

— Каким же способом вашему кузену удалось их разлучить?

— Об этом он ничего не говорил, — улыбаясь, сказал Фицуильям. — Я передал вам все, что известно мне самому.

Элизабет ничего не ответила. Сердце ее кипело от гнева. Подождав немного, Фицуильям осведомился о причине ее задумчивости.

— Я размышляю о том, что вы мне рассказали, — ответила она. — Поступок вашего кузена мне не очень понравился. Кто он такой, чтобы считать себя судьей?

— По-вашему его вмешательство было неделikatным?

— Я просто не понимаю, какое право имел мистер Дарси решать, разумна или неразумна привязанность его друга. Как мог он один судить о том, с кем Бингли найдет свое счастье. Однако,— добавила она, опомнившись,— так как мы не знаем подробностей, мы не можем его упрекнуть. Должно быть привязанность была не слишком глубокой с обеих сторон.

— Вполне разумное предположение!— воскликнул Фицуильям.— Хотя и не слишком лестное для оценки его заслуг.

Слова эти были сказаны в шутку. Но эта шутка настолько соответствовала ее представлению о мистере Дарси, что, не доверяя своему самообладанию, Элизабет побоялась на нее ответить. Она перевела разговор на безразличную тему и продолжала его до самых дверей пасторского дома. Закрывшись после ухода Фицуильяма в своей комнате, она смогла без помех обдумать все, что пришлось ей услышать во время прогулки. Нельзя было предположить, что речь шла не о близких ей людях. В мире не могло существовать двух человек, находившихся под таким неограниченным влиянием мистера Дарси. Некоторое его участие в событиях, разлучивших Бингли и Джейн, она подозревала и раньше. Но замысел и главную роль в этих событиях она всегда приписывала только мисс Бингли. Оказывалось, однако, если только Дарси не обманывало собственное тщеславие, что именно он, именно его высокомерие и самонадеянность были причиной всех прошлых

и будущих горестей Джейн. Не кто иной, как он, лишил всякой надежды на близкое счастье самое нежное и благородное сердце на свете. И едва ли кто-нибудь мог предугадать, как долго оно не сможет оправиться от полученной раны.

«Девушка вызывала весьма серьезные возражения!» — сказал полковник. — По-видимому, эти серьезные возражения состояли в том, что один ее дядя был провинциальным нотариусом, а второй — лондонским коммерсантом.

— Против самой Джейн никто не посмел бы ничего возразить! — воскликнула Элизабет. — Сколько в ней прелести и обаяния! Настолько она разумна и так хорошо умеет себя держать! Ничего нельзя было бы сказать и против нашего отца. При всех его причудах, даже мистер Дарси не мог отрицать его здравого смысла, его высокой порядочности, — такой, которой самому мистеру Дарси едва ли доведется когда-нибудь обладать!

Когда Элизабет вспомнила о матери, она почувствовала себя менее уверенно. Но она все же не допускала мысли, что Дарси обратил большое внимание на недостатки миссис Беннет. Гордость Дарси, очевидно, страдала бы сильнее, если бы его друг породнился с людьми неподобающего круга, чем недостаточного ума. И мало-помалу она полностью себя убедила в том, что поступок Дарси объяснялся его крайним высокомерием и желанием выдать за Бингли свою сестру.

Пережитое ею душевное потрясение привело к слезам и головной боли, которая к вечеру еще больше усилилась. Это обстоятельство, так же

как нежелание встретиться с Дарси, заставило ее отказаться от посещения Розингса, куда Коллинзы были приглашены к чаю. Видя, что подруге ее в самом деле нездоровится, миссис Коллинз не стала настаивать на ее поездке и, по возможности, оградила ее от назойливых уговоров своего мужа. Последний, впрочем, не посмел умолчать о том, что отсутствие Элизабет может вызвать неудовольствие леди Кэтрин.

Глава XI

Когда они ушли, Элизабет, как бы желая еще больше настроить себя против мистера Дарси, стала перечитывать полученные ею в Кенте письма Джейн. В них не было прямых жалоб. Она не вспоминала о недавних событиях и ничего не говорила о своих переживаниях в последнее время. Но любое письмо, почти любая строка свидетельствовали об исчезновении присущей прежним письмам Джейн жизнерадостности, которая была так свойственна царившему в ее душе миру и расположению ко всем людям. Каждую проникнутую печалью фразу Элизабет замечала теперь гораздо явственнее, чем при первом чтении. Бесстыдная похвальба мистера Дарси его столь успешным вмешательством в чужую судьбу позволила ей еще острее осознать глубину горя, пережитого ее бедной сестрой. И ей искренне хотелось, чтобы два дня, оставшиеся до его отъезда, миновали возможно скорее. То, что через две недели ей предстояло снова встретиться с Джейн и

при этом предпринять для восстановления ее душевного спокойствия все, к чему способна истинная привязанность, было единственно приятной стороной ее размышлений.

При мысли об отъезде из Кента мистера Дарси, она не могла не вспомнить, что вместе с ним Кент должен покинуть и его кузен. Но полковник Фицуильям достаточно определенно намекнул ей на отсутствие каких-либо серьезных намерений с его стороны. И, как бы ни было ей приятно его общество, она вовсе не собиралась расстраиваться по поводу их предстоящей разлуки.

Именно тогда, когда она вполне уяснила для себя это обстоятельство, она вдруг услышала звон колокольчика. Подумав, что неожиданный посетитель — сам полковник Фицуильям, который уже навестил их однажды примерно в этот же час и мог зайти снова, чтобы справиться о ее здоровье, Элизабет почувствовала легкое волнение. Но ее предположение рассеялось, и мысли приняли совсем другой оборот, когда, к своему величайшему изумлению, она увидела входившего в комнату мистера Дарси. Гость сразу же осведомился о ее недомогании и объяснил свой визит желанием удостовериться в том, что ее самочувствие улучшилось. Она ответила с холодной учтивостью. Он уселся, немного посидел, затем встал и начал расхаживать по комнате. Элизабет была озадачена, но ничего не сказала. После нескольких минут молчания он стремительно подошел к ней со словами:

— Вся моя борьба была тщетной! Я не могу больше! Я не в силах справиться со своим чувст-

вом. Знайте же, что я вами бесконечно очарован и что я вас люблю!

Невозможно описать, как эти слова ошеломили Элизабет. Растерянная и покрасневшая, она смотрела на него и молчала. И, обнадеженный ее молчанием, Дарси поторопился рассказать ей обо всем, что он пережил за последнее время и что так волновало его в эту минуту. Он говорил с необыкновенным жаром. Но в его словах были слышны не только сердечные нотки: страстная любовь звучала в них не более сильно, чем уязвленная гордость. Его взволнованные рассуждения о существовавшем между ними неравенстве, об ущербе, который он наносил своему имени и о семейных затруднениях, которые до сих пор мешали ему открыть свои чувства, убедительно подтверждали силу его страсти, но едва ли способствовали успеху его сватовства.

Несмотря на глубокую неприязнь к мистеру Дарси, Элизабет не могла не сознавать, насколько лестна для нее любовь подобного человека. И, ни на секунду не изменив к нему своего отношения, она даже вначале размышляла о нем с некоторым сочувствием, понимая, как сильно он будет опечален ее ответом. Однако его дальнейшие рассуждения настолько ее возмутили, что гнев вытеснил в ее душе всякую жалость. Решив все же совладать со своим первым порывом, она готовилась ответить ему, когда он кончит, возможно спокойнее. В заключение он выразил надежду, что согласие мисс Беннет принять его руку вознаградит его за все муки страсти, которую он столь тщетно стремился подавить в своем сердце. То,

что она может ответить отказом, явно не приходило ему в голову. И, признаваясь, с каким волнением он ждет ее приговора, Дарси всем своим видом показывал, насколько он уверен, что ответ ее будет благоприятным. Все это могло вызвать в душе Элизабет только еще большее негодование. И, как только он замолчал, она, вспыхнув, сказала:

— Чувство, которое вы питаете, независимо от того — разделяется оно человеком, к которому оно обращено или нет — свойственно, я полагаю, принимать с благодарностью. Благодарность присуща человеческой натуре и, если бы я ее испытывала, я бы вам сейчас ее выразила. Но я не испытываю. Я никогда не искала вашего расположения, и оно возникло вопреки моей воле. Мне жаль причинять боль кому бы то ни было. Если я ее совершенно нечаянно вызвала, надеюсь, что она не окажется продолжительной. Соображения, которые, по вашим словам, так долго мешали вам уступить вашей склонности, без труда помогут вам преодолеть ее после этого объяснения.

Мистер Дарси, облокотясь на камин, пристально смотрел на Элизабет. Ее слова вызвали у него изумление и негодование. Лицо его побелело от гнева, и каждая его черта выдавала крайнее замешательство. Он старался сохранить внешнее спокойствие и не произнес ни слова до тех пор, пока не почувствовал, что способен взять себя в руки. Возникшая пауза показалась Элизабет мучительной. Наконец, он сказал нарочито сдержанным тоном:

— И этим исчерпывается ответ, который я

имею честь от вас получить? Пожалуй, я мог бы узнать причину, по которой вы не попытались облечь свой отказ по меньшей мере в учтливую форму? Впрочем, это не имеет значения.

— С таким же правом я могла бы спросить, — ответила она, — о причине, по которой вы объявили, — с явным намерением меня оскорбить и унижить, — что любите меня вопреки своей воле, своему рассудку и даже всем своим склонностям! Не служит ли это для меня некоторым оправданием, если я и в самом деле была с вами недостаточно любезна? Но у меня были и другие поводы. И вы о них сами знаете. Если бы даже против вас не восставали все мои чувства, если бы я относилась к вам безразлично или даже была к вам расположена — неужели какие-нибудь соображения могли бы склонить меня принять руку человека, который явился причиной, быть может, непоправимого, несчастья моей любимой сестры?

При этих ее словах мистер Дарси изменился в лице. Но овладевшее им волнение скоро прошло, и он слушал Элизабет, не пытаясь ее перебить, в то время, как она продолжала:

— У меня есть все основания составить о вас дурное мнение. Ваше злонамеренное и неблагородное вмешательство, которое привело к разрыву между мистером Бингли и моей сестрой, не может быть оправдано никакими мотивами. Вы не станете, вы не посмеете отрицать того, что являетесь главной, если не единственной причиной этого разрыва. Один из них заслужил из-за него укоры света за ветренность и непостоянство, а другая — его насмешки над неоправдавшимися наде-

ждами. И они оба должны были себя почувствовать глубоко несчастными.

Она остановилась и с возмущением заметила, что он слушает, не обнаруживая признаков сожаления о случившемся. Напротив, он даже смотрел на нее с презрительной усмешкой.

— Можете ли вы утверждать, что это — не дело ваших рук? — повторила она.

Он ответил с притворным спокойствием.

— Я не намерен отрицать, что, в пределах моих возможностей, сделал все, чтобы отдалить моего друга от вашей сестры, или что я доволен успехом моего шага. О Бингли я позаботился лучше, чем о себе самом.

Элизабет сделала вид, что это любезное замечание прошло мимо ее ушей. Но смысл его не ускользнул от ее внимания и едва ли мог сколько-нибудь умерить ее гнев.

— Но моя неприязнь к вам, — продолжала она, — основывается не только на этой истории. Мое мнение о вас сложилось гораздо раньше. Ваш характер раскрылся передо мной из рассказа, который я много месяцев тому назад услышала от мистера Уикхема. Имеете ли вы что-то сказать по этому поводу? Каким дружеским участием вы оправдаетесь в этом случае? Или чьим неправильным толкованием ваших поступков вы попытаетесь прикрыться?

— Вы весьма близко к сердцу принимаете судьбу этого джентльмена, — вспыхнув, заметил Дарси уже менее сдержанным тоном.

— Может ли остаться равнодушным тот, кому станут известны его несчастья?

— Его несчастья? — с презрением повторил Дарси.— Что ж, его несчастья и в самом деле велики.

— И в этом повинны вы! — с жаром воскликнула Элизабет.— Это вы довели его до нищеты — да, это можно назвать нищетой! Вы, и не кто другой лишили его тех благ, на которые он был вправе рассчитывать. Вы отняли у него лучшие годы жизни и ту независимость, которая принадлежала ему по праву и по заслугам. Все это — дело ваших рук! И при этом вы еще себе позволяете презрительно посмеиваться над его участью?!

— Ах, вот как вы судите обо мне! — воскликнул Дарси, быстро шагая из угла в угол.— Оказывается, у вас обо мне такое представление! Благодарю за полную откровенность. По-вашему, я действительно кругом виноват. Но, быть может,— сказал он, остановясь и взглянув на нее,— мои прегрешения были бы прощены, если бы вашу гордость не задело признание той борьбы, которая так мешала мне уступить моим чувствам? Не мог ли я избежать столь тяжких обвинений, если бы предусмотрительно скрыл от вас эту борьбу и если бы я вам польстил, заверив вас в своей всепоглощающей страсти, которую бы не омрачали противоречия, доводы рассудка или светские условности? Но любое притворство мне отвратительно. И я вовсе не стыжусь чувств, о которых вам рассказал. Они естественны и разумны. Могли ли вы ждать, что мне будет приятен тот низкий круг людей, в котором вы постоянно находитесь? Или что я стану себя поздравлять,

вступая в родство с теми, кто находится столь ниже меня на общественной лестнице?

Возмущение Элизабет росло с каждой минутой. Однако, отвечая ему, она всячески постаралась сохранить внешнее спокойствие.

— Вы глубоко заблуждаетесь, мистер Дарси, думая, что на мой ответ как-то повлияла манера вашего объяснения. Она лишь избавила меня от сочувствия, которое мне пришлось бы к вам испытать, если бы вы вели себя так, как подобает благородному человеку.

Она заметила, как вздрогнул он при этих словах. Но он промолчал, и она продолжала:

— В какой бы манере вы ни сделали мне предложение, я все равно не смогла бы его принять.

Удивление Дарси снова было явно написано на его лице. И, пока она говорила, он смотрел на нее со смешанным выражением недоверия и растерянности.

— С самого начала, я бы могла сказать с первой же минуты нашего знакомства, ваше поведение дало мне достаточно доказательств собственных вам заносчивости, высокомерия и полного пренебрежения чувствами тех, кто вас окружает. Моя неприязнь к вам зародилась еще тогда. Но под действием позднейших событий она стала непреодолимой. И не прошло месяца после нашей встречи, как я уже ясно поняла, что из всех людей в мире вы меньше всего можете стать моим мужем.

— Вы сказали вполне достаточно, сударыня. Я вполне понимаю ваши чувства, и теперь мне

остаётся лишь устыдиться своих собственных. Простите, что я отнял у вас столько времени и примите мои искренние пожелания здоровья и благополучия.

С этими словами Дарси быстро удалился, и в следующее мгновение Элизабет услышала, как он открыл входную дверь и вышел из дома. Все ее чувства находились в крайнем смятении. Не имея больше сил сдерживать себя, она села в кресло и полчаса, совершенно обессиленная, заливалась слезами. Снова и снова перебирала она в памяти подробности только что происшедшей сцены. И ее удивление непрерывно возрастало. Ей сделал предложение мистер Дарси! Мистер Дарси был влюблен в нее в течение многих месяцев! Влюблен настолько, что решился просить ее руки, вопреки всем препятствиям, из-за которых он расстроил женитьбу Бингли на Джейн и которые имели, по меньшей мере, то же значение для него самого! Все это казалось невероятным. Сделаться невольным предметом столь сильной привязанности было, конечно, весьма лестно. Но гордость, страшная гордость мистера Дарси, его бесстыдная похвальба своим вмешательством в судьбу Джейн, непростительная уверенность в том, что он при этом поступил правильно, бесчувственная манера, с какой он говорил об Уикхеме, и его жестокость по отношению к этому молодому человеку, которую он даже не пытался опровергнуть,— все это быстро подавило в ней всякое сочувствие к нему, на мгновение вызванное в ней мыслью о его привязанности.

Элизабет еще продолжала лихорадочно размышлять о случившемся, когда шум подъехавшего экипажа напомнил ей, что ее может увидеть Шарлот, и заставил ее поскорее удалиться в свою комнату.

Глава XII

На следующее утро Элизабет проснулась с теми же мыслями и чувствами, с которыми она закрыла, наконец, глаза поздней ночью. Она по-прежнему не могла избавиться от изумления. Думать о чем-то другом было совершенно невозможно. Неспособная найти себе какое-нибудь занятие, она тотчас же после завтрака решила пойти на прогулку. Она дошла было уже до своей любимой аллеи, когда, вспомнив, что мистер Дарси иногда заставлял ее там, внезапно остановилась и вместо того, чтобы войти в парк, повернула на окаймлявшую парк тропинку, которая увела ее в сторону от проезжей дороги. Вскоре Элизабет миновала одну из боковых калиток в ограде парка.

Она прошлась по тропинке раза два-три в оба конца и, очарованная прекрасным утром, остановилась у калитки и заглянула в парк. За пять недель, проведенных ею в Кенте, в природе совершилось немало изменений, и теперь с каждым днем все пышнее раскрывалась молодая листва на рано зазеленевших деревьях. Она попробовала было зайти в парк поглубже, как вдруг заметила мужчину в прилегавшей к калитке рощице. Он шел по направлению к ней. Боясь, как бы это не

оказался мистер Дарси, она быстро пошла в противоположную сторону. Однако человек уже приблизился настолько, чтобы ее заметить, и устремился к Элизабет, назвав ее по имени. Оклик раздался у нее за спиной, но, услышав его, Элизабет, хоть она и узнала мистера Дарси, ускорила шаги по направлению к калитке. Дарси подошел туда одновременно с ней и, протянув ей письмо, которое она машинально взяла, произнес горделиво сдержанным тоном:

— Я давно уже брожу по парку в надежде встретиться с вами. Не окажете ли вы мне честь, прочитав это письмо?

Сказав это, он слегка поклонился, повернул в глубину парка и вскоре исчез среди деревьев.

С чувством сильного любопытства, хотя и не ожидая от письма ничего приятного, Элизабет развернула пакет и, к еще бóльшему своему удивлению, увидела, что письмо написано очень убогим почерком на двух листах почтовой бумаги. Целиком была исписана даже обратная сторона листа, служившего конвертом⁷. Продолжая медленно идти по аллее, она начала читать. Письмо было написано в Розингсе, в 8 часов утра и заключало в себе следующее:

«Сударыня, получив это письмо, не тревожьтесь,— оно вовсе не содержит ни повторного выражения тех чувств, ни возобновления тех предложений, которые вызвали у Вас вчера столь сильное неудовольствие. Я пишу, не желая ни в малейшей степени задеть Вас или унижить самого се-

бя упоминанием о намерениях, которые, как ради Вашего, так и ради моего спокойствия, должны быть забыты возможно скорее. Усилия, необходимые для написания и чтения этого письма, не были бы затрачены, если бы особенности моего характера не требовали, чтобы письмо все же было написано и прочтено. Вы должны поэтому простить мне вольность, с которой я прошу Вас уделить мне некоторое внимание. Я знаю, что Ваши чувства будут восставать против этого, но я возлагаю надежды на Ваше благоразумие.

Вы предъявили мне вчера два, совершенно разного свойства и несопоставимых по тяжести, обвинения. Первое заключалось в том, что я, не посчитавшись с чувствами мисс Беннет и мистера Бингли, разлучил сердца двух влюбленных, а второе — в том, что вопреки лежавшим на мне обязательствам, вопреки долгу чести и человечности, я подорвал благосостояние мистера Уикхема и уничтожил его надежды на будущее. Намеренно и беззаботно пренебречь другом юности, признанным любимцем отца, молодым человеком, для которого единственным источником существования должен был стать церковный приход в моих владениях и который вырос с мыслью о том, что этот приход предназначен только для него одного, было бы преступлением, по сравнению с которым разлучить двух молодых людей после нескольких недель

взаимной симпатии представлялось бы сущей безделицей. Надеюсь, что прочитав ниже следующее объяснение моих действий и их мотивов и учтя все обстоятельства, Вы в будущем не станете осуждать меня так сурово, как это Вы с легкостью сделали вчера вечером. Возможно, что при объяснении моих поступков мне придется, не щадя Ваших чувств, высказать свои личные взгляды, за которые заранее приношу Вам свои извинения. Я подчиняюсь необходимости, а потому дальнейшие сожаления по этому поводу лишены смысла.

Одновременно с многими другими людьми, я уже вскоре после нашего приезда в Хартфордшир стал замечать, что Бингли предпочитает Вашу сестру всем другим молодым женщинам в местном обществе. Однако до самого бала в Незерфилде мне не приходило в голову, что между ними может возникнуть серьезная привязанность. Мой друг и прежде влюблялся у меня на глазах. И только на этом балу, когда я имел честь танцевать с Вами, я из случайного замечания сэра Уильяма Лукаса впервые понял, что склонность Бингли к мисс Беннет породила всеобщие надежды на его женитьбу на Вашей сестре. Сэр Уильям говорил об этом, как о решенном деле, — нужно было, казалось, только назначить день свадьбы. С этой минуты я стал пристально следить за поведением моего друга. И только тогда я обнаружил, что его чув-

ство к мисс Беннет намного превосходит все его прежние увлечения. Не менее внимательно я наблюдал за Вашей сестрой. Ее манеры и поведение казались, как всегда, приветливыми, веселыми и непосредственными и не давали ни малейшего повода думать, что ее сердце также задето скольконибудь серьезно. Приглядываясь к ней в течение целого вечера, я пришел к выводу, что мисс Беннет охотно принимает ухаживания мистера Бингли, но сама не питает к нему глубокого чувства. Коль скоро Ваши сведения говорят о другом, значит, я ошибся. Вы знаете Вашу сестру лучше меня, и поэтому так оно, вероятно, и есть. Вследствие моего ошибочного вывода, я нанес Вашей сестре душевную рану, и Ваше негодование против меня представляется вполне обоснованным. Но я не хочу упустить возможность отчасти оправдаться, заметив, что Ваша сестра удивительно хорошо владела собой и своим безмятежным видом позволяла самому проникательному наблюдателю считать, что, несмотря на всю мягкость характера, она обладает достаточно защищенным сердцем. Мне, разумеется, хотелось придти к заключению о ее безразличии к мистеру Бингли. Но смею утверждать, что наблюдения и выводы, которые мне приходится делать, не часто определяются моими желаниями или опасениями. И я решил, что сердце ее свободно вовсе не потому, что это меня больше устраивало. Та-

кой вывод я сделал с беспристрастностью, столь же искренней, каким было мое желание, чтобы он подтвердился. Доводы против предполагавшегося брака не ограничивались теми, которые я привел Вам вчера, говоря о страсти, преодолевшей их, когда дело коснулось меня самого. Неравенство происхождения для моего друга играло меньшую роль, чем для меня. Но существовали и другие препятствия. Эти препятствия существуют и поныне. Они в равной степени относятся ко мне и к моему другу. Но я попытался закрыть на них глаза, пользуясь тем, что в последнее время они не привлекали моего внимания. Об этих препятствиях я все же должен вкратце упомянуть. Низкое общественное положение Вашей родни с материнской стороны значит весьма немного по сравнению с полным отсутствием такта, столь часто обнаруживаемым миссис Беннет и Вашими тремя младшими сестрами, а изредка даже Вашим отцом. Простите меня, мне больно наносить Вам еще одну обиду. Но, сожалея о слабостях Ваших близких и негодуя на меня за то, что я говорю о них в этом письме, постарайтесь утешить себя мыслью о том, что Вы сами и Ваша старшая сестра не заслуживаете ни малейшего упрека в том же роде и своим поведением постоянно свидетельствуете о присущем Вам вкусе и уме. Остается добавить, что все происшедшее в тот вечер в Незерфилде позволило мне со-

ставить окончательное мнение о присутствовавших и побудило меня гораздо горячее, чем я готов был к этому прежде, предостеречь моего друга против столь неудачной, с моей точки зрения, женитьбы. На следующий день он уехал из Незерфилда в Лондон, с тем, чтобы, как Вы, несомненно, помните, вскоре вернуться.

Сейчас я должен Вам рассказать о моей роли в этой истории. Его сестры были встревожены так же сильно, как и я. Совпадение наших взглядов выяснилось достаточно быстро. И в равной степени убежденные в том, что необходимость повлиять на мистера Бингли требует безотлагательных действий, мы вскоре решили последовать за ним в Лондон. Мы переехали в город, и там я постарался открыть своему другу глаза на все отрицательные стороны сделанного им выбора. Я обрисовал и подчеркнул их со всей серьезностью. Но, хотя мои настояния и могли несколько пошатнуть его решимость и на какое-то время задержать осуществление его первоначальных намерений, я все же не думаю, чтобы они в конце концов предотвратили его женитьбу, если бы вслед за тем,— я решился на это без колебаний,— я не убедил Бингли в безразличии к нему Вашей сестры. Перед этим он был уверен, что она отвечает ему искренним чувством, хоть и не равным его собственному. Но мой друг обладает природной скромностью и моим суждениям доверяет

больше, чем своим. Доказать ему, что он обманывался, было поэтому совсем нетрудно. А как только он с этим согласился, убедить его не возвращаться в Хартфордшир было делом одной минуты. Я не могу осуждать себя за все, что было мною совершено до этого времени. Во всей этой истории об одном своем поступке я вспоминаю с неудовольствием. Чтобы скрыть от Бингли приезд в Лондон мисс Беннет, пришлось пойти на некоторую хитрость. О ее приезде знали я и мисс Бингли. Сам он до сих пор не имеет об этом ни малейшего представления. Возможно, что они могли бы встретиться без нежелательных последствий. Однако я боялся, что Бингли еще недостаточно забыл о своем чувстве и что это чувство вспыхнет в нем с новой силой, если он опять ее увидит. Быть может, участие в таком заговоре было недостойно меня. Но дело сделано и притом из лучших побуждений. Я сказал по этому поводу все, и мне нечего добавить в свое оправдание. Если я и причинил боль Вашей сестре, я сделал это не намеренно. И если мотивы, которыми я руководствовался, не покажутся Вам убедительными, я не вижу, почему я должен был их отвергнуть.

По поводу второго, более тяжкого обвинения,— в нанесении ущерба мистеру Уикхему,— я могу оправдаться, только рассказав Вам все о его связях с нашей семьей. В чем именно он обвиняет меня, мне неиз-

вестно. Но достоверность того, что я Вам сейчас сообщу, может быть подтверждена свидетелями, в правдивости которых не приходится сомневаться.

Мистер Уикхем — сын весьма уважаемого человека, который в течение многих лет управлял хозяйством поместья Пемберли и чье превосходное поведение при выполнении этих обязанностей, естественно, побудило моего отца позаботиться о вознаграждении. Свою доброту он обратил на Джорджа Уикхема, который приходился ему крестником. Мой отец оплачивал его обучение сперва в школе, а затем в Кэмбридже⁸. Помощь эта была особенно существенной, так как Уикхем-старший, не выбивавшийся из нужды из-за расточительности своей жены, был не в состоянии дать сыну образование, подобающее дворянину. Мистер Дарси не только любил общество молодого человека, манеры которого всегда были подкупающими, но имел о нем самое высокое мнение и, надеясь, что он избрет духовную карьеру, хотел помочь его продвижению на этом поприще. Что касается меня самого, то прошло уже немало лет с тех пор, как я впервые стал смотреть на него другими глазами. Порочные склонности и отсутствие чувства долга, которые он всячески скрывал даже от своих лучших друзей, не могли ускользнуть от взора молодого человека почти одинакового с ним возраста, к тому же имевшего, в отличие от моего отца, возможность наблюдать за молодым Уик-

хемом в минуты, когда он становился самим собой. Сейчас я вынужден снова причинить Вам боль — не мне судить, насколько сильную. Но какими бы ни были чувства, которые Вы питаете к мистеру Уикхему, предположение о их характере не помешает мне раскрыть перед Вами его настоящий облик — напротив, оно еще больше меня к этому побуждает. Мой незабвенный отец скончался около пяти лет тому назад. Его привязанность к мистеру Уикхему оставалась до самого конца настолько сильной, что в своем завещании он особо уполномочивал меня позаботиться о будущем молодого человека, создав ему самые благоприятные условия на избранном им жизненном пути и предоставив ему, в случае, если он станет священником, подходящий церковный приход сразу же, как только этот приход освободится. Кроме того ему была завещана тысяча фунтов. Его отец не надолго пережил моего. Через полгода мистер Уикхем написал мне о своем твердом решении отказаться от священнического сана. При этом он предполагал, что мне не покажется необоснованной его надежда получить компенсацию взамен ожидавшейся им привилегии, которую он тем самым утрачивал. По его словам, он возымел желание изучать юриспруденцию, а я, конечно, не мог не понять, что для этого недостаточно тысячи фунтов. Мне очень хотелось поверить искренности его намерений, хотя не могу сказать, что это мне вполне удалось. Тем не ме-

нее, я сразу согласился с его предложением, так как отлично понимал, насколько мистеру Уикхему несвойственно стать священником. Дело было, таким образом, быстро улажено: он отказался от всяких притязаний на помощь в духовной карьере, даже на тот случай, если бы в будущем у него возникла возможность такую помощь принять, и получил взамен три тысячи фунтов. На этом, казалось, всякая связь между нами должна была прерваться. Я был о нем слишком плохого мнения, чтобы приглашать его в Пемберли или искать его общества в столице. Насколько я могу предполагать, он жил главным образом в Лондоне, однако изучение юриспруденции так и осталось для него только предлогом. Ничем более не сдерживаемый, он повел жизнь праздную и разгульную. На протяжении трех лет я почти ничего о нем не слышал. Но когда священник в ранее предназначавшемся для него приходе скончался, он написал мне письмо с просьбой оставить этот приход за ним. Как он сообщал, — и в этом мне нетрудно было ему поверить, — он находился в самых стесненных обстоятельствах. Изучение юриспруденции ничего ему не дало, и, по его словам, он теперь твердо решил принять духовный сан, если только я предоставлю ему этот приход — в последнем он несколько не сомневался, так как хорошо знал, что мне не о ком больше заботиться и что я не мог забыть волю моего досточтимого родителя. Едва ли вы осудите меня за

то, что я не выполнил его просьбы, так же, как отверг все позднейшие подобные притязания. Его негодование было под стать его бедственному положению, и он нимало не стеснялся поносить меня перед окружающими, так же, как выражать свои упреки мне самому. С этого времени всякое знакомство между нами было прекращено. Как протекала его жизнь — мне неизвестно. Но прошлым летом он мне снова неприятнейшим образом напомнил о своем существовании.

Здесь я должен коснуться обстоятельства, которое мне бы хотелось изгладить из собственной памяти. Лишь очень серьезный повод, побудивший меня написать Вам это письмо, служит причиной того, что я решился кому-то о нем поведать. Сказав это, я не сомневаюсь, что Вы навсегда сохраните его втайне. Опека над моей сестрой, которая моложе меня на десять лет, была разделена между мною и племянником моей матери, полковником Фицуильямом. Около года тому назад мы забрали сестру из школы и устроили ее сперва в Лондоне, а прошлым летом, вместе с присматривавшей за ней дамой, — в Рэмсгейте⁹. Там же, несомненно со злым умыслом, поселился и мистер Уикхем. Ибо, как впоследствии обнаружилось, миссис Янг, в характере которой мы жестоко обманулись, знала его еще в прошлые времена. При попустительстве этой дамы ему удалось настолько расположить к себе Джорджиану, в нежном сердце которой со-

хранилась привязанность к нему, возникшая в ее детские годы, что она вообразила себя влюбленной и согласилась совершить с ним побег. В ту пору ей было всего пятнадцать лет — это может служить ей оправданием. Признав ее легкомыслие, я счастлив добавить, что сведениями о готовившемся побеге я обязан ей самой. Я приехал к ней неожиданно за день или за два до назначенного срока, и тогда Джорджиана, будучи не в силах огорчить и оскорбить брата, на которого она смотрела почти как на отца, во всем мне призналась. Что я при этом пережил и как поступил, вы легко можете себе представить. Забота о чувствах и добром имени сестры не допускала открытого разоблачения. Но я сразу написал мистеру Уикхему, который незамедлительно покинул эти места, и, разумеется, отказался от дальнейших услуг миссис Янг. Мистера Уикхема, несомненно, прежде всего интересовало приданое сестры, равное тридцати тысячам фунтов. Однако я не могу избавиться от мысли, что его сильно соблазняла также возможность выместить на мне свою злобу. Он отомстил бы мне, в самом деле, с лихвой. Такова, сударыня, правдивая история всех отношений, связывающих нас с этим человеком. И если Вы хоть немного ей поверите, то, надеюсь, что с этих пор Вы не будете обвинять меня в жестокости к мистеру Уикхему. Мне неизвестно, при помощи какого обмана он приобрел Ваше расположение,

но, быть может, его успеху не следует удивляться. Не имея никаких сведений о каждом из нас, Вы не могли уличить его во лжи, а подозрительность — не в Вашей натуре.

Вам, пожалуй, покажется странным, что всего этого я не рассказал вчера вечером. Но в ту минуту я не настолько владел собой, чтобы решить — вправе ли я и должен ли я раскрыть перед Вами все здесь изложенное. Достоверность моих слов может Вам подтвердить полковник Фицуильям. Наше родство и полная взаимная откровенность, а тем более наша совместная опека над Джорджианой неизбежно вводили его в курс всех событий. Если неприязнь ко мне обесценивает в Ваших глазах всякое мое слово, то подобная причина не мешает Вам поверить моему кузену. И для того, чтобы Вы имели возможность его расспросить, я попытаюсь найти способ передать Вам это письмо в течение сегодняшнего утра. Я добавлю к этому только: Да благословит Вас господь!

Фицуильям Дарси»

Глава XIII

Хотя Элизабет, взяв письмо у мистера Дарси, вовсе не думала, что в этом письме он опять попросит ее руки, ей все же не приходило в голову, о чем еще он мог бы ей написать. Поэтому

нетрудно понять, с какой жадностью прочла она заключенные в нем объяснения и какие противоречивые отклики вызвали они в ее душе. Ее чувствам в эти минуты едва ли можно было найти точное определение. С изумлением отметила она для себя вначале, что Дарси надеется как-то оправдаться в своих поступках. И она не сомневалась, что у него не могло быть истинных мотивов, в которых не постыдился бы сознаться любой порядочный человек. С сильнейшим предубеждением против всего, что он мог бы сказать, приступила она к его рассказу о том, что произошло в Незерфилде. Поспешность, с которой она проглатывала строку за строкой, едва ли позволяла ей вникнуть в смысл того, что она уже успела прочесть, и от нетерпения узнать, что содержится в следующей фразе, она была неспособна как следует понять предыдущую. Прежде всего ей показалось фальшивым утверждение Дарси о том, что он не заметил в Джейн серьезного ответного чувства по отношению к Бингли. Перечень вполне реальных и серьезных возражений против предполагавшейся партии возмутил ее настолько сильно, что она уже была не в состоянии справедливо оценивать его слова. Он не жалел о случившемся в той мере, какой она была вправе от него требовать. Его слова выражали не раскаяние, а самодовольство. Все письмо было лишь проявлением высокомерия и гордости.

Но чувства ее пришли в еще большее расстройство и стали более мучительными, когда от этого рассказа она перешла к истории мистера Уикхема. С несколько более ясной головой она

прочла о событиях, которые, если только их описание было правдивым, совершенно опрокидывали всякое доброе суждение об этом молодом человеке — в то же время это описание удивительно напоминало историю, изложенную самим Уикхемом. Изумление, негодование, даже ужас охватили ее. Беспрестанно повторяя — «Это неправда! Не может этого быть! Какая гнусная ложь!» — она пыталась отвергнуть все, с начала до конца. Пробежав глазами письмо и едва осознав содержание одной или двух последних страниц, она поспешно сложила листки, стараясь себя уверить, что ей нечего обращать на него внимания и что она больше никогда в них не заглянет.

В душевном смятении, неспособная сосредоточиться, она попробовала немного пройтись. Но это не помогло. Через полминуты она снова развернула письмо и, стараясь взять себя в руки, перечитала ту его часть, в которой разоблачалось поведение Уикхема. Ей удалось настолько овладеть собой, что она смогла вникнуть в смысл каждой фразы. Сведения об отношениях Уикхема с семьей Дарси полностью соответствовали словам Уикхема. В обеих версиях также совпадали упоминания о благотворительности покойного мистера Дарси, хотя раньше Элизабет не знала, в чем она содержалась. До сих пор один рассказ только дополнялся другим. Но когда она прочла про завещание, различие между ними стало разительным. Она почти дословно помнила слова Уикхема о завещанном ему приходе и, восстановив их в памяти, не могла не понять, что одна из двух версий содержит грубый обман. В первые мину-

ты Элизабет еще надеялась, что чутье подсказало ей правильный выбор. Но, перечитав несколько раз самым внимательным образом то место, где подробно рассказывалось о безоговорочном отказе Уикхема от прихода и о полученном им значительном возмещении в сумме трех тысяч фунтов, она начала колебаться. Не глядя на письмо и стараясь быть беспристрастной, она взвесила правдоподобность каждого обстоятельства, но это не помогло. С обеих сторон были одни голословные утверждения. Она снова принялась за чтение. И с каждой строчкой ей становилось все яснее, что история, в которой, как ей прежде казалось, поведение мистера Дарси, не могло быть представлено иначе как, по меньшей мере, бесчестное, могла вдруг обернуться и таким образом, что оно оказывалось вполне безупречным.

Расточительность и распушенность, в которых Дарси решил обвинить Уикхема, приводили ее в ужас особенно сильно, тем более, что она затруднялась найти доказательство несправедливости обвинений. Она ничего не слышала о Уикхеме до того, как он поступил в ***ширский полк по рекомендации случайно встретившегося ему на улице едва знакомого молодого человека. О его прежней жизни никому из ее близких ничего не было известно, кроме того, что он сам о себе рассказывал. Да и едва ли, даже если бы Элизабет могла это сделать, ей пришло бы в голову поинтересоваться тем, что он в действительности собой представляет. Его внешность, голос, манеры сразу создавали впечатление, что ему присущи все

добродетели. Она попыталась восстановить в памяти хоть какой-нибудь его благородный поступок, какой-нибудь отличительный признак, который бы доказывал его порядочность и опровергал нападки на него мистера Дарси. Или хотя бы вспомнить о каком-либо хорошем качестве, которое показалось бы несовместимым с приписываемыми ему Дарси годами праздной и порочной жизни. Но ничего подобного она не могла припомнить. Ей было легко представить его себе во всем очаровании его манер и наружности. Но ей не удавалось восстановить в памяти ничего, говорившего в его пользу, кроме всеобщего одобрения знакомых и симпатии, которую он вызывал своей внешностью. После продолжительных размышлений, Элизабет снова взялась за письмо. Но, увы, следовавшее дальше описание его попытки соблазнить мисс Дарси как-то перекликалось с происшедшим накануне разговором между Элизабет и полковником Фицуильямом. И вдобавок ей предлагалось обратиться за подтверждением всех подробностей к самому полковнику, от которого она еще раньше слышала, что он полностью осведомлен о жизни мисс Дарси, и порядочность которого была вне подозрений. В какой-то момент она было уже намеревалась расспросить его в самом деле, но ее остановила мысль о щекотливости темы, которую нужно было затронуть, и она окончательно от этого отказалась, сообразив, что мистер Дарси едва ли рискнул бы сослаться на кузена, не будучи вполне уверен в его поддержке.

Она прекрасно помнила все подробности своего разговора с Уикхемом во время их первой

встречи у мистера Филиппса. Многие его выражения были еще свежи в ее памяти. И Элизабет внезапно сообразила, насколько неуместно было со стороны Уикхема рассказывать о подобных вещах ей, — едва знакомому тогда для него человеку, и удивилась, что эта простая мысль прежде не приходила ей в голову. Она ясно увидела, как неприлично вел себя Уикхем, стараясь во всем выдвинуть свою особу на первое место. Его утверждения не согласовались с его поступками. Ей припомнилось, как он хвастался, что ему нечего бояться встреч с мистером Дарси и что пусть-де мистер Дарси сам покинет эти места, а он и не подумает уезжать. И, вместе с тем, он не посмел явиться на бал в Незерфилде всего через неделю после этого разговора! Она вспомнила, что до отъезда незерфилдской компании из Хартфордшира он не рассказывал своей истории никому, кроме нее. Но зато после их отъезда эту историю узнали решительно все. Стремясь опорочить мистера Дарси, он не брезговал ничем, и в то же время, говоря ей о своей преданности памяти отца, он утверждал, что эта преданность не позволяет ему плохо говорить о сыне своего благодетеля.

Как изменился теперь в ее глазах каждый поступок мистера Уикхема! Ухаживание за мисс Кинг объяснялось не чем иным, как его низкой расчетливостью, незначительность ее приданого теперь вовсе не говорила об умеренности его притязаний, а только о готовности прельститься любой приманкой. Его отношение к самой Элизабет больше уже не оправдывалось достойными мотивами.

вами: он либо заблуждался относительно ее средств, либо тешил свое тщеславие, поддерживая в ней увлечение, которое она, по ее мнению, весьма неосторожно обнаружила. Попытки Элизабет защитить Уикхема становились слабее и слабее. А по мере оправдания мистера Дарси, она не могла не припомнить, что Бингли еще давно, в ответ на заданный ему Джейн вопрос, выразил уверенность в безукоризненном поведении своего друга в отношении Уикхема,— что, несмотря на свои гордые и отталкивающие манеры, за все их знакомство, которое в последнее время так сблизило их друг с другом, открыв ей даже его сокровеннейшие тайны, Дарси ни разу не совершил поступка, который позволил бы обвинить его в несправедливости и недобросовестности или говорил бы о его порочных наклонностях,— что среди круга своих знакомых он пользовался всеобщим уважением и почетом;— что даже Уикхем отзывался о нем, как о самом преданном брате, и что ей не раз приходилось слышать, с какой любовью Дарси говорил о своей сестре, доказывая тем самым свою способность испытывать нежные чувства;— что приписываемая ему Уикхемом грубейшая несправедливость едва ли могла долго оставаться неразоблаченной;— и что, наконец, дружба между человеком, который мог на это решиться, с таким славным юношей, как мистер Бингли, представлялась просто невероятной.

Ей стало бесконечно стыдно за свое поведение. Она не могла думать о Дарси или о Уикхеме, не отдавая себе отчета в своей слепоте, предубежденности, несправедливости, глупости.

— Как позорно я поступила!— воскликнула она.— Я, так гордившаяся своей проникательностью! Я, так высоко оценивавшая собственный ум! Так часто смеявшаяся над доброжелательностью моей сестры и питавшая свое тщеславие столь бесцельной или неоправданной неприязнью! Как унижает меня это открытие!— И как справедливо я унижена! — Если бы я даже влюбилась, я и тогда не оказалась бы столь безнадежно слепой. Но тщеславие, а не любовь лишили меня здравого смысла!— Польщенная при первом знакомстве предпочтением одного человека и оскорбленная пренебрежением другого, я руководствовалась предрассудками и невежеством и гнала от себя разумные доводы, коль скоро дело касалось любого из них!— Вот когда мне довелось в себе разобраться!

Переходя в своих мыслях от себя к Джейн и от Джейн к Бингли, она непременно должна была вспомнить, что в этой части объяснения Дарси представлялись ей совершенно неубедительными. Она прочитала их снова. Теперь они показались ей совсем не такими, как после первого чтения. Признавая основательность рассуждений Дарси в одной части письма, могла ли она отвергнуть ее в другой? По его словам, он даже не подозревал, насколько сильно Джейн была влюблена в его друга. И она не могла не вспомнить, какого мнения по этому поводу придерживалась Шарлот, так же, как отрицать, что описанное им поведение Джейн соответствовало действительности. Она и вправду сознавала, что чувство Джейн, каким бы оно ни было глубоким на самом деле, внешне

было мало заметно и что свойственные сестре самообладание и уравновешенность не часто совмещаются с особой душевной тонкостью.

Когда она дошла до того места, где сурово и, вместе с тем, заслуженно осуждались недостатки ее родных, переживаемое ею чувство стыда стало еще более острым. Она слишком хорошо понимала справедливость высказанных в письме упреков для того, чтобы пытаться их опровергнуть. Все подробности незерфилдского бала, которые Дарси имел в виду и которые подтвердили его первое неблагоприятное впечатление, едва ли сохранились в ее памяти слабее, чем в его собственной.

Комплимент по адресу двух старших мисс Беннет не прошел незамеченным. Он смягчил, но не утолил боль, вызванную позорным поведением остальных членов семьи. Ей стало очевидно, что сердце Джейн разбито стараниями ее родни и, представив себе весь ущерб в мнении света, который наносился ей и ее сестре поведением их близких родственников, Элизабет почувствовала себя такой несчастной, какой не бывала никогда в жизни.

Она бродила по тропинке еще около двух часов, вновь и вновь возвращаясь к волновавшим ее мыслям, перебирая события, оценивая их значение и стараясь привыкнуть к столь резкой и неожиданной перемене собственных взглядов. Наконец, усталость и сознание того, что ее отсутствие затянулось слишком надолго, заставили ее направиться к Хансфорду. Она вошла в дом, стараясь принять обычный веселый вид и выбросить из

головой все, что мешало бы ей участвовать в домашних беседах.

Сразу по приходе, ей сообщили, что оба джентльмена из Розингса, один за другим, навестили пасторский домик во время ее отсутствия. Мистер Дарси зашел только на несколько минут попрощаться. Зато полковник Фицуильям просидел по меньшей мере час, надеясь дожидаться ее возвращения, и чуть было не отправился разыскивать ее в парке. Элизабет смогла только выразить сожаление по поводу того, что ей не удалось его повидать — на самом деле она даже этому радовалась. Полковник Фицуильям перестал для нее существовать. Она способна была думать лишь о полученном письме.

Глава XIV

Оба джентльмена уехали из Розингса на следующее утро. Мистер Коллинз, поджидавший их у калитки, чтобы отвесить прощальный поклон, вернулся в дом с радостной вестью об их добром здоровье и настолько хорошем расположении духа, насколько это было возможно после недавно пережитой печальной разлуки. И он устремился в Розингс с тем, чтобы утешить леди Кэтрин и мисс де Бёр. По возвращении он с большим удовольствием сообщил, что, по словам ее сиятельства, она страдает от невыносимой скуки и очень желала бы сегодня же видеть их у себя за обедом.

Глядя на леди Кэтрин, Элизабет не могла не

подумать, что при желании она была бы сейчас представлена ее сиятельству в качестве будущей племянницы. И когда она вообразила, как бы разгневалась при этом столь важная особа, ей было трудно удержаться от улыбки. «Интересно, что бы она сейчас говорила и как бы себя вела?» — развлекала себя подобными вопросами Элизабет.

Разговор с самого начала коснулся отъезда из Розингса племянников леди Кэтрин.

— Поверьте, — говорила она, — отъезд этот немало меня взволновал. Едва ли кто-нибудь переживает разлуку с друзьями так глубоко. А к этим молодым людям я питаю особенную склонность. И ведь они столь же привязаны ко мне! Если бы вы знали, с какой грустью покидали они мой дом! Так бывает с ними всегда. Бедный полковник сдерживал свои чувства почти до последней минуты, но Дарси переживал разлуку, пожалуй, тяжелее, чем в прошлом году. Его привязанность к Розингсу стала еще более сильной.

На этот случай у мистера Коллинза был приготовлен комплимент, содержащий известный намек, который мать и дочь встретили одобрительными улыбками.

После обеда леди Кэтрин заметила, что мисс Беннет слегка расстроена и тут же объяснила это ее нежеланием в ближайшее время возвращаться домой.

— Но если дело лишь в этом, то вы должны попросить у вашей матушки разрешения задержаться чуть-чуть подольше. Миссис Коллинз, я уверена, будет рада вашему обществу.

— Я очень благодарна вашему сиятельству за столь любезное приглашение, — ответила Элизабет. — Но, к сожалению, мне невозможно его принять. В следующую субботу мне необходимо быть в Лондоне.

— Но в таком случае ваше пребывание в Кенте продлится всего-навсего шесть недель! Я была уверена, что вы проживете два месяца. Миссис Коллинз слышала это от меня еще перед вашим приездом. Вам нет нужды возвращаться так скоро. Надеюсь, миссис Беннет обойдется без вас две недели.

— Да, но без меня не сможет обойтись мой отец. На днях он просил меня поторопиться с приездом.

— Ну, отцу-то вы наверняка не очень нужны, коли вы не нужны вашей матери. Дочери всегда мало значат для отцов. А если вы пробудете здесь еще месяц, мне бы ничего не стоило одну из вас захватить с собой до самого Лондона — я собираюсь туда на неделю в начале июня. Так как Доусон ничего не имеет против четырехместной коляски, у меня будет достаточно места для одной из девиц. А если погода будет не слишком жаркой, я согласилась бы даже взять обеих, раз вы обе такие худенькие.

— Вы необыкновенно добры, ваше сиятельство, но боюсь, что нам придется придерживаться нашего первоначального плана.

Леди Кэтрин, казалось, решила уступить.

— Миссис Коллинз, вам придется послать с ними слугу. Вы знаете, я всегда прямо высказываю свое мнение. И я не могу подумать, чтобы

две девицы путешествовали на почтовых лошадях ¹⁰, предоставленные сами себе,— это попросту неприлично. Вы должны кого-нибудь отыскать,— больше всего на свете я не терплю подобных вещей. Молодые женщины, сообразно их положению в обществе, всегда требуют надлежащего внимания и надзора. Когда моя племянница Джорджиана прошлым летом переезжала в Рэмсгейт, я потребовала, чтобы с нею поехали двое слуг. Для мисс Дарси, дочери мистера Дарси из Пемберли и леди Энн, появиться без них было бы невозможно. Во всех подобных вопросах я в высшей степени щепетильна. Вам следует послать Джона с юными леди, миссис Коллинз. И я очень рада, что мне пришло в голову об этом упомянуть — вы поступили бы опрометчиво, отпустив их одних.

— Мой дядя должен прислать за нами слугу.

— Ах, вот как,— ваш дядя? Он держит слугу — мужчину, не так ли? Я рада, что у вас есть хоть кто-нибудь, кто может подумать об этих вещах. А где вы будете менять лошадей? Разумеется, в Бромли ¹¹. Вам достаточно назвать мое имя в «Колоколе» ¹², и о вас непременно позаботятся.

У леди Кэтрин было еще немало замечаний по поводу их поездки и, так как не на все ее вопросы отвечала она сама, к ним все же приходилось прислушиваться. Элизабет могла этому только радоваться, ибо в любую минуту была способна погрузиться в собственные мысли и забыть, где она находится. Мысли эти следовало отложить до свободного времени — оставаясь в одиночестве, она была готова отдаться им целиком. И она еже-

дневно отправлялась одна на прогулку, в течение которой получала полную возможность предаваться своим печальным раздумьям.

Письмо мистера Дарси она уже почти выучила наизусть. Элизабет обдумала в нем каждую фразу, и ее чувства по отношению к автору в разные моменты были самыми противоречивыми. Когда она припоминала тон, в котором он говорил, предлагая ей свою руку, душа ее по-прежнему была полна негодования, но при мысли о том, как грубо и несправедливо она его обвинила и оттолкнула, весь ее гнев сосредоточивался на ней самой, а его разочарованные надежды находили отклик в ее сердце. Его привязанность заслуживала благодарности, а характер — уважения. И все же он был ей по-прежнему неприятен, и она ни минуты не жалела о своем отказе выйти за него замуж и вовсе не испытывала желания еще раз его увидеть. Ее собственное прежнее поведение служило для Элизабет постоянным поводом для недовольства собой. Еще большую муку вызывали в ней мысли о слабостях ее близких. Не было даже надежды, что они когда-нибудь будут исправлены. Отец, которому доставляло удовольствие смеяться над младшими дочками, никогда не возьмет на себя труд обуздать их легкомыслие. А ее матери, манеры которой сами по себе, увы, далеки от совершенства, даже и в голову не приходило, что с младшими дочками не все обстоит благополучно. Элизабет и Джейн нередко пытались хотя бы немного образумить Кэтрин и Лидию. Но разве они могли надеяться на успех, не встречая поддержки со стороны миссис Беннет?

Раздражительная и слабохарактерная Кэтрин, полностью находившаяся под влиянием младшей сестры, лишь обижалась в ответ на замечания Джейн и Элизабет. А своевольная и беззаботная Лидия вообще не обращала на них внимания. Обе младшие сестры были невежественны, ленивы и тщеславны. Было ясно, что они не перестанут кокетничать, пока в Меритоне останется хоть один офицер, а так как прогулка из Лонгборна в Меритон не составляла труда, им предстояло бегать туда до скончания века.

Другим источником ее постоянных огорчений было сочувствие к Джейн. Письмо мистера Дарси восстановило первоначальное доброе мнение Элизабет о Бингли и усилило значение утраты, понесенной ее сестрой. Его привязанность оказалась глубокой, а упреки его поведению — необоснованными, если только не считать недостатком его слепое доверие к другу. Как грустно было сознавать, что столь прекрасная партия, благоприятная во всех отношениях и обещавшая такую счастливую жизнь ее сестре, расстроилась из-за глупости и бестактности ее ближайших родственников!

Если ко всем этим обстоятельствам добавить разоблачение подлинного облика Уикхема, то нетрудно понять, что, вместо присущей ей жизнерадостности, она чувствовала себя настолько угнетенной, что с трудом могла сохранять на лице хоть сколько-нибудь веселое выражение.

На протяжении последней недели ее пребывания у Коллинзов они навещали Розингс столь же часто, как в первую неделю после ее прибытия в Хансфорд. Самый последний вечер перед отъез-

дом они тоже провели в гостях у леди Кэтрин. В течение этого вечера ее сиятельство осведомлялась решительно обо всех мелочах, связанных с их путешествием, растолковала, как им лучше всего упаковать свои вещи, и с такой решительностью потребовала, чтобы платья были уложены по ее, единственно правильному, способу, что Меррайя сочла себя обязанной по возвращении переделать всю выполненную утром работу и заново уложить свой сундучок.

На прощанье леди Кэтрин весьма снисходительно пожелала им счастливого пути, пригласив их навестить Хансфорд следующей весной, а мисс де Бёр дала себе труд сделать книксен и каждой из них протянуть руку.

Глава XV

В субботу утром мистер Коллинз, встретив Элизабет за несколько минут до того, как все собрались к завтраку, воспользовался случаем, чтобы рассыпаться перед ней в казавшихся ему совершенно обязательными прощальными любезностях.

— Я, мисс Элизабет, не знаю, — сказал он, — говорила ли вам уже миссис Коллинз, насколько она была тронута вашим любезным согласием нас навестить. Но я убежден, что вы не покинете этот дом, не выслушав подобающих выражений ее признательности. Вашим обществом, смею вас уверить, здесь необыкновенно дорожили. Мы, конечно, сознаем, сколь мало привлекательного можно найти в этом скромном обиталище. Про-

стой образ жизни, небольшие комнаты, немногочисленная прислуга и ограниченный круг знакомств делают Хансфорд крайне скучным местом для юной особы вашего склада. Но вы, я надеюсь, поверите, что мы очень высоко оценили вашу снисходительность и попытались сделать все зависящее от нас, чтобы жизнь в этом доме не казалась вам в тягость.

Элизабет поблагодарила его, сказав, что вполне удовлетворена пребыванием в Хансфорде. Эти шесть недель доставили ей немало радости. Удовольствие, которое она испытывала, находясь в обществе Шарлот, так же, как и оказанное ей большое внимание заставляют, напротив, именно ее чувствовать себя в долгу перед хозяевами дома. Мистер Коллинз был доволен ее ответом и произнес с еще более самодовольной улыбкой:

— Я с величайшим удовольствием услышал, что вы провели здесь время не без приятности. Мы старались, как могли. А принимая во внимание счастливую возможность ввести вас в высшее общество, благодаря нашим связям с Розингсом, и, тем самым, столь часто оживлять однообразие домашней жизни, я льщу себя надеждой, что визит в Хансфорд и в самом деле не показался вам совершенно невыносимым. Близость к семье леди Кэтрин, действительно, является необыкновенно счастливым преимуществом нашего положения, равным которому могут похвастать немногие. Вы знаете теперь, на какой короткой ноге поддерживается наше знакомство. Вы видели сами, как часто нас туда приглашают. И, по правде говоря, при всех недостатках этой скромной обители,

никто, на мой взгляд, из здесь живущих и пользующихся вместе с нами благами этой близости, не нуждается в сострадании.

Слова не могли выразить все переполнявшие его возвышенные чувства, и он стал расхаживать по комнате, в то время как Элизабет попыталась совместить искренность и учтивость в нескольких коротких ответных фразах.

— По приезде домой, дорогая кузина, вы сможете наилучшим образом охарактеризовать нашу жизнь. Мне, по крайней мере, хотелось бы так думать. Изю дня в день вы были свидетельницей многочисленных знаков внимания леди Кэтрин к миссис Коллинз. Я нахожу, что судьбу вашей подруги нельзя считать несчастливой... Но, впрочем, лучше об этом умолчим.— Позвольте мне только заверить вас, дорогая мисс Элизабет, что я от всего сердца желаю и вам столь же счастливого замужества. Мы с моей дорогой Шарлот смотрим на все как бы одними глазами и одинаково обо всем думаем. Наши характеры и взгляды необыкновенно похожи, и мы, должно быть, созданы друг для друга.

Элизабет могла сказать, не кривя душой, что в таких случаях жизнь складывается очень счастливо и с равной искренностью выразила убеждение, что мистер Коллинз доволен своим домашним очагом. Она, однако, не была огорчена тем, что ее ответ прервало появление леди, которой он был обязан окружавшим его комфортом. Бедная Шарлот! Как грустно было оставлять ее в таком обществе! Но она выбрала такую участь с открытыми глазами. И хотя Шарлот явно была опечалена

отъездом гостей, она и виду не показала, что нуждается в их сочувствии. Дом и хозяйство, церковный приход и птичник, а также все, что с этим связано, еще не утратило для нее своего очарования.

Карета была, наконец, подана, багаж — привязан снаружи, свертки — рассованы внутри, и было объявлено, что все готово к отъезду. После нежного прощания с подругой, Элизабет направилась к экипажу в сопровождении мистера Коллинза, который, пока они шли по саду, просил засвидетельствовать свое искреннее уважение ее семье вместе с благодарностью за гостеприимство, оказанное ему в Лонгборне прошедшей зимой, и поклонами, увы, незнакомым ему мистеру и миссис Гардинер. Затем он помог ей усесться в экипаж. Мерайя последовала за ней, и дверца уже было почти закрылась, когда мистер Коллинз внезапно с некоторым ужасом вспомнил, что отъезжающие ничего не попросили передать дамам из Розингса.

— Впрочем,— добавил он,— вы, разумеется, желали бы, чтобы я передал им ваше нижайшее почтение вместе с глубокой благодарностью за оказанное вам гостеприимство?

Элизабет не имела против этого никаких возражений, после чего дверце, наконец, дали хлопнуться, и карета тронулась.

— Боже ты мой! — воскликнула Мерайя после нескольких минут молчания. — Кажется, будто бы мы только дель или два дня тому назад сюда приехали. А как много за это время произошло разных событий!

— В самом деле, порядочно,— со вздохом подтвердила ее спутница.

— Подумать только, мы девять раз обедали в Розингсе! Да еще два раза пили там чай! Сколько мне придется об этом рассказывать!

Элизабет добавила про себя:

— И сколько мне придется скрывать!

В дороге они почти все время молчали. Без всяких происшествий они через четыре часа после отъезда из Хансфорда подъехали к дому мистера Гардинера, в котором должны были провести несколько дней.

Джейн выглядела неплохо, а в ее душевном состоянии Элизабет не смогла разобраться из-за множества развлечений, о которых позаботилась для них миссис Гардинер. Но сестры возвращались теперь вместе в Лонгборн, и там у Элизабет должно было найтись для наблюдений вполне достаточно времени.

Ей потребовалось некоторое усилие, чтобы сдержаться и не рассказать Джейн еще до приезда в Лонгборн о предложении мистера Дарси. Поразительная новость,— столь лестная для теще-славия Элизабет, от которого она еще не смогла избавиться доводами рассудка,— настойчиво побуждала ее к откровенности. И она едва ли смогла бы с собой совладать, если бы не боялась дойти до излишних подробностей и еще больше огорчить Джейн, неосторожно упомянув в своем рассказе о мистере Бингли.

Глава XVI

Шла вторая неделя мая, когда три молодые леди, покинув Грэйсчёрч-стрит, выехали в городок*** в Хартфордшире. Приближаясь к гостинице, в которой их должен был встретить экипаж мистера Беннета, они, в качестве доказательства исполнительности возницы, увидели головы Китти и Лидии, выглядывавших из окна столовой во втором этаже. Две девицы премило провели в городке целый час, посетив модную лавку, поглазев на часового и приготовив салат с огурцами.

После взаимных приветствий младшие сестры с торжеством показали старшим накрытый стол, уставленный обычной для гостиниц холодной закуской, восклицая при этом:

— Взгляните, как мило! Не правда ли, приятный сюрприз?!

— Мы собираемся вас угостить,— добавила Лидия,— только вы должны снабдить нас деньгами, потому что все, что у нас было, мы потратили вон в той лавке.

Тут она принялась показывать свои покупки.

— Вот, посмотрите, какую я себе купила шляпку. Конечно, она так себе. Можно было ее даже не покупать, но я подумала, что с одинаковым успехом могу и купить. Дома я ее сразу распорю и посмотрю, нельзя ли сделать из нее что-нибудь попримуднее.

Когда сестры нашли ее безобразной, она невозмутимо добавила:

— Там были еще две или три шляпки куда безобразнее этой. Надо будет только прикупить

немножко яркого атласа, чтобы отделать ее заново и тогда, мне кажется, она будет выглядеть не так плохо. А впрочем, не все ли равно, что мы будем носить этим летом, раз уж наш полк через две недели покидает Меритон!

— Это правда, что он от нас отбывает? — воскликнула Элизабет, крайне обрадованная этим известием.

— Теперь они будут стоять в лагере около Брайтона¹³. Так хочется, чтобы папа всех нас повез туда на лето! Мы бы славно там пожили, и это почти ничего бы не стоило. Мама тоже об этом мечтает. Ведь только подумайте, какая нас здесь ждет летом скучища!

— Эта затея, в самом деле, очень удачна, — подумала Элизабет. — Как раз то самое, чего нам недоставало! Боже ты мой, это нам-то собраться в Брайтон с его огромным военным лагерем, когда у нас все пошло вверх дном при одном захудалом полке милиции и балах в Меритоне, которые даются не чаще раза в месяц.

— А у меня, знаешь, для тебя новость, — сказала Лидия, когда все расселись вокруг стола. — Ну-ка подумай, что бы такое могло случиться, а? Отличная новость, превосходная новость — об одной особе, которая всем нам очень понравилась.

Джейн и Элизабет переглянулись, и прислуживавшему лакею было дозволено удалиться.

— Очень на вас похоже! — со смехом сказала Лидия. — Испугаться с вашими чинностью и благоразумием, как бы лакей чего не подслушал. Будто ему есть до этого дело! Он небось часто слышит вещи куда похуже того, что я вам сейчас

расскажу. Впрочем, он такое страшилище, что я даже рада его уходу. Я в жизни не видела такого длиннющего подбородка! Ну, слушайте, мои милые. Дело идет о нашем дорогом Уикхеме. Слишком хорошо для лакея, не правда ли? Так вот, Уикхем не собирается жениться на Мэри Кинг! Как вам это нравится, а? Она укатила к своему дядюшке в Ливерпуль¹⁴ и притом навсегда. За Уикхема можно не беспокоиться.

— За Мэри Кинг, значит, можно тоже не беспокоиться,— сказала Элизабет.— Она избежала весьма неразумного брака.

— Если уж он ей нравился, она поступила, как настоящая дура.

— Надеюсь,— сказала Джейн,— они не были слишком друг другом увлечены.

— Он-то, конечно, не был. Уверена, что Уикхему всегда было на нее наплевать. Разве эта дрянная кукла в веснушках может кому-нибудь понадобиться?

Элизабет с ужасом подумала, что ее собственные взгляды, недавно казавшиеся ей широкими, хотя и не выражались столь циничным языком, но были не менее циничны по существу.

Как только девицы сообща покончили с едой, а Джейн и Элизабет вдвоем за нее заплатили, они попросили подать экипаж. Разместиться в нем всей компании со всеми их шкатулками, сумками и пакетами, а также не слишком своевременными новыми приобретениями Китти и Лидии оказалось не так-то легко.

— Ловко мы сюда втиснулись! — воскликнула Лидия.— Теперь я особенно рада, что купила

эту шляпку. Одно удовольствие запихнуть еще лишнюю коробку чего стоит! А теперь устроимся поудобнее и давайте всю дорогу болтать и веселиться. Ну-ка послушаем, — что новенького с вами приключилось с тех пор, как вы уехали из дому. Встретились ли вам какие-нибудь интересные кавалеры? А пофлиртовать вам, конечно, удалось вволю? Я даже надеялась, что одной из вас удастся до возвращения выскочить замуж. Джейн скоро будет у нас старой девой, честное слово! Ей уже почти двадцать три! Если бы я до этих лет не сумела раздобыть себе мужа, я бы сгорела со стыда! Знаете, как тетка Филипс хочет, чтобы мы все повыходили замуж! Лиззи, по ее мнению, надо было выйти за мистера Коллинза. Хотя я не думаю, чтобы из этого вышло что-нибудь путное. Боже мой, как бы мне хотелось выйти замуж раньше вас всех! Я бы тогда стала вывозить вас на все балы! Ой, девочки, а как мы позавчера повеселились у Форстеров! Китти и я должны были провести у них целый день. А к вечеру миссис Форстер обещала, что мы сможем немного потанцевать. — Кстати, мы с миссис Форстер души друг в друге не чаем! — И вот она позвала обеих сестер Харрингтон. Но Харриет сказалась больной, так что пришла одна только Пен. Угадайте-ка тогда, что мы сделали. Мы нарядили Чемберлена в женское платье, чтобы он сошел за даму — подумайте, какая это была умора! Об этом не знал никто, кроме полковника и миссис Форстер. Да еще меня с Китти и тетки Филипс — надо же было нам взять у нее какие-нибудь тряпки. Вы и представить себе не можете, как ловко они на нем

сидели! Когда пришли Денни и Уикхем, и Пратт, и еще двое или трое мужчин, они его совсем не узнали. Боже, как я хохотала! И миссис Форстер тоже. Мне казалось, что я помру со смеху. Оттого-то мужчины и заподозрили что-то неладное, ну и, конечно, разгадали в чем дело.

Такого рода историями об их развлечениях и проделках, при поддержке вставлявшей изредка свои замечания Китти, Лидия пыталась веселить своих спутниц на протяжении всего пути до Лонгборна. Элизабет старалась ее не слушать, но не смогла в этой болтовне не заметить частых упоминаний о Уикхеме.

Дома их встретили необыкновенно радушно. Миссис Беннет была счастлива убедиться, что Джейн по-прежнему хороша собой. А на протяжении обеда мистер Беннет не раз многозначительно обращался к Элизабет со словами:

— Я рад, что ты, наконец, вернулась, Лиззи.

Компания за обеденным столом была очень обширной, так как почти все Лукасы прибыли встретить Мерайю и разузнать обо всех новостях. О чем только здесь не говорилось! Леди Лукас через весь стол расспрашивала Мерайю о доме и птичнике своей старшей дочери. Миссис Беннет сразу участвовала в двух разговорах, справляясь у Джейн о новинках моды и пересказывая ответы Джейн младшим мисс Лукас. А тараторившая громче всех Лидия перечисляла радости первой половины этого дня, обращаясь ко всем, кто был готов ее выслушать.

— Ой, Мэри,— кричала она,— так жаль, что ты с нами не поехала! Нам было безумно весело!

Сперва мы катили с закрытыми шторками — можно было подумать, что в карете никого нет. Я была готова так проехать весь путь, если бы только Китти не почувствовала себя дурно. Зато у Джорджа, я надеюсь, мы вели себя как полагается. Мы накормили приезжих самым роскошным холодным завтраком в мире. Если бы ты выбралась с нами, мы бы и тебя угостили, честное слово! Ну, а когда мы вышли из гостиницы, вот была потеха! Я думала, что мы так и не сможем забраться в карету и чуть не умерла со смеху. А как мы веселились на обратном пути! Мы разговаривали и хохотали так громко, что нас, наверно, слышали миль за десять!

Мэри ответила ей очень серьезно:

— Мне не пристало, дорогая сестрица, называть истинную цену подобным развлечениям. Они, несомненно, кажутся привлекательными большинству женщин. Но для меня, признаюсь, они лишены очарования. Намного большее удовольствие я испытываю при чтении.

Ее ответ едва ли дошел до ушей Лидии, которая редко слушала кого-нибудь дольше, чем полминуты, и вообще никогда не обращала внимания на слова Мэри.

После обеда Лидия всячески уговаривала остальных девиц отправиться в Меритон и разузнать, как поживают там их знакомые. Но против этого решительно возразила Элизабет, по мнению которой нельзя было позволить говорить про дочерей мистера Беннета, будто они и полдня не могут провести дома, не гоняясь за офицерами. У нее была и еще одна причина для возражений:

ей не хотелось снова увидеть Уикхема, и она решила избегать встречи с ним как можно дольше. Поэтому ее особенно радовало предстоящее отбытие полка из Меритона. Через две недели офицеры уедут, а раз их не станет, — ей больше ничто не напомнит об этом ужасном человеке.

Прошло совсем немного времени после их приезда, когда Элизабет обнаружила, что план поездки в Брайтон, о котором Лидия болтала в гостинице, весьма часто обсуждается ее родителями. Ей было ясно, что отец вовсе не намерен потакать матери в этом деле. Но его ответы в то же время были настолько туманными и мудреными, что у миссис Беннет, несмотря на все неудачи, сохранялась надежда в конце концов настоять на своем.

Глава XVII

Элизабет больше не могла противиться желанию поделиться своими новостями со старшей сестрой. И на следующее утро, подготовив ее к удивительному известию, она, наконец, рассказала о сцене, происшедшей между нею и мистером Дарси. Подробности, которые касались самой Джейн, она, разумеется, опустила.

Удивление Джейн, однако, продолжалось недолго. Она ценила Элизабет так высоко, что всякая склонность к ней кого бы то ни было представлялась ей вполне естественной. А некоторое время спустя она и вовсе перестала удивляться услышанному, будучи поглощена уже совсем иными мыслями. Ее искренно огорчало, что мистер

Дарси выразил свое чувство столь неподобающим образом. Но мысль о том, как тяжело он должен был переживать отказ Элизабет, тревожила ее еще сильнее.

— Его излишняя самоуверенность была, разумеется, неуместна,— говорила она.— И ему, конечно, не следовало ее обнаруживать. Но только подумай, насколько острее было при этом его разочарование.

— Что ж, я и в самом деле сочувствую ему всей душой,— отвечала Элизабет.— Но надеюсь, что другие свойства его характера помогут ему избавиться от привязанности ко мне достаточно быстро. Ты ведь не осуждаешь меня за то, что я ему отказала?

— Осуждать тебя?! Что ты!

— Но ты можешь меня упрекнуть в том, что я так горячо вступилась за Уикхема?

— Нет, я не понимаю, почему бы тебе за него не вступиться.

— Ну так ты это поймешь, узнав, что случилось на другой день.

И она рассказала сестре про письмо, передав ей содержание той его части, которая касалась Джорджа Уикхема. Легко представить себе, как это разоблачение взволновало бедную Джейн, которая готова была пройти жизненный путь, убежденная, что всему человечеству свойственно меньше пороков, чем оказалось заключено в одном его представителе. Даже столь приятная ее сердцу возможность оправдать Дарси была не в силах ее утешить. И она со всей горячностью постаралась убедить сестру в существовании какого-то

неизвестного обстоятельства, которое оправдывало бы одного человека и не бросало тень на другого.

— Ну уж это у тебя не получится! — возразила Элизабет. — Того и другого ты никак не сможешь представить одинаково добродетельными. Выбирай любого, но тебе придется ограничиться только одним. В них двоих заключена как раз та доза порядочности, которой хватает только на одного человека. И за последнее время стало неясно, кому она на самом деле принадлежит. Мне, по крайней мере, стало казаться, что вся она перешла к мистеру Дарси. А ты, конечно, решай, как тебе больше понравится.

Прошло, однако, известное время, прежде чем Джейн смогла хоть немного улыбнуться.

— Я не припоминаю, чтобы когда-нибудь я была настолько потрясена, — говорила она. — Неужели Уикхем — такой негодяй? Это кажется просто невероятным. И бедный мистер Дарси! Лиззи, миленькая, ты только подумай, что он должен был вынести! Так разочароваться в своих надеждах. И тут же узнать, какого ты о нем ужасного мнения! И решиться рассказать тебе такие вещи про родную сестру! Как это все тяжело! Я уверена, что ты сама это чувствуешь.

— О нет, мои сожаления и сочувствие улетучились, как только я увидела, насколько они переполняют тебя. С каждой минутой переживания мистера Дарси тревожат меня все меньше — настолько я уверена, что ты должным образом войдешь в его положение. Твоя щедрость позволяет мне быть бережливой, и если ты погорюешь

о нем еще немного, сердце в моей груди станет легким, как перышко.

— Бедный Уикхем! А ведь он выглядит таким милым человеком,— с его открытым взглядом, безукоризненными манерами!

— При создании этих двух молодых людей была и в самом деле допущена великая несправедливость: одного наделили всеми достоинствами, а другого — внешними качествами, в которых они якобы должны проявляться.

— Я никогда не соглашалась с тобой, что у мистера Дарси нет этих внешних качеств.

— И все же, относясь к нему с такой неприязнью без достаточного основания, я очень гордилась своей пронизательностью. Подобная неприязнь отлично подстегивает ум и является самой плодотворной почвой для острословия! Можно беспрерывно болтать и так и не сказать ничего, заслуживающего внимания. Но нельзя постоянно подшучивать над человеком без того, чтобы время от времени у тебя не вырвалось нечто действительно остроумное.

— Когда ты впервые прочла это письмо, Лиззи, ты, вероятно, не могла смотреть на вещи так, как сейчас.

— Совершенно верно. Мне тогда было как-то не по себе. Очень не по себе,— я просто чувствовала себя несчастной. Мне не перед кем было излить свою душу. Со мной не было моей Джейн, которая, утешая меня, сказала бы, что я — вовсе не та пустая, тщеславная и вздорная девчонка, какой я себя сознавала. Как мне хотелось, чтобы ты была рядом!

— Жалко, что, говоря с мистером Дарси о Уикхеме, ты употребила такие сильные выражения. Ведь на самом деле они оказались совсем незаслуженными.

— Еще бы. Впрочем, излишне резкий тон часто является следствием предубежденности, которую я испытывала. Мне, кстати, хотелось бы получить от тебя один совет. Как ты думаешь, должна я открыть глаза на Уикхема нашим знакомым?

Мисс Беннет немного задумалась и затем ответила:

— По-моему, у нас нет повода для такого ужасного разоблачения. А как тебе кажется?

— Пожалуй, этого делать не следует. Мистер Дарси не поручал мне распространять его сообщение. Напротив, все подробности, касавшиеся его сестры, предназначались только для меня. А если я скажу про другие поступки Уикхема, разве мне кто-нибудь поверит? Предубеждение против Дарси настолько сильно, что половина жителей Меритона скорее в гроб ляжет, нежели посмотрит на Дарси сколько-нибудь доброжелательно. И с этим ничего не поделаешь. К тому же Уикхем скоро уедет. А потому здесь едва ли кому-нибудь важно знать, что он собой представляет. Рано или поздно все станет известно. И тогда мы сможем вдоволь посмеяться над простотой тех, кто не догадывался об этом раньше. А пока что я собираюсь молчать.

— Ты совершенно права! Публичное разоблачение могло бы навеки его погубить. Быть может, он уже жалеет о совершенных ошибках и хочет

исправиться. Мы не должны сталкивать его в пропасть.

Разговор этот успокоил Элизабет. Она избавилась от двух давно обременявших ее секретов, а в лице Джейн она приобрела собеседницу, всегда готовую ее выслушать, если бы ей захотелось вновь вернуться к их обсуждению. Осторожность, однако, заставила ее все же кое-что утаить от сестры. Она не осмеливалась пересказать Джейн другую часть письма мистера Дарси и открыть ей, насколько глубокой была на самом деле привязанность мистера Бингли. Этого Элизабет не могла поведать никому. И ей было достаточно ясно, что лишь полное взаимопонимание между Джейн и Бингли позволило бы ей ничего не утаивать. Ну, а тогда — говорила она себе самой, — если бы в самом деле случилось невероятное, я смогу сказать только то, что гораздо более приятным образом будет высказано самим Бингли. А потому я обречена хранить эту тайну до той поры, пока она потеряет всякую цену.

Живя среди своей семьи, Элизабет теперь получила, наконец, возможность разобраться в истинном душевном состоянии сестры. Джейн не была счастлива. Она все еще хранила в душе самую нежную привязанность к Бингли. Не пережив прежде даже воображаемой влюбленности, она соединила в этом чувстве весь пыл первой любви со свойственным ее нраву и возрасту постоянством, которым столь редко отличаются первые увлечения. И она так дорожила воспоминаниями и так явно предпочитала Бингли всем другим мужчинам, что ей потребовалось призвать

весь здравый смысл и все внимание к чувствам близких, чтобы не высказывать сожалений, вредных для ее здоровья и их спокойствия.

— Ну, что ты теперь скажешь, Лиззи, об этой печальной истории с Джейн? — спросила как-то раз миссис Беннет. — Что касается меня, то я твердо решила никогда больше об этом не поднимать разговора. Я так и заявила на-днях сестрице Филипс. До сих пор не могу понять, виделась ли с ним Джейн в Лондоне? Он оказался совсем никчемным человеком. Думаю, что Джейн больше нечего на него надеяться. О его возвращении этим летом в Незерфилд не было даже и речи. Я спрашивала решительно всех, кто хоть что-нибудь мог об этом сказать.

— Не думаю, что он вообще появится в Незерфилде.

— Тем лучше! Как ему будет угодно. Едва ли он кому-нибудь здесь понадобится. Хоть я и всегда буду говорить, что он низко поступил с моей дочерью. На месте Джейн я бы не пережила такого разочарования. И я себя утешаю мыслью, что, когда Джейн умрет с горя, мистеру Бингли придется пожалеть о том, что он натворил.

Элизабет промолчала, так как чувствовала себя не способной утешиться подобным предположением.

— Что ж, Лиззи, — продолжала миссис Беннет после непродолжительной паузы, — по-твоему Коллинзы на самом деле живут хорошо? Ну-ну, хотелось бы, чтобы только это было надолго! Как у них стол? Думаю, что из Шарлот получилась неплохая хозяйка. Если она будет хотя бы

наполовину такой изворотливой, как ее мамаша, у них даже смогут оставаться кое-какие сбережения. Они ведь не тратят на хозяйство слишком много?

— О да, конечно.

— Это очень важно для хорошего ведения дома. Да, да. Уж она-то позаботится о том, чтобы сводить концы с концами. Хоть им не придется испытывать нужды в деньгах. Что ж, тем лучше для них. Должно быть, они только и рассуждают о том, когда им достанется имение мистера Беннета? А о Лонгборне говорят так, как будто он уже им принадлежит!

— При мне они не могли касаться подобной темы.

— Еще бы! Было бы странно, если бы они себе это позволили. Но я не сомневаюсь, что они то и дело обсуждают это между собой. Ну что ж, если им ничего не стоит захватить чужое поместье,— тем хуже для них. Я бы постыдилась принять что-нибудь в наследство по мужской линии!

Глава XVIII

Первая неделя после возвращения Джейн и Элизабет пролетела быстро. Началась вторая. Это была последняя неделя пребывания полка в Меритоне, и девицы всей округи находились в самом удрученном состоянии. Уныние было почти всеобщим. Только две старшие мисс Беннет были способны еще есть, пить, спать и вести обычный об-

раз жизни. Такая бесчувственность то и дело вызвала упреки со стороны беспредельно несчастных Китти и Лидии, которые никак не могли допустить ее в ком-нибудь из членов своей семьи.

— Боже, что с нами станется! Что же мы теперь будем делать? — восклицали они на каждом шагу в порыве отчаяния. — И ты, Лиззи, можешь еще улыбаться?

Их любезная матушка разделяла отчаяние дочек, припоминая собственные переживания при подобных обстоятельствах лет двадцать пять тому назад.

— Могу поклясться, что я проплакала не менее двух дней напролет, когда нас покинул полк полковника Миллера. Я тогда была уверена, что сердце мое разбито навеки.

— А я так ручаюсь, что мое сердце и в самом деле будет разбито! — сказала Лидия.

— Если бы только можно было съездить в Брайтон! — заметила миссис Беннет.

— О да, если бы только попасть в Брайтон! Но разве с папой договоришься!

— Купания в море поставили бы меня на ноги.

— Тетушка Филипс уверяет, что мне они просто необходимы, — вставила Китти.

Подобные причитания то и дело повторялись в доме Беннетов. Элизабет хотелось относиться к ним с юмором. Однако все удовольствие для нее было отравлено чувством стыда за своих близких. Снова и снова она убеждалась в справедливости упреков мистера Дарси. И никогда еще его вме-

шательство в дела его друга не казалось ей столь простительным.

Мрачное настроение Лидии, однако, внезапно рассеялось, когда она получила приглашение жены полковника Форстера сопровождать ее в Брайтон. Ее бесценная подруга была еще совсем молодой женщиной, вышедшей замуж совсем недавно. Беспечность и легкость нрава обеих сразу расположили их друг к другу, и после трехмесячного знакомства они сделались неразлучны.

Ликование Лидии по этому поводу, обожание, с которым она стала относиться к миссис Форстер, восторг миссис Беннет и отчаяние Китти едва ли могут быть описаны. Не обращая никакого внимания на чувства сестры, Лидия носилась по дому в непрерывном экстазе, добиваясь всеобщих поздравлений, хохоча и болтая больше, чем когда-либо. В то же время в гостиной неудачливая Китти невразумительно и вместе с тем нудно роптала на свою судьбу.

— Никак не пойму, почему миссис Форстер не могла с таким же успехом пригласить и меня? — брюзжала Китти. — Правда, мы с ней не очень близки. Но у меня не меньше основания получить приглашение, чем у Лидии. Даже гораздо больше! Ведь я старше ее на два года!

Напрасно Элизабет пыталась ее урезонить, а Джейн — успокоить. Сама Элизабет отнеслась к этому приглашению совсем не так, как миссис Беннет и Лидия. Она боялась, что под действием этой поездки Лидия может лишиться последних крупин здоровой мысли. И как бы дорого ни обошелся ей такой шаг, если бы о нем стало из-

вестно ее домашним, она все же тайком посоветовала мистеру Беннету не пускать Лидию в Брайтон. Она напомнила ему все случаи ее неразумного поведения, обратив внимание отца на сомнительную пользу, которую Лидия извлечет из дружбы с такой особой, как миссис Форстер. И ей казалось, что в Брайтоне, где соблазнов может оказаться гораздо больше, чем дома, Лидия, находясь в подобной компании, может совершить еще более легкомысленные поступки. Мистер Беннет ее внимательно выслушал и затем ответил:

— Лидия ни за что не угомонится, пока где-нибудь себя не покажет на людях. И ей едва ли представится другой случай осуществить это с меньшими неудобствами для нашей семьи.

— Если бы вы знали, — сказала Элизабет, — какой большой ущерб может нам причинить бросающееся всем в глаза неосмотрительное и бестактное поведение Лидии! Больше того, какой ущерб им уже причинен! Я уверена, что тогда бы вы судили совсем по-другому.

— Уже причинен! — повторил мистер Беннет. — Что же, оно отпугнуло от тебя кого-нибудь из твоих поклонников? Бедная моя Лиззи! Но ты не должна падать духом. О таких придирчивых юнцах, которые не переносят малейшего признака глупости своих ближних, не стоит жалеть. Ну-ка, назови мне тех жалких людишек, которых оттолкнуло легкомыслие Лидии.

— Вы глубоко ошибаетесь. Мне не приходится жаловаться на подобные разочарования. Я имела в виду не какие-либо отдельные случаи, а общий вред, который нам причиняют ее манеры.

Наше положение в обществе, уважение наших знакомых подрывается взбалмошностью, самоуверенностью и крайней несдержанностью, столь свойственными ее характеру. Простите, но я должна высказать свою мысль до конца. Если вы, дорогой отец, не возьмете на себя труд обуздать ее неудержимую натуру и разъяснить Лидии, что сегодняшние помыслы не могут стать делом ее жизни, то скоро заниматься ее исправлением будет поздно. Ее характер окончательно сформируется, и, к нашему общему позору, она к шестнадцати годам превратится в пустую кокетку. Кокетку худшего, наиболее низкого пошиба, не располагающую никакими достоинствами, кроме молодости и некоторой внешней привлекательности. Невежество и пустота сделают ее совершенно беззащитной перед всеобщим презрением, вызванным ее погоней за успехом. Той же опасности подвергается и Китти, которая во всем следует за Лидией — глупой, тщеславной, праздной и совершенно разнузданной девчонкой. Папа, дорогой, неужели вы полагаете, что, вызывая осуждение и презрение всех наших знакомых, они не бросают тень на репутацию своих сестер?

Мистер Беннет почувствовал, что Элизабет вложила в эти слова всю свою душу. Ласково взяв ее за руку, он сказал:

— Ты напрасно волнуешься, моя девочка. Все, кто знают тебя или Джейн, достаточно уважают и ценят вас обеих. И это мнение не может пострадать оттого, что у вас имеются две, или я даже мог бы сказать, три на редкость глупые сестры. В Лонгборне не будет покоя, если Лидия не попа-

дет в Брайтон. Пусть же она туда поедет. Полковник Форстер — человек разумный. Он не допустит, чтобы она попала в настоящую беду. И, к счастью, она достаточно бедна, чтобы не привлекать к себе охотников за приданым. Там ей даже флиртовать станет труднее, чем здесь — офицеры найдут в Брайтоне девиц, заслуживающих большего внимания. Будем же надеяться, что эта поездка заставит ее почувствовать свою незначительность. Во всяком случае ее поведение не может сколько-нибудь заметно испортиться без того, чтобы мы оказались вправе посадить ее до конца дней под замок.

Элизабет пришлось удовлетвориться этим ответом. Так как собственное ее мнение не изменилось, она ушла от отца разочарованная и огорченная. Не в ее характере, однако, было таить досаду, углубляясь в переживания. Она сознавала, что выполнила свой долг, а печалиться заранее по поводу неотвратимых бед, усиливая их вдобавок своим беспокойством, было ей несвойственно.

Если бы Лидия и ее мать узнали, о чем она говорила с отцом, они едва ли смогли бы найти выход своему негодованию. Брайтонская поездка казалась Лидии вершиной земного счастья. Ее пылкое воображение рисовало ей улицы этого курортного городка, полные пока еще незнакомыми ей офицерами. Она видела себя предметом поклонения многих десятков молодых людей. Перед ее мысленным взором вставал во всем блеске военный лагерь — стройные ряды изящных палаток и между ними веселая толпа красавцев, щеголяющих в красных мундирах. И в довершение всего

Лидия представляла себе, как она будет сидеть под одной из этих палаток и флиртовать напропалую одновременно не меньше, чем с шестью офицерами.

Что бы она почувствовала, если бы узнала, что ее сестра пытается вырвать ее из этого уже такого реального и такого заманчивого рая? Чувства эти способна была бы понять одна ее мать, которая переживала почти то же самое. Только благодаря поездке Лидии она смогла примириться с безжалостным решением мистера Беннета не допустить путешествия в Брайтон всей семьи. Оставаясь в полном неведении о случившемся, обе они почти беспрерывно предавались восторгам до самого того дня, когда Лидия должна была покинуть Лонгборн.

Теперь Элизабет предстояло встретиться с Уикхемом в последний раз. Встреча эта уже не могла сколько-нибудь серьезно ее волновать, так как она не раз виделась с ним после своего возвращения. Их прежняя близость исчезла. Она даже научилась замечать в самой пленявшей ее прежде, мягкости Уикхема постоянную наигранность, вызывавшую раздражение и скуку. Более того, она находила новые поводы для неудовольствия в том, как он стал к ней теперь относиться. В самом деле, напоследок он снова начал оказывать ей такое же внимание, каким было отмечено начало их знакомства, и которое после всего происшедшего могло ее только рассердить. И она потеряла к нему последнее уважение, как только заметила признаки этого праздного волокитства. Решительно отвергая его любезности, она видела в них упрек своему прежнему поведению. Только

помня о нем, Уикхем мог считать, что, при первом новом знаке внимания с его стороны, она будет польщена и ответит ему взаимностью, независимо оттого, по какой причине и насколько он прерывал свое ухаживание.

В самый последний день пребывания полка в Меритоне Уикхем вместе с другими офицерами обедал в Лонгборне. И, вовсе не стремясь расстаться с ним в дружеских отношениях, Элизабет, в ответ на расспросы о ее жизни в Хансфорде, рассказала ему о трехнедельном визите в Розингс полковника Фицуильяма и мистера Дарси, спросив при этом, знает ли он полковника.

Уикхем казался озадаченным, недовольным, встревоженным. Однако после недолгого замешательства, он, улыбаясь, ответил, что когда-то ему приходилось частенько встречаться с этим человеком. Охарактеризовав его как настоящего джентльмена, он спросил, какое впечатление полковник произвел на Элизабет. Она отозвалась о нем очень тепло. Как бы между прочим, Уикхем вскоре осведомился:

— Сколько времени, вы сказали, он провел в Розингсе?

— Около трех недель.

— И вы часто с ним виделись?

— Да, почти ежедневно.

— Его манеры сильно отличаются от манер его кузена.

— Да, весьма сильно. Но узнав мистера Дарси ближе, я стала о нем думать гораздо лучше.

— Ах, вот как! — сказал Уикхем, бросив на нее взгляд, который не ускользнул от ее внима-

ния.— А могу ли я узнать... Но, сдержавшись, он продолжал уже более беззаботным тоном:— Изменилось ли его отношение к окружающим? Или он дал себе труд придать некоторую мягкость своим манерам? Ибо я мало надеюсь,— продолжал он более низким и уже более серьезным тоном,— что он изменился к лучшему по существу.

— О нет,— сказала Элизабет,— по существу он остался таким, как был.

Уикхем явно не знал, как отнестись ему к этим словам — обрадоваться ли или остерегаться их смысла. Что-то в ее лице заставило его держаться настороже в то время, как она продолжала:

— Признаваясь, что за время нашего знакомства он вырос в моем мнении, я не имела в виду перемены в его манерах или взглядах. Мне просто хотелось сказать, что, узнав его ближе, я стала лучше разбираться в его характере.

Выступившие на лице Уикхема красные пятна и его беспокойный взгляд явно выдавали его тревогу. Несколько минут он молчал. Наконец, преодолев смущение, он снова к ней обернулся и произнес самым вкрадчивым тоном:

— Именно вам, столь хорошо знакомой с моими чувствами к мистеру Дарси, должно быть понятно, как я рад услышать, что у него хватило здравого смысла вести себя хотя бы внешне порядочно. Во многом это объясняется его гордостью. Она приносит немалую пользу, если не ему самому, то хотя бы тем людям, которым приходится с ним иметь дело. Благодаря ей он не посту-

пает с ними так дурно, как когда-то обошелся со мной. Боюсь только, что эта его особая осторожность объясняется тем, что вы встретились с ним в гостях у его тетки, мнением которой он весьма дорожит. Насколько я знаю, он всегда ее побаивался, когда они жили вместе. А теперь еще немалую роль должно сыграть его намерение жениться на мисс де Бёр, которое, я уверен, он твердо решил осуществить.

При этих словах Элизабет не смогла удержаться от улыбки, ответив ему только легким кивком. Было ясно, что он хочет навести разговор на старую тему о причиненном ему ущербе, но она не собиралась ему в этом потворствовать. До конца вечера он сохранял свою обычную напускную веселость, уже не стремясь оказывать ей предпочтение. И они расстались, наконец, со знаками взаимного расположения и взаимным желанием больше никогда не встречаться.

После того, как гости разъехались, Лидия вместе с миссис Форстер отправилась в Меритон, который они должны были покинуть на следующее утро. Прощание с родными было скорее шумным, нежели трогательным. Одна только Китти пролила при этом слезы, да и то вызванные завистью и обидой. Миссис Беннет поминутно желала дочери всяческих удовольствий, требуя, чтобы она не пропустила ни одной возможности повеселиться — совет, которому та несомненно собиралась последовать. И ликующие прощальные возгласы Лидии совершенно заглушили так и не услышанные ею менее громкие напутственные пожелания ее сестер.

Глава XIX

Если бы мнение Элизабет о супружеском счастье и домашнем уюте основывалось только на опыте, который она могла почерпнуть в своей семье, ей не удалось бы составить об этих понятиях благоприятного представления. Мистер Беннет связал свою судьбу с женщиной, привлекавшей его молодостью и красотой, а также кажущимся добрым нравом, представление о котором часто бывает создано только названными внешними качествами. Еще в самом начале их брака эта женщина узостью своих взглядов и ограниченным развитием уничтожила в нем всякое чувство истинной супружеской привязанности. Уважение, доверие, духовная близость исчезли навсегда, и вместе с ними рассеялись все надежды на семейное счастье. Однако мистер Беннет по своему складу не относился к людям, которые, разочаровавшись в жизни вследствие собственной неосмотрительности, ищут утешения в сомнительных удовольствиях, слишком часто скрашивающих участь жертв порока и легкомыслия. Он любил природу и книги, и этими вкусами определялись его главные радости жизни. Он ничем не был обязан своей жене, если не считать развлечения, которое он получал, посмеиваясь над ее глупостью и невежеством. Это было совсем не то счастье, которым мужу обычно хотелось бы считать себя обязанным своей жене. Но там, где нельзя радоваться иному, истинный философ умеет извлечь пользу из того, чем может располагать.

Элизабет никогда не закрывала глаза на то,

что ее отец ведет себя не так, как должен был бы себя вести примерный супруг. Это причиняло ей постоянную боль. Но, уважая его ум и испытывая к нему благодарность за отцовскую нежность, она всегда старалась забыть то, чего не могла не заметить, и не задумываться над тем, насколько он заслуживает порицания, постоянно нарушая долг уважения к своей жене и насмехаясь над ней в присутствии собственных детей. И теперь Элизабет впервые с полной отчетливостью осознала, сколько вреда этот неподходящий брак должен был причинить выросшим в семье детям и к каким печальным последствиям приводило столь неудачное употребление способностей их отца. В самом деле, будучи верно направлены, эти способности, по крайней мере, помогли бы отцу воспитать достойных дочерей, если ему не под силу было расширить умственный кругозор своей жены.

Довольная отъездом Уикхема, Элизабет, впрочем, находила мало других причин радоваться уходу его полка. Встречи вне дома стали менее разнообразными. А непрерывные сетования миссис Беннет и Китти на скуку и впрямь делали семейную жизнь весьма тоскливой. И если Китти, благодаря исчезновению источника беспокойства, еще могла со временем вернуться к доступной ей мере здравого смысла, то ее младшая сестра, характер которой таил в себе значительно больше опасностей, должна была под влиянием приморского городка и военного лагеря сделаться еще более ветреной и безрассудной. На этом примере Элизабет лишней раз убедилась, что долго-

жданное событие, осуществившись, вовсе не приносит ожидаемого удовлетворения. Приходится поэтому загадывать новый срок, по истечении которого должно будет наступить истинное блаженство, и намечать новую цель, на которой сосредоточились бы помыслы и желания, с тем, чтобы, предвкушая ее осуществление, испытать радость, которая сгладила бы предшествовавшую неудачу и подготовила к новому разочарованию. В настоящее время ее помыслы сосредоточились на предстоящей поездке в Озерный Край. Надеждами на эту поездку она утешала себя в самые безрадостные часы, омраченные дурным настроением матери и Китти. И если бы в путешествии смогла принять участие Джейн, перспектива этой поездки была бы вполне совершенной.

— Впрочем, это даже хорошо, — рассуждала Элизабет, — если что-то произойдет не так, как мне бы хотелось. Если бы все было устроено по моему, я непременно должна была бы со временем разочароваться. А теперь, постоянно жалея о предстоящей разлуке с Джейн, я могу в какой-то мере надеяться получить от поездки предвкушаемое удовольствие. Замысел, в котором все части кажутся удачными, никогда не бывает успешным. И только если какая-нибудь досадная мелочь нарушает гармонию, можно избежать полного разочарования.

Перед отъездом Лидия обещала матери и Китти присылать частые и подробные письма. Однако каждое письмо ожидалось подолгу и всегда оказывалось весьма кратким. Письма к матери содержали только сообщения о том, что Лидия и ее

подруга сию минуту вернулись из библиотеки, куда их сопровождали такие-то и такие-то офицеры и где ее привели в неописуемый восторг необыкновенные орнаменты, или что у нее появились новые платье или зонтик, который она описала бы подробнее, если бы ей не приходилось ужасно спешить, так как за ней заехала миссис Форстер, чтобы везти ее в лагерь. А из писем к Китти сведений можно было почерпнуть и того меньше, ибо, хотя они были несколько длиннее, в них так много слов было подчеркнуто, что прочесть их вслух было совершенно невысказано.

Через две-три недели после ее отъезда, в Лонгборне вновь стали брать верх здоровье его обитателей, их добрый нрав и хорошее настроение. Все приобрело теперь более радостную окраску. После проведенной в городе зимы возвращались знакомые семьи, замелькали летние наряды, и начались летние развлечения. Миссис Беннет вернулась в свое обычное состояние спокойной сварливости. А к середине июня Китти уже в такой мере пришла в себя, что смогла без слез появляться в Меритоне — благоприятный симптом, позволявший Элизабет надеяться, что к рождеству ее сестра поумнеет настолько, чтобы заговаривать об офицерах не чаще одного раза в сутки, — разумеется, если только какой-нибудь злонамеренный и жестокий чиновник из Военного Министерства не водворит в Меритоне новую войсковую часть.

Назначенный день отъезда на Север теперь быстро приближался. Когда до него оставалось всего две недели, от миссис Гардинер пришло письмо, в котором сообщалось, что начало их поезд-

ка откладывается и что она будет не такой продолжительной, как они предполагали вначале. Дела позволяли мистеру Гардинеру выехать только в июле, спустя две недели по сравнению с намеченным сроком, и требовали его возвращения в Лондон через месяц после отъезда. И, поскольку оставалось слишком мало времени, чтобы поехать так далеко, как они прежде хотели, и осмотреть все намеченные места (они ведь собираются передвигаться не спеша, чтобы извлекать удовольствие из поездки), от Озерного Края приходилось отказаться и вместо него выбрать более близкую цель путешествия. Согласно новому плану, они не должны были удаляться на север за пределы Дербишира. В этом графстве можно было повидать достаточно много, чтобы на это ушло почти целиком три недели, оставшиеся в их распоряжении. А кроме того, оно обладало особой привлекательностью для миссис Гардинер. Городок, в котором она когда-то прожила несколько лет и где им теперь предстояло провести несколько дней, имел для нее не меньший интерес, чем прославленные красотами Мэтлок, Четсуорт, Давдейл и Пик¹⁵.

Элизабет была заметно разочарована. Она уже целиком приготовилась к путешествию в Озерный Край, и ей казалось, что им для него вполне хватило бы времени. Приходилось, однако, соглашаться, не теряя при этом хорошего расположения духа. И вскоре она снова почувствовала себя счастливой.

Упоминание Дербишира вызывало множество переживаний. Это название было неразрывно связано с поместьем Пемберли и его владельцем.

— Но неужели я не могу безнаказанно наведаться в его графство,— рассудила Элизабет,— и, не попадаясь ему на глаза, привезти оттуда несколько блестящих камешков?

Ждать предстояло вдвое дольше. До прибытия дяди и тетки должно было пройти четыре недели. Но, наконец, остались позади и они, и мистер и миссис Гардинер в сопровождении четырех детей прибыли в Лонгборн. Дети,— девочки шести и восьми лет и два мальчика поменьше,— должны были остаться на попечении всеобщей любимицы Джейн, чей здравый смысл и чудесный характер особенно располагали к тому, чтобы ей был поручен уход за детьми: их обучение, игра с ними и, прежде всего, сердечное к ним внимание.

Гардинеры провели в Лонгборне всего одну ночь и уже на следующее утро вместе с Элизабет отправились на поиски новых впечатлений. Одно удовольствие было им обеспечено: спутники во всем прекрасно подходили друг к другу. Они обладали здоровьем и выдержкой, благодаря чему им было легко переносить дорожные неурядицы, жизнерадостностью, которая должна была усилить любое ожидавшее их развлечение, а также добрым нравом и осведомленностью, которые должны были им помочь приятно провести время в тех случаях, когда ничего хорошего нельзя было ожидать со стороны.

Целью настоящего повествования не является описание всего Дербишира или каких-нибудь примечательных мест по пути к этому графству. Оксфорд, Бленхейм, Уорик, Кенилворт, Бирмингем¹⁶ и т. д. достаточно хорошо известны. Нас поэтому

будет интересоваться только небольшой уголок Дербишира. Осмотрев все расположенные на их пути главные достопримечательности, они направились в маленький городок Лэмтон¹⁷, где когда-то жила миссис Гардинер и где, по недавно полученным ею сведениям, еще оставались некоторые ее старые знакомые. Из ее рассказов Элизабет узнала, что Лэмтон находился лишь в пяти милях от Пемберли. Их путь в городок проходил совсем близко от имения Дарси, расположенного всего в одной или двух милях в сторону от дороги. И при обсуждении накануне вечером маршрута на следующий день, миссис Гардинер изъявила желание снова взглянуть на это поместье. Мистер Гардинер охотно с ней согласился. Требовалось только согласие Элизабет.

— Не правда ли, дорогая, тебе будет приятно осмотреть места, о которых ты столько слышала? — спросила тетюшка. — Они напомнят тебе так много твоих знакомых! Здесь, как ты знаешь, провел свою юность Уикхем.

Элизабет чувствовала себя очень неловко. Она считала, что ей совершенно нечего делать в Пемберли. И сказав, что ее утомили богатые дома и что после того, как они осмотрели их такое множество, ей перестало доставлять удовольствие созерцание роскошных ковров или атласных занавесок, она попыталась уклониться от этой поездки.

Миссис Гардинер, однако, упрекнула ее за такую нелюбезность.

— Если бы речь шла только о красивом, богато обставленном доме, — сказала она, — я бы и сама не стала об этом говорить. Но ведь Пембер-

ли славится восхитительными видами. Это поместье гордится одним из лучших парков страны. Элизабет ничего не ответила, но душа ее решительно протестовала. Ей представилось, что во время осмотра поместья она может встретить мистера Дарси. Это было бы ужасно! Кровь прилиwała к ее лицу при одной только мысли о такой встрече, и она предпочла бы рассказать обо всем тетушке, нежели подвергаться такому риску. Но и на это ей было трудно отважиться, и в конце концов она решила прибегнуть к объяснению лишь в том крайнем случае, если, осведомившись о местопребывании владельца Пемберли, она получит неблагоприятный ответ.

Поэтому, укладываясь спать, она стала спрашивать служанку, действительно ли Пемберли является таким прекрасным поместьем, кому оно принадлежит и, — не без серьезной тревоги, — приехала ли уже туда на лето семья его владельца. Услышав желанный отрицательный ответ на последний вопрос и успокоив свою тревогу, она сама стала с интересом ждать посещения этого места. Когда на следующее утро вопрос о поездке в Пемберли подвергся новому обсуждению и ей снова пришлось высказать свое мнение по этому поводу, она смогла заявить без запинки и с видом безразличия, что не имеет особых возражений против предложенного маршрута.

И они отправились в Пемберли.

К Н И Г А Т Р Е Т Ь Я

Г л а в а I

Ожидая появления Пемберлейского Леса¹, Элизабет всматривалась в дорогу с большим волнением. И когда, миновав сторожку, они, наконец, свернули в усадьбу, возбуждение ее дошло до предела.

Отдельные части обширного парка составляли весьма разнообразную картину. Начав осмотр с одного из его самых низменных мест, они некоторое время ехали по красивой, широко раскинувшейся роще.

Хотя Элизабет была настолько взволнована, что ей трудно было участвовать в разговоре, она любовалась каждым приветливым уголком и каждым красивым видом. На протяжении полумили они медленно поднимались и в конце концов внезапно выехали на свободную от леса возвышенность, с которой широко открывался вид на долину с замком Пемберли, стоявшим на ее противоположном краю. Это было величественное каменное здание, удачно расположенное на склоне гряды лесистых холмов. Протекавший в долине полноводный ручей, без заметных искусственных сооружений, превращался перед замком в более широкий поток, берега которого не казались излишне строгими или чрезмерно ухожен-

ными. Элизабет была в восторге. Никогда еще она не видела места, которое было бы более щедро одарено природой и в котором естественная красота была так мало испорчена недостаточным человеческим вкусом. Все были единодушны в своем восхищении. И в этот момент она вполне оценила, что значило стать владелицей Пемберли!

Они спустились в долину, проехали по мосту и приблизились к замку. И когда она стала его рассматривать, стоя под его стенами, в ней снова проснулся страх, как бы ей не пришлось встретиться с его владельцем. Ей не давала покоя мысль, что горничная в гостинице могла ошибиться. После того, как они попросили разрешения осмотреть дом, их пригласили в вестибюль. И, пока они ожидали домоправительницу, Элизабет могла вполне надивиться тому, куда ее привела судьба.

Домоправительница появилась. Это была почтенная пожилая женщина, не настолько чинная и более приветливая, чем можно было ожидать по первому впечатлению. Гости проследовали за ней в столовую — просторную комнату с удачными пропорциями и изящным убранством. Окинув ее взглядом, Элизабет подошла к окну, чтобы полюбоваться открывшимся из него видом. Увенчанный лесом холм, с которого они только что спустились, издали казавшийся более крутым, чем вблизи, представлял прекрасное зрелище. Все вокруг радовало глаз, и Элизабет с наслаждением рассматривала пейзаж: реку, разбросанные по берегам деревья и изгибы долины, уходящей вдаль, насколько хватал глаз. Пока

они проходили по другим комнатам, ландшафт менялся, но из каждого окна было чем полюбоваться. В комнатах были высокие потолки и богатая обстановка, достойная владельца такого поместья. И, восхищаясь его вкусом, Элизабет заметила, что эта обстановка не казалась излишне пышной и выглядела менее роскошной и в то же время более изящной, чем обстановка в Розингсе.

— И здесь-то я чуть было не стала хозяйкой! — размышляла Элизабет. — Я могла бы уже привыкнуть к этим комнатам! Вместо того, чтобы осматривать их в качестве случайной посетительницы, я пользовалась бы ими, как собственными, приветствуя тут в качестве своих гостей мистера и миссис Гардинер! Впрочем, нет, — спохватилась она, — это было бы невозможно. Дядя и тетя были бы для меня навсегда потеряны. Мне никогда не позволили бы их сюда пригласить.

Эта мысль пришла ей в голову как раз вовремя, избавив ее от чувства, чем-то похожего на сожаление.

Ей очень хотелось узнать у домоправительницы, в самом ли деле владелец замка находится сейчас в отъезде, но у нее не хватило духу для прямого вопроса. Он был задан, в конце концов, мистером Гардинером. Отвернувшись, чтобы скрыть свое беспокойство, Элизабет услышала, как миссис Рейнолдс ответила на него утвердительно, добавив при этом:

— Мы ждем его завтра. Он прибывает сюда в компании своих друзей.

Как обрадовалась Элизабет, что их поездка

не была отложена из-за какой-нибудь случайной причины.

В эту минуту миссис Гардинер попросила ее взглянуть на одну из картин. Элизабет подошла и, среди прочих миниатюр над камином, увидела портрет мистера Уикхема. Тетушка весело спросила ее, как он ей понравился. А подоспевшая домоправительница объяснила, что изображенный на портрете молодой человек — сын прежнего управляющего, воспитанный покойным мистером Дарси на собственные средства.

— Он сейчас поступил в армию,— добавила она,— но боюсь, что человек из него вышел совсем непутевый.

Миссис Гардинер с улыбкой взглянула на племянницу, но Элизабет не смогла ответить ей тем же.

Любезные и непринужденные расспросы и замечания мистера Гардинера поощряли разговорчивость миссис Рейнолдс, которая то ли из тщеславия, то ли под влиянием искренней привязанности рассказывала о мистере Дарси и его сестре с видимым удовольствием.

— Ваш хозяин проводит в Пемберли много времени?

— Не столь много, сэр, как мне бы хотелось. Но осмелюсь сказать, что здесь протекает около половины его жизни. А мисс Дарси живет здесь каждое лето.

— Кроме того,— подумала Элизабет,— которое она провела в Рэмсгейте.

— Когда ваш хозяин женится, вы сможете видеть его гораздо больше.

— О да, сэр. Но мне даже в голову не приходит, когда это может произойти. Я не знаю никого, кто был бы хоть сколько-нибудь достоин стать его супругой.

Мистер и миссис Гардинер улыбнулись, а Элизабет, не удержавшись, заметила:

— Ваше мнение о нем, как мне кажется, весьма красноречиво говорит в его пользу.

— Я говорю одну только правду, которую повторит всякий, кто знает мистера Дарси,— ответила миссис Рейнолдс. Элизабет показалось, что дело зашло слишком далеко. С возрастающим изумлением она услышала, как миссис Рейнолдс добавила: — За всю жизнь я ни разу не услышала от него резкого слова. А ведь я его знаю с четырехлетнего возраста.

Эти слова особенно поразили Элизабет, настолько они шли вразрез с ее собственным взглядом на Дарси. До сих пор она была уверена, что у него очень нелегкий характер. Ее внимание было обострено до предела. Ей не терпелось еще что-нибудь услышать, и она была от души благодарна мистеру Гардинеру, который сказал:

— Немногие люди заслуживают подобных похвал. Вы должны быть весьма счастливы, имея такого хозяина.

— О да, сэр, мне в самом деле очень повезло. Лучшего мне бы не сыскать в целом свете. Но я всегда замечала, что добрые дети обычно вырастают хорошими людьми. А он был самым отзывчивым, самым благородным мальчиком, какого мне когда-либо приходилось встречать.

Элизабет не отрывала от нее глаз.

— Неужели речь идет о мистере Дарси? — думала она.

— Его отец славился своей добротой, — заметила миссис Гардинер.

— О, да, сударыня, вполне заслуженно. И сын его будет точь-в-точь такой же. Он так же добр к простым людям.

Элизабет слушала, удивлялась, сомневалась и горела желанием узнать больше. Миссис Рейнолдс не могла заинтересовать ее ничем другим. Все, что она рассказывала о сюжетах картин, размерах комнат и стоимости обстановки, Элизабет пропускала мимо ушей. Мистера Гардинера очень развлекало проявление фамильного тщеславия, объяснявшего, по его мнению, преувеличенные похвалы мистеру Дарси со стороны его домоправительницы. Поэтому он постарался снова вернуться к прежней теме. И, пока они поднимались по длинной лестнице, миссис Рейнолдс с упое-нием продолжала описывать многочисленные достоинства своего патрона.

— Это лучший землевладелец и лучший хозяин из всех, когда-либо существовавших на свете, — сказала она. — Не то, что теперешние беспутные молодые люди, которые думают только о себе. Не найдется ни одного его арендатора или работника, который бы не сказал о нем доброго слова. Кое-кто находит его слишком гордым. Но я этого не замечала. Этот упрек, мне кажется, вызван тем, что в отличие от современных молодых людей, он не интересуется всяким вздором.

— В каком выгодном свете рисуют мистера Дарси эти слова! — думала Элизабет.

— Этот блестящий отзыв,— шепнула ей тет-ка,— не вполне сочетается с его отношением к нашему бедному другу.

— Быть может, нас по этому поводу ввели в заблуждение?

— Едва ли это могло случиться. Мы получили сведения из слишком достоверного источника.

Пройдя просторную переднюю во втором этаже, они заглянули в очаровательную гостиную с еще более легкой и изящной обстановкой, чем в нижних помещениях. Домоправительница рассказала, что эту комнату только на-днях отделали, чтобы порадовать мисс Дарси, которой она прошлым летом особенно полюбилась.

— У нее в самом деле заботливый брат,— промолвила Элизабет, подходя к одному из окон.

Миссис Рейнолдс заранее предвкушала восторг мисс Дарси при виде новой мебелировки.

— Вот он всегда такой,— добавила она.— Все, что может доставить сестре хоть малейшее удовольствие, делается незамедлительно. Он ищет для этого любую возможность.

Им оставалось осмотреть только картинную галерею и две или три большие спальни. В галерее оказалось немало прекрасных полотен, но Элизабет слабо разбиралась в живописи. И, устав от нее еще при осмотре первого этажа, она охотно принялась рассматривать более понятные и близкие ей карандашные наброски мисс Дарси.

Разглядывая множество семейных портретов, которые едва ли могли привлечь внимание постороннего, Элизабет искала среди них единственное лицо со знакомыми чертами. В конце концов

оно бросилось ей в глаза, и она была поражена удивительным сходством портрета с мистером Дарси. На полотне была запечатлена та самая улыбка, которую Элизабет нередко видела на его лице, когда он смотрел на нее. Несколько минут она сосредоточенно в него вглядывалась. И, покидая галерею, она еще раз к нему подошла, услышав от миссис Рейнолдс, что этот портрет был написан еще при жизни ее прежнего хозяина.

В этот момент Элизабет явно испытывала к оригиналу портрета более теплое чувство, чем когда-либо на протяжении их знакомства. Восторги миссис Рейнолдс не могли не произвести впечатления. Может ли показаться что-нибудь убедительнее, чем хвалебный отзыв смысленной прислуги? Она размышляла над огромной ответственностью за человеческие судьбы, которая возлагалась на Дарси его положением брата, землевладельца и хозяина дома. Сколько мог он принести людям добра и зла! Сколько радостей и горестей находилось в его власти! Каждая черточка его характера, упоминавшаяся домоправительницей, располагала в его пользу. И, стоя перед полотном, с которого на нее смотрели его глаза, Элизабет думала о его привязанности с гораздо более глубоким участием, чем когда-либо прежде: она вспоминала, как пламенно он говорил ей о своем чувстве, и старалась смягчить в памяти неподобающую форму его объяснения.

Когда были осмотрены все открытые для обозрения уголки дома, они снова спустились и, распрощавшись с домоправительницей, оказались на

попечении встретившего их около дверей холла садовника.

Спускаясь по газонам к реке, Элизабет обернулась, чтобы еще раз оглядеть здание. Мистер и миссис Гардинер тоже остановились. И пока первый высказывал свои предположения о времени постройки дома, из-за угла, по дорожке, которая вела к конюшне, вышел его владелец.

Между ними было всего двадцать ярдов, и он появился настолько внезапно, что избежать его взгляда было совершенно невозможно. Глаза их встретились, и лица обоих вспыхнули багровым румянцем. Мистер Дарси вздрогнул и сначала, казалось, оцепенел от изумления. Но, быстро придя в себя, он пошел к ним навстречу и заговорил с Элизабет, хоть и не вполне владея собой, но, по крайней мере, самым учтивым образом.

В первый момент Элизабет инстинктивно отвернулась и сделала несколько шагов в сторону. Но когда он с ней поравнялся, она в полной растерянности остановилась и выслушала его приветствие. Если появление мистера Дарси и его сходство с только что виденным портретом недостаточно уверило ее спутников, что перед ними — сам владелец поместья, то изумление, которое, при виде хозяина, изобразилось на лице садовника, подтвердило это с полной убедительностью. Пока Дарси беседовал с их племянницей, они стояли поодаль. Не смея поднять глаза, совершенно ошеломленная, Элизабет бессознательно отвечала на его любезные расспросы о родных. Ее поразило, насколько переменились, по сравнению с их последней встречей, его манеры.

С каждой новой фразой она испытывала все возрастающую неловкость. И несколько минут этого разговора, в течение которых она думала только о том, до чего неприлично было ей оказаться застигнутой в этом месте, стали самыми мучительными в ее жизни. Мистер Дарси чувствовал себя не намного увереннее: в его словах не было обычной невозмутимости. Повторяя бессвязные вопросы о том, давно ли она покинула Лонгборн и сколько времени ей довелось провести в Дербишире, он явно обнаруживал свое смятение.

Под конец, не зная, что бы такое еще сказать, он замолк и, простояв с минуту в молчании, спохватился и пошел прочь.

Мистер и миссис Гардинер тотчас же подошли к Элизабет и высказали восхищение его внешностью. Однако, поглощенная своими мыслями, Элизабет едва ли что-нибудь расслышала и шла за ними в полном молчании. От стыда и унижения она чувствовала себя совершенно подавленной. Визит в Пемберли казался ей самым несчастным, самым ошибочным шагом в ее жизни. Каким странным должен был показаться он мистеру Дарси! Как опозорена была бы она даже и не перед столь тщеславным человеком! Можно было подумать, что она намеренно постаралась снова оказаться у него на пути! Зачем только она сюда приехала? И надо же было ему явиться за день до назначенного срока! Достаточно было бы им выйти из замка всего на десять минут раньше и он бы их уже не увидел! Ведь было ясно, что он прибыл сию минуту — только что соскочил с лошади или вышел из экипажа. И она снова

и снова краснела, сознавая все неприличие ее появления в Пемберли. Но как разительно изменилось поведение мистера Дарси! Чем это можно было объяснить? Следовало удивляться тому, что он вообще стал с ней разговаривать. И разговаривать так учтиво, — осведомляться о ее близких! Никогда еще он не говорил с ней так сердечно, без малейшего высокомерия, как при этой неожиданной встрече. Насколько это отличалось от его последнего обращения к ней в Розингсе, с которым он передал ей свое письмо! Элизабет не знала, что ей об этом думать и как это все объяснить.

Они теперь шли по восхитительной тропинке у самой воды. С каждым шагом перед ними открывались все более красивые склоны и более живописный вид на приближавшуюся лесную чащу. Однако Элизабет смогла снова воспринимать окружающий мир далеко не сразу. Машинально отвечая на многократные обращения мистера и миссис Гардинер, или рассматривая заинтересовавшие их виды, она думала совсем о другом. Ее мысленному взору представлялась та единственная, хоть и неизвестная комната замка Пемберли, в которой должен был сейчас находиться мистер Дарси. Ей хотелось понять, что в этот момент происходит у него на душе, как он о ней думает и сохранил ли к ней, вопреки всему, нежное чувство. Не был ли он так любезен только потому, что чувствовал себя здесь более свободно? Но в его голосе слышалось нечто такое, что нельзя было принять за принужденность. Было неясно — обрадовался ли он этой встрече или она его огор-

чила, но во всяком случае он не отнесся к ней равнодушно.

Замечания спутников по поводу ее рассеянного вида под конец вывели Элизабет из задумчивости и заставили ее вести себя более естественно.

Они вошли в чашу и, на время расставшись с рекой, побрели вверх по склону холма. Там, где прогалины между деревьями оставляли взору достаточный простор, им открывался прекрасный вид на долину и противоположные покрытые лесом холмы, скрывавшие также некоторые излучины реки. Мистер Гардинер выразил желание обойти весь парк, но побоялся, что за одну прогулку это окажется им не под силу. В ответ на его слова, садовник с довольной усмешкой сказал, что для этого потребовалось бы пройти не меньше десяти миль. Это решило вопрос, и они двинулись дальше по избранному пути. Дорога снова пошла под гору. Пробравшись под низко склоненными деревьями, они снова спустились к сильно сузившейся в этом месте реке и пересекли ее по незамысловатому мостику, вполне гармонизовавшему с окружающей природой. Рука человека коснулась этого места еще меньше, чем всех виденных ими до этого уголков парка. И сжатая ущельем долина оставляла здесь пространство только для потока и узкой окаймленной кустарником дорожки. Элизабет очень хотелось обследовать течение реки. Но внезапно сообразив, как далеко они отошли от замка, миссис Гардинер, которая не привыкла много ходить пешком, отказалась идти дальше и потребовала, чтобы они поскорее

вернулись. Племяннице пришлось подчиниться, и они пошли кратчайшим путем к оставленному ими на другом берегу экипажу. Двигались они, однако, не слишком быстро. Пристрастие мистера Гардинера к рыбной ловле, которое ему случалось удовлетворять весьма редко, заставляло их то и дело останавливаться, пока он разглядывал плещущуюся в реке форель или толковал с садовником о повадках этой рыбы. Медленно бредя таким образом, они вдруг заметили направляющегося к ним мистера Дарси. Элизабет была изумлена почти так же, как тогда, когда он появился в первый раз перед домом. Благодаря тому, что тропинка здесь была не настолько скрыта деревьями, как на другом берегу, они увидели Дарси на таком расстоянии, чтобы успеть подготовиться к встрече. И, несмотря на свое удивление, Элизабет смогла собраться с мыслями, чтобы говорить с ним, если он в самом деле к ним подойдет, достаточно спокойно. На секунду ей почудилось, что он все же предпочел свернуть в боковую просеку. Но это предположение просуществовало ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы он успел миновать скрывший его изгиб дороги. Тотчас после этого он предстал перед ними. С первого взгляда она заметила, что он ведет себя так же учтиво, как во время их встречи около замка. Стараясь быть столь же любезной, Элизабет сразу стала восторгаться красотой местности. Но повторив раза два «очаровательно» и «прелестно», она спохватилась, что в ее устах восхваления Пемберли могут получить неправильное истолкование. И, покраснев, она внезапно умолкла.

Миссис Гардинер стояла поодаль от нее, и мистер Дарси, воспользовавшись паузой, попросил Элизабет оказать ему честь, представив его своим друзьям. Такой учтивости она от него совершенно не ожидала. И она едва удержалась от улыбки, подумав, что сейчас он намерен познакомиться с теми людьми, против которых так восставала его гордость, когда он просил ее руки.

— Как должен будет он удивиться,— подумала она,— узнав, что они собой представляют! Он едва ли догадывается, что они не принадлежат к светскому обществу.

Тем не менее она сразу же их познакомила. Сказав, что она приходится Гардинерам племянницей, она искоса взглянула на Дарси, вполне допуская, что он постарается поскорее избавиться от столь неподходящей компании. Упоминание об их родственных связях его несомненно поразило. Однако Дарси принял это сообщение достаточно мужественно и не только не сделал попытки удалиться, но даже пошел рядом, вступив с мистером Гардинером в оживленную беседу. Элизабет не могла не радоваться, не могла не торжествовать. Как утешительно было сознавать, что он познакомился, наконец, с теми из ее родственников, за которых ей наверняка не придется краснеть! Вслушиваясь в их разговор, она радовалась каждой фразе своего дяди, каждому выражению, свидетельствовавшему о его уме, вкусе и превосходных манерах.

Беседа вскоре коснулась рыболовства, и она услышала, как мистер Дарси весьма любезным об-

разом пригласил ее дядю во время его пребывания в Дербишире заняться ловлей рыбы в своем имении. Одновременно он предложил снабдить его необходимыми снастями и показал ему наиболее удобные для ловли места. Миссис Гардинер, которая шла бок о бок с племянницей, бросила на нее изумленный взгляд. Элизабет промолчала, но чувствовала себя необыкновенно довольной. Этот знак внимания, очевидно, относился к ней одной. Все это, однако, вызывало у нее крайнее удивление, так что она непрерывно повторяла про себя:

— Почему он так изменился? Чем это объясняется? Не может быть, чтобы это случилось из-за меня. Не может быть, чтобы ради меня он стал вести себя так учтиво! То, что я высказала ему тогда в Хансфорде, не могло повлиять на него так сильно! Не любит же он меня до сих пор?!

В течение какого-то времени они сохраняли тот же порядок: дамы шли впереди, мужчины — в нескольких шагах сзади. Но после того, как им пришлось спуститься к воде, чтобы взглянуть на какое-то занятное водяное растение, произошла некоторая перестановка. Миссис Гардинер, утомленная долгой прогулкой, почувствовала, что рука племянницы служит ей недостаточной опорой и предпочла опереться на руку мужа. Мистер Дарси занял ее место рядом с Элизабет, и они двинулись дальше. После некоторого молчания Элизабет заговорила первая. Ей захотелось объяснить, насколько она была уверена в его отсутствии, когда решила явиться в Пемберли. Поэ-

тому она высказала свое удивление его неожиданным приездом.

— Ваша домоправительница, — прибавила она — утверждала с уверенностью, что вы не приедете раньше завтрашнего утра, и то же самое нам сказали перед выездом из Бейкуэлла². Сегодня вас здесь не ждали.

Дарси подтвердил, что он в самом деле приехал неожиданно и объяснил это необходимостью встретиться с управляющим до прибытия своих друзей.

— Они приедут завтра утром, — продолжал он. И вы найдете среди них старых знакомых — мистера Бингли и его сестер.

Элизабет ответила легким кивком. Мысли ее мгновенно перенеслись к тому времени, когда имя Бингли было произнесено между ними в последний раз. И, насколько она могла судить по выражению лица мистера Дарси, он думал о том же самом.

— Среди них будет еще одна особа, — продолжал он после некоторой паузы, — которая самым искренним образом хотела бы с вами познакомиться. Позвольте ли вы мне, — или я прошу слишком многого, — представить вам, пользуясь вашим визитом в Лэмтон, мою сестру?

Такая просьба не могла не вызвать ее удивления. Было трудно понять, чем она ее заслужила. Однако было ясно, что мисс Дарси могла захотеть с ней познакомиться только под влиянием брата. Так или иначе Элизабет не видала в этом ничего дурного. И ей было радостно сознавать, что он не думает о ней плохо, несмотря на нанесенную ему обиду.

Теперь они шли молча, каждый глубоко погруженный в свои мысли. Состояние Элизабет нельзя было назвать приятным — об этом не могло быть и речи. Но она была польщена и тронута. Желание познакомиться ее с мисс Дарси казалось особенно тонким комплиментом. Вскоре они намного опередили своих спутников. Когда они подошли к экипажу, мистер и миссис Гардинер отстали от них почти на четверть мили.

Дарси пригласил ее войти в дом, но она ответила, что не чувствует усталости, и оба остались стоять на лужайке перед замком. В подобных, располагающих к беседе обстоятельствах, молчать было особенно неловко. Ей хотелось начать разговор, но любая возможная тема казалась запретной. Наконец, вспомнив, что в данный момент она является путешественницей, Элизабет упомянула о Мэтлоке и Давдейле и они с большим увлечением начали обсуждать красоты Дербишира. Однако, время и ее тетушка двигались настолько медленно, что к концу этого tête-à-tête ей уже почти ничего не могло прийти в голову для поддержания разговора.

Когда Гардинеры, наконец, приблизились, он пригласил всех зайти в дом для легкой закуски. Однако это приглашение было отклонено, и они расстались самым любезным образом. Мистер Дарси помог обеим дамам сесть в экипаж, и когда лошади тронулись, Элизабет увидела, как он медленно пошел по направлению к дому.

Мистер и миссис Гардинер не преминули высказать свои впечатления. Оба заявили, что мистер Дарси намного превзошел их ожидания.

— Он превосходно себя держит, по-настоящему учтиво и скромно,— сказал мистер Гардинер.

— Конечно, в нем есть некоторая величавость, но она скорее относится к его внешности и насколько его не портит,— заметила миссис Гардинер.— И я готова сказать вместе с домоправительницей, что, хотя некоторые люди и считают его гордецом, но сама я этого совсем не почувствовала. Особенно меня удивило его гостеприимство. По отношению к нам он был не просто вежливым, но я бы сказала, подчеркнуто внимательным. А ведь для подобного внимания у него не было никакого повода: его знакомство с Элизабет было самым поверхностным.

— Разумеется, Лиззи, он уступает Уикхему,— добавила тетюшка.— Вернее, у него не такое красивое лицо, хотя он совсем недурен. Но почему же ты описала нам его таким чудовищем?

Элизабет оправдывалась, как могла: она говорила, что он понравился ей гораздо больше, когда они встретились в Кенте и что еще никогда он не казался ей таким приятным человеком, каким предстал перед ними в это утро.

— Возможно, он несколько капризен,— заметил мистер Гардинер.— Этим вашим великим людям свойственна такая особенность. А потому я не собираюсь воспользоваться приглашением насчет рыбной ловли. Не то у него переменится настроение, и мне придется убираться во свояси.

Элизабет видела, что они совершенно не разобрались в его характере, но не сказала ни слова.

— Посмотрев на него,— продолжала миссис Гардинер,— я бы никогда не подумала, что он способен с кем-нибудь обойтись так сурово, как с бедным Уикхемом. Он вовсе не кажется злодеем. Напротив, когда он разговаривает, у него вокруг рта видны такие добрые складки. В его внешности чувствуется какое-то достоинство, с которым никак не вяжется представление о жестокости. А как горячо расхваливала его характер почтенная женщина, которая показывала нам замок! Я иногда еле удерживалась от улыбки. Должно быть, он очень щедрый хозяин и в глазах прислуги он, благодаря этому, выглядит добродетельным во всех отношениях.

Элизабет почувствовала необходимость как-то оправдать его обращение с Уикхемом. И, соблюдая предельную осторожность, она объяснила им, что, по полученным от его родных сведениям, отношения Дарси с этим молодым человеком могли быть истолкованы совсем по-другому. Характер первого оказывался при этом не столь испорченным, а второго — не столь безупречным, как им представлялось в Хартфордшире. В подтверждение она изложила подробности всей связывавшей их злосчастной истории, не сказав, от кого она о ней узнала, но заверив, что на достоверность полученных ею сведений можно положиться.

Миссис Гардинер была поражена и опечалена. Но так как в это время они уже въехали в городок, в котором она провела свою юность, ее слишком часто стали отвлекать от их разговора приятные воспоминания. То и дело показывая мужу памятные для нее места, она уже была не в сос-

тоянии думать о чем-нибудь другом. И, несмотря на усталость от утренней прогулки, они сразу после обеда снова покинули гостиницу, чтобы навестить старых друзей, с которыми так приятно было вместе провести вечер после многолетней разлуки.

События дня слишком взволновали Элизабет, чтобы она смогла уделить много внимания новым знакомствам. И на протяжении всего вечера она была поглощена своими мыслями, удивляясь дружескому тону мистера Дарси, а еще больше — его намерению познакомиться с ней свою сестру.

Глава II

Элизабет полагала, что мистер Дарси и его сестра навестят их на следующий день после приезда мисс Дарси. И она решила в первую половину этого дня не отлучаться надолго из гостиницы. Но ее расчет оказался неверным — визит состоялся в то же утро, когда мисс Дарси прибыла в Пемберли. Совершив прогулку по окрестностям вместе со своими новыми друзьями, Гардинеры и Элизабет вернулись в гостиницу, чтобы переодеться и затем пообедать в той же компании, когда их внимание привлек шум экипажа и они увидели в окно мужчину и молодую девушку, приближавшихся в открытой коляске. Элизабет сразу узнала ливреи, сообразила, кто находится в экипаже и повергла дядюшку и тетюшку в немалое изумление известием об ожидаемой ими чести. Гардинеры были в самом деле ошеломлены. А смущенный

вид племянницы, так же, как и сообщенная ею новость, вместе со всеми событиями предыдущего дня, заставили их по-новому взглянуть на все обстоятельства. И хотя прежде подобное предположение не могло бы у них даже возникнуть, в этот момент им стало ясно, что столь большое внимание со стороны таких особ не может объясняться иначе, как склонностью мистера Дарси к Элизабет. Пока эта, только что зародившаяся догадка утверждалась в их сознании, смятение чувств племянницы возрастало все больше и больше. Она сама поражалась своей нервозности. Кроме других поводов для беспокойства, ее особенно тревожило, как бы мистер Дарси под действием своего увлечения не слишком перехвалил ее своей сестре. И, больше, чем обычно, горя желанием встретить гостей возможно приветливее, она вполне справедливо опасалась, что всякая способность оказаться приветливой может на этот раз ей изменить.

Не желая быть замеченной с улицы, она отошла от окна и постаралась успокоиться, прохаживаясь по комнате. Однако несколько брошенных на нее недоумевающих взглядов тетушки и дядюшки привели ее чувства в еще большее расстройство.

Мисс Дарси и ее брат вошли в комнату, и вызвавшее столько страхов знакомство наконец состоялось. Элизабет с изумлением обнаружила, что ее новая подруга смущена несколько не меньше ее самой. За время своего пребывания в Лэмтоне она уже не раз слышала о чрезмерной гордости мисс Дарси. Однако, несколько минут наблюдений убедили Элизабет в том, что эта молодая особа

просто была чрезмерно застенчивой. Элизабет с трудом удавалось заставить ее произнести какое-нибудь слово, кроме едва слышных односложных ответов.

Мисс Дарси была девицей высокого роста, значительно более рослой, чем Элизабет. Несмотря на свои шестнадцать лет, она уже вполне сформировалась и казалась женственной и мягкой. У нее были не такие правильные, как у ее брата, черты лица, но ее внешность и манеры свидетельствовали об уме, доброте и деликатности. Ожидавшая найти в ней такого же пронизательного и неуязвимого наблюдателя человеческих нравов, как мистер Дарси, Элизабет с удовольствием отметила про себя, насколько брат и сестра были непохожи друг на друга.

Прошло короткое время после их появления, когда мистер Дарси сказал, что ее хочет навестить мистер Бингли. И едва она успела выразить по этому поводу свое удовольствие и приготовиться к встрече нового гостя, как на лестнице послышались быстрые шаги, и через минуту он вошел в комнату. Гнев Элизабет против этого человека уже давно прошел. Но если бы в ней и сохранилась хоть малейшая доля этого гнева, она сразу бы исчезла при виде его непритворной радости по поводу их встречи. Бингли очень горячо расспрашивал о здоровье ее родных, никого, правда, не называя по имени. При этом он держался и разговаривал с добродушием и сердечностью, которые отличали его при встречах в Хартфордшире.

У Гардинеров Бингли вызвал не меньший интерес, чем у Элизабет, — им уже давно хотелось

его повидать. И они смотрели на пришедших во все глаза. Недавно возникшее подозрение относительно склонности мистера Дарси к их племяннице, побуждало их к внимательному, хотя и осторожному наблюдению за ними обоими. И это наблюдение вскоре убедило их, что, по крайней мере, у молодого человека сердце задето вполне серьезно. Чувства девицы еще оставляли некоторое сомнение, но восторженное преклонение перед ней ее кавалера было совершенно бесспорным.

Элизабет, в свою очередь, была чрезвычайно занята. Ей нужно было разобраться в мыслях гостей, привести в порядок собственные мысли и постараться быть приятной всем присутствующим. И хотя больше всего она тревожилась о последнем, здесь успех ей был обеспечен особенно надежно благодаря расположению всех, кому она старалась понравиться. Бингли проявил полную готовность, Джорджиана — искреннее желание, а Дарси — самое твердое намерение вынести о ней благоприятное суждение.

При виде Бингли мысли Элизабет, естественно, обратились к Джейн. И она пламенно жаждала узнать, думает ли он о том же самом. Иногда ей казалось, что, по сравнению с прежними временами, он стал менее разговорчивым, и раз или два ей почудилось будто бы он искал некое сходство в ее чертах. Но если все это и могло оставаться лишь плодом ее воображения, то она не могла ошибиться в оценке его отношения к мисс Дарси, которую ей когда-то описали как соперницу Джейн. С обеих сторон она не подметила ни одного взгляда, который бы говорил об их особом

взаимном расположении. Нельзя было заметить ничего, что подтвердило бы надежды мисс Бингли. Вскоре она почувствовала себя совершенно спокойной по этому поводу. А две или три черточки в его поведении, замеченные ею прежде, чем они расстались, подсказали ее склонному к такому выводу воображению, что Бингли вспоминает о ее сестре не без нежности и охотно заговорил бы о ней, если бы у него хватило на это духу. Когда все остальные были увлечены беседой, Бингли с оттенком искреннего сожаления сказал ей о том, какой большой срок прошел с тех пор, как он имел удовольствие с ней встречаться. И прежде, чем она успела ответить, добавил:

— Прошло уже больше восьми месяцев! Ведь мы не виделись с двадцать шестого ноября — с того самого дня, когда мы танцевали в Незерфилде!

Элизабет с радостью отметила про себя, как точно запомнил он эту дату. А немного погодя он улучил момент, чтобы незаметно для других спросить ее — все ли ее сестры находятся в Лонгборне. Ни этот вопрос, ни предыдущее замечание сами по себе не содержали слишком многого, но им придавали значение лицо и манеры говорившего.

Ей редко удавалось взглянуть в сторону мистера Дарси. Но каждый раз, когда она могла бросить на него взор, она видела на его лице самое приветливое выражение. Во всем, что он говорил, ни в малейшей степени не чувствовалось высокомерия или заносчивости по отношению к его собеседникам. Это доказывало, что замеченное ею

вчера улучшение его манер, даже если оно и было кратковременным, по крайней мере сохраняется более одного дня. Наблюдая за тем, как он стремится расположить к себе и заслужить доброе мнение людей, всякое общение с которыми несколько месяцев тому назад он считал бы для себя унижительным, видя, как он любезен не только по отношению к ней самой, но и к той самой ее родне, о которой он говорил с таким откровенным презрением, и вспоминая их резкий разговор в Хансфорде, она отмечала в нем столь значительную, столь бросающуюся в глаза перемену, что чуть ли не высказывала открыто свое изумление. Даже в обществе своих дорогих друзей в Незерфилде или высокопоставленных родственников в Розингсе он еще никогда не был в столь большой степени, как в эту минуту, исполнен желания быть приятным своим собеседникам, не был так свободен от высокомерия и замкнутости. И это при том, что его старания не могли здесь привести ни к каким существенным результатам, а самое знакомство с людьми, которым он сейчас уделял внимание, могло навлечь на него одни только упреки и насмешки со стороны незерфилдских и розингских дам.

Гости побыли у них около получаса. Перед уходом мистер Дарси напомнил сестре, что они собирались пригласить мистера и миссис Гардинер и мисс Беннет на обед в Пемберли, прежде чем они покинут эти места. С некоторой неловкостью, объяснявшей тем, что она еще не привыкла к роли хозяйки дома, мисс Дарси от души поддержала своего брата. Миссис Гардинер взгля-

нула на Элизабет, желая узнать, насколько ее племянница, к которой приглашение главным образом было обращено, готова его принять. Но Элизабет в этот момент смотрела в другую сторону. Такое нарочитое безразличие свидетельствовало скорее о ее смущении, нежели о том, что она хочет уклониться от приглашения. Поэтому, видя, что ее муж, который был в восторге от нового знакомства, охотно бы им воспользовался, она взяла на себя смелость условиться, что они придут в Пемберли послезавтра.

Возможность еще раз встретиться с мисс Беннет, а также подольше побеседовать с ней о хартфордширских друзьях была принята Бингли с большой радостью. В представлении довольной этим Элизабет это означало, что он надеется поговорить с ней о Джейн. Последнее обстоятельство, как и некоторые другие, позволило ей после ухода гостей считать, что она провела истекшие полчаса не так уж плохо, хотя в их присутствии она едва ли испытывала удовольствие. Стремясь остаться одна и опасаясь расспросов и намеков со стороны дядюшки и тетушки, она пробыла с ними ровно столько, сколько нужно было, чтобы выслушать их доброжелательный отзыв о мистере Бингли, и затем убежала переодеваться.

Однако любопытство Гардинеров ей вовсе не угрожало. В их намерения не входило принуждать ее к откровенности. Было ясно, что их племянница гораздо ближе знакома с мистером Дарси, чем они могли предполагать. Нельзя было сомневаться в том, что он в нее серьезно влюблен.

Но чем больше им хотелось узнать, тем меньше видели они оправданий для расспросов.

О мистере Дарси следовало теперь думать благоприятно. И в той мере, в какой позволяло их знакомство, они в самом деле не замечали за ним никаких недостатков. Их не могла не тронуть его любезность. И если бы, оценивая его характер, они могли, не считаясь с прочими мнениями, основываться только на собственных чувствах или на отзыве его домоправительницы, то в составленном ими образе хартфордширское общество едва ли смогло бы узнать своего прежнего знакомого. Им хотелось верить миссис Рейнолдс. И они легко пришли к заключению, что свидетельство домоправительницы, знавшей своего патрона с четырехлетнего возраста и внушавшей достаточно доверие, никак не может быть отвергнуто с излишней поспешностью. Сведения, которыми располагали их лэнтонские друзья, ничем существенным этого свидетельства не опровергали. Мистера Дарси могли упрекнуть только в гордости. Возможно, что гордость и в самом деле была ему свойственна. Но даже если бы это было не так, жители небольшого городка, в котором владелец поместья не имел близких друзей, вполне могли приписать ему этот недостаток. Вместе с тем его характеризовали как человека щедрого, оказывающего широкую помощь нуждающимся.

Что касается Уикхема, то путешественникам вскоре удалось выяснить, что он пользовался здесь незавидной репутацией. И если истинную причину разлада Уикхема с сыном его покровителя истолковывали вкривь и вкось, то все же бы-

ло доподлинно известно, что, покидая Дербишир, молодой человек оставил уйму долгов, которые позже были уплачены мистером Дарси.

Что касается Элизабет, то в этот вечер ее мысли были еще больше сосредоточены на Пемберли, чем в предыдущий. И хотя вечер тянулся, как ей казалось, весьма медленно, его все же не хватило на то, чтобы она смогла определить свое отношение к одному из обитателей поместья. Более двух часов Элизабет была не в состоянии заснуть, стараясь привести свои мысли в порядок. Она явно не относилась к нему с ненавистью. Нет, ненависть исчезла несколько месяцев тому назад. И почти столько же времени она стыдилась себя самой за то, что когда-то испытывала по отношению к нему предубеждение, которое она принимала за ненависть. Невольно возникшее уважение к Дарси, вызванное признанием его положительных качеств, больше не противоречило ее чувствам. И оно приобрело более теплый оттенок благодаря его поведению в эти два дня, представившему его характер в еще более выгодном свете. Но сильнее всего, сильнее уважения и одобрения, в пользу Дарси в ее душе говорило еще одно чувство, которым нельзя было пренебречь. Это была благодарность. Благодарность не только за его прежнюю привязанность, но и за то, что он еще продолжал так сильно ее любить, простив ей злобные и несправедливые обвинения, которые она высказала, отвечая отказом на его предложение. Дарси, который, как ей казалось, должен был отвернуться от нее, как от злейшего врага, постарался при этой случайной встрече сделать

все возможное, чтобы сохранить их знакомство. Не позволяя себе обнаружить свою привязанность и избегая экстравагантных поступков, он стремился заслужить доброе мнение о себе ее родных и сблизить ее со своей сестрой. Подобная перемена в столь гордом человеке вызывала не только удивление, но и чувство признательности, ибо она могла объясняться только любовью, горячей любовью. И эта любовь больше не раздражала Элизабет, производя на нее впечатление странное, но во всяком случае не неприятное. Она уважала и ценила этого человека, была ему благодарна, искренно желала ему счастья. И ей было важно понять, хочет ли она, чтобы его судьба оказалась связанной с ее собственной и будет ли способствовать их общему счастью, если она использует имеющуюся у нее, как ей подсказывала интуиция, власть, для того, чтобы заставить его вновь просить ее руки.

Между теткой и племянницей в тот же вечер было условлено, что исключительное внимание, которое оказала им мисс Дарси, навестив их в самое утро своего приезда в Пемберли, заслуживает наибольшей, если не равной, ответной любезности. Было решено поэтому нанести ей визит в первой половине следующего дня. Итак, им предстояло туда поехать. И Элизабет была этим довольна, хотя едва ли смогла сказать, чему же, собственно говоря, она радуется.

Мистер Гардинер покинул их вскоре после завтрака. Повторенное накануне приглашение на рыбную ловлю требовало, чтобы он встретился с некоторыми людьми, ожидавшими его в Пемберли.

Глава III

Хорошо зная, что неприязнь к ней мисс Бингли вызвана ревностью, Элизабет отлично понимала, что этой особе будет в высшей степени неприятно ее появление в Пемберли. Было поэтому любопытно узнать, сможет ли она вести себя достаточно учтиво при возобновлении их знакомства.

По прибытии они были проведены в гостиную с окнами, выходящими на север, в которой было приятно провести время в жаркие летние часы. Из окон открывался живописный вид на возвышавшиеся невдалеке лесистые холмы, а также прилегавшую к дому зеленую лужайку, на которой росли великолепные дубы и испанские каштаны.

В этой комнате они были приняты мисс Дарси, находившейся там в обществе миссис Хёрст, мисс Бингли и дамы, вместе с которой она жила в Лондоне. Джорджиана встретила их очень любезно. Однако вследствие ее робости и боязни сделать неверный шаг, в поведении Джорджианы чувствовалась какая-то скованность, которую люди, смотревшие на нее снизу вверх, легко могли приписать замкнутости и гордости. Но миссис Гардинер и ее племянница поняли ее состояние и пожалели ее.

Миссис Хёрст и мисс Бингли приветствовали их только легкими поклонами. Когда все уселись, воцарилось обычное в таких случаях молчание. Его нарушила миссис Энсли, обходительная, приятного вида женщина, которая своей попыт-

кой завязать беседу доказала, что она была воспитана лучше остальных дам. В разговоре между нею и миссис Гардинер изредка участвовала и Элизабет. А выражение лица мисс Дарси свидетельствовало, что ей бы очень хотелось собраться с духом и тоже к нему присоединиться. И в минуты, когда она меньше всего боялась, что ее кто-нибудь услышит, она и в самом деле вставляла короткие фразы.

Элизабет вскоре заметила, что мисс Бингли пристально за ней наблюдает, особенно следя за каждым ее словом, обращенным к мисс Дарси. Несмотря на это, она все же попыталась бы побеседовать с Джорджианой, если бы сидела к ней поближе. Однако, будучи поглощена собственными мыслями, она была довольна тем, что ей не приходится много разговаривать. С каждой минутой можно было ждать появления мужчин. Ей хотелось и вместе с тем не хотелось, чтобы в их числе оказался хозяин дома, причем она едва ли смогла бы определить, какое из этих двух желаний было сильнее. После того, как они просидели таким образом около пятнадцати минут, в течение которых Элизабет ни разу не слышала голоса мисс Бингли, последняя прервала ее размышления, осведомившись у нее о здоровье ее родных. Элизабет ответила столь же кратко и сдержанно, и мисс Бингли замолчала.

Некоторое разнообразие внесло появление слуги с холодным мясом, печеньем и всевозможными превосходнейшими фруктами, свойственными времени года. Случилось это, правда, после того, как миссис Энсли сумела многозначитель-

ными взглядами и улыбками напомнить молодой хозяйке о ее обязанностях. Теперь для компании нашлось общее занятие, ибо, если не все могли между собой разговаривать, то зато есть был способен каждый. И восхитительные горки персиков, винограда и слив вскоре привлекли всех к столу.

Подобное времяпровождение дало Элизабет полную возможность понять, хочется ли ей, чтобы к их обществу присоединился мистер Дарси. И за минуту до его появления ей казалось, что она решила этот вопрос утвердительно. Тем не менее, когда он вошел, она сразу стала об этом жалеть.

Мистер Дарси провел некоторое время в обществе мистера Гардинера, который вместе с двумя-тремя здешними жителями был занят рыбной ловлей. Услышав от него, что его жена и племянница хотели нанести утренний визит Джорджиане, Дарси поспешил домой. Как только он появился, Элизабет вполне здраво рассудила, что ей следует держаться при нем свободно и непринужденно. Учитывая вызванное ими всеобщее подозрение и неусыпный надзор за каждым его шагом, решение это было безусловно правильным, хоть и не легко выполнимым. Но ничье любопытство не обнаруживалось так явно, как любопытство, написанное на лице мисс Бингли, хоть оно и расплывалось в улыбку каждый раз, когда она разговаривала с Дарси или Элизабет. Ибо ревность не лишила ее надежд и она ничуть не ослабила своего внимания к владельцу Пемберли. Мисс Дарси после его прихода старалась вступать в бесе-

ду несколько чаще, и Элизабет заметила явное стремление ее брата поближе познакомиться ее с Джорджианой и содействовать их попыткам завязать разговор. Это не ускользнуло и от внимания мисс Бингли, которая, со свойственной раздраженному человеку неосторожностью, воспользовались первым же случаем, чтобы спросить ее насмешливо-любезным тоном:

— Кстати, мисс Элайза, правда ли, что ***ширский полк в самом деле покинул Меритон? Для вашей семьи это было наверно подлинным бедствием!

В присутствии Дарси она не смела произнести фамилию Уикхема. Но Элизабет сразу поняла, что она намекала на него, и разнообразные воспоминания, связанные с этим именем, причинили ей некоторую досаду. Готовая дать отпор этому злостному выпадку, она тем не менее ответила на вопрос с достаточным безразличием. Невольно брошенный ею при этом взгляд позволил ей заметить, с каким вниманием посмотрел на нее покрасневший мистер Дарси и в каком смущении находилась не смеявшая поднять глаза Джорджиана. Если бы мисс Бингли знала, какую боль она причиняет этим намеком своей любимой подруге, она безусловно остереглась бы его высказать. Но она хотела только расстроить Элизабет, намекнув ей о человеке, к которому она, по ее мнению, была равнодушна. Рассчитывая вывести гостью из равновесия и напомним о связанных с этим полком легкомысленном и глупом поведении ее родных, она надеялась повредить Элизабет в глазах Дарси. О готовившемся побеге

мисс Дарси она не имела никакого понятия — об этом не знал никто, кроме Элизабет. От всей родни Бингли это происшествие скрывалось особенно тщательно из-за тех самых намерений мистера Дарси, которые заподозрила у него Элизабет и при осуществлении которых родня Бингли могла стать родней Джорджианы. У него в самом деле когда-то существовал подобный план и, не объясняя этим планом стремление разлучить Бингли и Джейн, можно было допустить, что оно усилило его живой интерес к благополучию друга.

Спокойствие Элизабет рассеяло его тревогу. И, так как раздосадованная и разочарованная мисс Бингли не посмела напомнить о Уикхеме более прямым образом, Джорджиана со временем также пришла в себя, хотя и не настолько, чтобы снова принять участие в беседе. Мистер Дарси, с которым она боялась встретиться взглядом, едва ли заметил ее волнение, а повод, который должен был его оттолкнуть от Элизабет, по-видимому, напротив, заставил его думать о ней еще более благосклонно.

Вскоре после неудачного вопроса мисс Бингли гости уехали. И, пока мистер Дарси провожал их до экипажа, Кэролайн изливала свои чувства, обсуждая внешность, поведение и платье Элизабет Беннет. Джорджиана, однако, не стала ее в этом поддерживать. Рекомендации брата было достаточно, чтобы обеспечить любому человеку ее расположение. Его суждение не могло быть ошибочным, а он отзывался об Элизабет с такой теплотой, что Джорджиана не могла не находить

ее красивой и милой. Когда он вернулся в гостиную, мисс Бингли не удержалась от того, чтобы не повторить некоторые свои замечания по адресу Элизабет, которые она только что высказывала его сестре.

— Как плохо выглядела сегодня Элайза Беннет,— не правда ли, мистер Дарси?— воскликнула Каролайн.— Я в жизни не видела, чтобы кто-нибудь так изменился за полгода! Она ужасно погрубела и почернела! Мы с Луизой уверены, что попадись она где-нибудь нам на дороге, мы бы ее просто не узнали!

Как бы эти рассуждения ни были неприятны мистеру Дарси, он ограничился сдержанным ответом, сказав, что не заметил в Элизабет никаких изменений, кроме загара — естественного следствия путешествия в летнюю пору.

— Что касается меня,— добавила мисс Бингли,— то признаюсь, я никогда не замечала в ней ничего привлекательного. Лицо у нее — слишком худое, кожа на лице — какая-то темная, а все черты — самые невзрачные. Ну что можно сказать про ее нос? Ведь он у нее совершенно бесформенный. Правда, у нее неплохие зубы, но тоже — самые обыкновенные. А что касается ее глаз, которые кто-то однажды называл даже очаровательными, то я никогда не находила в них ничего особенного. Их острый пронзительный взгляд вызывает у меня отвращение. А во всем ее облике столько плебейской самоуверенности, которая кажется мне совершенно нестерпимой.

Так как мисс Бингли знала, что Элизабет нравится мистеру Дарси, она могла бы сообразить,

что высказывания подобного рода едва ли откроют для нее кратчайший путь к его сердцу. Но рассерженные люди не всегда руководствуются здравым смыслом. И выражение досады на его лице было единственным следствием ее маневров. Тем не менее Дарси хранил молчание. Стремясь заставить его заговорить, она продолжала:

— Помнится, когда мы впервые встретились с ней в Хартфордшире, нас всех крайне удивило, что она прослыла красавицей. Мне особенно врезались в память слова, сказанные вами после того, как Беннеты обедали у нас в Незерфилде: «Это она-то красавица? Я бы скорее назвал ее мамашу душой общества!» Впоследствии, правда, ей кажется удалось снискать ваше расположение, и одно время вы будто бы находили ее хорошенькой.

— О, да,— выходя из себя, ответил Дарси.— Это было в самом начале нашего знакомства. Но прошло много месяцев с тех пор, как я стал видеть в ней одну из самых прелестных женщин, которых мне приходилось встречать.

С этими словами он вышел, предоставив мисс Бингли удовлетвориться вырванным признанием, которое ранило только ее одну.

На обратном пути миссис Гардинер и Элизабет обсудили все подробности визита, не коснувшись только того, что интересовало обеих на самом деле. Они обсудили внешность и поведение всех присутствовавших кроме человека, который больше всего привлекал их внимание, беседовали о его сестре, его друзьях, его доме, его угощении — обо всем, кроме него самого. А между тем Элиза-

бет очень бы хотелось услышать мнение своей тетки о мистере Дарси, а та была бы крайне обрадована, если бы ее племянница решилась о нем заговорить.

Глава IV

Элизабет была сильно разочарована, не найдя по приезде в Лэмтон письма от Джейн. Это разочарование повторилось на второй и третий день их пребывания в этом городке. Но на утро четвертого дня ее огорчениям пришел конец, и доброе имя ее сестры было восстановлено. Для Элизабет одновременно пришли два письма, из которых одно имело штемпель, свидетельствовавший, что его послали по неверному адресу. Это не слишком ее удивило, так как почерк Джейн на конверте был чрезвычайно неразборчив.

Письма были получены как раз тогда, когда Гардинеры звали ее отправиться с ними на прогулку. Теперь они решили пойти вдвоем, предоставив ей возможность насладиться чтением в одиночестве. Прежде всего следовало прочесть заблудившееся письмо, отправленное еще пять дней тому назад. Начало его состояло из обычных сведений о визитах, небольших вечеринках и тому подобных новостях провинциальной жизни. Вторая половина, датированная следующим днем, касалась значительно более важного события и была написана с явной поспешностью. В ней заключалось следующее сообщение:

«Начало этого письма уже было написано, дорогая Лиззи, когда случилось неожиданное и очень серьезное происшествие. Но мне не хотелось бы тебя пугать,— пожалуйста, не волнуйся,— мы все здоровы. Новость, которую я должна тебе сообщить, касается бедной Лидии. Письмо с нарочным, прибывшим из Лондона от полковника Форстера вчера в полночь, когда все мы уже укладывались спать, известило нас, что Лидия уехала в Шотландию вместе с одним из офицеров — короче говоря, с Уикхемом! Представь себе наше изумление. Впрочем, для Китти эта новость не была столь неожиданной. Я очень, очень огорчена. Такой неблагоприятный брак для обоих! Но я надеюсь на лучшее — быть может, об этом молодом человеке судят неправильно. В его безрассудство и легкомыслие я готова поверить. Но этот его шаг (и нам следует этому радоваться!) совсем не порочит его сердца. По крайней мере, в его выборе нет расчета — ведь он же знает, что отец не сможет дать за ней ровно ничего. Бедная мама просто в отчаянии. Папа держится несколько лучше. Как хорошо мы сделали, скрыв от них то, что нам про него рассказывали! Мы и сами должны об этом теперь забыть. Предполагается, что они выехали в ночь на субботу около полуночи, но их отсутствие заметили только вчера в восемь часов утра. Нарочный был послан немедленно. Лиззи, дорогая, они должны

были проехать всего в десяти милях от нашего дома! Судя по письму, мы надеемся, что полковник Форстер скоро будет здесь. Лидия оставила несколько строк его жене, сообщив ей об их намерении. Больше писать не могу — бедная мама не в состоянии долго оставаться одна. Боюсь, что тебе трудно будет во всем разобраться — я даже сама не знаю, что написала».

Не оставляя времени для размышлений и едва отдавая себе отчет в своих чувствах Элизабет, закончив это письмо, сразу схватила второе, и, распечатав его с крайним нетерпением, прочла следующие строки (письмо было написано на другой день после предыдущего):

«К этому моменту, дорогая сестра, ты уже должна была получить мое написанное наспех вчерашнее сообщение. Хотелось бы, чтобы новое письмо оказалось более вразумительным. Но, хотя сейчас я уже не столь стеснена во времени, в моей голове такой сумбур, что я не могу быть уверена, все ли в нем будет понятно. Лиззи, миленькая, я даже не знаю, как мне об этом тебе написать, но у меня для тебя плохие вести, и я должна сообщить их тебе как можно скорее. Как бы ни был неразумен брак между мистером Уикхемом и нашей бедной Лидией, мы теперь больше всего хотели бы убедиться в том, что они в самом деле обвенчались. Ибо имеется слишком много оц-

нований опасаться, что они вовсе не уехали в Шотландию. Вчера к нам прибыл полковник Форстер, который покинул Брайтон накануне, через несколько часов после отъезда нарочного. Из короткого письма Лидии к миссис Ф., казалось бы, следовало, что они отправились в Гретна-Грин³. Однако мистер Денни выразил кому-то свое убеждение, что У. совсем туда не собирался и вообще не думал жениться на Лидии. Это передали полковнику Ф., который, тут же подняв тревогу, помчался из Б. с тем, чтобы разузнать, каким путем они ехали. Он легко проследил их путь до Клэпхема⁴, но дальше след потерялся, так как, прибыв туда, они сошли с почтовой кареты, везшей их от Эпсома⁵, и наняли извозчика. Дальше известно только, что они продолжали свой путь по лондонской дороге. Просто не знаю, что и подумать. Наведя всевозможные справки по эту сторону Лондона, полковник Ф. прибыл в Хартфордшир, настойчиво продолжая поиски у каждого шлагбаума и в гостиницах Барнета и Хэтфилда⁶, но так ничего и не добился,— беглецов, которых он разыскивал, никто не видел. Глубоко опечаленный, он прибыл в Лонгборн и поделился с нами своими опасениями. Это делает честь его сердцу. Мне так искренно жаль его и миссис Ф., но их решительно не в чем упрекнуть. Мы все, дорогая Лиззи, в очень большом расстройстве. Мама и папа боятся самого худшего, но я не могу подумать об У.

так плохо. У них могло быть множество причин для того, чтобы предпочесть тайное венчание в Лондоне первоначальному плану. И даже если допустить, что подобный замысел в отношении девушки из порядочной семьи мог возникнуть у молодого человека, то можно ли думать, чтобы она сама потеряла голову в такой степени? — Просто невероятно! К моему огорчению, полковник Ф. не очень расположен верить в то, что они обвенчались. Когда я поделилась с ним своими надеждами, он покачал головой и высказал сомнение в том, что У. является человеком, на которого можно положиться. Бедная мама теперь в самом деле больна и не выходит из комнаты. Ей стало бы легче, если бы она взяла себя в руки, но этого трудно ожидать. Что касается папы, то мне еще не приходилось видеть его таким удрученным. На бедную Китти сердятся за то, что она скрывала привязанность Лидии. Но поскольку ей сообщили об этом доверительно, могла ли она поступить по-другому? Я искренне рада, дорогая Лиззи, что тебе не пришлось присутствовать при этих ужасных сценах. Но сейчас, когда первое потрясение уже прошло, должна ли я признаться в том, насколько я жажду твоего возвращения? Однако, я не настолько эгоистична, чтобы настаивать, если это окажется затруднительным. Adieu. Я снова взялась за перо, чтобы обратиться с просьбой, от которой двумя стро-

ками выше обещала воздержаться. Но обстоятельства таковы, что я вынуждена умолять вас всех приехать как можно скорее. Я настолько хорошо знаю наших дорогих дядю и тетю, чтобы не бояться сказать им об этом, хотя к дяде у меня есть и особая просьба. Папа сию минуту уезжает с полковником Форстером в Лондон, с тем, чтобы попытаться там найти Лидию. Каким образом он собирается это сделать, мне решительно неизвестно. Но его угнетенное душевное состояние не позволит ему предпринять какие-либо действия лучшим и наиболее осторожным образом, а полковник Форстер обязан завтра вечером вернуться в Брайтон. В таком крайнем положении дядины совет и помощь могли бы оказаться спасительными. Он сразу поймет мои переживания, и я полагаюсь на его отзывчивость».

— Но, где же, где же найти мне дядю?! — вскочив с места, воскликнула Элизабет, как только дочитала письмо.

Ей хотелось немедленно, не теряя драгоценных минут, броситься к мистеру Гардинеру. Но когда она добежала до порога, дверь распахнулась и слуга пропустил в комнату мистера Дарси. Увидев, как она побледнела и как стремительно кинулась ему навстречу, он сперва растерялся. И, прежде чем он собрался с мыслями, чтобы что-то сказать, Элизабет, в сознании которой решительно все было заслонено судьбой Лидии, поспешно проговорила:

— Извините меня, но я выпущдена вас покинуть. Мне надо сейчас же найти мистера Гардинера по неотложному делу. Нельзя терять ни секунды.

— Боже мой, что случилось? — вскричал он скорее участливо, нежели вежливо. Однако, тут же взяв себя в руки, добавил: — Конечно, я не хочу вас задерживать. Но разрешите отыскать мистера и миссис Гардинер мне или кому-нибудь из слуг. Вам сейчас будет дурно и вы не в состоянии сами пойти на его поиски.

Элизабет хотела было настоять на своем, но, почувствовав слабость в ногах, поняла, что едва ли способна сама догнать Гардинеров. Поэтому, снова вызвав слугу, она попросила его, задыхаясь так, что ее почти невозможно было понять, чтобы он тотчас привел хозяина и хозяйку в гостиницу.

Когда слуга вышел, Элизабет, чувствуя, что она больше не в силах держаться на ногах, опустилась в кресло с таким болезненным видом, что Дарси счел невозможным ее покинуть и не смог удержаться от выражения сочувствия и заботы:

— Вы позволите мне позвать служанку? Не следует ли вам принять чего-нибудь подкрепляющего? стакан вина, например,— может быть, я могу вам его налить? Вам очень нездоровится!

— Нет, нет, благодарю вас,— ответила она, стараясь успокоить свое волнение.— Со мной ничего не случилось. Я совершенно здорова. Меня лишь расстроило только что полученное ужасное известие из Лонгборна.

При этом она разразилась рыданиями в течение нескольких минут была не в силах что-нибудь сказать. Дарси в растерянности смог только пробормотать что-то невразумительное о том, насколько он ей сочувствует, и затем стал с сожалением смотреть на нее молча. В конце концов она снова заговорила:

— Я только что получила письмо от Джейн с ужаснейшей новостью. Она станет известна всем. Моя младшая сестра покинула друзей — сбежала — оказалась во власти мистера ... мистера Уикхема. Они вместе уехали из Брайтона. Вы слишком хорошо знаете этого человека, чтобы усомниться в том, чем это должно кончиться. У нее нет ни денег, ни связей, — ровно ничего, чем бы она могла его удержать, — она навсегда погибла.

Дарси оцепенел от изумления.

— Мне страшно подумать, — продолжала она еще более взволнованным голосом, — что все это я могла предотвратить! Я, которая так хорошо знала, что он собой представляет. Достаточно было рассказать моим близким совсем немного из того, что мне стало известно! Этого бы не случилось, если бы они знали его характер. Теперь уже ничего, ничего нельзя поделать!

— Я опечален этим до глубины души! — воскликнул Дарси. — Удручен и потрясен. Но уверены ли вы, что все произошло именно так, как вы рассказываете? Достоверно ли это известие?

— Увы, да! Они выехали вдвоем из Брайтона в ночь под воскресенье. Их путь удалось просле-

дить почти до самого Лондона. Дальше он затерялся. То, что они не поехали в Шотландию, — совершенно очевидно.

— Что-нибудь сделано, предпринята ли какая-нибудь попытка, чтобы выручить ее из беды?

— Отец выехал в Лондон и Джейн просит в своем письме, чтобы дядя поскорее поспешил ему на помощь. Через полчаса мы, наверно, будем в пути. Но сделать ничего невозможно. Я хорошо понимаю, что теперь уже ничего не поправишь. Разве на такого человека можно воздействовать? Каким образом удастся их хотя бы найти? Я не питаю ни малейшей надежды. Все это совершенно ужасно!

Дарси молча покачал головой.

— А ведь я знала, что он за человек! О, если бы я поняла раньше, что мне следовало, нет, что я была обязана предпринять! Но мне это было невдомек. Я боялась зайти слишком далеко. Какая страшная, непоправимая ошибка!

Дарси ничего не ответил. Возможно, что, прохаживаясь по комнате и погруженный в печальные размышления, он даже не слышал ее слов. На его лбу прорезались глубокие морщины, он был мрачен. Элизабет вскоре обратила на него внимание и сейчас же все поняла. Власть ее над ним кончилась. Все должно было кончиться при таком семейном позоре, при столь явном свидетельстве глубочайшего бесчестия. Ей нечему было удивляться, не в чем его упрекнуть. Но мысль о том, что ему удалось преодолеть свое чувство, ничуть не облегчила ее душевной муки, не рассеяла ее горя. Напротив, она как будто явилась тем

толчком, который был необходим, чтобы раскрыть ей глаза на собственное сердце. И еще никогда она не сознавала с такой отчетливостью, насколько сильно она могла бы его полюбить, как именно сейчас, в тот самый момент, когда ни о какой любви между ними больше не могло быть и речи.

И все же, хотя мысли о себе самой и промелькнули в ее сознании, они не могли завладеть им надолго. Унижение, горе, которые всем причинила Лидия, быстро оттеснили все другие переживания. Уткнувшись лицом в платок, Элизабет вскоре забыла обо всем остальном. И только после нескольких минут молчания она вновь стала воспринимать окружающее, прислушавшись к голосу своего собеседника, в словах которого одновременно с сочувствием слышалась некоторая неловкость.

— Вы, должно быть, давно ждете моего ухода. Мне нечем оправдать свою медлительность, кроме искреннего, хотя и тщетного сочувствия, которое меня охватило. Если бы небу было угодно дать мне возможность что-то сделать или высказать для смягчения вашего горя! Но я не смею надоедать вам пустыми пожеланиями, как бы рассчитанными на то, чтобы заслужить вашу благодарность... Боюсь, что это печальное событие лишит мою сестру удовольствия видеть вас сегодня в Пемберли.

— О да! Будьте добры извиниться за нас перед мисс Дарси. Скажите ей, что срочные дела потребовали нашего немедленного возвращения. Скрывайте от нее ужасную правду до тех пор,

пока это будет возможно. Я понимаю, что это продлится недолго.

Он с готовностью обещал сохранить в тайне все, что ему стало известно, еще раз выразил свое соболезнование по поводу постигшего ее горя, выразил надежду на то, что все кончится менее печально, чем можно было пока ожидать, и, передав привет ее родным, удалился, бросив на нее пристальный прощальный взгляд.

Когда он вышел, Элизабет почувствовала, насколько невероятно было, что они когда-нибудь снова встретятся с той сердечностью, которая отличала их встречи в Дербишире. И, оглядываясь назад на все их знакомство, столь полное перемен и противоречий, она задумалась над изменчивостью желаний, которые сейчас были устремлены на его сохранение, а еще недавно — на то, чтобы как можно быстрее с ним покончить.

Можно согласиться, что уважение и признательность являются подходящей основой для сердечной привязанности. В этом случае перемена чувств Элизабет не должна казаться невероятной или фальшивой. Но можно, напротив, склонность, возникающую на такой основе, считать необъяснимой или неестественной, в отличие от увлечения, которое якобы так часто рождается с первого взгляда, еще до первых слов, сказанных друг другу будущими влюбленными. При этом в защиту перемены чувств Элизабет нельзя сказать ничего, кроме того, что Элизабет уже приобрела раньше небольшой опыт романтической привязанности, когда увлеклась Уикхемом, и что бесславный конец этой привязанности мог подсказать ей

другой, менее трогательный путь поисков друга сердца. Как бы то ни было, разлука с Дарси навела ее на грустные размышления. И когда ей пришло в голову, что эта разлука является одним из первых печальных последствий, вызванных позором ее сестры, боль в ее душе, вызванная поступком Лидии, сделалась еще более острой. После того, как она прочла второе письмо Джейн, она ни на миг не допускала мысли, что Уикхем может жениться на Лидии. Никто, кроме Джейн, не стал бы, по ее мнению, утешать себя подобной надеждой. Ход событий представлялся ей достаточно ясным. До тех пор, пока она знала содержание только первого письма, она была крайне изумлена тем, что Уикхем вздумал жениться на девушке, за которой он не мог получить ни гроша. Ей казалось просто непостижимым, каким образом Лидии удалось привязать к себе этого человека. Но теперь все становилось на свои места. Для приключения подобного рода она была достаточно привлекательной. И хотя Элизабет не предполагала, что ее сестра сознательно решилась на побег, не имея в виду замужества, ей не трудно было поверить, что ни добродетель, ни здравый смысл не помешают Лидии стать легкой жертвой своего соблазнителя.

Пока полк стоял в Хартфордшире, Элизабет никогда не замечала, чтобы Лидия проявляла к Уикхему особую склонность. Но она отлично знала, что сестре достаточно самого небольшого поощрения, чтобы броситься на шею кому угодно. Ее избранниками бывали то один, то другой офицер, по мере того, как оказанное ей каждым из

них внимание поднимало его в ее глазах. Привязанности ее непрерывно менялись, но сердце никогда не оставалось свободным. И эта девчонка пользовалась доверием и была лишена необходимого присмотра! О, как болезненно отзывалась теперь эта мысль в ее душе!

Она жаждала скорее вернуться домой, чтобы самой все слышать и видеть, во всем принимать участие и разделить с Джейн все заботы, обрушившиеся теперь в их расстроенном доме на нее одну, так как мистер Беннет отсутствовал, а мать была неспособна вести хозяйство и сама нуждалась в постоянном уходе. Уверенная, что для Лидии ничего уже больше нельзя сделать, она все же придавала огромное значение вмешательству мистера Гардинера. Поэтому до тех пор, пока он не вошел в комнату, она жестоко страдала от нетерпения. Мистер и миссис Гардинер поспешно вернулись, встревоженные сообщением слуги о внезапной болезни племянницы. Заверив их в том, что она чувствует себя вполне здоровой, Элизабет тотчас же сообщила им причину поднятой ею тревоги, прочитав оба письма вслух и с особым волнением подчеркнув приписку в конце второго письма. Хотя Лидия никогда не была любимицей Гардинеров, их не могло не опечалить полученное известие. Событие наносило ущерб не только ей одной, но решительно всей семье. Поэтому после первых возгласов удивления и негодования, мистер Гардинер выразил полную готовность оказать посильную помощь. И хотя Элизабет и не ожидала от него другого ответа, она все же поблагодарила его со слезами на глазах. Охвачен-

ные единым порывом, они тотчас же условились обо всем, что касалось путешествия. Отъезд должен был состояться как можно скорее.

— Но что же нам делать с Пемберли! — воскликнула миссис Гардинер. — Джон сказал нам, что мистер Дарси был здесь, когда ты послала его за нами. Это правда?

— Да. И я предупредила его, что мы не в состоянии к ним приехать. Об этом можно не беспокоиться.

— Можно не беспокоиться? — повторила миссис Гардинер, когда Элизабет убежала собирать вещи к себе в комнату. — Неужели отношения между ними позволили ей все ему рассказать? Как бы мне хотелось узнать правду!

Но желание это было несбыточным. Оно в лучшем случае могло занять ее ум на протяжении часа поспешных сборов и суматохи с отъездом. Если бы Элизабет была ничем не занята, она из-за полученного потрясения несомненно оказалась бы не способной ни к какому усилию. Но ей, так же, как и ее тетке, нужно было еще покончить с множеством всяких дел и в том числе написать друзьям в Лэмтоне, сообщив им выдуманную причину внезапного отъезда. Тем не менее уже через час все было готово. Мистер Гардинер тем временем заплатил по счету в гостинице, и они могли отправляться. После всех огорчений, пережитых в это утро, и даже через более короткий промежуток времени, чем она могла заранее предположить, Элизабет, наконец, сидела в экипаже, мчавшемся по дороге в Лонгборн.

Глава V

— Я все хорошо снова обдумал,— обратился к Элизабет мистер Гардинер, когда они выехали из городка, и, рассудив как следует, пожалуй, готов согласиться с Джейн. Мне кажется совершенно неправдоподобным, чтобы офицер мог позволить себе столь гнусный поступок в отношении девушки, отнюдь не беззащитной и одинокой, гостившей к тому же в семье его полкового командира. Поэтому я склонен надеяться на лучшее. Не мог же Уикхем полагать, что за нее не вступятся ее друзья? И мог ли он надеяться остаться в полку после того, как нанес такое оскорбление полковнику Форстеру? Соблазн был явно несоразмерен с риском.

— Вам в самом деле так кажется? — с проблеском надежды спросила Элизабет.

— Честное слово,— сказала миссис Гардинер,— я тоже начинаю склоняться к такому мнению. Слишком это противоречило бы порядочности, чувству чести и его собственной выгоде, чтобы считать Уикхема виновным в подобном поступке. Я не могу о нем думать так ужасно. И неужели, Лиззи, он настолько упал в твоих глазах, что сама ты считаешь его на это способным?

— Что касается пренебрежения собственной выгодой — пожалуй, нет. Но всем другим он, по моему, вполне может пренебречь. Хотелось бы, конечно, чтобы вы были правы! Но, увы, я не смею на это надеяться. В противном случае как объяснить то, что они не поехали в Шотландию?

— Прежде всего,— ответил мистер Гарднер,— еще не доказано, что они туда не поехали.

— Да, но их пересадка с почтовой кареты на извозчика кажется весьма подозрительной. К тому же они не оставили никаких следов на барнетской дороге.

— Ну что ж, будем считать, что они в Лондоне. Помимо других причин, они могли захватить туда хотя бы ради того, чтобы избавиться от преследования. У них, должно быть, не слишком много денег. Поэтому разве они не могли подумать о возможности более дешевого, хотя и не столь эффектного венчания в городе?

— Но тогда зачем же такая скрытность? Почему они боятся, что их найдут? Для чего тайное венчание? Нет, нет, мне в это не верится. Его ближайший приятель, судя по письму Джейн, убежден, что он даже не собирался на ней жениться. Уикхем не жепится на бесприданнице. Он не может себе позволить такой роскоши. И что мог он найти в Лидии? Чем она прельстила его, кроме молодости, здоровья и веселого нрава, чтобы он пожертвовал ради нее возможностью поправить с помощью женитьбы свои дела? Мне трудно судить, насколько его должна была сдерживать боязнь опозорить военный мундир, ибо я не знаю, к каким это приводит последствиям. Но что касается вашего второго довода, то он не кажется мне убедительным. У Лидии нет братьев, которые могли бы за нее заступиться. А поведение мистера Беннета, его равнодушие и невнимание к делам семьи вполне позволяло Уикхему считать, что с его стороны следует ожи-

дать наименьшего вмешательства, какое только возможно в подобном случае.

— Но разве, по-твоему, Лидия могла забыть все, кроме своего увлечения, и согласиться жить вместе с ним, даже не став его законной женой?

— Можно подозревать, — и это ужаснее всего, — ответила Элизабет с глазами, полными слез, — что взгляды сестры на мораль и на добродетель отличаются от общепринятых. Мне трудно выразить свою мысль. Может быть я к ней несправедлива. Но она еще очень молода. Ее никогда не учили думать о серьезных вещах. А за последние полгода, — нет, уже целый год, — она не занята ничем, кроме суеты и развлечений. Ей разрешалось тратить время праздным и легкомысленным образом и усваивать любые вздорные идеи, какие только она могла где-нибудь подхватить. С тех пор, как ***ширский полк расположился в Меритоне, ее голова полна только любовью, флиртом и офицерами. Рассуждая на эти темы, она делала все возможное, чтобы развить в себе наибольшую, — как бы это лучше выразиться, — возбудимость чувств, которые у нее вовсе не являются вялыми от природы. А зная умение Уикхема очаровывать своей внешностью и обращением, мы все хорошо понимаем, как легко может он вскружить женщине голову.

— Да, но ведь Джейн, — заметила ее тетка, — не считает Уикхема настолько плохим человеком, чтобы он был способен соблазнить Лидию.

— О ком Джейн когда-нибудь думала плохо? И найдется ли человек, как бы скверно он себя ни зарекомендовал, которого она сочла бы

способным соблазнить женщину, не получив доказательств его преступления? Но Джейн знает не хуже меня, что представляет собой Уикхем на самом деле. Нам обоим известно, что он — человек развращенный. Что у него нет ни чести, ни совести. Что его лживость и неискренность не уступают его вкрадчивости.

— И все это тебе на самом деле известно? — воскликнула миссис Гардинер с вновь пробудившимся любопытством по поводу ее осведомленности.

— Да, я в этом совершенно уверена, — покраснев, сказала Элизабет. — Я уже как-то рассказывала вам о том, как низко он поступил по отношению к мистеру Дарси. И вы сами слышали в Лонгборне, что он рассказывал о человеке, проявившем по отношению к нему столько снисходительности и терпимости. Но до меня дошли еще и другие сведения, которых я не вправе... нет, о которых пока что не стоит рассказывать. Клевета, возводимая им на семейство Дарси, не имеет предела. Из того, что он рассказывал мне о мисс Дарси, я представляла ее себе гордой, замкнутой и неприятной особой. А ему было известно, что она вовсе не такая. Он должен был знать, что она — именно та приветливая и непосредственная девушка, какой мы увидели ее при нашей встрече.

— Но неужели все это ускользнуло от Лидии? Могла ли она совсем не знать того, что Джейн и тебе известно во всех подробностях?

— Увы, да! Именно это и терзает меня сильнее всего. До моего визита в Кент, где я близко

познакомилась с мистером Дарси и его родственником, полковником Фицуильямом, я и сама ничего не знала. А домой я вернулась, когда *** ширский полк должен вскоре был покинуть Меритон. Мы не сочли нужным опровергнуть перед его уходом сложившееся в наших краях хорошее мнение об Уикхеме. А потому ни я, ни Джейн, которая услышала обо всем от меня, ничего не рассказали. Даже когда было решено, что Лидия поедет с миссис Форстер, я не подумала о необходимости раскрыть ей глаза. Мне никогда не приходило в голову, что он способен ее обмануть. А того, что произошло, можете мне поверить, я даже и вообразить не могла.

— Значит, когда они уезжали в Брайтон, у тебя не было причин считать, что они друг к другу неравнодушны?

— Ни малейших. Я не могу припомнить хоть какого-нибудь знака взаимной симпатии ни с одной стороны. А вы ведь знаете, если бы что-нибудь можно было заметить, в нашей семье этого бы не проглядели. Когда он поступил в полк, она и впрямь готова была в него влюбиться. Впрочем, тогда мы все были на это способны. Любая девчонка в Меритоне или его окрестностях в течение первых двух месяцев была без ума от Уикхема. Но он совершенно не замечал Лидии. И после нескольких недель безумного увлечения, она мало-помалу выбросила его из головы, и ее избранниками снова стали другие офицеры, которые уделяли ей больше внимания.

Разговоры на эту интересную тему, естественно, не добавляли чего-нибудь нового к их стра-

хам, надеждам и предположениям. Однако па всем пути они почти не прекращались. Элизабет была неспособна сосредоточиться на чем-нибудь другом. Она жестоко страдала от сознания допущенной ею ошибки и не находила ни минуты забвения или покоя.

Путешественники двигались с предельной скоростью и, проведя ночь в дороге, прибыли в Лонгборн на следующий день к обеду. Мысль о том, что Джейн не придется долго ждать их приезда, была для Элизабет в пути единственным утешением.

При въезде в усадьбу они заметили на крыльце маленьких Гардинеров, привлеченных видом кареты. Когда карета подъехала, лица детей озарились восторгом,— дети выразили его даже своими фигурками, посредством всевозможных скачков и прыжков,— который явился приятным прологом встречи с домашним очагом.

Элизабет покинула карету и, перецеловав детей, ринулась в холл, где ее встретила Джейн, которая бегом спустилась из комнаты матери. У обеих глаза были полны слез. Сестры горячо обнялись, и младшая сразу спросила у старшей, получены ли какие-нибудь известия о беглецах.

— Пока еще нет,— ответила Джейн.— Но теперь, когда наш дорогой дядя приехал, я надеюсь, что все пойдет хорошо.

— Папа в Лондоне?

— Да, он уехал во вторник, как я тебе сообщала.

— От него уже есть письма?

— Пока только одно. В среду он прислал

несколько строк: написал, что прибыл благополучно, и передал распоряжения, о которых я его просила. В конце говорилось, что он не станет писать до тех пор, пока не появится что-нибудь заслуживающее упоминания.

— Ну, а мама? Что с ней? Как вы живете?

— Кажется, маме немного лучше. Хотя у нее ужасно расстроены нервы. Она у себя наверху и будет счастлива всех увидеть. Пока что она не покидает спальни. А Мэри и Китти, слава богу, здоровы.

— Ну, а ты как себя чувствуешь? — воскликнула Элизабет. — Ты очень побледнела. Сколько же тебе за это время пришлось пережить!

Джейн, однако, уверила ее, что чувствует себя совсем хорошо. Разговор сестер, продолжавшийся, пока Гардинеры были заняты детьми, был в это время прерван приходом всего их семейства. Джейн по очереди обнялась с дядюшкой и тетюшкой, приветствуя и благодаря их с улыбкой и со слезами на глазах.

Когда все собрались в гостиной, вопросы, заданные Элизабет, были, разумеется, повторены Гардинерами и вскоре оказалось, что у Джейн нет ничего нового. Тем не менее она продолжала питать свойственные ее сердцу радужные надежды. Она по-прежнему надеялась, что все кончится благополучно и что с каждым днем можно ожидать письма Лидии или отца о объяснении действий беглецов и, быть может, известием об их бракосочетании.

Миссис Беннет, в чью комнату они перешли после нескольких минут разговора в гостиной,

встретила их точно так, как можно было ожидать: слезами и жалобами на свою горькую участь, бранью по поводу гнусного поступка Уикхема, причитаниями о собственных муках, а также упреками в адрес решительно всех, кроме единственной особы, которая своей неразумной терпимостью больше всего потакала легкомыслию дочери.

— Если бы я сумела настоять, чтобы вся наша семья поехала в Брайтон,— сказала она,— то ничего бы не случилось. О бедной Лидии было некому позаботиться. Разве Форстеры не должны были все время держать ее у себя на глазах? Я убеждена, что ими была допущена вопиющая небрежность, если только не что-нибудь худшее! Лидия — вовсе не такая девочка, которая могла на это решиться, если бы за ней присматривали. Мне всегда казалось, что для надзора за ней они решительно не подходят. Но со мной, как обычно, не посчитались. Бедное, дорогое мое дитя! А теперь нас покинул мистер Беннет, и я уверена, что он будет драться с Уикхемом, как только с ним встретится, и будет убит, и что тогда с нами со всеми станет? Коллинзы вышвырнут нас вон, прежде чем он остынет в гробу! И если только ты, братец, над нами не сжалишься, я не знаю, куда мы денемся.

Все в один голос отвергли столь мрачные предположения, и после общих заверений о своей привязанности к сестре и ко всему ее семейству, мистер Гардинер обещал ей на следующий же день уехать в Лондон и помочь мистеру Беннету в любых его действиях по спасению Лидии.

— Мы не должны предаваться бесплодному унынию,— добавил он.— И хотя следует себя подготовить к худшему, пока еще нет оснований считать такой исход неизбежным. Еще не прошло и недели с тех пор, как они сбежали из Брайтона. Через несколько дней мы о них услышим. И до тех пор, пока мы не узнаем, что они не обвенчаны и не собираются венчаться, не следует впадать в отчаяние. Как только я попаду в Лондон, я поеду к брату, привезу его к себе на Грэйсчёрч-стрит, и мы хорошенько обдумаем все, что можем с ним предпринять.

— Ах, дорогой братец,— воскликнула миссис Беннет,— это как раз то, чего бы мне хотелось больше всего. Пожалуйста, разыщите их там в городе, куда бы они ни спрятались, и если они еще не поженились, устройте так, чтобы они были женаты. И пусть они не откладывают этого из-за свадебных нарядов. Скажите Лидии, что после венчания у нее будет столько денег, сколько понадобится для их покупки. А самое важное — спасти мистера Беннета от дуэли. Расскажите ему, в каком я ужасном состоянии, что я буквально схожу с ума от страха и что у меня бывают судороги во всем теле и спазмы в боку, и такие жестокие головные боли и сердцебиения, от которых нет покоя ни днем, ни ночью. И передайте моей дорогой Лидии, чтобы она не отдавала шить платье, не повидавшись со мной, так как она не знает, в каком магазине его лучше всего заказывать. Ах, какой же вы добрый! Я уверена, что вы сделаете все, о чем я вас попросила!

Брат обещал ей заняться всеми делами самым серьезным образом. И вместе с тем он не мог не посоветовать ей соблюдать большее благоразумие, — в равной степени, — в надеждах и опасениях.

Проговорив с ней таким образом до обеда, они затем предоставили ей излить свои чувства перед домоправительницей, которая ухаживала за миссис Беннет в отсутствие дочерей.

Мистер Гардинер и его жена были уверены, что у нее не было настоящего повода для подобного затворничества, однако не пытались ее от него отговорить, так как знали, насколько ей недостает благоразумия, чтобы сдерживаться в разговоре за столом в присутствии прислуги. Поэтому они предпочитали, чтобы все заботы и тревоги высказывались ею лишь одному постороннему человеку, пользующемуся притом наибольшим доверием.

В столовой они вскоре увидели Мэри и Китти, которые были слишком заняты у себя в комнатах, чтобы выйти к ним раньше. Одна оторвалась от своих книг, а другая — от туалетного столика. Физиономии обеих казались, впрочем, достаточно беззаботными. Обе девицы почти не изменились, если не считать того, что утрата любимой сестры, а быть может упреки, вызванные ее участием в происшествии, сделали Китти еще более раздражительной, чем ей было свойственно прежде. Что касается Мэри, то она достаточно владела собой, чтобы, усевшись за столом рядом с Элизабет, почти сразу же прошептать ей с выражением мрачной задумчивости:

— Какое печальное известие! Как много оно вызовет толков! Но мы должны устоять перед натиском зла и окропить наши сердечные раны бальзамом сестринского утешения.

Видя, что Элизабет не собирается ей отвечать, она добавила:

— Из этого печального случая с Лидией мы все же можем извлечь полезные уроки. Они заключаются в том, что утрата женщиной добродетели непоправима; что один неверный шаг может привести ее к гибели; что ее репутация тем более хрупка, чем более она безупречна; и что женщина никогда не может быть излишне осторожной в своем отношении к недостойным представителям другого пола.

Элизабет с удивлением подняла на нее глаза, но, чувствуя себя слишком подавленной, промолчала. И Мэри продолжала успокаивать себя такими же подходящими к случаю прописными истинами.

Под вечер две старшие мисс Беннет смогли провести полчаса вдвоем. Элизабет сразу воспользовалась этой возможностью, чтобы задать Джейн множество вопросов, на которые ее сестра отвечала с большой охотой. После обоюдных сожалений по поводу ужасных последствий поступка Лидии, которые Элизабет полагала почти неотвратимыми, а Джейн — весьма вероятными, первая продолжала:

— Но ты должна рассказать мне и все то, о чем я пока не имею ни малейшего представления. Как отнесся ко всему папа? Что рассказал полковник Форстер? Не было ли у Форстеров по-

дозрений еще до того, как Лидия и Уикхем совершили побег? Ведь их повсюду должны были видеть вместе.

— Полковник Форстер подтвердил, что он часто подозревал их взаимную склонность, особенно со стороны Лидии. Но он не видел ничего, что могло бы вызвать тревогу. Его было очень жалко. Он показался мне необыкновенно добрым и внимательным человеком. И он решил побывать у нас, чтобы выразить свое огорчение, даже до того, как заподозрил, что они не поехали в Шотландию. А когда такое подозрение возникло, он выехал тотчас же.

— А Денни в самом деле уверен, что Уикхем на ней не женится? Он знал о готовившемся побеге? Полковник видел самого Денни?

— Да. Но при этом разговоре мистер Денни отрицал, что ему было известно о готовящемся побеге, и не сказал, что он об этом думает сам. Он больше не утверждал, что они не собираются обвенчаться, и это позволяет надеяться, что его перед тем неправильно поняли.

— А до приезда полковника вам даже не приходило в голову, что они не поженятся?

— Разве мы могли об этом подумать? Сама я испытывала некоторое беспокойство, будет ли Лидия счастлива с Уикхемом. Я ведь знала, что его поведение не всегда было безукоризненным. А папа и мама ничего этого не знали и понимали только, насколько их брак неблагоприятен. И вдруг Китти, которая, естественно, гордилась тем, что знает об этом больше нас всех, призналась, что в последнем письме Лидия уже

предупредила ее о своем намерении. Оказывается, ей было известно, что они уже несколько недель любят друг друга.

— Но это началось после отъезда в Брайтон?

— Думаю, что да.

— А полковник Форстер, по-твоему, очень плохого мнения об Уикхеме? Понял ли он, что тот собой представляет?

— Признаюсь, он отзывался об Уикхеме уже не так лестно, как прежде. Он считает его невоздержанным и расточительным. А после печального происшествия стали говорить, что Уикхем наделал в Меритоне много долгов. Надеюсь, что это окажется неправдой.

— Джейн, милая, если бы мы меньше скрывали, если бы мы рассказали то, что нам о нем известно, ничего бы не случилось.

— Может быть, это было бы и лучше,— ответила Джейн.— Но разоблачать прежние ошибки человека, ничего не зная о его чувствах в настоящее время, кажется мне несправедливым. У нас были самые добрые намерения.

— А что рассказал полковник Форстер о содержании письма Лидии к его жене?

— Он захватил его с собой, чтобы показать нам.

Джейн вынула письмо из своей памятной книжки и протянула его Элизабет. Вот что в нем говорилось:

«Моя дорогая Харриет,

Ты будешь хохотать до упаду, когда узнаешь, куда я уехала, и я сама помираю

со смеху, воображая, как ты будешь изумлена завтра утром, когда тебе скажут, что я пропала. Я еду в Гретна-Грин и если бы ты не догадалась, с кем именно, я считала бы тебя просто дурочкой, так как на свете существует только один человек, которого я люблю, и этот человек — ангел. Я никогда не была бы без него счастлива, так что не печалься о моем бегстве. Ты можешь не сообщать в Лонгборн о моем отъезде, если тебе это неприятно. Ведь тогда они еще больше удивятся, получив от меня письмо с подписью «Лидия Уикхем». Вот будет потеха! Мне так смешно, что я еле вывожу строчки. Пожалуйста, принеси мои извинения Пратту за то, что я не выполнила обещания танцевать с ним сегодня вечером. Скажи ему, что он безусловно меня простит, когда обо всем узнает, и обещай ему, что я с большим удовольствием буду танцевать с ним на следующем балу, на котором мы встретимся. За своими платьями я пришлю, как только попаду в Лонгборн. Но я бы хотела, чтобы Сэлли зашила шов, который распоролся на моем вышитом муслиновом платье, прежде чем его запакуют.

Прощай. Передай привет полковнику Форстеру. Надеюсь, что вы выпьете за наше счастливое путешествие.

Преданная тебе подруга

Лидия Беннет».

— О беспечная, беспечная Лидия! — воскликнула Элизабет, дочитав до конца.— И этим письмом она сообщает о таком событии в своей жизни?! Но из него по крайней мере следует, что сама она относилась к цели поездки серьезно. К чему бы он ни склонил ее позже, она не думала о бесчестье. Бедный отец! Как тяжело ему было все это пережить!

— Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь был так потрясен. В течение десяти минут он не мог произнести ни слова. А маме сразу стало плохо, и все в доме пошло вверх дном.

— Джейн, милая,— спросила Элизабет,— осталась ли в доме хоть одна служанка, которая не узнала бы в тот же день всех подробностей этой скандальной истории?

— Не могу сказать. Надеюсь, что да. Однако в ту минуту очень трудно было владеть собой. Мама была в истерике, и хотя я всячески старалась ей помочь, боюсь, я не сделала того, что могла бы сделать. Я была в таком ужасе, думая, чем все это может кончиться, что стала совершенно беспомощной.

— Ты сделала больше, чем могла. У тебя нездоровый вид. Если бы я была здесь, мне пришлось бы заботиться о тебе.

— Мэри и Китти были очень добры. И я уверена, что они разделили бы со мной все заботы, если бы я не считала, что это может им повредить. Китти такая хрупкая и так легко возбуждается, а Мэри настолько погружена в свои занятия, что было бы грешно лишать их отдыха. Во вторник, после папиного отъезда, в Лонгборн приез-

жала тетушка Филипс. Она была так добра, что пробыла со мной до четверга и очень нам всем помогла. Леди Лукас тоже была очень великодушна. Она приходила в среду выразить свое сочувствие и сказала, что она и ее дочери готовы оказать нам всяческую поддержку.

— Лучше бы она сидела у себя дома! — воскликнула Элизабет. — Быть может у нее были даже самые добрые намерения. Но при такой беде, как наша, чем меньше видишь соседей, тем лучше. Помощь здесь невозможна, а сочувствие — невыносимо. Пускай же они радуются нашим несчастьям подальше от нас.

Она спросила сестру о том, что отец собирался предпринять, чтобы найти Лидию в Лондоне.

— Мне кажется, — ответила Джейн, — он хотел отправиться в Эпсом — место, где они в последний раз переменили лошадей, чтобы попробовать что-нибудь выяснить у почтальонов. Главная его цель — узнать номер извозчика, который вез их из Клэпхема. Этот извозчик приехал с кем-то из Лондона. Папа считал, что такой случай, при котором дама и господин пересаживаются из одного экипажа в другой, не мог остаться незамеченным, и он собирался навести справки в Клэпхеме. Если бы ему посчастливилось узнать, у какого дома извозчик перед тем высадил своих седоков, он предполагал навестить этот дом. Там ему, быть может, удалось бы узнать номер и место стоянки извозчика. Не знаю, что он еще собирался сделать. Он так торопился уехать и был так сильно расстроен, что я с трудом смогла добиться у него только этого.

Глава VI

Все были уверены, что на следующее утро будет получено письмо от мистера Беннета, однако почта пришла и не принесла от него ни строчки. Члены его семьи хорошо знали, насколько он при обычных обстоятельствах небрежен в своей переписке, но рассчитывали, что сейчас он все же сделает над собой усилие. Приходилось думать, что он не может сообщить ничего хорошего, но даже об этом они рады были бы знать наверняка. Мистер Гардинер, который немного задержался в ожидании письма, уехал сразу же по прибытии почты.

С его отъездом они могли хотя бы надеяться, что их будут держать в курсе происходящих событий. Прощаясь, мистер Гардинер обещал как можно скорее уговорить мистера Беннета вернуться в Лонгборн. Тем самым он очень успокоил свою сестру, которая видела в этом для мужа единственное спасение от гибели на дуэли.

Миссис Гардинер, считая, что племянницам может оказаться полезным ее присутствие, решила провести с детьми в Хартфордшире еще несколько дней. Она помогала им в уходе за миссис Беннет, и им было очень приятно побыть с ней в часы досуга. Другая тетка также проводила у них немало времени, желая, по ее словам, их развеселить и ободрить. Но так как у нее всегда были припасены свежие новости о расточительности и непорядочности Уикхема, она редко оста-

вляла их менее удрученными, чем они чувствовали себя перед ее приходом.

Весь Меритон старался теперь всячески очернить человека, который еще три месяца тому назад казался ему чуть ли не светлым ангелом. Стало известно, что он задолжал решительно во всех лавках. Объявленный бесчестным соблазнителем, он стал притчей во языцех во всей округе. Все считали его самым испорченным человеком на свете и наперебой клялись, что никогда не были введены в заблуждение его внешней привлекательностью. И хотя Элизабет не верила и половине всех этих толков, они доказывали, насколько справедливой была тревога за доброе имя ее сестры. Даже Джейн, которая доверяла слухам еще меньше, почти потеряла надежду на благоприятный исход дела, тем более, что, если бы, как ей хотелось верить, они все же бежали в Шотландию, то от беглецов уже должны были прийти какие-то вести.

Мистер Гардинер покинул Лонгборн в воскресенье. Во вторник его жена получила от него письмо, в котором говорилось, что по прибытии он сразу же отыскал своего брата и уговорил его переехать на Грейсчёрч-стрит. До его приезда мистер Беннет побывал в Эпсоме и Клэпхеме, однако ему не удалось там узнать ничего существенного. Теперь он решил справиться во всех крупных гостиницах города, считая вполне вероятным, что, прибыв в Лондон, беглец не сразу поселился на частной квартире. Сам мистер Гардинер не рассчитывал на успех этих поисков, но, так как его брат был ими всецело поглощен,

он по мере сил старался ему помогать. Далее он писал, что мистер Беннет в настоящее время совершенно не склонен покинуть Лондон, и обещал прислать вскоре новое письмо. В конце находился следующий постскриптум:

«Я написал полковнику Форстеру, чтобы он, по возможности, выяснил у друзей молодого человека в полку, есть ли у Уикхема родственники или знакомые, которые могли бы знать, в какой части Лондона он скрывается. Если хоть кого-нибудь удастся найти, это даст в наши руки важную нить для дальнейших поисков. Пока у нас нет ничего, чем бы мы могли руководствоваться. Я уверен, что полковник Форстер сделает все от него зависящее, чтобы выполнить нашу просьбу. Но позднее мне пришла в голову мысль, что, быть может, Лиззи лучше, чем кто-либо другой, знает имена его родственников, у которых он мог бы остановиться».

Элизабет легко поняла, как могло возникнуть подобное предположение. Однако она не располагала никакими сведениями в этом роде и считала комплимент незаслуженным. Ей не приходилось слышать ни о каких родственниках Уикхема, кроме отца и матери, которые скончались много лет тому назад. Можно было, однако, допустить, что кто-нибудь из его приятелей по ***ширскому полку знает больше. И хотя она верила в это очень мало, обращение к полковнику Форстеру позволило все же на что-то надеяться.

Все дни проходили теперь в различных тревогах. Но самыми беспокойными были минуты ожидания почты. Прибытие писем стало важнейшим событием каждого дня. Только из них можно было узнать о хорошем или плохом повороте событий. И каждый новый день мог принести, наконец, важные вести.

Однако прежде чем до них опять дошли известия от мистера Гардинера, было получено послание совсем иного рода, адресованное мистеру Беннету. Оно было написано мистером Коллинзом. Мистер Беннет оставил распоряжение вскрывать всю приходящую на его имя корреспонденцию, и это письмо было прочитано Джейн. Вместе с ней его прочла и Элизабет, которой были хорошо известны особенности его писем. В письме говорилось:

«Дорогой сэр,

Принимая во внимание наше с Вами родство и занимаемое мною положение в обществе, я счел своим долгом выразить свое соболезнование по поводу печального события, о котором мы узнали только вчера, получив письмо из Хартфордшира. Поверьте, дорогой сэр, что мы с миссис Коллинз вполне искренно сочувствуем Вам и всей Вашей высококочтимой семье в постигшем Вас горе, которое должно быть особенно глубоким, поскольку его причину невозможно исцелить временем. Со своей стороны, я не пожалею доводов, которые могли

бы как-то смягчить для Вас столь серьезное несчастье или с помощью которых я мог бы Вам принести утешение при подобных, тягостных для Вашего родительского сердца обстоятельствах. Кончина Вашей дочери могла бы показаться счастливым исходом по сравнению с тем, что произошло с ней на самом деле. И тем печальнее, что скорбь о случившемся еще усугубляется в данном случае из-за того, что, как я узнал от моей дорогой Шарлот, безнравственность Вашей дочери может быть в какой-то мере объяснена излишней терпимостью, которая была допущена при ее воспитании. К утешению ее родителей, я все же склонен предполагать в ней природные дурные наклонности, без которых она не могла бы совершить столь тяжкого проступка в свои юные годы. Однако, как бы там ни было, Вы заслуживаете глубочайшего сочувствия. Кроме миссис Коллинз его разделяют со мной также леди Кэтрин и мисс де Бёр, коих я уже уведомил о злосчастном событии. И вместе с тем они присоединяются к моему опасению, что ложный шаг одной из Ваших дочерей может нанести непоправимый ущерб благополучию ее сестер. Ибо, как снисходительно выразилась леди Кэтрин, едва ли кто-нибудь захочет связать теперь свою судьбу с Вашей семьей. Это соображение побуждает меня с особым удовольствием вспомнить о некотором происшествии в ноябре прошлого года. Если бы дело тогда приняло иной оборот,

я должен был бы сейчас делить наравне с Вами все Ваше горе и весь позор. Позвольте же, дорогой сэр, пожелать Вам утешения в той мере, в какой это возможно, и посоветовать навеки отторгнуть от себя недостойную дочь, предоставив ей самой пожинать плоды своего порочного поведения.

Остаюсь, дорогой сэр, и т. д. и т. д.»

Мистер Гардинер не писал ничего до тех пор, пока не получил ответа от полковника Форстера. Ответ этот оказался неблагоприятным. Стало известно, что у Уикхема нет ни одного родственника, с которым он поддерживал бы общение и что у него вообще не осталось близкой родни. В прежние времена он имел довольно много знакомых, однако после вступления в полк он, по-видимому, не сохранил с ними дружеских связей. Поэтому нельзя было назвать ни одного человека, который мог бы рассказать об Уикхеме что-нибудь новое. Кроме того, что он прятался от родных Лидии, он, как оказалось, должен был скрываться еще и по другой причине. Огромные карточные долги вконец расстроили его денежные дела. По мнению полковника Форстера, для покрытия его долгов в Брайтоне потребовалось бы более тысячи фунтов. Небольшую часть этой суммы он задолжал в городке, однако долги чести составляли в ней львиную долю. Мистер Гардинер не пытался скрыть эти подробности от своих родственников в Лонгборне. С ужасом выслушав это сообщение, Джейн воскликнула:

— Картежник! Вот уж совсем не ожидала. Мне даже в голову это не приходило!

Мистер Гардинер добавлял, что уже на следующий день, то есть в субботу, они могут ждать возвращения мистера Беннета. Расстроенный полной неудачей всех предпринятых им попыток, мистер Беннет уступил настойчивым уговорам шурина вернуться к семье и позволить ему принимать необходимые меры сообразно с обстоятельствами. Когда об этом узнала миссис Беннет, она, вопреки предположениям дочерей, вовсе не выразила того удовлетворения, которого можно было ожидать, зная ее беспокойство за жизнь мистера Беннета.

— Как! — воскликнула она. — Бросить там бедную Лидию? Он не покинет Лондон, пока их не найдет! Кто же без него будет стреляться с Уикхемом и заставит его на ней жениться?

Миссис Гардинер хотела уже вернуться вместе с детьми к себе домой, и, так как на следующий день ждали приезда мистера Беннета, она могла теперь уехать. Поэтому она воспользовалась посланным из Лонгборна экипажем, на котором затем возвратился его хозяин.

Она покинула Лонгборн, так и не поняв отношений между Элизабет и ее дербиширским другом, над которыми ломала себе голову с самого отъезда из Лэмтона. Элизабет никогда первая не называла его имени. Не было и письма, которое, как казалось миссис Гардинер, он мог послать им вдогонку. Со времени их возвращения на имя племянницы не приходило ничего, что могло быть отправлено из Пемберли.

Печальные семейные обстоятельства вполне оправдывали дурное настроение Элизабет. Поэтому оно не позволяло делать каких-либо далеко идущих выводов. Вместе с тем сама Элизабет, достаточно разобравшись к этому времени в своих чувствах, отлично понимала, что ей было бы легче перенести позор Лидии, не будь она знакома с мистером Дарси. По ее мнению, в этом случае количество бессонных ночей сократилось бы для нее по меньшей мере наполовину.

Мистер Беннет по возвращении в Лонгборн был полон свойственного ему философского спокойствия. Он разговаривал не больше, чем обычно, и вовсе не упоминал обстоятельства, из-за которого ездил в Лондон, так что дочери долго не решались с ним об этом заговорить. Молчание, наконец, нарушила Элизабет, осмелившись затронуть запретную тему, когда он встретился с ними за послеобеденным чаем. В ответ на выраженное ею сочувствие по поводу всего, что ему пришлось пережить, мистер Беннет сказал:

— Не будем об этом вспоминать. Кому же за это расплачиваться, как не мне? Все, что случилось, — дело моих рук, и я должен был почувствовать это на своей шкуре.

— Вы не должны слишком строго себя осуждать, — ответила Элизабет.

— Твое пожелание вполне своевременное. Такое отношение к себе самому свойственно человеческой природе. Нет, Лиззи, дай мне хоть раз в жизни почувствовать всю глубину своей вины. Не бойся, это меня не сломит. Все это быстро выветрится из моей головы.

— Вы думаете, что они в Лондоне?

— Конечно. Где же еще они смогли бы спрятаться так хорошо?

— К тому же Лидия всегда мечтала попасть в Лондон,— вставила Китти.

— Значит, она добилась того, чего хотела,— сухо ответил отец.— И весьма возможно, что ее пребывание там продлится довольно долго.

После короткой паузы он добавил:

— Лиззи, предостережение, которое ты мне сделала в мае, свидетельствует, как показали события, о твоей дальновидности. Но я не затаил против тебя никакой злобы.

Разговор был прерван появлением Джейн, которая пришла, чтобы приготовить чай для миссис Беннет.

— Какое великолепное представление!— воскликнул мистер Беннет.— Оно придает горю вашей матери такой благородный оттенок. Пожалуй, с завтрашнего дня я последую ее примеру: засяду в ночном колпаке и халате на целые сутки в свою библиотеку и постараюсь причинять вам как можно больше хлопот. Или, быть может, мне подождать, пока от нас сбежит Китти?

— Я никуда не собираюсь сбежать,— ответила Китти с раздражением.— И если я когда-нибудь попаду в Брайтон, ничего подобного со мной не случится.

— Ты попадешь в Брайтон? Да я и за пятьдесят фунтов не отпущу тебя до Ист-Бёрна⁷. Нет, Китти, наконец-то я научился осторожности. И тебе придется это почувствовать. Ни один офицер больше не переступит порога моего дома,

даже носа не сунет в нашу деревню. И никаких танцев, если только тебе не вздумается танцевать с одной из сестер. Я не позволю тебе выходить из дома, пока ты не докажешь, что способна заниматься делом хоть десять минут в течение суток.

Китти, принявшая эти слова всерьез, горько расплакалась.

— Ну, так и быть, — сказал мистер Беннет, — можешь не огорчаться. Если на протяжении десяти лет ты будешь хорошей девочкой, я к концу срока непременно свожу тебя в какое-нибудь обозрение⁸.

Глава VII

Спустя два дня после возвращения мистера Беннета, когда Джейн и Элизабет гуляли позади дома среди зарослей кустарника, они увидели приближавшуюся к ним домоправительницу. Подумав, что она ищет их для того, чтобы позвать к миссис Беннет, они пошли ей навстречу. Но вместо того, чтобы передать какое-нибудь поручение от матери, она сказала, обращаясь к Джейн:

— Прошу прощения, сударыня, что помешала вашему разговору. Но я подумала, что из Лондона пришли, быть может, хорошие вести, и мне захотелось их услышать.

— Что вы имеете в виду, Хилл? Из Лондона не было никаких писем.

— Как, сударыня, — с большим удивлением воскликнула миссис Хилл, — вы не знаете, что

к хозяину прибыл нарочный от мистера Гардинера? Прошло не менее получаса с тех пор, как он передал пакет мистеру Беннету.

Желая поскорее узнать о новостях, сестры без лишних слов направились к дому. Пробежав холл, они заглянули сперва в комнату для завтрака, потом в библиотеку, и, не найдя отца там, были уже готовы искать его наверху в комнате матери, когда встретившийся им дворецкий сказал:

— Если вы, сударыни, ищете хозяина, то попробуйте догнать его около роши — он только что пошел в этом направлении.

Пользуясь этим указанием, они снова прошли через холл и побежали прямо через газон догонять отца, который решительным шагом направлялся к группе деревьев на краю усадьбы.

Более полная и менее привыкшая к бегу старшая сестра вскоре отстала, тогда как запыхавшаяся младшая, догнав отца, с нетерпением забросала его вопросами:

— Ах, папа, что там такое? Есть новости? Что-нибудь от дяди Гардинера?

— Да, он прислал письмо с нарочным.

— Что же он пишет? Хорошее или плохое?

— Разве мы можем ожидать хороших вестей? — сказал отец, вынимая из кармана письмо. — Впрочем, тебе, быть может, будет интересно его прочесть.

Элизабет нетерпеливо выхватила у него письмо, как раз когда их догнала Джейн.

— Прочти-ка вслух, — попросил мистер Беннет, — я сам едва ли в нем разобрался как следует.

«Грейсчерч-стрит, понедельник 2-го августа.

Дорогой брат,

Наконец-то могу сообщить некоторые сведения о моей племяннице — такие, которые, я надеюсь, должны Вас несколько успокоить. Вскоре после Вашего отъезда в субботу, мне удалось выяснить, в какой части Лондона они скрываются. О подробностях расскажу Вам при встрече. Достаточно сказать, что они обнаружены и что я видел обоих...»

— Вот видите, все вышло так, как я и предполагала, — перебила Джейн, — они женаты!

Элизабет продолжила чтение.

«Я видел обоих. Они не женаты, и никаких приготовлений к свадьбе я не заметил. Однако, если Вы согласитесь подтвердить предложения, которые я осмелился сделать от Вашего имени, я надеюсь, что свадьба произойдет достаточно быстро. Все, что от Вас требуется, — это письменное подтверждение ее пятой доли из пяти тысяч фунтов, остающихся Вашим детям после смерти родителей, а также ежегодной выплаты ей ста фунтов, пока Вы живы. После всего, что случилось, я без колебаний согласился с этими условиями, пользуясь привилегией быть Вашим доверенным лицом. Это письмо я посылаю с нарочным, так как Ваш ответ должен быть получен как можно скорее. Вышесказанное позволит Вам понять, что положение мистера Уикхема

вовсе не столь безнадежно, как представляется многим. В этом смысле все были введены в заблуждение, и я счастлив сообщить, что даже после выплаты всех долгов, у него сохранится небольшая сумма, которую он сможет отложить на имя племянницы в добавление к ее собственным средствам. Если, как я рассчитываю, Вы подтвердите мне полную доверенность действовать от Вашего имени во всем этом деле, я незамедлительно поручу Хагерстону подготовить соответствующий документ. Вам совершенно не нужно снова приезжать в Лондон, — поэтому спокойно оставайтесь в Лонгборне, полагаясь на мои старания и заботы. Пришлите ответ как можно скорее и будьте добры написать обо всем достаточно точно. Мы здесь решили — и я рассчитываю на Ваше одобрение — что племянница должна отправиться в церковь из нашего дома. К нам она переберется сегодня. Я напишу Вам еще раз, как только будут уточнены некоторые подробности.

Ваш и т. д.

Эдв. Гардинер.»

— Может ли это быть? — сложив письмо, проговорила Элизабет. — Неужели он на ней женится?

— Значит Уикхем вовсе не такой негодяй, каким мы его себе представляли! — воскликнула Джейн. — Папа, милый, поздравляю вас!

— И вы уже ответили на письмо?— спросила Элизабет.

— Еще нет. Но это следует сделать поскорее.

Элизабет принялась горячо уговаривать отца не откладывать дела ни на минуту.

— Папа, пожалуйста,— взмолилась она,— возвращайтесь и напишите дяде тотчас же. Вы только подумайте, как опасно при таких обстоятельствах малейшее промедление!

— Может быть, мне написать письмо от вашего имени,— предложила Джейн,— если вам неприятно это сделать самому?

— Разумеется, неприятно,— ответил он.— Но, увы, письмо должно быть написано.

С этими словами они зашагали обратно к дому.

— Я бы хотела задать один вопрос,— сказала Элизабет.— Вы примете предложенные условия?

— Приму ли я условия? Да мне просто стыдно за него оттого, что он так мало потребовал.

— И ей предстоит стать его женой! Даже несмотря на то, что он такой человек!

— Да, да, стать его женой. Теперь уже ничего не поделаешь. Но мне бы хотелось понять еще две вещи. Во-первых, сколько денег ему посулил ваш дядюшка, а во-вторых, каким образом я смогу эти деньги ему вернуть.

— Деньги! — воскликнула Джейн.— Дядюшка! Что вы имеете в виду?

— А то, что ни один человек в здравом уме не женился бы на Лидии ради какой-то сотни фунтов в год при моей жизни и пятидесяти после моей смерти.

— В самом деле,— сказала Элизабет,— это не приходило мне раньше в голову. Будут выплачены долги и кое-что останется! Конечно, тут не могло обойтись без дядюшки. Какой он у нас добрый и щедрый! Но как бы это его не разорило. Небольшая сумма тут бы не помогла.

— Ни в коем случае,— согласился отец.— Уикхем был бы круглым дураком, женись он на ней меньше чем за десять тысяч фунтов. Мне бы не хотелось думать о нем так плохо с первых же дней после того, как мы с ним породнимся.

— Десять тысяч? Силы небесные! Но разве мы могли бы вернуть даже половину такой суммы?

Мистер Беннет ничего не ответил, и каждый из них, погруженный в свои думы, не сказал ни слова, пока они не дошли до дому. Отец прошел прямо в библиотеку, чтобы написать письмо, а дочери направились в комнату для завтрака.

— Неужели они в самом деле поженятся?— воскликнула Элизабет.— Просто не верится! И мы еще должны этому радоваться! Поженятся без малейшей надежды на семейное счастье и несмотря на все пороки ее будущего мужа. Вот в чем теперь спасенье нашей сестры! Ах, Лидия, Лидия!

— Я утешаю себя мыслью,— сказала Джейн,— что он не женился бы на Лидии, если бы не питал к ней настоящего чувства. И хотя наш добрый дядя чем-то ему помог, но мне не верится, что речь могла идти о десяти тысячах или даже о чем-то к этому близком. У Гардинеров есть дети и может быть будет еще. Разве он

вправе отнимать у них даже половину такой суммы?

— Если бы мы знали его долги,— сказала Элизабет,— да еще выяснили, сколько денег, согласно брачному контракту, он отложит на имя сестры, мы смогли бы точно определить, что ему посулил дядя. У самого Уикхема нет и шести пенсов за душой. Мы никогда не сможем достаточно отблагодарить дядю и тетю. То, что они решились принять Лидию под свой кров, окружить ее заботами и защитить своим добрым именем, является с их стороны такой жертвой, которая заслуживает многих лет благодарности. Она сейчас должна уже находиться у них! Если даже такое их великодушие не сможет ее по-настоящему тронуть, то она вообще не заслуживает счастья. Как только она могла посмотреть тетушке в глаза!

— Надо постараться не вспоминать обо всем, что натворили Уикхем и Лидия,— сказала Джейн.— Мне так хочется поверить в их будущее благополучие! Его согласие на брак с ней — залог того, что он начинает исправляться. Взаимная привязанность сделает их менее легкомысленными, и я надеюсь, что они заживут разумно и счастливо, так что их прежнее поведение малопомалу будет всеми забыто.

— Их поведение было таким,— ответила Элизабет,— что ни ты, ни я, ни кто-нибудь другой не сможет о нем забыть. Об этом и говорить не стоит.

В это время обе они подумали о миссис Беннет и о том, что она едва ли что-нибудь знает

о письме. И они отправились в библиотеку спросить у отца, не хочет ли он, чтобы она об этом узнала. Отец еще продолжал писать. Не поднимая головы, он равнодушно ответил:

— Поступайте, как вам будет угодно.

— А можно нам взять письмо, чтобы прочесть его маме?

— Берите, что хотите, и оставьте меня в покое.

Элизабет схватила письмо с письменного стола, и они побежали наверх. У миссис Беннет оказались в это время Мэри и Китти, поэтому письмо достаточно было прочесть один раз. После нескольких слов о получении хороших известий, оно было прочитано вслух. Миссис Беннет едва смогла совладать со своими чувствами. Как только Джейн прочла о надеждах мистера Гардинера на предстоящую свадьбу, на ее лице выразился необыкновенный восторг, и каждая следующая фраза увеличивала ее ликование. Теперь она находилась в таком же возбуждении от счастья, в каком она пребывала прежде из-за тревоги и расстройства. Ей было достаточно знать, что ее дочь выходит замуж. Забота о благополучии дочери, так же, как сожаления о ее легкомысленном поступке, совершенно не приходили ей в голову.

— Лидия, девочка моя! — воскликнула миссис Беннет. — Как это чудесно! Она будет замужем! Я ее скоро опять увижу! Выйдет замуж в шестнадцать лет! Добрый, хороший братец! Я была уверена, что этим кончится — он должен был все устроить! Если б вы знали, как мне

хочется ее видеть! И душеньку Уикхема тоже! Но как же быть с туалетами? Что же нам делать со свадебным платьем? Надо сейчас же об этом написать сестре Гардинер. Лиззи, голубушка, сбегай вниз к папе и разузнай у него, сколько он на это может дать денег. Ах, нет, постой! Лучше я схожу к нему сама. Китти, позвони, чтобы пришла Хилл. Я сию же минуту оденусь. Лидия, милочка моя! Вот будет праздник, когда она к нам приедет!

Старшая дочь попыталась было остановить ее восторженные излияния, напомнив матери, сколь многим они обязаны мистеру Гардинеру.

— Счастливая развязка,— добавила она,— наступила только благодаря его доброте. По-видимому, он помог мистеру Уикхему значительной суммой.

— Ну что ж, это вполне естественно!— ответила миссис Беннет.— Кому же и позаботиться о ней, кроме родного дяди? Если бы у него не было семьи, его деньги достались бы мне и девочкам. А не считая подарков, мы от него впервые что-то получим. Но я так рада, так рада! Еще немного — и у меня будет замужняя дочь!.. Миссис Уикхем! Как это прекрасно звучит. А ведь всего только в июне ей исполнилось шестнадцать! Джейн, голубушка, я так разволновалась, что наверно не смогу ничего написать. О деньгах мы поговорим с папой позже. Но платье нужно заказать сию же минуту.

И она начала подробно обсуждать достоинства муслина, кисеи и батиста и хотела уже отправить обширный заказ, когда Джейн с некото-

рым трудом объяснила ей необходимость повременить с этим до того, как будет получено согласие мистера Беннета. Один день задержки, как объяснила Джейн, не имел большого значения, и благодаря превосходному расположению духа миссис Беннет оказалась на этот раз более стоворчивой, чем обычно. В ее голове возникали все новые планы.

— Как только я оденусь,— заявила она,— я тут же поеду в Меритон, чтобы сообщить о наших новостях сестрице Филипс. А на обратном пути можно будет навестить еще и Лукасов и миссис Лонг. Китти, беги вниз и прикажи заложить карету. Воздух, я уверена, будет мне очень полезен. Девочки, что вы хотите, чтобы я для вас сделала в Меритоне? А вот, наконец, и Хилл. Хилл, дорогая, вы слышали, какие у нас чудесные новости? Мисс Лидия выходит замуж! И вам всем подадут чашу с пуншем, чтобы вы как следует повеселились по случаю ее свадьбы.

Миссис Хилл, разумеется, пришла в восторг, и Элизабет вместе с другими выслушала ее поздравления. После этого Элизабет, утомленная суетой, ушла к себе в комнату, чтобы обо всем спокойно подумать.

Положение Лидии было достаточно плачевным. Однако следовало радоваться, что она не попала в худшую беду. И Элизабет этому радовалась. Заглядывая в будущее, нельзя было ждать для Лидии ни семейного счастья, ни обеспеченности. Но вспоминая, чего все они только два часа тому назад боялись, Элизабет не могла не оценить всех преимуществ такого исхода дела.

Глава VIII

Мистер Беннет уже давно собирался начать что-то откладывать от своих доходов. При этом он смог бы постепенно скопить некоторую сумму и обеспечить будущее своих дочерей, а также и жены на случай, если бы ей довелось его пережить. И сейчас он с особой остротой почувствовал, насколько разумной была бы такая экономия. Если бы он прежде подобным образом исполнил свой долг, Лидия не была бы теперь обязана своему дяде выкупом доброго имени и чести. И тогда приобретение в качестве супруга самого дрянного молодого человека во всей Великобритании было бы обставлено вполне подходящим образом.

Мистера Беннета серьезно огорчало, что это сомнительное счастье будет целиком оплачено из средств шурина, и он твердо решил выяснить израсходованную сумму и при первой же возможности вернуть долг. Когда мистер Беннет женился, он предполагал, что можно не стремиться к экономии, так как подразумевалось, что у супругов должен родиться наследник. Став совершеннолетним, сын закрепил бы имение за семьей, обеспечив будущее вдовы и младших детей. Но, одна за другой, на свет появились пять дочерей, а сына все не было. Миссис Беннет сохраняла уверенность в предстоящем рождении наследника еще в течение многих лет после того, как родилась Лидия. В конце концов от надежд пришлось отказаться, однако копить деньги было уже поздно. Миссис Беннет не была бережлива

по натуре, и только нежелание ее мужа влезать в долги не позволяло им расходовать средств больше, чем они получали от своего имения.

Свадебным контрактом за миссис Беннет и ее детьми было закреплено пять тысяч фунтов. Распределение денег между детьми зависело от решения родителей. Такое решение предстояло сейчас принять, по крайней мере, относительно Лидии. И у мистера Беннета не возникало колебаний по поводу условий, предложенных мистером Гардинером. Выразив самым любезным, хотя и кратким, образом свою признательность шурину за его доброту, он далее одобрил предпринятые мистером Гардинером шаги, а также подтвердил свое согласие выполнить взятые от его имени обязательства. Раньше ему не пришло бы в голову, что он может выдать дочь за Уикхема — даже, если бы сам Уикхем захотел на ней жениться — при столь незначительных затратах. Учитывая стоимость содержания Лидии, ее карманные расходы и частые денежные подарки, которые дочка получала от матери, его годовой доход уменьшался не более чем на десять фунтов.

То, что все это потребовало так мало усилий с его стороны, было не менее приятным сюрпризом. Сейчас он хотел бы, по возможности, избавиться от дальнейших хлопот. После первого порыва негодования, побудившего его пуститься на розыски дочери, он, естественно, вернулся к своей прежней бездеятельности. Письмо было написано весьма быстро — мистер Беннет долго раздумывал, прежде чем что-нибудь предпринять,

но, взявшись за дело, сразу же доводил его до конца. В заключительной части письма выражалось желание узнать, чем он еще обязан своему шурина. На Лидию он сердился так сильно, что от всякого обращения к дочери решил воздержаться.

Хорошие вести тотчас же разнеслись по дому и с невероятной быстротой распространились по всей округе. Конечно, толки о мисс Лидии приобрели бы значительно больший интерес, если бы ее воротили в Меритон, или, еще того лучше, сослали на какую-нибудь отдаленную ферму. Однако по поводу ее замужества тоже можно было всласть посудачить. И пожелания счастья, не сходявшие с уст злорадных кумушек городка, почти не утратили с переменой обстоятельств своей выразительности, так как брак с человеком, подобным Уикхему, говоря по совести, никак не мог оказаться счастливым.

Миссис Беннет перед этим в течение двух недель ни разу не выходила в столовую. Но этот счастливый день ознаменовался тем, что она, наконец, в наилучшем расположении духа возглавила стол. Стыд за Лидию ни малейшим образом не омрачил ее торжества. Мечта о замужестве дочери, ставшая ее навязчивой идеей с тех пор, как Джейн минуло шестнадцать лет, близилась к осуществлению. Ее мысли и разговоры вертелись только вокруг принадлежностей для свадебной церемонии, образчиков тонкого муслина, новых экипажей и новой прислуги. С необыкновенной энергией она принялась подыскивать какой-нибудь близко расположенный дом, который

ее дочь могла бы занять после свадьбы. И, ничего не зная и даже не задумываясь о средствах, которыми будет располагать молодая пара, она отвергла немало домов, считая их неподходящими по своему расположению или размерам.

— Мог бы подойти, пожалуй, Хэй Парк, — рассуждала она, — вздумай Голдинги из него выехать. Или большой дом в Стоуке, если бы только гостиная в нем была чуть-чуть побольше. Что же касается Эшурта, то до него слишком уже далеко — я не перенесу, если нас будет разделять целых десять миль. А в Палвис Лодже⁹ — совершенно невозможный верхний этаж!

Ее муж не мешал ей болтать подобным образом, пока в комнате находилась прислуга. Однако как только посторонние удалились, он обратился к ней со словами:

— Прежде чем вы, миссис Беннет, арендуете для вашей дочери и ее мужа одно из этих прекрасных имений или даже все их одновременно, я хотел бы, чтобы между нами существовала ясная договоренность, по крайней мере, по одному вопросу. В один определенный дом в нашей местности они никогда не будут допущены. Я отнюдь не собираюсь поощрять их легкомыслие, принимая их у себя в Лонгборне.

Это заявление вызвало бурю протестов, но мистер Беннет оставался непоколебимым. И через некоторое время миссис Беннет в пылу спора обнаружила, к своему изумлению и ужасу, что ее супруг не собирается потратить ни одной гинеи на покупку свадебных туалетов. Он заявил, что Лидии не следует рассчитывать ни на какие

знаки внимания с его стороны. Миссис Беннет это казалось просто непостижимым. Подобная необузданность родительского гнева, из-за которой их дочь должна была потерять все, ради чего, собственно говоря, стоило выходить замуж, превосходила границы ее разумения. Недостаток туалетов при венчании казался ей гораздо более позорным обстоятельством, нежели бегство Лидии и ее совместная жизнь с Уикхемом в течение двух недель перед свадьбой.

Элизабет теперь горько раскаивалась в том, что в расстройстве чувств она высказала мистеру Дарси свои опасения за судьбу Лидии. Поскольку ее бегство в скором времени должно было благополучно завершиться замужеством, можно было надеяться скрыть это происшествие от всех, кто не находился тогда в Брайтоне.

Она не боялась, что он расскажет об этой истории посторонним. Едва ли она знала другого человека, чья сдержанность заслуживала бы большего доверия. Но ей было особенно больно оттого, что именно ему стало известно об их семейном позоре. Дело было не в том, что от этого страдали какие-то ее собственные интересы. При всех обстоятельствах между ними лежала теперь непреодолимая пропасть. Даже если бы Лидия вышла замуж, как подобает порядочной девушке, нельзя было предположить, чтобы мистер Дарси породнился с семьей, ко всем недостаткам которой добавлялась кровная близость с человеком, в такой мере достойным его презрения.

Было ясно, что даже мысль о подобном родстве должна была бы привести его в ужас. Стрем-

ление мистера Дарси заслужить ее благосклонность, столь бросавшееся в глаза в Дербишире, не могло, по здравому размышлению, устоять перед подобным ударом. Она была удручена и унижена, хотя едва ли могла бы сама назвать предмет своих сетований. Его привязанность к ней стала ей вдруг особенно дорога — как раз тогда, когда уже нечего было надеяться, что она сохранится. Элизабет хотелось знать о его жизни, хотя трудно было предположить, что до нее теперь будут о нем доходить какие-то известия. И уверенность в том, что она смогла бы прожить рука об руку с Дарси счастливую жизнь, пришла к ней тогда, когда у нее не осталось почти никакой надежды еще раз встретиться с этим человеком.

Как было бы польщено самолюбие Дарси, — нередко приходило ей в голову, — если бы он узнал, что его предложение, столь гордо отвергнутое ею всего лишь четыре месяца тому назад, было бы сейчас с радостью и благодарностью принято! Она не сомневалась в его великодушии, которым он превосходил всех представителей своего пола. Но, будучи смертным, даже он не смог бы удержаться от сознания своего торжества.

Лишь теперь стала она понимать, что он был как раз тем человеком, который больше всего подходил ей по характеру и склонностям. Его рассудок и темперамент, хотя и отличные от ее собственных, отвечали всем ее требованиям. Союз между ними был бы благотворен для них обоих. Легкость и жизнерадостность ее натуры

придали бы больше мягкости его суждениям и манерам. А сама она стала бы более значительным человеком благодаря его обширным знаниям, здравому смыслу и развитому уму.

Увы, столь счастливому браку, который показал бы восхищенному человечеству, что собой представляет истинное супружеское счастье, было не суждено совершиться. Вместо этого в семействе Беннетов вскоре должен был быть заключен брак иного рода, в котором всякая возможность супружеского счастья была заранее исключена.

Она не могла даже представить, каким образом Уикхем и Лидия смогут себе обеспечить сколько-нибудь приличное независимое существование. Но зато она отлично сознавала, как мало подлинного счастья ждет супружескую чету, соединившуюся под влиянием страстей, которые оказались более сильными, чем чувство ответственности и долга.

Мистер Беннет вскоре получил из Лондона новое письмо. Отвечая на его лестный отзыв о предпринятых им шагах, мистер Гардинер писал, что он всегда готов к услугам каждого члена их семьи, и просил больше никогда не касаться этого предмета. Главным поводом для письма явилась необходимость сообщить Беннетам, что мистер Уикхем решил покинуть милицию.

«Я настаивал на этом с тех пор, как была достигнута договоренность об их браке,— добавлялось в письме.— И вы, наверно, согласитесь со мной, что уход из полка

настолько же в его интересах, как и в интересах моей племянницы. Мистер Уикхем намерен вступить в регулярную армию. И среди его прежних друзей нашелся человек, готовый и располагающий возможностями оказать ему в этом свое содействие. Ему обещают чин прапорщика в полку генерала ***, расквартированного на Севере. Такая удаленность от здешних мест представляется мне большим преимуществом. Он дал слово хорошо там себя вести, и я надеюсь, что в новом окружении, по отношению к которому им придется соблюдать известную сдержанность, они проявят большее благоразумие. Я написал полковнику Форстеру, как складываются наши дела, и просил его успокоить различных кредиторов мистера Уикхема в Брайтоне и его окрестностях, сказав им, что все его долги вскоре будут погашены и что всю ответственность я беру на себя. Быть может, Вы не сочтете за труд заверить подобным же образом его кредиторов в Меритоне, перечень которых я составляю для Вас, основываясь на сведениях, полученных от самого молодого человека. Он передал нам списки всех своих долгов. Надеюсь, по крайней мере, что он нас не обманывает. Хагерстону отданы распоряжения, и в течение недели со всеми делами будет покончено. После этого они отправятся в его полк, если только не будут приглашены в Лонгборн. По мнению миссис Гарднер, нашей

племяннице очень бы хотелось Вас повидать, прежде чем она уедет на Север. Она пребывает в добром здравии и просит почтительнейше напомнить о себе Вам и ее матери.

Ваш и т. д.

Э. Гардинер.»

Мистер Беннет и его дочери не хуже, чем мистер Гардинер, понимали все преимущества того, что Уикхем покинет свой прежний полк. Но миссис Беннет обрадовалась этому значительно меньше. Она еще не потеряла надежды, что Лидия будет жить где-нибудь в Хартфордшире. Поэтому предполагаемое переселение дочери на Север, как раз в то время, когда ее постоянное присутствие могло доставить матери наибольшее удовольствие, вызывало у нее жестокое разочарование. Вдобавок было так обидно, что Лидия будет вынуждена расстаться с полком, в котором решительно все были с ней знакомы и она имела столько поклонников.

— Она так обожает миссис Форстер, — говорила миссис Беннет, — что разлучить их просто грешно! И там есть еще несколько молодых людей, от которых она без ума. Офицеры в полку генерала *** могут оказаться вовсе не столь приятными кавалерами.

Просьба Лидии, — если только можно было говорить о какой-то просьбе, — чтобы ей позволили повидаться с родными, прежде чем она отправится на Север, была мистером Беннетом вначале решительно отклонена. Однако, заботясь

о чувствах и добром имени сестры, Джейн и Элизабет, прибегая к ласке и убеждению, стали настойчиво упрашивать отца, чтобы Лидии с мужем было позволено после венчания приехать в Лонгборн. В конце концов они добились того, что мистер Беннет стал смотреть на вещи их глазами и поступил так, как им хотелось. И, к своему удовольствию, миссис Беннет узнала, что прежде чем Уикхемы уедут в изгнание на Север, она сможет показаться со своей замужней дочерью в местном обществе. Мистер Беннет написал шурина о своем согласии на их приезд. Было решено, что молодые выедут в Лонгборн сразу по окончании церемонии. Элизабет, однако, удивилась, что план этот был принят Уикхемом. И если бы она считалась только с собственными чувствами, она сделала бы все, чтобы избежать этой встречи.

Глава IX

Джейн и Элизабет пережили в день свадьбы сестры, пожалуй, больше, чем сама новобрачная. Посланный за молодыми экипаж должен был их встретить у *** и вернуться к обеду. Этой минуты обе старшие мисс Беннет ждали с огромным беспокойством. Особенно сильно волновалась Джейн, приписывавшая Лидии чувства, которые владели бы ею самой, будь она виновницей всех событий. Мысль о том, что должна была вытерпеть ее бедная сестра, приводила ее в отчаяние.

Наконец они прибыли. Вся семья собралась встретить их в комнате для завтрака. Когда эки-

паж остановился у подъезда, лицо миссис Беннет совершенно расплылось в улыбке, ее муж казался непроницаемо серьезным, а дочери трепетали от волнения и чувства неловкости.

Голос Лидии раздался из холла, дверь распахнулась, и она ворвалась в комнату. Мать бросилась к ней с распростертыми объятиями, приветствуя ее в полнейшем восторге. Затем она с нежной улыбкой протянула руку вошедшему следом Уикхему и так весело пожелала обоим счастья, как будто ей и в голову не приходило сомневаться в их светлом будущем.

Мистер Беннет, к которому они затем подошли, встретил их совсем не так сердечно. Лицо его приобрело, пожалуй, даже еще более суровое выражение, и он почти не раскрыл рта. Легкомысленная беспечность молодой четы в самом деле могла только еще больше его рассердить. Элизабет пришла от нее в крайнее негодование, и даже Джейн была возмущена. Лидия по-прежнему оставалась Лидией — бесцеремонной, нескромной, шумной, неугомонной и бестактной. Переходя от одной сестры к другой, она заставила каждую принести ей свои поздравления. В конце концов, когда все наконец расселись по местам, она с жадностью обвела глазами комнату, обратила внимание на некоторые небольшие новшества в обстановке и со смехом заметила, что с тех пор, как она в последний раз здесь находилась, прошло не такое уж короткое время.

Уикхем тоже не испытывал ни малейшего замешательства. Всегда отличавшие его приятные манеры, его улыбки и непринужденность, с кото-

рой он заявил о своих родственных правах, смогли бы привлечь к нему сердца всех членов семьи, если бы только он женился как принято и всем собравшимся не был известен его подлинный характер. Элизабет была не в состоянии раньше себе представить, до чего могла дойти его самоуверенность. И, сидя в этой комнате, она дала себе зарок в будущем никогда не верить в существование предела бесстыдства, который может остановить бесстыдного человека. Ее то и дело бросало в краску. Красела и Джейн. Но у тех двоих, кто заставлял их краснеть, цвет лица совершенно не менялся.

Разговор завязался без малейшего затруднения. Новобрачной никак не удавалось вдоволь наговориться со своей матерью. Уикхем, которому посчастливилось сидеть рядом с Элизабет, принялся расспрашивать ее о своих прежних хартфордширских знакомых с таким беспечным видом, с каким она была не в состоянии отвечать на его вопросы. Казалось, у этой парочки не было ничего, что хоть сколько-нибудь могло омрачить их воспоминания. Ничто в прошлом не вызывало сожалений. И Лидия старалась навести разговор на те самые темы, затронуть которые ее сестры не решились бы ни за какие блага на свете.

— Подумать только,— воскликнула она,— ведь я уехала целых три месяца назад! А мне, честное слово, чудится, что пролетело каких-нибудь две недели. Однако за это время произошла уйма всяких событий. Боже правый, когда я уезжала отсюда, мне и в голову не могло при-

ти, что я вернусь сюда замужней дамой. Впрочем, мне все же казалось, что это было бы очень забавно.

При этих словах отец поднял на нее глаза, Джейн почувствовала себя неловко, а Элизабет бросила на Лидию выразительный взгляд. Однако та продолжала болтать с присущей ей способностью не видеть и не слышать ничего, что она предпочитала оставлять без внимания.

— Кстати, мама, все ли здесь знают о моем замужестве? Я ужасно боялась, что эта новость еще недостаточно широко разнеслась. Поэтому, когда мы обгоняли шарабан Уильяма Голдинга, я нарочно устроила так, чтобы ему все стало ясно. Я опустила стекло с его стороны и стянула перчатку. И положила руку на раму, чтобы он увидел на ней кольцо. А потом стала ему кланяться, улыбаться и всякое такое.

Элизабет была не в состоянии больше выносить эту болтовню. Вскочив с места, она выбежала из комнаты и не возвращалась, пока не услышала, что все через холл перешли в столовую. Она вошла туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лидия торжественно направилась к месту за столом по правую руку от миссис Беннет и произнесла, обращаясь к старшей сестре:

— Ах, Джейн, мне теперь полагается занять твое место, а тебе — сесть подальше. Ведь я уже замужем.

Нельзя было ожидать, что у Лидии со временем появится хоть капля скромности, которой она всегда была полностью лишена. Напротив, ее непринужденность и самодовольство возросли

еще больше. Ей не терпелось повидать миссис Филипс, Лукасов и прочих соседей и услышать, как все они будут называть ее «миссис Уикхем». А пока что сразу после обеда она побежала похвастаться замужеством и показать обручальное кольцо двум служанкам и миссис Хилл.

— Ну, а как вам, маменька, нравится мой супруг? — спросила она, когда они снова собрались в комнате для завтрака. — Не правда ли, это душка? Сестрицы, верно, мне ужасно завидуют. Я была бы в восторге, если бы им хоть вполовину так повезло. Всем им надо отправиться в Брайтон. Вот — место, где добывают мужей! Так жаль, маменька, что мы не смогли туда выехать всей семьей!

— Еще бы! Будь моя воля, мы были бы там все вместе. Но Лидия, милочка моя, мне все же не совсем понравилось, как ты оттуда уехала. Разве это было необходимо?

— Боже мой, ну конечно! Что ж тут такого! В этом и заключалась вся прелесть! Надо, чтобы ты и папа и все сестрицы непременно нас навестили. Мы проживем в Ньюкасле¹⁰ всю зиму, и я не сомневаюсь, что там будут устраиваться балы. Можете на меня положиться, что у всех у них будут отличные кавалеры.

— Мне бы этого хотелось больше всего на свете! — сказала миссис Беннет.

— А когда будете возвращаться, вы можете одну или двух сестер оставить у нас. И будьте спокойны, до исхода зимы я подыщу им мужей.

— Я очень тебе благодарна за причитающуюся мне долю твоих забот, — сказала Элизабет. —

Но твой способ подыскания мужа мне как-то не совсем по душе.

Молодожены должны были прожить с ними только десять дней. Перед отъездом из Лондона мистер Уикхем получил назначение в полк, куда он должен был прибыть спустя две недели.

Краткостью их пребывания в Лонгборне не был опечален никто, кроме миссис Беннет. И почти все дни у мамыши и дочки уходили на визиты к соседям и весьма частые приемы гостей в собственном доме. Постоянное присутствие посторонних, позволявшее избежать встреч в семейном кругу, было одинаково удобно тем, кто о чем-то задумывался, и тем, кто ни о чем задумываться не желал.

Отношение Уикхема к жене оказалось именно таким, какого могла ожидать Элизабет. Его нельзя было даже сравнить с привязанностью, которую испытывала к своему мужу Лидия. Первый же взгляд на них подтвердил предположение, что побег был вызван скорее ее чувствами, нежели его. И Элизабет не смогла бы объяснить, как это Уикхем, не будучи сильно увлечен Лидией, вообще решился на этот шаг, если бы не знала о расстройстве в его денежных делах, из-за которого он должен был покинуть Брайтон. При таких обстоятельствах Уикхем отнюдь не был тем человеком, который мог устоять перед соблазном захватить кого-то с собой.

Лидия была от него без ума. Она пользовалась любым поводом, чтобы назвать его своим «дорогим Уикхемом». Он не имел себе равных. Все на свете ему удавалось лучше всего. И она нисколь-

ко не сомневалась, что ни один стрелок в стране не сможет настрелять больше птиц первого сентября¹¹.

Как-то раз вскоре после приезда, сидя утром в обществе двух старших сестер, Лидия сказала, обращаясь к Элизабет:

— А ты ведь еще не знаешь, как мы венчались. Когда я рассказывала про это маме и сестрам, ты вдруг куда-то исчезла. Хочешь послушать, как у нас все происходило?

— Пожалуй, не очень, — отвечала Элизабет. — Думаю, что чем меньше мы будем вспоминать об этих вещах, — тем лучше.

— Фу, какая ты странная! Но я непременно расскажу тебе все по порядку. Так вот, венчались мы в церкви святого Климента — дом, где жил Уикхем, находится в этом приходе. Было решено, что все соберутся там к одиннадцати. Я должна была ехать с дядей и тетей. А остальным предстояло встретить нас перед церковью. Когда наконец наступил понедельник, я так волновалась! Знаешь, мне все чудилось, что должно что-то случиться. И тогда свадьба будет отложена, а я так и останусь ни с чем. А тут еще, пока я одевалась, все эти тетушкины разговоры и поучения — будто она проповедь читает! Правда, до меня доходило не больше одного слова из десяти. Потому что, как ты сама понимаешь, я могла думать только о моем дорогом Уикхеме. Мне до смерти хотелось знать, наденет ли он синий мундир¹².

Ну так вот, в десять, как всегда, мы сели завтракать. Мне казалось, что это никогда не кон-

чится. Должна тебе, кстати, признаться, что дядюшка и тетюшка обращались со мной, пока я у них жила, просто из рук вон плохо. Поверишь ли, за целые две недели я ни разу не выбралась из дому. Ни одного визита, развлечения или там чего-нибудь еще! В Лондоне, правда, в то время было довольно пусто, но ведь Малый театр¹³ оставался открытым. И можешь себе представить, как раз когда подали, наконец, карету, дядю вызвал по делу этот ужасный мистер Стоун. А ты ведь знаешь, когда они сойдутся вдвоем, то конца не дожدهшься. Я была в таком отчаянии, просто не знала что делать — ведь дядя должен был быть моим посаженным отцом, а если бы мы опоздали, то в этот день нас бы не обвенчали. К счастью, дядя освободился через десять минут, и мы поехали. Я уже потом сообразила, что если бы он так и не выбрался, венчание можно было бы не откладывать, потому что мистер Дарси вполне мог его заменить.

— Мистер Дарси?! — повторила Элизабет в крайнем изумлении.

— Ну, конечно! — Он ведь должен был прийти вместе с моим дорогим Уикхемом. Ах, боже мой, я забыла! Об этом же совсем нельзя говорить! С меня взяли честное слово. Что скажет Уикхем? Это ведь большая тайна!

— Но если это тайна, — сказала Джейн, — то не говори об этом ни слова. Можешь быть уверена, что я ничего у тебя не буду выпытывать.

— О, разумеется! — воскликнула Элизабет, сгорая от любопытства. — Мы не станем тебе задавать никаких вопросов.

— Благодарю вас,— сказала Лидия.— Потому что, если бы вы начали меня расспрашивать, я наверняка бы все разболтала. И тогда мой дорогой Уикхем страшно бы на меня разозлился.

Чтобы избавить себя от столь сильного соблазна, Элизабет почувствовала необходимость немедленно удалиться.

Но оставаться в неведении было для нее совершенно невыносимо. Во всяком случае она не в силах была удержаться от попытки разузнать хоть какие-то подробности. Мистер Дарси присутствовал на венчании ее сестры! Это была как раз та обстановка и именно то окружение, с которыми у него не могло быть ничего общего и которые не могли представлять для него ни малейшего интереса. Предположения о том, что бы это могло означать, самые нелепые и сумбурные, не выходили у нее из головы. Но ни одно из них не казалось ей правдоподобным. Те, которые были бы для нее наиболее лестными и выставили бы его поведение в особенно благородном свете, казались ей самыми невероятными. Она не могла больше выносить такую неопределенность. И, схватив листок бумаги, она тут же написала несколько слов миссис Гардинер, умоляя ее объяснить оброненную Лидией фразу, если только это совместимо с предполагаемой тайной.

«Вы легко можете себе представить,— писала она,— насколько мне любопытно узнать, каким образом человек, ни с кем из нас не связанный и почти чужой для на-

шей семьи, мог оказаться среди вас в подобный момент. Ради бога, напишите мне сразу и объясните мне все, если только это по каким-нибудь особенно глубоким причинам не должно сохраняться в тайне, как об этом думает Лидия. В последнем случае мне придется навсегда остаться в мучительном неведении».

— Впрочем, как бы не так,— добавила она про себя, заканчивая письмо.— И если, любезная моя тетушка, вы не раскроете мне всего по-хорошему, я, чтобы все выведать, буду вынуждена прибегнуть ко всяческим козням и хитростям.

Удивительный такт и деликатность не позволили Джейн поговорить с Элизабет о словах, случайно брошенных Лидией. Элизабет была этому рада. До того, как выяснится, сможет ли она получить разъяснения от тетушки, она предпочитала обходиться без поверенного.

Глава X

К радости Элизабет ответное письмо пришло без промедления. Едва получив его, она поспешила в небольшую рощу, где ее меньше всего могли потревожить, и уселась на одной из скамеек, предвкушая несколько счастливых минут. В самом деле, письмо было настолько обширным, что не могло заключать в себе просто отказ удовлетворить ее любопытство.

«Грейсчёрч-стрит, 6-го сент.

Дорогая племянница,

Только что получила твое письмо. Предвидя, что не смогу сжать до нескольких строк все, что мне необходимо тебе сообщить, я решила пожертвовать для ответа целое утро. Признаюсь, твое обращение застигло меня врасплох. Я не ожидала от тебя ничего подобного. Пожалуйста, не подумай, что оно сколько-нибудь меня рассердило — просто я никак не предполагала, что у тебя могут возникнуть такие вопросы. Если ты предпочитаешь не понимать меня, прости мою бестактность. Твой дядя удивлен не меньше моего — только лишь уверенность в том, что ты причастна ко всем происходившим событиям, позволила ему поступить так, как он поступил. Но, если ты в самом деле ничего не знаешь и ни в чем не принимала участия, мне следует выразиться яснее. В тот самый день, когда я вернулась домой из Лонгборна, твоему дяде нанес визит неожиданный посетитель. Придя к нам, мистер Дарси провел с дядей наедине несколько часов. Их разговор к моему приезду уже закончился, так что мне совсем не пришлось страдать от любопытства, которое тебя, видимо, подвергло столь длительному испытанию. Целью его прихода было сообщить мистеру Гардинеру, что ему удалось обнаружить местопребывание твоей сестры и мистера Уикхема. Ему также удалось по-

видаться и поговорить с ними обоими: с Лидией один, а с Уикхемом — несколько раз. Насколько я поняла, он покинул Дербишир на следующий же день после нашего отъезда оттуда и прибыл в Лондон, чтобы выследить беглецов. Свои действия он объясняет тем, что это по его вине низость Уикхема не подверглась разоблачению, которое предостерегло бы достойных молодых леди от опасности им увлечься и довериться подобному человеку. Великодушно приписывая эту ошибку своей ложной гордости, он признает, что прежде считал ниже своего достоинства раскрывать перед миром обстоятельства, которые относились, казалось бы, к нему одному. Люди должны были знать, с кем им приходится иметь дело. Поэтому мистер Дарси счел своим долгом вмешаться и попытаться исправить зло, причиненное при его попустительстве. Если он руководствовался также и *другими побуждениями*, я не считаю, что это можно поставить ему в упрек. Он провел в городе несколько дней, прежде чем ему удалось разыскать беглецов. Но в его розысках ему могли помочь некоторые не известные нам обстоятельства. И сознание этого своего преимущества было еще одной причиной, побудившей его отправиться вслед за нами. Существует некая дама по имени миссис Янг, служившая прежде гувернанткой при мисс Дарси и отстраненная от этой должности за какой-то проступок, о котором мистер

Дарси предпочел умолчать. С тех пор она добывает средства к существованию, сдавая меблированные комнаты в большом доме, приобретенном ею на Эдвард-стрит¹⁴. Как было известно мистеру Дарси, дама эта близко знакома с Уикхемом. Поэтому тотчас по приезде в город мистер Дарси отправился за сведениями к миссис Янг. Он смог добиться от нее того, что ему было нужно, только два или три дня спустя. По-видимому, она не соглашалась без достаточного подкупа пренебречь оказанным ей доверием, так как на самом деле прекрасно знала о местонахождении ее приятеля. Уикхем и вправду сразу по прибытии в Лондон явился прямо к ней и здесь бы и остался, если бы только у нее была для него свободная комната. В конце концов, наш добрый друг все же вырвал у этой особы требовавшиеся ему сведения. Выяснилось, что они остановились на ***-стрит. Он повидал Уикхема и после этого добился свидания с Лидией. По его словам, при этой встрече он прежде всего хотел убедить ее отказаться от своего позорного положения и вернуться к родным, как только они будут готовы ее принять. При этом он предложил ей возможное содействие. Выяснилось, однако, что Лидия была полна решимости остаться там, где находилась. Ей не было никакого дела до родственников, она не желала от них никакой помощи и даже слышать не хотела о том, чтобы расстать-

ся с Уикхемом. Она была уверена, что рано или поздно они поженятся и вовсе не придавала сколько-нибудь серьезного значения тому, когда именно это произойдет. При таком ее взгляде на вещи, он полагал, что не оставалось другого выхода, как условиться об их женитьбе и всячески ускорить это событие. Из своей первой беседы с Уикхемом он понял, что женитьба вовсе не входила в намерения молодого человека, который признался, что весьма обременительные долги чести вынудили его покинуть полк и не постеснялся свалить все несчастные обстоятельства побега Лидии на ее легкомыслие. Он собирался уйти в отставку и имел весьма смутное представление о своем будущем. Предполагалось, что он куда-нибудь уедет, хотя отнюдь не было известно, куда именно. Вместе с тем было ясно, что у него нет никаких средств к существованию. Мистер Дарси поинтересовался причинами, из-за которых он сразу не обвенчался с твоей сестрой. Хотя мистера Беннета нельзя было считать очень богатым человеком, он все же мог в какой-то мере оказаться ему полезным и эта женитьба должна была бы выгодно отразиться на его положении. Но ответ Уикхема на этот вопрос свидетельствовал, что молодой человек все еще лелеял надежду основательно поправить свои дела с помощью женитьбы в новых местах. При таких обстоятельствах ему, однако, трудно было усто-

ять против соблазнительного предложения, которое сразу могло его выручить. Они встретились не один раз — столько вещей необходимо было обсудить. Уикхем, разумеется, запросил больше того, на что мог рассчитывать, но в конце концов ограничился разумными требованиями. Как только между ними была достигнута договоренность, мистер Дарси тотчас же поспешил ознакомить с положением дел твоего дядю и зашел на Грейсчёрч-стрит вечером накануне моего приезда. Однако ему не удалось застать мистера Гардинера. А из ответов прислуги он узнал, что твой отец все еще находится здесь, но должен уехать на следующее утро. Считая, что с ним ему будет не столь легко объясниться, как с мистером Гардинером, он охотно отложил свой визит до отъезда мистера Беннета в Лонгборн. Он не назвал своего имени и до следующего дня было известно только, что некий господин навещался к дяде по делу. В субботу он явился опять. Твоего отца уже не было ¹⁵, дядя находился дома, и, как уже сказано было выше, между ними произошел весьма продолжительный разговор. В воскресенье они встретились снова, и тогда мне также довелось его повидать. Но обо всем договориться они смогли только в понедельник, после чего в Лонгборн немедленно был отправлен нарочный. Наш гость оказался очень упрямым человеком. Думаю, Лиззи, что истинным недо-

статком его характера в конце концов является именно упрямство. В разное время ему приписывались всевозможные пороки. Но этот порок присущ ему на самом деле. Все, что еще предстояло сделать, должно было быть сделано только им самим, хоть я убеждена (говорю вовсе не для того, чтобы заслужить благодарность, и поэтому, пожалуй, ни слова об этом), что твой дядя охотно бы взялся за дело сам. Они спорили между собой по этому поводу гораздо дольше, нежели стоили та девица и молодой человек, к которым эти споры относились. Но в конце концов дяде пришлось уступить и вместо того, чтобы оказаться полезным своей племяннице, он, вопреки своему желанию, вынужден был только изобразить собой благодетеля, не будучи им на самом деле. И я искренне убеждена, что полученное от тебя сегодня утром письмо весьма его обрадовало, так как потребовало разъяснений, которые избавляют его от не принадлежавших ему лавров и отдают их на самом деле заслужившему их лицу. Но, милая Лиззи, все это не должно пойти дальше тебя, и, в крайнем случае, дальше Джейн. Ты, я думаю, достаточно хорошо знаешь, что было сделано для жениха и невесты. Следовало выплатить его долги на общую сумму, наверно, далеко перевалившую за тысячу фунтов. Другая тысяча, вместе с ее собственной, была положена на имя Лидии. А для него был куплен патент.

Причину, по которой все это взял на себя мистер Дарси, я уже назвала тебе раньше. Только по его вине, из-за его бездействия и недостаточной предусмотрительности, характер Уикхема выступал в столь ложном свете и он мог пользоваться всеобщим вниманием и расположением. Быть может, в этом и содержится некоторая крупница истины. Однако, несмотря на все эти прекрасные рассуждения, ты, моя дорогая Лиззи, можешь быть абсолютно уверена, что дядя ни за что бы с ними не согласился, не будь он убежден в совсем особой заинтересованности мистера Дарси в этом деле. Когда все вопросы были, наконец, разрешены, мистер Дарси вернулся к своим друзьям, еще остававшимся в Пемберли. Но при этом было условлено, что он снова прибудет в Лондон в день бракосочетания с тем, чтобы полностью закончить денежные дела. Думаю, что я тебе рассказала теперь решительно все. Это сообщение, как я поняла из твоего письма, должно тебя сильно удивить. Надеюсь все же, что оно не вызовет твоего неудовольствия. Лидия переселилась к нам, и Уикхем получил постоянный доступ в наш дом. Он был точно таким же, каким я его знала в Хартфордшире. Но я ни за что не стала бы говорить тебе о своем недовольстве поведением в нашем доме невесты, если бы не поняла из письма, написанного Джейн в последнюю среду, что она ведет себя в

Лонгборне точно так же, как и у нас, и потому это мое сообщение не может причинить тебе новой боли. Я много раз заводила с ней разговор, пытаюсь самым серьезным образом объяснить ей всю непорядочность ее поведения и все зло, которое она причинила своей семье. Я была бы рада, если что-нибудь из этого все же дошло до нее, так как она явно старалась не слышать моих слов. Иногда я просто выходила из себя. Но тогда я вспоминала своих дорогих Элизabet и Джейн и ради них старалась сохранить свое терпение. Мистер Дарси вернулся точно в назначенное время и, как тебе уже известно от Лидии, присутствовал при венчании. Он пообедал у нас на следующий день и должен был выехать снова из Лондона в среду или четверг. Надеюсь, дорогая Лиззи, ты не очень рассердишься, если я воспользуюсь этим поводом и признаюсь тебе (чего я никак не решалась сделать до этих пор), насколько он мне понравился. Его обращение с нами было во всех отношениях таким же милым, как тогда, когда мы находились в Дербишире. Его взгляды и здравый смысл кажутся мне безукоризненными. Если ему чего-то и недостает, так это некоторой живости характера, которую в нем могла бы воспитать спутница жизни при условии, что он сделает удачный выбор. Он показался мне человеком скрытным — едва ли он хоть раз упомянул о тебе. Но ведь скрытность свой-

ственна высшему свету! Ради бога, прости мне мои, быть может, слишком преждевременные намеки. И, по крайней мере, не рассердись на меня настолько, чтобы в будущем закрыть передо мной двери в П. Я не смогу почувствовать себя вполне счастливой до тех пор, пока не осмотрю весь парк целиком. Думаю, что для этого отлично подошел бы низенький фазтон с парой хороших пони. Но я больше не могу писать. Уже более получаса тому назад мне следовало заняться детьми.

Искренно преданная тебе

М. Гардинер.»

Содержание этого письма вызвало в душе Элизабет целую бурю переживаний, радостных и мучительных — было даже трудно определить, какие из них преобладали. Прежние смутные и неопределенные догадки, вызванные неясностью роли Дарси в подготовке замужества ее сестры, в которые она даже не смела вдумываться — они предполагали проявление такого необыкновенного великодушия и вместе с тем налагали на нее столь серьезные обязательства — подтвердились и притом в самой полной мере! Он специально отправился искать их в Лондон, готовый ко всем неприятностям и унижениям, связанным с подобными розысками! Снизшел до роли просителя перед женщиной, которую презирал и ненавидел! Был вынужден встречаться (и притом не один раз), уговаривать и, наконец, подкупать человека, которого он всегда избегал и даже самое имя которого выводило его из себя! И все

это делалось им ради девчки, которую он не мог ни уважать, ни цевить. Сердце подсказывало Элизабет, что он поступил так ради нее. Но она тут же постаралась отбросить подобную надежду, думая о том, что даже при всем своем тщеславии она не могла рассчитывать на его привязанность к женщине, которая уже ответила ему однажды отказом — пусть даже ему удалось бы преодолеть чувство отвращения, которое должно было столь естественно в нем возникнуть при одной мысли о необходимости породниться с Уикхемом. Свояк Уикхема! Всякое чувство естественной гордости должно было бы восставать против такого родства. Разумеется, он сделал очень много. Ей было совестно даже представить себе, сколько. Но ведь он предложил объяснение своего вмешательства, в которое можно было поверить без особой натяжки. Казалось вполне разумным, что он чувствовал себя виноватым. Он был щедр и имел возможность проявлять это качество. И хотя его прежнюю склонность к ней она не могла считать главным его побуждением, остатки этого чувства могли все же способствовать его стараниям в деле, от которого столь сильно зависело ее душевное спокойствие. Как тяжело, как мучительно было сознавать, сколь многим обязаны они были человеку, с которым они никогда не смогут расплатиться. Спасение Лидии, ее имени и чести — все это было делом его рук. О, как горько раскаивалась она теперь в каждой своей недоброй мысли об этом человеке, в каждой обращенной к нему вызывающей фразе! Себя она чувствовала униженной. Но она была

горда за него, горда тем, что он превзошел самого себя в проявлении великодушия и благородства. Она снова и снова перечитывала в письме отзыв о нем миссис Гардинер. Едва ли он был полным. Но он был ей по-настоящему дорог. Она даже испытывала некоторую радость, смешанную с сожалением, думая об уверенности Гардинеров в том, что она связана с мистером Дарси доверием и взаимной привязанностью.

Ее заставил оторваться от скамьи и от раздумий шум чьих-то шагов. И, прежде чем она углубилась в соседнюю аллею, ее догнал Уикхем.

— Боюсь, сестрица, что я не вовремя прервал вашу одинокую прогулку, — сказал он, подходя.

— Вы в самом деле ее прервали, — ответила она с улыбкой. — Но отсюда вовсе не следует, что это произошло не вовремя.

— Если бы это было так, меня бы это очень огорчило. Мы ведь всегда были добрыми друзьями, а теперь стали еще лучшими, не правда ли?

— Да, разумеется. С вами еще кто-нибудь вышел прогуляться?

— Не знаю. Лидия с матерью поехали в Меритон. Итак, сестрица, как я понял из слов дяди и тети, вы все-таки навестили Пемберли.

Она ответила утвердительно.

— Я почти вам завидую. И все же я полагаю, что для меня это было бы слишком тяжело, — в противном случае я вполне мог бы туда заехать по пути в Ньюкасл. Вы, должно быть, повидали там старую экономку? Бедная Рейнолдс, она меня так любила. Но, конечно, вам она обо мне ничего не сказала.

— О нет, кое-что было сказано.

— Что же именно?

— Что вы поступили в армию и, кажется, не вполне хорошо там себя зарекомендовали. На большом расстоянии, вы знаете, многое представляется в искаженном виде.

— Да, в самом деле,— произнес он, кусая губы.

Элизабет надеялась, что ей удалось заставить его замолчать. Но он вскоре заговорил опять.

— Я был очень удивлен, увидев недавно в Лондоне Дарси. Мы встретились с ним несколько раз. Интересно, чем он там занимается.

— Может быть, он готовится к своей свадьбе с мисс де Бёр?— спросила Элизабет.— В такое время года его могло привести в город только что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Несомненно. Пришлось ли вам повидать его во время вашего пребывания в Лэмтоне? Из слов Гардинеров мне показалось, что вы с ним встретились?

— О да, он познакомил нас со своей сестрой.

— И она вам понравилась?

— Да, очень.

— Я в самом деле слышал, что она стала намного лучше за эти два года. Когда я ее видел в последний раз, она не внушала больших надежд. Весьма рад, что она вам пришлась по душе. Я хотел бы надеяться, что с ней и дальше все пойдет хорошо.

— О, я в этом вполне убеждена. Ведь самые опасные годы для нее уже позади, не правда ли?

— Вы проезжали деревню Кимтон¹⁶?

— Что-то не припоминаю такого названия.

— Я назвал его лишь потому, что это — тот самый приход, на который я мог рассчитывать. Какое это дивное место! А пасторский домик! — он так подошел бы мне во всех отношениях.

— И вы стали бы произносить проповеди?

— О, с величайшим наслаждением! Они являлись бы частью моих обязанностей и, привыкнув, я легко бы с ними справлялся. Нехорошо жаловаться на судьбу, но когда подумаешь — какое бы это было для меня славное местечко! Спокойствие, уединенность целиком отвечают моим представлениям о человеческом счастье. Но, увы, этому не суждено осуществиться. Вам Дарси ничего не рассказывал об этом, когда вы гостили в Кенте?

— От человека не менее осведомленного я слышала, что приход был оставлен за вами только условно, с тем, что окончательное решение возлагалось на теперешнего владельца.

— Вот как?! Да, это до некоторой степени верно. Я даже что-то вам об этом сказал, когда мы с вами разговорились в первый раз — вы припоминаете?

— Я также слышала, что в былое время произнесение проповедей не казалось вам столь заманчивым занятием, каким оно представляется вам сейчас. И что тогда вы решительно и навсегда отказались от пасторского сана, получив соответствующую компенсацию.

— Вот оно что? Ну что ж, это также не совсем лишено оснований. Вы можете припом-

нить, что я и об этом говорил вам при нашем первом знакомстве.

Они уже находились у самого входа в дом, так как Элизабет шла быстро, с тем, чтобы поскорее от него отделаться. Щадя сестру и ради нее не желая с ним ссориться, она только ответила ему с веселой улыбкой:

— Послушайте, мистер Уикхем, мы с вами теперь, как вы знаете, — брат и сестра. Не будем вспоминать прошлое. В будущем, я надеюсь, мы обо всем станем судить одинаково.

Она протянула Уикхему руку, которую тот, не зная куда отвести глаза, весьма галантно поцеловал, и они вошли в дом.

Глава XI

Мистер Уикхем был в такой степени доволен этой беседой, что больше уже никогда не утруждал себя попытками растрогать дорогую сестрицу Элизабет жалобами на свою горькую участь. И она с радостью убедилась в том, что ей удалось высказать все необходимое, чтобы заставить его замолчать.

Вскоре наступил день отъезда его и Лидии, и миссис Беннет не оставалось ничего другого, как примириться с предстоящей разлукой, которая, по-видимому, должна была продлиться не менее года, так как ее муж и слышать не хотел о поездке в Ньюкасл.

— О, моя дорогая Лидия! — воскликнула она, — когда-то теперь доведется нам снова встретиться!

— Боже ты мой,— откуда же я знаю? Быть может, не раньше, чем через два или даже три года.

— Пиши мне, любовь моя, как можно чаще.

— Как только сумею. Вы же знаете, что у замужних женщин остается немного времени для писем. Пускай мне больше пишут сестры. Им-то ведь делать больше нечего.

Мистер Уикхем простился с родными гораздо более сердечно, чем Лидия. Он расточал улыбки, чудесно выглядел и произнес массу приятных слов.

— Это самый отличный малый из всех, кого я встречал на своем веку,— заметил мистер Беннет, как только они уехали.— Ухмыляется, хихикает и каждого из нас обхаживает. Я необыкновенно им горд. Думаю, что даже сам сэр Уильям Лукас не смог бы породить более достойного зятя.

Отъезд дочери на несколько дней выбил миссис Беннет из колеи.

— Мне часто приходит в голову,— говорила она,— что на свете ничего нет хуже, чем разлука с родным человеком. Как пусто становится, когда его больше нет рядом!

— Вот к чему приводит, сударыня, замужество дочери,— заметила Элизабет.— Тем больше удовлетворения вы должны находить в том, что остальные ваши четыре дочки остаются в девицах.

— Ничего подобного! Лидия покинула нас вовсе не из-за того, что вышла замуж, а лишь

потому, что полк ее мужа находится бог знает в каких местах. Если бы он был поближе, она не уехала бы так быстро.

Отчаяние, в которое она была ввергнута этим событием, мало-помалу, однако, потеряло свою остроту, и она стала питать новые надежды благодаря одному недавно распространившемуся известию. Экономка в Незерфилде получила распоряжение приготовиться к приезду хозяина, прибывающего через день или два, чтобы в течение нескольких недель поохотиться в этих местах. Миссис Беннет пришла в крайнее беспокойство. Она то и дело поглядывала на Джейн, улыбалась и качала головой.

— Так, так, сестрица (новость сообщила ей миссис Филипс), значит мистер Бингли все-таки возвращается. Ну что ж, тем лучше. Хотя меня это мало трогает. Он ведь для нас, как тебе известно, — ничто. Я уверена, что мне вовсе и не хотелось его снова увидеть. И все же его появление в Незерфилде, если он вздумал туда возвратиться, — дело похвальное. Кто знает, что может случиться. Но нас это не касается. Ты ведь не забыла, что мы условились больше никогда об этом даже не вспоминать. А ты уверена, что он приезжает?

— Можешь на меня положиться, — отвечала ее сестра. — Миссис Николс была вчера вечером в Меритоне. Я как увидела, что она проходит мимо, сразу же выбежала на улицу, чтобы все разузнать. Она мне сама сказала, что все это — чистая правда. Он приезжает не позже четверга,

а, может быть, даже в среду. Миссис Николас, по ее словам, заходила к мяснику, чтобы заказать мяса к среде. И, к ее счастью, у него нашлось три пары уток, которым уже самое время свернуть головы и отправить на кухню.

Известие о приезде Бингли не могло не вызвать краску на лице у мисс Беннет. Прошло уже много месяцев с тех пор, как она в последний раз произнесла его имя в разговоре с Элизабет. Но теперь, как только они остались вдвоем, она сказала:

— Я заметила, как ты на меня взглянула, когда тетя сообщила нам последнюю новость. И я чувствую, что показалась при этом расстроенной. Но, пожалуйста, не считай, что это было связано с какими-нибудь глупостями. Просто я на минуту смутилась, так как понимала, что все должны обратить на меня внимание. Новость эта не вызвала в моей душе ни радости, ни боли. Особенно приятно, что он приезжает один, так как благодаря этому мы почти не будем встречаться. Не то, чтобы я опасалась за себя, но я боюсь всяческих намеков.

Элизабет не знала, что и подумать. Если бы она не встретила с ним в Дербишире, она считала бы, что он мог приехать только ради того, о чем было объявлено во всеуслышание. Но там ей показалось, что он по-прежнему любит ее сестру.

И она терялась в догадках, стараясь понять, приезжает ли он с разрешения друга или осмелился действовать по собственному усмотрению.

«И все же это ужасно,— думала она иногда.— Несчастный молодой человек не смеет поселиться в нанятом им по всем правилам доме, не вызвав подобных сплетен. По мне — пусть он живет, как ему вздумается».

Хотя Джейн говорила, что известие о приезде Бингли несколько ее не тревожит и даже верила в это сама, Элизабет все же ясно замечала ее волнение. В каждом ее поступке чувствовалось возбуждение, нервозность, столь несвойственные ей в обычное время.

Тема, подвергнутая такому горячему семейному обсуждению около года тому назад, вновь стала предметом разговора между родителями.

— Дорогой мой, как только мистер Бингли придет, — сказала миссис Беннет, — вам, разумеется, нужно будет его навестить.

— Ну нет. В прошлом году вы меня уговорили, обещав, что он за то женится на нашей дочке. Но из этого так ничего и не вышло. Больше вы меня на эту удочку не поймаете.

Жена попыталась объяснить, насколько такой знак внимания к приезду соседа обязателен для его знакомых.

— Терпеть не могу этикета! — возразил ее муж. — Если Бингли нуждается в нашем обществе — ему и заботиться о встрече. Он знает, где мы живем. Я слишком дорожу временем, чтобы бегать ко всем соседям по случаю каждого их отъезда или приезда.

— Ну что ж, насколько я понимаю, вы поступите непростительно грубо. Но я решила, что это не помешает мне пригласить его к нам на

обед. У нас скоро будут Голдинги и миссис Лонг. Вместе с нами это составит тринадцать человек, так что за столом для него как раз останется место.

Утешив себя принятым решением, она легче смирилась с недостаточной учтивостью мужа. И все же ей было тяжело сознавать, что из-за этого отказа соседи смогут встретиться с мистером Бингли раньше, чем ее семья.

— Я вообще начинаю жалеть о его приезде,— сказала Джейн своей сестре.— Этот приезд мог быть для меня безразличен,— ведь я могу и впрямь встретиться с ним, как ни в чем не бывало. Но я не переношу связанные с его приездом беспрестанные разговоры. У нашей матери самые добрые намерения. Но она не представляет себе,— этого не может себе представить никто,— как мучают меня ее слова. И я буду рада, когда он снова уедет из Незерфилда!

— Мне бы хотелось тебя утешить,— ответила Элизабет.— Но я не могу. Пойми меня, дорогая. Я не могу даже пожелать тебе набраться терпения,— то, что обычно советуют в таких случаях,— столько ты его уже проявила.

Мистер Бингли приехал. С помощью слуг миссис Беннет узнала об этом немедленно. Тем самым волнения и беспокойства, связанные с его приездом, могли продлиться особенно долго. Миссис Беннет высчитывала, через сколько дней ему можно будет послать приглашение, не надеясь встретиться с ним до этого. Но уже на третье утро после его прибытия в Хартфордшир она увидела из окна спальни, как он въехал на

прилегающую к дому лужайку и поскакал к подъезду.

На радостях она сейчас же подозвала к окну дочерей. Джейн не захотела покинуть своего места за столом. Но Элизабет, чтобы успокоить мать, подошла, посмотрела на двор, увидела рядом с Бингли мистера Дарси и снова уселась рядом со старшей сестрой.

— Там с ним какой-то джентльмен, маменька,— сказала Китти.— Кто бы это мог быть?

— Какой-нибудь его знакомый, моя дорогая,— откуда мне знать.

— Ой!— крикнула Китти.— Кажется, это тот самый мужчина, который всюду бывал с ним раньше. Мистер, как там его зовут,— такой высокий и гордый?..

— Боже праведный! Мистер Дарси! Конечно он, клянусь чем угодно. Ну что ж, мы рады приветствовать всякого друга мистера Бингли. Но не будь он его другом, я бы сказала, что прихожу в ярость от одного вида этого человека.

Джейн бросила на Элизабет взгляд, полный удивления и сочувствия. Она почти ничего не знала о том, что произошло в Дербишире. Поэтому она представила себе смущение сестры при чуть ли не первой встрече с этим человеком с тех пор, как она получила от него столь значительное письмо. Обеим сестрам было очень не по себе. Обоих переполняли собственные переживания и взаимное сочувствие. Поэтому они не расслышали болтовни матери о ее неприязни к мистеру Дарси и решимости обращаться с ним учтиво только ради его дружбы с мистером

Бингли. Но у Элизабет был повод для беспокойства, совершенно неизвестный сестре, которой она так и не решилась показать письмо миссис Гардинер и рассказать, как изменилось ее отношение к Дарси. Для Джейн это был просто человек, на предложение которого ее сестра ответила отказом и достоинства которого она недооценила. Но Элизабет знала гораздо больше. Она видела в нем друга, который облагодетельствовал их семью и к которому она питала чувство если и не столь же нежное, то, по крайней мере, не менее оправданное и заслуженное, нежели чувство Джейн и Бингли. Его приезд, его появление в Незерфилде и в Лонгборне, его явное стремление снова с ней встретиться — все это удивляло ее почти в той же степени, в какой она была удивлена переменой его поведения при первой их встрече в Дербишире.

Румянец, сошедший перед тем с ее щек, вспыхнул на них еще ярче, и радостная улыбка озарила ее лицо, когда она подумала, как долго остаются неизменными его привязанность и стремление завоевать ее сердце. Но она не хотела зря себя обнадеживать.

«Посмотрим прежде, как он станет себя вести,— сказала она себе.— А помечтать мы еще успеем».

Она сидела, углубившись в работу, стараясь совладать с душевным смятением и не смея поднять глаза. Услышав приближающиеся к двери шаги, она с любопытством взглянула на сидевшую рядом сестру. Джейн казалась чуть-чуть побледневшей, но выглядела более спокойной,

чем ожидала Элизабет. При появлении гостей она слегка покраснела. И все же она встретила их непринужденно и в ее полном достоинства поведении нельзя было заметить ни тени обиды или преувеличенной приветливости.

Элизабет сказала каждому из друзей ровно столько, сколько требовали приличия, и снова взялась за шитье. Только раз осмелилась она бросить взгляд на Дарси. Как обычно, он казался очень серьезным, и она подумала, что сейчас он больше похож на Дарси, которого она видела прежде в Хартфордшире, чем на того, которого узнала в Пемберли. Но, быть может, находясь рядом с ее матерью, он не мог вести себя так, как в присутствии ее дяди и тети? Такое предположение, сколь оно ни было огорчительным, казалось достаточно правдоподобным.

На Бингли она также успела взглянуть только мельком, заметив при этом, что он выглядит довольным и смущенным. Миссис Беннет встретила его с такой чрезмерной любезностью, от которой ее старшим дочкам стало неловко, в особенности из-за контраста между этим приемом и холодным и церемонным приветствием, которым она встретила его друга.

Это различие особенно болезненно переживала Элизабет, зная, что миссис Беннет была обязана мистеру Дарси спасением от бесчестия ее любимой дочери.

Дарси спросил у Элизабет о здоровье мистера и миссис Гардинер, смутив ее настолько, что она едва смогла ему ответить, и затем не проронил почти ни одного слова. Они сидели довольно да-

леко друг от друга, и его молчание, возможно, объяснялось именно этим. Но в Дербишире все было по-другому. Там, если он не мог разговаривать с ней, он беседовал с ее друзьями. Здесь же в течение многих минут было вовсе не слышно его голоса. И когда, одолеваемая любопытством, она время от времени бросала на него беглые взгляды, она замечала, что он одинаково часто смотрел на нее и на Джейн, а еще чаще — устремлял свой взор в пол. Его озабоченность и меньшая, в сравнении с предыдущей встречей, готовность быть ей приятным объяснялись достаточно просто. Она была разочарована и очень на себя за это сердилась.

«Разве я могла ждать чего-то иного? — спрашивала она себя. — И все же, почему он пришел?»

Ей не хотелось разговаривать с кем-нибудь другим, и у нее не хватало духу обратиться к нему. Справившись о здоровье его сестры, она больше ничего не смогла придумать.

— Как давно вы уехали, мистер Бингли! — заметила миссис Беннет.

Мистер Бингли охотно согласился.

— Я уже начала побаиваться, что вы и совсем к нам не вернетесь. Здесь поговаривали, что к Михайлову дню вы откажетесь от аренды. Надеюсь, что этого не случится. Как много изменилось за ваше отсутствие! Мисс Лукас вышла замуж и теперь живет своим домом. И одна из моих дочерей — тоже. Надеюсь, вы слышали об этом. Вы должны были прочесть в газетах. Я знаю, что об этом сообщалось в «Курьере» и в

«Таймсе»¹⁷. Хотя, конечно, не так, как следовало бы. Сказано всего-навсего: «На днях мисс Лидия Беннет — за Джорджа Уикхема, эсквайра». И при этом ни словечка об ее отце и из каких она мест, — ничего. Это дело рук моего братца Гардинера. Просто понять не могу, как он мог допустить такую оплошность. Вы успели прочесть?

Бингли ответил утвердительно и воспользовался случаем, чтобы принести свои поздравления. Элизабет не смела поднять глаза и потому не могла сказать, как при этом выглядел мистер Дарси.

— В самом деле, очень приятно, когда дочка удачно выходит замуж, — продолжала миссис Беннет. — И вместе с тем было жестоко отрывать ее от меня. Они уехали далеко на север, в Ньюкасл. И, увы, будут жить в тех местах бог знает сколько. Там квартирует его полк. Вы ведь, надеюсь, знаете, что он ушел из ***ширского и поступил в регулярную армию. Слава богу, у него есть настоящие друзья. Хоть и не так много, как он заслуживает.

Элизабет, понимавшая, что это говорилось в пику мистеру Дарси, почувствовала себя до такой степени униженной, что едва смогла усидеть. Но именно эти слова наполнили ее душу недостававшей ей прежде решимостью и заставили ее вступить в разговор. Она спросила у Бингли, надолго ли он поселился в Незерфилде, и узнала, что он надеется провести здесь несколько недель.

— Когда вы перестреляете всю дичь у себя, — вмешалась ее мамаша, — пожалуйте, мис-

тер Бингли, приезжайте к нам. Вы сможете сколько угодно охотиться в имении мистера Беннета. Поверьте, он будет счастлив доставить вам это удовольствие и постарается приберечь для вас лучшие выводы.

Неумеренная, назойливая угодливость матери еще сильнее смутила Элизабет. Она была убеждена, что если бы сейчас вновь ожили прошлогодние надежды, то очень скоро все опять завершилось бы досадным разочарованием. И ей казалось, что мучка, которую в эти минуты испытывали она и Джейн, не могла быть возмещена даже годами блаженства.

— Я всей душой желаю избежать в будущем каких бы то ни было встреч с этими людьми, — говорила она себе. — Своим обществом они не доставляют той радости, ради которой стоило бы переносить такие страдания. Так пусть же ни тот, ни другой больше не попадутся мне на пути!

Мучка, которая не могла быть возмещена годами блаженства, показалась ей все же менее тяжелой, когда она заметила, как сильно обаяние Джейн действует на чувства ее прежнего поклонника. Сразу по приходе он разговаривал с ней совсем немного. Но с каждой минутой его внимание к ней возрастало. Она показалась ему такой же красивой, как в прошлом году. Такой же милой и такой же естественной, но, пожалуй, несколько более молчаливой. Джейн всячески заботилась о том, чтобы в ней не было заметно никаких перемен, и считала, что разговаривает столько же, сколько раньше. Но ее мысль работала так

напряженно, что нередко она сама не замечала своей задумчивости.

Когда молодые люди собрались уходить, миссис Беннет, продолжая изо всех сил ухаживать за Бингли, воспользовалась случаем, чтобы пригласить их пообедать в один из ближайших дней в Лонгборне.

— Ведь вы, мистер Бингли,— мой должник,— добавила она.— Помните, когда вы уезжали в город прошлой зимой, вы обещали по возвращении приехать к нам на обед. Я этого, как видите, не забыла. И, признаюсь, я была сильно разочарована, когда вы не вернулись в Хартфордшир, чтобы исполнить свое обещание.

Эти слова вызвали у Бингли некоторое замешательство и в ответ он пробормотал что-то о задержавших его делах. Сразу после этого они уехали.

Миссис Беннет очень хотелось пригласить их к обеду в этот же день. Но хотя в Лонгборне всегда был отличный стол, она решила, что потребуется по крайней мере удвоить количество блюд, чтобы угодить человеку, с которым она связывала столь большие надежды, а также удовлетворить аппетит и тщеславие его друга, располагавшего десятью тысячами годового дохода.

Глава XII

Как только они ушли, Элизабет, чтобы немного успокоить свое волнение, отправилась на прогулку. Ей хотелось спокойно и основательно

поразмислить над событиями дня, особенно сильно ранившими ее чувства. Сильнее всего ее удивляло и мучило поведение мистера Дарси.

«Зачем он пришел, — недоумевала она, — если собирался все время просидеть молча, сохраняя на лице такое безразличное выражение?»

Ей не удавалось найти объяснения, которое могло бы хоть сколько-нибудь ее порадовать.

— Еще совсем недавно, в Лондоне, он мог быть приветливым и любезным с дядей и тетей. Почему же он не был таким же со мной? Если он со мной чувствует себя неловко, зачем ему было сюда приходить? Если ему больше нет до меня дела, откуда такая замкнутость? Как он меня изводит, этот человек! Больше не стану о нем никогда думать.

На какое-то время ей поневоле пришлось сдерживать свое обещание, так как ее догнала Джейн, счастливый вид которой показывал, что утренний визит доставил ей гораздо больше удовольствия, чем ее сестре.

— Теперь, — сказала она, — когда первая встреча уже позади, у меня на душе стало спокойно. Я уверилась в своих силах и его приход больше никогда меня не смутит. Мне даже приятно, что он будет обедать у нас во вторник. При этом все смогут убедиться в том, что между нами нет ничего, кроме самого обычного знакомства.

— Да, да, разумеется, самого обычного, — с улыбкой ответила Элизабет. — Ах, Джейн, Джейн, будь осторожна!

— Лиззи, дорогая, неужели ты считаешь ме-

ня такой слабой, что сколько-нибудь за меня боишься?

— Я считаю, что тебе следует бояться, как бы он не влюбился в тебя еще сильнее.

Они не видели молодых людей до вторника. И за эти дни в душе миссис Беннет созрели самые счастливые надежды, основанные на довольном виде и любезности мистера Бингли в течение его получасового визита.

Во вторник в Лонгборне собралось большое общество. Двое гостей, которых ждали с особенным нетерпением, как истые спортсмены, явились ровно в назначенное время. Когда все направились в столовую, Элизабет с интересом стала наблюдать, займет ли Бингли принадлежавшее ему прежде место рядом с Джейн. Ее предусмотрительная мамаша, волнуемая той же мыслью, не стала усаживать его подле себя. Войдя в комнату, Бингли остановился в некоторой нерешительности. Но Джейн как бы ненароком взглянула по сторонам, как бы ненароком улыбнулась,— и все было решено. Он уселся рядом.

Элизабет с торжеством посмотрела на его друга. Тот отнесся к происшедшему с благородной невозмутимостью. И она могла бы подумать, что Бингли испросил у него разрешения на счастье, если бы не заметила брошенного им на мистера Дарси взгляда, выразившего шутливое беспокойство.

То, как он вел себя во время обеда по отношению к Джейн, явно доказывало, насколько он

ею увлечен. И хотя, по сравнению с прежними встречами, он соблюдал бóльшую осторожность, было ясно, что он и Джейн, если им только не помешают, обретут счастье в ближайшем будущем. Не осмеливаясь предвосхищать события, Элизабет испытывала удовольствие, наблюдая за поведением Бингли. И это было единственной приятной мыслью, которая отчасти скрашивала ее невеселое настроение. Мистер Дарси сидел рядом с миссис Беннет, так далеко от Элизабет, насколько это было возможно за одним столом. И Элизабет прекрасно понимала, как мало удовольствия каждый из них испытывает от такого соседства и как это должно отражаться на их поведении. Она не могла на таком расстоянии слышать их слов, но хорошо видела, как редко они обращались друг к другу и в какой мере эти обращения были сухими и сдержанными. Нелюбезность матери заставила Элизабет еще острее почувствовать, сколь многим они ему обязаны. И иногда она готова была пожертвовать чем угодно ради возможности высказать ему, что хоть кто-то в семье знает и по-настоящему ценит все доброе, что было им для них сделано.

Она надеялась, что в течение вечера какой-нибудь случай сведет их вместе, и этот визит не кончится прежде, чем им удастся сказать друг другу нечто большее, нежели несколько произнесенных при встрече церемонных приветствий. Охваченная тревогой и беспокойством, она сидела в гостиной до прихода мужчин с таким угрюмым и удрученным видом, что могла показаться невежливой. И она ждала минуты их появления

с тем чувством, как будто от этой минуты целиком зависело — принесет ли ей вечер хоть какую-нибудь радость.

— Если он не подойдет и на этот раз, — говорила она себе, — я буду знать, что он потерян для меня навсегда.

Мужчины вошли. И судя по виду мистера Дарси, он был склонен ответить ее надеждам. Но увы! Дамы так тесно окружили столик, за которым Джейн разливала чай, а Элизабет — кофе, что поблизости не оказалось ни одного места, где бы он мог присесть. А когда молодые люди оказались неподалеку, одна из девиц прижалась к Элизабет, прошептав:

— Я не желаю, чтобы мужчины нас разлучили! Ведь никто из них нам не нужен, не правда ли?

Дарси отошел в другой конец комнаты. Она проводила его взглядом, завидуя каждому человеку, с которым он вступал в разговор, и боясь, что у нее не хватит терпения угостить кофе присутствующих. И вдруг ее возмутила собственная наивность.

— Человек, которому я отказала! Как глупо с моей стороны думать, что он мог снова в меня влюбиться! Разве найдется представитель сильного пола, у которого хватило бы кротости попросить руки во второй раз? Большого унижения им, наверно, трудно себе представить!

Ей, однако, стало немного легче, когда он попросил во второй раз налить ему чашку кофе. Воспользовавшись случаем, она сказала:

— Ваша сестра все еще живет в Пемберли?

— Да, она пробудет там до рождества.

— И что же, с ней никто не остался? Неужели все друзья ее покинули?

— Миссис Энсли еще там. А другие леди три недели тому назад уехали в Скáрборо¹⁸.

Больше она ничего не нашлась сказать. Но если бы ему хотелось поддержать разговор, он мог бы сам придумать какую-нибудь тему. Тем не менее он простоял около нее несколько минут молча, и только, когда одна из девиц начала что-то опять нашептывать Элизабет на ухо, отошел в сторону.

Чайный прибор был убран, и карточные столы — раскрыты. Дамы поднялись, и Элизабет надеялась, что вскоре он окажется рядом. Однако и на этот раз ее постигло разочарование: она увидела, как его перехватила миссис Беннет, охотясь на игроков в вист, и усадила его против себя. Больше уже она не ждала от вечера никаких радостей. Они должны были просидеть в разных концах комнаты до самого ухода гостей, и теперь ей оставалось только надеяться, что, обращая свой взор слишком часто к ее столику, он окажется таким же незадачливым игроком, как она сама.

Миссис Беннет намеревалась удержать мистера Бингли и его друга еще и на ужин. Однако на ее беду его экипаж был подан первым, и она не смогла найти способа помешать их отъезду.

— Ну-с, девочки, — сказала она, когда все наконец разъехались, — что вы скажете о сегодняшнем вечере? Все прошло самым отличным об-

разом. Вы заметили, как красиво был убран стол? Оленина совсем не пережарилась — все говорили, что еще не видывали такого сочного окорока. А разве можно было сравнить суп с тем, что мы неделю назад ели у Лукасов? И даже мистер Дарси подтвердил, что куропатки приготовлены превосходно. А он-то, наверно, держит, по меньшей мере, двух или трех французских поваров. Джейн, милочка, ты еще никогда не выглядела такой красавицей. Миссис Лонг тоже это находит — она прямо так и сказала, отвечая на мой вопрос. И что же ты думаешь, она при этом добавила? — «Ах, миссис Беннет, суждено ей жить в Незерфилде!» — Правда, правда, так и сказала! Она — такая девушка, эта миссис Лонг, ну кто может с ней сравниться? А какие у нее воспитанные племянницы, — хоть, правда, и некрасивые. Я просто их обожаю!

Короче говоря, миссис Беннет находилась в великолепном расположении духа. Она достаточно насмотрелась на то, как мистер Бингли вел себя по отношению к Джейн, чтобы вполне увериться, что он в конце концов станет ее мужем. А так как, находясь в хорошем настроении, она ждала, что счастливые события станут развиваться в совершенно невероятном темпе, то была серьезно разочарована, когда на следующее утро он не явился просить руки ее дочери.

— Какой это был чудесный день! — сказала Джейн, обращаясь к сестре. — И как удачно подобралось все общество — все так подходило друг к другу. Надеюсь, что мы и дальше будем встречаться.

Элизабет улыбнулась.

— Почему ты улыбаешься, Лиззи? Тебе не в чем меня подозревать. Мне это неприятно. Поверь мне, я теперь вполне научилась извлекать удовольствие из беседы с ним, просто как с приятным и разумным молодым человеком, не испытывая при этом никаких других чувств. И я убедилась, что у него не было ни малейшего желания завоевать мое сердце. Это только могло показаться — потому что, в отличие от других людей, он одарен удивительным обаянием и стремлением радовать всех окружающих.

— Ты поступаешь очень жестоко, — отвечала ее сестра. — Не позволяя мне улыбаться, ты, вместе с тем, каждую минуту даешь мне для этого повод.

— Иной раз бывает удивительно трудно сделать так, чтобы тебе поверили!

— А бывает — и совсем невозможно! ¹⁹

— Но для чего тебе меня убеждать, что я испытываю нечто большее, чем сама сознаю?

— На этот вопрос я едва ли смогу ответить. Мы все любим поучать других, хотя можем им передать лишь то, что, пожалуй, и знать-то не стоит. Прости меня. И если ты настаиваешь на своем безразличии к мистеру Бингли, не делай меня больше своей наперсницей.

Глава XIII

Через несколько дней после званого обеда мистер Бингли снова навестил Лонгборн, на этот раз без своего друга. Мистер Дарси в это утро

уехал в Лондон, с тем, однако, чтобы через десять дней снова вернуться в Незерфилд. Бингли пробыл более часа, все время находясь в превосходном настроении. Миссис Беннет пригласила его остаться обедать, но, к его великому сожалению, он вынужден был признаться, что уже обещал обедать в другом месте.

— Надеюсь, нам повезет больше, когда вы приедете в следующий раз,— сказала миссис Беннет.

— Он будет необыкновенно счастлив в любое время, и т. д. и т. д. И, если ему позволят сейчас удалиться, он воспользуется первым удобным случаем, чтобы навестить их опять.

— Вы могли бы прийти завтра?

— Да, этот день у него ничем не занят.— И приглашение было с готовностью принято.

Он пришел и притом в такое удачное время, когда ни одна из дам еще не завершила своего туалета.

Миссис Беннет в одном халате и с наполовину законченной прической вихрем влетела в туалетную комнату дочери, крича на ходу:

— Джейн, дорогая, ради бога поторопись! И — живо спускайся вниз. Он пришел! Мистер Бингли пришел! Да, да, в самом деле. Скорее! Скорее! Вот что, Сара, сию же минуту беги к мисс Беннет и займись ее платьем. Прическа мисс Лиззи может подождать.

— Мы спустимся, как только будем готовы,— сказала Джейн.— Но Китти, я думаю, еще раньше будет внизу,— она поднялась к себе уже полчаса тому назад.

— Да пропади она, Китти! Ее только не хватало. Вниз, вниз, поживее! Куда запропастился твой шарф, моя дорогая?

Но когда мать вышла, Джейн решила ни за что не спускаться без одной из своих сестер.

Стремление матери оставить их наедине проявилось столь же сильно и вечером. После чая мистер Беннет, как обычно, удалился в библиотеку, а Мэри поднялась к себе заниматься музыкой. Когда два препятствия были таким образом устранены, миссис Беннет принялась всячески подмигивать Элайзе и Китти. Ее старания долго оставались незамеченными. Элизабет упорно не обращала на них никакого внимания. Наконец, Китти спросила с невинным видом:

— Что такое, маменька? Почему вы подмигиваете? Я что-нибудь должна сделать?

— Ничего, дитя мое, ничего. Тебе это показалось.

После этого она минут пять просидела спокойно. Но, будучи не в силах упустить такую благоприятную возможность, она, внезапно вскочив, и, сказав при этом в сторону Китти: «Пойдем, милочка, со мной, я тебе должна там что-то сказать», — увела ее из комнаты. Джейн бросила на Элизабет взгляд, говоривший, как неприятны ей эти уловки, и умолявший сестру, чтобы она ни в коем случае им не поддавалась.

Через несколько минут миссис Беннет снова открыла дверь, сказав при этом:

— Лиззи, дорогая, мне нужно с тобой поговорить.

— Ты знаешь, мы вполне можем их оставить

вдвоем, — сказала мать, как только они оказались в коридоре. — Мы с Китти пойдем ко мне в туалетную комнату.

Элизабет не стала спорить, но задержалась в коридоре до ухода оттуда матери и Китти, а потом вернулась в гостиную.

На этот раз расчеты миссис Беннет не оправдались. С Бингли все обстояло великолепно, если не считать того, что он еще не стал женихом Джейн. Присущие ему приветливость и непринужденность внесли немалое оживление в их вечернюю беседу. И то, что он терпел назойливую заботу миссис Беннет и без тени неодобрения прощал ей все ее бестактные замечания, вызывало особенную благодарность ее дочери.

Его почти не пришлось уговаривать остаться поужинать. И, прежде чем он покинул дом, было условлено, — главным образом между ним и миссис Беннет, — что он приедет на следующее утро, с тем, чтобы поохотиться с мистером Беннетом.

К концу дня Джейн больше не настаивала на том, что она не испытывает к Бингли никаких чувств. В разговоре между сестрами его имя не упоминалось, но Элизабет легла спать со счастливой уверенностью в том, что дело идет к быстрому завершению, если только мистер Дарси не вернется из Лондона раньше назначенного срока. Говоря серьезно, она, однако, готова была допустить, что все это происходит с его согласия.

Бингли явился точно в условленное время и, как было решено накануне, провел утро с мистером Беннетом. Он оказался гораздо более прият-

ным партнером, нежели ожидал его спутник. Бингли не был глуп и самонадеян, не давая, тем самым, мистеру Беннету повода удовлетворить его склонность к сарказму или замкнуться в презрительном молчании. И он казался более общительным и менее рассеянным, чем во время всех прежних их встреч. Разумеется, он вернулся с мистером Беннетом к обеду, а вечером снова была пущена в ход вся изобретательность миссис Беннет для того, чтобы оставить его наедине с Джейн. Элизабет, которой нужно было написать письмо, сразу после чая ушла в комнату для завтрака. Остальные собирались играть в карты, и ей казалось, что при этом нет необходимости противодействовать уловкам мамыши.

Но, вернувшись в гостиную после того, как письмо было написано, она, к своему изумлению, обнаружила, что, в борьбе с этими уловками, следует избегать излишней самоуверенности. Распахнув дверь, она увидела, что сестра и мистер Бингли стоят перед камином, углубившись в серьезную беседу. И хотя это обстоятельство само по себе могло и не вызывать подозрений, но выражения их лиц в тот момент, когда они поспешно обернулись и отошли друг от друга, не позволяло усомниться в том, что произошло. Их положение было достаточно неловким. Но ее собственное, казалось ей, было еще более затруднительным. Никто не сказал ни слова, и Элизабет собралась уже было удалиться, когда Бингли, который перед этим присел, по примеру остальных, на диван, вдруг вскочил и, прошептав что-то ее сестре, выбежал из комнаты.

Джейн ничего не могла скрывать от Элизабет в тех случаях, когда откровенности сопутствовали радостные переживания. Бросившись к ней на шею, она, крайне взволнованная, призналась, что является счастливейшим существом в этом мире.

— Это для меня слишком много! — добавила она. Да-да, слишком много. Я этого не заслужила. Почему все другие не могут быть так же счастливы?!

Поздравления ее сестры были произнесены с таким жаром, искренностью и восторгом, которые едва ли можно передать словами. Каждая ее фраза шла от самого сердца и была для Джейн новым источником блаженства. Но Джейн не могла себе позволить надолго остаться с сестрой, чтобы высказать ей все, что она в эти минуты переживала.

— Нужно сейчас же подняться к маме, — воскликнула она. — Я не должна ни на секунду забывать о том, как нежно она обо мне заботилась. И мне бы так не хотелось, чтобы она об этом узнала от кого-нибудь другого. Он уже пошел к папе. Ах, Лиззи, подумать только, сколько радости мои слова принесут нашей семье! Не знаю, как мне перенести столько счастья!

И она помчалась к матери, которая перед тем умышленно прекратила игру в карты и теперь сидела наверху с Китти.

Оставшаяся в одиночестве Элизабет улыбалась, думая о том, как просто и легко в конце концов разрешились все трудности, волновавшие и мучившие их в течение стольких месяцев.

— И вот к чему привели, — сказала она, — все каверзы и уловки его сестер, вся осторожность и

осмотрительность его друга! Счастливейший, мудрейший и вполне разумный конец!

Через несколько минут вернулся Бингли, краткая беседа которого с их отцом обоим доставила полное удовлетворение.

— Где же мисс Беннет? — спросил он, распахнув дверь.

— Она наверху у мамы. Думаю, что она скоро вернется.

Прикрыв дверь за собой и подойдя ближе, он попросил Элизабет, чтобы она пожелала им счастья, а ему подарила свою сестринскую привязанность. Элизабет искренне и от всей души выразила ему свою радость по поводу того, что им предстоит породниться, и они сердечно пожали друг другу руки. После этого, до самого прихода Джейн, ей пришлось выслушивать все, что ему было необходимо сказать о своем счастье и о достоинствах ее сестры. И хотя это были слова влюбленного, Элизабет вполне была готова поверить в то, что его мечты сбудутся и что у них впереди счастливая жизнь, залогом которой были здравый смысл и чудесный характер Джейн, а также общность их вкусов и чувств.

Все в этот вечер были необыкновенно счастливы. Чувство удовлетворенности и спокойствия придавало такое приятное оживление лицу Джейн, что она выглядела еще более красивой, чем обычно. Китти хихикала и улыбалась, мечтавая о том, чтобы поскорее наступила и ее очередь. Миссис Беннет, подтверждая свое согласие на этот брак и высказывая свое одобрение, была неспособна выразить свои чувства словами, хотя

говорила с Бингли только об этом в течение получаса. И когда мистер Беннет присоединился к ним во время ужина, его голос и поведение свидетельствовали, насколько он доволен происшедшим событием. Однако до самого ухода гостя он по этому поводу не промолвил ни слова. Только когда с наступлением ночи Бингли уехал, отец, обернувшись к дочери, произнес:

— Поздравляю тебя, Джейн. Ты будешь счастлива.

Джейн подбежала к нему, поцеловав и поблагодарив отца за его доброту.

— Ты славная девочка, — сказал он. — И меня очень радует, что твоя жизнь сложится хорошо. Я не сомневаюсь, что вы отлично подойдете друг к другу. В вас много общего. Оба вы настолько уступчивы, что между вами не может возникнуть разногласий; настолько доверчивы, что вас обведет вокруг пальца любая служанка; и настолько щедры, что вам всегда будет не хватать ваших доходов.

— Надеюсь, что этого не случится. Неблагодарумие и легкомыслие в денежных делах с моей стороны были бы непростительными.

— Не хватать доходов! Но, мой дорогой мистер Беннет, — воскликнула его жена, — о чем вы толкуете? Ведь он имеет четыре или пять тысяч в год, — может быть, даже больше!

И, обратившись к дочери, она продолжала:

— О, моя дорогая, моя дорогая Джейн! Я так счастлива! Клянусь, я всю ночь не сомкну глаз! Я всегда говорила, что это должно случиться. Я так и знала, что этим кончится. Я была

уверена, — недаром ты такая красавица! Я припоминаю, что как только я его в прошлом году увидела в Хартфордшире, я тут же подумала, насколько вы друг другу подходите. Это самый восхитительный молодой человек, которого мне приходилось встречать!

Уикхем, Лидия были забыты. Джейн бесспорно стала ее любимым ребенком. В эту минуту она ни о ком больше не думала. Между тем младшие сестры стали смотреть на Джейн как на источник возможных радостей в будущем. Мэри просила, чтобы ей разрешили пользоваться незерфилдской библиотекой, а Китти умоляла, чтобы каждую зиму в Незерфилде устраивалось по несколько балов.

С этого времени Бингли, естественно, стал в Лонгборне ежедневным гостем. Он появлялся перед завтраком и уходил после ужина, если только какой-нибудь варвар-сосед, безусловно заслуживавший самой жестокой кары, не присылал ему приглашения на обед, от которого он не мог отказаться.

Элизабет теперь редко удавалось поговорить с сестрой, так как, пока Бингли находился в Лонгборне, Джейн не могла уделять внимания никому другому. Однако она была полезна каждому из влюбленных в часы вынужденной разлуки. В отсутствие Джейн Бингли всегда доставлял себе удовольствие, разговаривая о ней с ее сестрой. А Джейн, когда не было Бингли, стремилась к подобному же утешению.

— Я была так счастлива, — сказала она однажды вечером, — когда узнала, что ему не было

известно о моем приезде в Лондон прошлой весной. Ведь я об этом даже не могла и подумать.

— А я об этом догадывалась, — ответила Элизабет. — Но как же это, по его мнению, могло случиться?

— Ах, это все — происки его сестер. Они не одобряли его знакомства со мной. И в этом нет ничего удивительного, если подумать, как легко он мог сделать выбор, более удачный во всех отношениях. Но когда они увидят, — а я верю в то, что они, в самом деле, это увидят, — насколько он счастлив со мной, они примирятся с его женитьбой и наши отношения снова станут хорошими. Правда, мы, конечно, никогда не будем друг для друга тем, чем были прежде.

— Это самая суровая обвинительная речь, — сказала Элизабет, — которую я когда-либо от тебя слышала. Хорошая девочка! Мне, право, будет досадно, если я увижу, что ты снова станешь предметом фальшивой привязанности мисс Бингли.

— Ты только подумай, Лиззи, когда он в прошлом году уехал в Лондон, он, оказывается, уже был по-настоящему в меня влюблен. И если бы только не его уверенность в моем равнодушии к нему, он бы непременно вернулся.

— Он в самом деле допустил большую ошибку, но она делает честь его скромности.

Это, естественно, вызвало со стороны Джейн целый панегирик его застенчивости и свойственной Бингли недооценки своих прекрасных качеств.

Элизабет была рада узнать, что Бингли не рассказал ей про вмешательство друга, так как

это могло бы, несмотря на величайшее великодушие и незлопамятность Джейн, все же бросить тень на ее отношение к Дарси.

— Я, несомненно, самое счастливое существо на земле! — воскликнула Джейн, — Ах, Лиззи, почему в нашей семье только мне одной выпало это блаженство? Как бы мне хотелось увидеть тебя столь же счастливой! Если бы нашелся другой такой же человек для тебя!

— Даже если бы ты мне предложила сотню таких людей, я все же не смогла бы стать столь же счастливой, как ты. Пока у меня не будет твоего характера и твоей доброты, я не достигну подобного счастья. Нет, нет, дай мне идти своим путем. И, быть может, если мне только очень повезет, мне еще попадетя со временем второй мистер Коллинз.

События в Лонгборне не могли надолго сохраняться в секрете. Миссис Беннет позволила себе шепнуть о нем на ушко миссис Филипс, а та уже без всяких предосторожностей рассказала об этом всем меритонским знакомым.

Беннетов без промедления провозгласили самым удачливым семейством на свете, хотя всего несколько недель тому назад, — сразу после побега Лидии, — это злополучное семейство было вычеркнуто всеми из списков знакомств.

Глава XIV

Однажды утром, спустя неделю после обручения Джейн, когда Бингли и дамы семейства Беннетов находились в столовой²⁰, внимание

всех привлек шум экипажа. За окном они увидели проезжавшую по газону карету, запряженную четверкой лошадей. Для визитов было еще слишком рано, да и прибывший экипаж не принадлежал ни одному из соседей. Лошади были почтовыми, а карета и ливреи находившейся в ней прислуги никому не были знакомы.

Однако было очевидно, что кто-то приехал, и Бигли тотчас уговорил Джейн отправиться на прогулку, с тем, чтобы избавить себя от скуки при приеме гостей. Парочка удалилась, а три оставшиеся леди тщательно высказывали догадки о том, кто бы мог к ним приехать, когда дверь распахнулась и в комнату вошла леди Кэтрин де Бёр.

Все, разумеется, ждали какой-то неожиданности, но то изумление, которое они на самом деле испытали, превзошло их ожидания. И хотя миссис Беннет и Китти совсем не были с ней знакомы, даже они не были удивлены ее визитом так сильно, как Элизабет.

Войдя в комнату с еще более, чем обычно, бесцеремонным видом, леди Кэтрин ничем, кроме легкого кивка головой, не ответила на приветствие Элизабет и, не говоря ни слова, уселась в кресло. Элизабет назвала матери имя ее сиятельства, хотя последняя даже не попросила ее представить.

Миссис Беннет, будучи крайне польщена посещением столь высокой особы, старалась быть с ней крайне предупредительной. Просидев некоторое время в молчании, леди Кэтрин сухо спросила Элизабет:

— Надеюсь, мисс Беннет, у вас все в порядке. Эта дама, я полагаю, ваша мать?

Элизабет ответила утвердительно.

— А это, должно быть, одна из ваших сестер?

— О да, сударыня, — вмешалась миссис Беннет, радуясь возможности поговорить с леди Кэтрин. — Это — моя предпоследняя дочь. Самая младшая у меня на днях вышла замуж. А старшая гуляет где-то в саду с молодым человеком, который, я надеюсь, скоро станет членом нашей семьи.

— У вас здесь совсем маленький парк, — сказала леди Кэтрин после короткого молчания.

— Смею заметить, миледи, что хоть его, разумеется, не сравнишь с Розингсом, но он у нас все же гораздо больше, чем у сэра Уильяма Лукаса.

— Эта комната совершенно непригодна для того, чтобы проводить в ней летние вечера. Окна выходят на запад.

Миссис Беннет заверила ее, что комнатой не пользуются в послеобеденное время, и затем сказала:

— Могу я позволить себе осведомиться у вашего сиятельства о здоровье мистера и миссис Коллинз?

— В полном порядке. Я видела их позавчера вечером.

Элизабет предполагала, что теперь на свет должно появиться письмо, которое ей прислала Шарлот, так как это могло быть единственной причиной подобного визита. Однако письмо не

появилось, и она почувствовала себя окончательно озадаченной.

Миссис Беннет чрезвычайно любезно предложила ее сиятельству что-нибудь закусить, но леди Кэтрин решительно, хотя и не слишком учтиво, отказалась. После этого, встав с кресла, она сказала, обращаясь к Элизабет:

— Мисс Беннет, там за газоном у вас, кажется, довольно живописные заросли. Я бы хотела их осмотреть, если бы вы составили мне компанию.

— Ступай, дорогая, — воскликнула ее мать, — и проведи их сиятельство по разным тропинкам. Надеюсь, они останутся довольны уединением.

Элизабет подчинилась. Сбежав к себе в комнату за зонтиком, она провела знатную гостью по лестнице. Проходя переднюю, леди Кэтрин открыла двери в обеденный зал и гостиную и, после краткого осмотра признав их вполне приличными, вышла из дома.

У подъезда продолжала стоять ее карета, внутри которой Элизабет увидела знакомую камеристку ее сиятельства. В полном молчании они шли по гравиевой дорожке, которая вела к зарослям. Элизабет твердо решила не начинать разговор с этой особой, сегодняшнее поведение которой казалось более, чем обычно, наглым и оскорбительным.

— И я могла когда-то находить в ней нечто общее с ее племянником! — говорила она про себя, всматриваясь в лицо спутницы.

Как только они вошли в заросли, леди Кэтрин приступила к разговору;

— Вы не можете недоумевать по поводу причины моего приезда. Эту причину вам должны подсказать сердце и совесть.

Элизабет посмотрела на нее с искренним изумлением.

— Вы, право, ошибаетесь, сударыня. Я совершенно не понимаю, чему я обязана этой честью.

— Мисс Беннет,— продолжала ее сиятельство разгневанным тоном,— вам следовало бы знать, что я не позволяю с собой шутить. Но если вы вздумали быть со мной неискренней, то меня вы на этот путь завлечь не сможете. Мой характер всегда славился откровенностью и прямою, а в подобном деле я и подавно от них не отступлюсь. Два дня тому назад до меня дошло известие, которое меня крайне разгневало. Мне было сообщено, что не только ваша сестра готовится весьма выгодно выйти замуж, но что и вы, мисс Элизабет, по-видимому, собираетесь вскоре после того соединиться узами брака с моим племянником, мистером Дарси. Я, конечно, понимаю, что все это — гнусная выдумка. И хотя я не унижу моего племянника, даже предположив, что это может быть правдой, я все же решила незамедлительно приехать сюда, чтобы вы сами смогли узнать от меня, как я к этому отношусь.

— Но если вы были убеждены в неправдоподобности этого известия,— сказала Элизабет, покраснев от удивления и негодования,— то мне непонятно, зачем вы взяли на себя труд ехать в такую даль. Чего вы, ваше сиятельство, хотели добиться?

— Заставить вас тут же это известие полностью опровергнуть.

— Если только подобный слух в самом деле распространился, — холодно заметила Элизабет, — ваш приезд в Лонгборн и встреча со мной и моей семьей скорее послужат его подтверждением.

— Вы, кажется, сказали «если»?! Вы что же, хотите сделать вид, что вам о нем ничего неизвестно? Разве это не вы сами ухитрились пустить его в ход? И вы не знаете о существовании такого слуха?

— До меня ничего подобного никогда не доходило.

— Вы можете утверждать, что для него нет никаких оснований?

— Я отнюдь не притязаю на такую же искренность, как ваша светлость. Вы способны задать мне вопросы, на которые я предпочту не ответить.

— Я этого не потерплю! Мисс Беннет, я требую, чтобы вы дали мне исчерпывающие объяснения. Правда ли он, — в самом ли деле мой племянник сделал вам предложение?

— Ваше сиятельство объявили это невозможным.

— Это должно было быть невозможным, это не могло случиться, если ему только не изменил его рассудок. Но вы могли попытаться его завлечь и заставить его всякими уловками и приманками забыть в момент ослепления свой долг перед самим собой и своей семьей. Вы могли заманить его в сети.

— Если бы я это сделала, от меня труднее всего было бы добиться признания в этом поступке.

— Вы понимаете, мисс Беннет, с кем вы имеете дело? Я не привыкла, чтобы со мной разговаривали подобным образом. Будучи чуть ли не самой близкой его родственницей, я вправе знать все, что таится в его душе.

— Но вы не вправе знать то, что таится в моей. А ваше поведение тем более не может склонить меня к откровенности.

— Я хотела бы, чтобы вы правильно меня поняли. Подобному браку, о котором вы имели дерзость мечтать, не суждено состояться. Да, не суждено. Мистер Дарси обручен с моей дочерью. Ну-с, что вы теперь скажете?

— Только одно. Если это на самом деле так, то вы не могли бы предположить, что он просил моей руки.

Леди Кэтрин минуту поколебалась, но потом ответила:

— Они обручены несколько необычным образом. С самого детства они предназначались друг для друга. Это было заветным желанием их матерей. Такой союз был скреплен в ту пору, когда наши дети еще покоились в своих колыбелях. И теперь, когда материнская воля должна была осуществиться в их браке, поперек дороги встала женщина низкого происхождения, без положения в свете и ничем не связанная с нашим семейством! Разве для вас ничего не значат желания его близких? Разве его молчаливое обязательство перед мисс де Бёр для вас ничто? Неужели вы пол-

ностью лишены всякого чувства порядочности и деликатности? И разве вы не слышали от меня, что с первых же дней жизни он предназначался в супруги своей кузине?

— О да, я слыхала об этом и прежде. Но разве меня это касается? Если бы моему вступлению в брак с вашим племянником мешало только это обстоятельство, то, разумеется, сознание, что его мать и тетка хотели женить его на мисс де Бёр не смогло бы меня от этого удержать. Обе вы сделали все, что смогли, задумывая его женитьбу. Осуществить ее дано другим. Если мистер Дарси ни словом, ни склонностью не связан с вашей дочерью, почему он не вправе остановить свой выбор на другой женщине? И если бы его выбор пал на меня, почему я не могу принять его руки?

— Потому что честь, приличие, благоразумие, наконец, собственная ваша выгода запрещают вам это сделать! О да, мисс Беннет, именно выгода. Ибо не ждите какого бы то ни было внимания к себе со стороны его семьи и друзей. Вы будете осуждены, отвергнуты и преданы презрению каждым близким ему человеком. Союз с вами будет считаться позором. Никто из нас никогда даже не вспомнит вашего имени.

— Что ж, потеря и вправду велика, — отвечала Элизабет. — Но супруга мистера Дарси будет располагать такими необыкновенными источниками радости, присущими ее положению, что, в конечном счете, ей не придется особенно печалиться.

— Упрямая, взбалмошная девчонка! Мне стыдно за вас! Так вот какова ваша благодарность за все внимание, которым я удостоила вас прошлой весной?! По-вашему, вы мне за это ничем не обязаны? Ну-ка, присядем. Извольте понять, мисс Беннет, что я прибыла сюда с твердым намерением добиться того, что я задумала. И ничто не сможет мне помешать. Мне еще не приходилось потакать чьим-либо капризам. И я не имею привычки уступать.

— Это усугубляет затруднительное положение вашего сиротства. Но меня это не касается.

— Я не позволю, чтобы меня прерывали! Выслушайте меня молча. Моя дочь и мой племянник созданы друг для друга. По материнской линии оба они происходят от единого знатного рода. Отцы их принадлежат к уважаемым, благородным и древним, хоть и не титулованным семьям. Обе стороны располагают прекрасными состояниями. Они предназначены друг для друга в глазах каждого представителя того и другого дома. И что же встает между ними? Притязания выскочки без роду, без племени! Молодой жепщины, не располагающей ни деньгами, ни связями. Разве можно это допустить? Нельзя, этого не должно быть и не будет! Если бы вы были способны понять, в чем состоит ваша собственная выгода, вы бы сами не пожелали покинуть тот круг, в котором росли.

— Но, выходя замуж за вашего племянника, я, по-моему, вовсе не покидаю этого круга. Он — дворянин. Я — дочь дворянина. В этом смысле мы с ним равны.

— Ну что ж, вы дочь дворянина, допустим. Но из какой семьи ваша мать? Кто ваши дяди и тетки? Уж не воображаете ли вы, что мне неизвестно, чем они занимаются?

— Кем бы ни были мои родственники, — сказала Элизабет, — если против них ничего не имеет мистер Дарси, то это не должно беспокоить и вас.

— Скажите мне раз навсегда, вы обручены?

Элизабет не стала бы отвечать на этот вопрос, только чтобы улажить леди Кэтрин. Однако после минутного раздумья, она не смогла не сказать:

— Нет, не обручена.

Леди Кэтрин, казалось, была довольна.

— И вы даете мне слово, что никогда с ним не обручитесь?

— Подобного обещания я не дам.

— Мисс, Беннет, я удивлена и возмущена! Я считала вас более разумной девицей. Но не обманывайте себя ложной надеждой, что я могу пойти на уступки. Я не уеду до тех пор, пока вы не дадите требуемых мной заверений.

— Ну, а я ни за что их не дам. Меня нельзя запугать настолько, чтобы я совершила подобную нелепость. Вы, ваше сиятельство, желаете, чтобы мистер Дарси женился на вашей дочери? Но, если бы я дала требуемое вами обещание, разве брак между ними стал бы более вероятным? Разве при его склонности ко мне я могла бы, отвергнув его руку и сердце, побудить мистера Дарси сделать предложение его кузине? Позвольте мне, леди Кэтрин, сказать, что доводы, которыми вы обосновываете ваше из ряда вон выхо-

дядшее требование, настолько же легковесны, насколько само оно — безрассудно. Вы, видимо, совершенно не разобрались в моем характере, если смогли предположить, что на меня действуют подобные рассуждения. Мне неизвестно, в какой мере ваш племянник одобряет ваше вмешательство в его дела. Но у вас, во всяком случае, нет никакого права вмешиваться в мои. А потому я вынуждена просить вас избавить меня от дальнейших посягательств такого рода.

— Ну, ну, не так скоро, если позволите. Я ведь еще не закончила. Ко всему сказанному я вынуждена добавить еще одно обстоятельство. Для меня не является тайной позорный побег вашей младшей сестры. Я знаю о нем решительно все. В том числе — и то, что женитьба на ней молодого человека была кое-как устроена задним числом на средства папаши и дядюшки. И что же, подобной особе суждено стать сестрой моего племянника? А ее мужу, сыну управляющего его покойного отца — его братом? Небо и ад! О чем вы думаете? Неужто сень Пемберли может подвергнуться подобному осквернению?!

— Больше вы уже ничего не сможете мне сказать, — гневно ответила Элизабет. — Вы оскорбили меня всеми возможными способами. С вашего разрешения, я возвращаюсь в дом.

При этих словах она встала. Леди Кэтрин также поднялась, и они пошли обратно. Ее сиятельство была в ярости.

— Значит, вам дела нет до чести и репутации моего племянника? Эгоистичная, бесчувственная девчонка! Неужели вы не понимаете,

что, связав себя с вами, он опозорит себя перед всем светом?

— Леди Кэтрин, мне больше нечего вам сказать. Мои чувства вам известны.

— И вы, стало быть, решили его заманить?

— Я не говорила подобных вещей. Я решила только поступать в соответствии с собственным представлением о своем счастье, и не считаясь при этом ни с вами, ни с какой-либо другой, столь же далекой мне особой.

— Ну что ж, отлично. Итак, вы отказались выполнить мою просьбу. Вы отказались следовать требованиям долга, чести и благодарности. Вы решили погубить его в глазах друзей и вызвать к нему презрение всего света.

— Ни долг, ни честь, ни благодарность,— отвечала Элизабет,— ничем не обязывают меня в данный момент. Мой брак с мистером Дарси не нарушил бы никаких заповедей. А что касается негодования его семьи и недовольства всего света, то меня бы едва ли особенно огорчило, если бы наш брак вызвал в этой семье известное беспокойство,— тогда как весь свет достаточно разумен, чтобы не отнестись к этому так серьезно.

— Ах вот каков ваш действительный образ мыслей?! И это ваше последнее слово? Ну что ж, отлично. Теперь я знаю, как мне следует поступить. Не воображайте же, мисс Беннет, что ваши притязания когда-нибудь увенчаются успехом. Я приехала, чтобы вас испытать. Я надеялась, что у вас больше здравого смысла. Но будьте уверены, я добьюсь своей цели.

Леди Кэтрин продолжала говорить в том же духе, пока они не подошли к ее карете. Быстро обернувшись, она произнесла:

— Я не приму ваших прощальных приветствий, мисс Беннет. И вовсе не прошу передавать от меня привет вашей матери. Вы не заслуживаете подобных знаков внимания. Я возмущена до глубины души.

Элизабет ничего не ответила и, не пытаясь уговаривать ее сиятельство вернуться в дом, преспокойно вошла в него сама. Поднимаясь по ступенькам, она услышала шум отъезжавшей кареты. В холле ее с нетерпением встретила миссис Беннет, которой хотелось знать, почему леди Кэтрин не зашла, чтобы немного отдохнуть.

— Она этого не захотела, — ответила ее дочь, — и решила уехать.

— Ее сиятельство показалась мне очень приятной женщиной! И ее визит к нам — необыкновенная любезность! Ведь насколько я поняла, она заехала сюда только для того, чтобы сообщить нам о здоровье Коллинзов. Должно быть, она куда-то направлялась и, проезжая Меритон, подумала, что ей следует тебя навестить. Надеюсь, у нее не было к тебе никаких особых дел, Лиззи?

Элизабет пришлось в этот момент несколько покривить душой, настолько немислимо было попытаться передать матери содержание их беседы.

Глава XV

Волнение, вызванное этим необыкновенным визитом, было нелегко успокоить. В течение многих часов Элизабет была совершенно не в силах думать о чем-нибудь другом. Итак, леди Кэтрин, в самом деле, пустилась в путешествие из Розингса с единственной целью расстроить ее предполагаемую помолвку с мистером Дарси! Другого разумного объяснения этой поездки не существовало. Элизабет, однако, была не в состоянии понять, как мог возникнуть слух об их помолвке. И, наконец, ей пришло в голову, что в тот момент, когда ожидание одной свадьбы заставляло всех угадывать следующую, дружба между Дарси и Бингли и ее близость с Джейн могли послужить достаточным основанием для подобного слуха. Она и сама иногда подумывала, что замужество сестры сделает их встречи более частыми. А их соседи из Лукас Лоджа (из переписки которых с Коллинзами леди Кэтрин должна была почерпнуть эти сведения) могли считать решенным то, что ей казалось возможным в далеком будущем.

Перебирая в памяти слова леди Кэтрин, она, однако, не могла избавиться от беспокойства по поводу возможных последствий ее вмешательства. Слова о том, что она непременно помешает их браку, заставляли думать, что она собирается обратиться к племяннику. И Элизабет боялась себе представить, как он отнесется к перечислению зол, которые были бы сопряжены с этим браком. Она не знала, насколько сильна его привя-

занность к тетке и в какой мере леди Кэтрин влияет на его образ мыслей, но легко было предположить, что Дарси придерживается более высокого мнения о ее сиятельстве, чем Элизабет. И казалось несомненным, что, перечисляя все отрицательные стороны женитьбы на девушке столь низкого круга по сравнению с его собственным, тетка затронет в нем самое уязвимое место. С его понятиями о семейной гордости доводы, выглядевшие для Элизабет вздорными и неубедительными, вполне могли показаться разумными и заслуживающими внимания.

Если он до того колебался, — а ей часто казалось, что это именно так, — то совет и настояния близкой родственницы могли укрепить его решимость. И тогда он позволит себе быть счастливым лишь настолько, насколько это совместимо с величием его семьи. В этом случае он уже больше сюда не приедет. Леди Кэтрин могла встретиться с ним, проезжая через Лондон, и он будет вынужден отказаться от обещания вернуться в Незерфилд, которое он дал Бингли.

— Итак, — решила Элизабет, — если в ближайшие дни он извинится перед другом в том, что не может выполнить слово, — мне будет ясно, с чем это связано. И я выброшу из головы всякую надежду на его постоянство. Если руку и сердце, которые я готова ему отдать, могут заменить этому человеку сожаления о нашей разлуке, он не стоит того, чтобы я жалела о нем.

Остальные члены семьи, узнав о том, кто их посетил, были крайне удивлены. Однако они удов-

летворились тем же объяснением, которое успокоило миссис Беннет. Элизабет была, таким образом, избавлена от весьма неприятных разговоров.

На следующее утро, спускаясь по лестнице, она встретила мистера Беннета, который вышел с письмом в руке из библиотеки.

— Лиззи,— сказал он,— ты как раз мне нужна. Зайди, пожалуйста, ко мне в комнату.

Элизабет последовала за отцом, недоумевая, что бы такое он хотел ей сказать. Она догадывалась, что это могло быть связано с письмом, которое в его руке. Внезапно ей пришло в голову, что письмо написано леди Кэтрин. И она с ужасом представила себе предстоящее в этом случае объяснение.

Они сели около камина и мистер Беннет сказал:

— Я получил утром письмо, которое меня чрезвычайно удивило. Так как оно касается тебя, тебе следует знать его содержание. Я и не предполагал, что еще одна моя дочь находится на пороге замужества. Позволь мне поздравить тебя с выдающейся победой.

Щеки Элизабет вспыхнули, когда она вдруг подумала, что письмо это написала не тетка, а ее племянник. И она не могла определить, какое чувство в ее душе окажется при этом сильнее: радость ли по поводу его признания или досада из-за того, что он не обратился к ней самой. Между тем мистер Беннет продолжал:

— Ты у меня — большая умница. А молодые девицы вообще удивительно проницательны в по-

добных делах. Но боюсь, что даже твоей смекалки недостаточно, чтобы отгадать имя поклонника. Это письмо от мистера Коллинза.

— Мистера Коллинза! Но что же он мог написать?

— Самые дельные вещи, разумеется. Начинает он с поздравлений по поводу предстоящего бракосочетания Джейн. Об этом он, по-видимому, извещен каким-нибудь из милейших сплетничающих Лукасов. Я не стану испытывать твое терпение, перечитывая, что он говорит по этому поводу. Тебя касаются следующие строки:

«Выразив Вам, таким образом, искренние поздравления миссис Коллинз и мои собственные по поводу этого радостного события, мне бы хотелось с Вашего разрешения весьма осторожно намекнуть Вам и на другое обстоятельство, о котором мы осведомлены из того же источника. Предполагается, что Ваша дочь Элизабет будет носить фамилию Беннет немногим дольше, чем ее старшая сестра, и что избранный ею спутник жизни вполне обоснованно может считаться одной из наиболее выдающихся личностей этой страны».

— Ну-ка, Лиззи, попробуй догадаться, кто бы это такой мог быть?

«Этого молодого дворянина небо особенно щедро наделило всем, чего только может пожелать смертный: благородным происхождением, богатством и властью над

человеческими судьбами. И все же, невзирая на эти его достоинства, мне бы хотелось предостеречь мою кузину Элизабет, а также и Вас в отношении печальных последствий, связанных с излишне поспешным ответом на его предложения, очевидная привлекательность которых могла бы заставить Вас сразу же их принять».

— Ну как, Лиззи, ты еще не смекнула, какой это дворянин? Погоди, сейчас выяснится.

«Предостерегая Вас, я руководствуюсь следующими соображениями: у нас есть все основания предполагать, что тетка этого дворянина, леди Кэтрин де Бёр посмотрела бы на этот брак крайне неодобрительно».

— Мистер Дарси — вот это кто! Что ж, Лиззи, славно я тебя озадачил? Скажи, пожалуйста, мог ли он с Лукасами отыскать среди наших знакомых другого какого-нибудь человека, имя которого так явно разоблачало бы лживость их болтовни? Умудриться выбрать мистера Дарси, которому достаточно посмотреть на любую женщину, чтобы сразу увидеть все ее недостатки и который, возможно, вообще ни разу на тебя не взглянул! Это просто великолепно!

Элизабет попыталась было сделать вид, что ей тоже необыкновенно весело. Но она смогла изобразить на лице только весьма натянутую улыбку. Еще никогда до сих пор отец не упражнялся в остроумии столь неприятным для нее образом.

- Ну, как, тебя это очень насмешило?
- Да, конечно. Но читайте, пожалуйста.
- «Когда вчера вечером я упомянул ее сиятельству о возможности подобного брака, она тотчас же со свойственной ей снисходительностью очень прямо выразила свои чувства по этому поводу, дав понять, что ввиду некоторых неблагоприятных родственных связей моей кузины она ни за что бы не согласилась на этот, по ее словам, столь недостойный союз. Я считал своим долгом как можно скорее оповестить об этом мою кузину, дабы она и ее благородный поклонник были осведомлены о том, что их ожидает, и не спешили сочетаться браком, который не получит должного благословения». — Ко всему этому мистер Коллинз добавляет: «Я искренно обрадовался, узнав, что достойный сожаления поступок моей кузины Лидии удался так благополучно замаять, и только печалюсь о том, что сведения об их совместной жизни до свадьбы приобрели столь широкую огласку. Однако мне не подобает пренебрегать обязанностями, присущими моему сану. И я не могу не выразить моего неодумения в связи с известием о приеме, который Вы оказали молодой чете в своем доме сразу после их бракосочетания. Увы, этот шаг был не чем иным, как поощрением порока. И если бы Лонгборн находился в моем приходе, я не преминул бы воспрепятствовать этому весьма решительно. Вам, разу-

меется, следовало простить их как христианину. Но они вовеки не должны были явиться Вашему взору, а их имена никогда не должны были тревожить Ваш слух».

— Вот, оказывается, как он представляет себе христианское всепрощение! Остальная часть письма посвящена только положению его дорогой Шарлот и ожидаемому им появлению юной оливковой ветви. Но, Лиззи, у тебя почему-то такой вид, как будто все это не доставило тебе удовольствия. Надеюсь, ты еще не собираешься становиться чопорной дамой и строить оскорбленную мину по поводу всякой дурацкой болтовни? Разве мы не живем лишь для того, чтобы давать повод для развлечения нашим соседям и, в свой черед, смеяться над ними?

— О нет, — воскликнула Элизабет, — все это очень меня рассмешило. Но это так странно.

— Еще бы, но вся прелесть в этом и заключается. Если бы они выбрали какого-нибудь другого человека, было бы не так интересно. Но его равнодушие к тебе и твоя неприязнь к нему превращают это в такую восхитительную нелепость! Ты знаешь, как я не люблю писать письма. И все же я ни за что не перестану переписываться с Коллинзом! Когда я читаю его послания, я поневоле отдаю ему предпочтение даже перед Уикхемом, сколь бы я ни ценил бесстыдство и лицемерие моего дорогого зятя. Кстати, Лиззи, что сказала леди Кэтрин по поводу этого сообщения? Уж не приехала ли она для того, чтобы лишить тебя своего благословения?

В ответ на этот вопрос Элизабет только рассмеялась. И так как мистер Беннет задал его без всякой задней мысли, он больше не мучил ее дальнейшими расспросами. Еще никогда Элизабет не приходилось с таким трудом изображать чувства, которых она не испытывала. От нее требовали, чтобы она смеялась, когда ей хотелось лить горькие слезы. Особенно жестоко ранил ее отец своими словами о безразличии мистера Дарси. И она никак не могла решить: то ли ей дивиться его недостаточной наблюдательности, то ли бояться того, что на самом деле не отец видит слишком мало, а она — слишком много.

Глава XVI

Вскоре после визита леди Кэтрин мистер Бингли вместо письма с извинениями, которого ждала Элизабет, смог привезти в Лонгборн мистера Дарси собственной персоной. Молодые люди приехали рано и, прежде чем миссис Беннет успела сообщить мистеру Дарси, что они имели честь принимать у себя его тетку (чего с трепетом ожидала ее дочь), мистер Бингли, жаждавший поскорее остаться с Джейн наедине, предложил всем отправиться на прогулку. Это предложение было одобрено. Миссис Беннет не имела обыкновения гулять, у Мэри никогда не было свободного времени, но пятеро остальных тотчас же вышли из дома. Бингли и Джейн, впрочем, охотно позволили себя обогнать. Они постепенно все больше отставали, и Элизабет, Китти и Дарси

должны были развлекать друг друга, как умели. Впрочем, все трое говорили очень немного. Китти лишилась языка, потому что робела перед Дарси, Элизабет набиралась решимости перед неким отчаянным шагом, а он, возможно, был занят тем же.

Они шли в направлении Лукас Лоджа, где Китти собиралась повидать Мерайю. И, так как разлука с Китти не могла, по мнению Элизабет, служить основанием для общего беспокойства, они смело отправились дальше вдвоем. Наступил момент, когда она должна была проявить свою смелость, и, почувствовав прилив решимости, она поспешно сказала:

— Вы знаете, мистер Дарси, я — ужасная эгоистка. И, чтобы облегчить собственную душу, мне ничего не стоит невзначай взвалить бремя на вашу. Так вот, я больше не в силах удерживаться от того, чтобы выразить вам благодарность за вашу необыкновенную заботу о моей злосчастной сестре. С первой же минуты, когда мне стало известно о вашем поступке, я все время испытываю жгучую потребность сказать вам, как сильно это чувство волнует мое сердце. И если бы о вашей роли узнала моя семья, мне, разумеется, не пришлось бы благодарить вас только от собственного имени.

— Мне неприятно, право, мне очень неприятно, что вы об этом узнали, — растерянно отвечал Дарси. — Представленные в неверном свете, эти сведения могли вас напрасно обеспокоить. Я и не предполагал, что миссис Гардинер так мало заслуживает доверия.

— О нет, вам вовсе не следует сердиться на мою тетюшку. Ваше участие в этом деле стало известно мне прежде всего благодаря легкомыслию Лидии. И, разумеется, я не могла спокойно спать, пока мне не удалось разузнать все подробности. Итак, все же позвольте мне еще раз вполне серьезно поблагодарить вас от лица всей нашей семьи за ваше великодушие, с которым вы приняли на себя так много хлопот и перенесли столько неприятностей в поисках беглецов.

— Если уж вам непременно нужно меня поблагодарить, — ответил он, — то пусть это исходит от вас одной. Я не могу отрицать, что желание порадовать вас было одной из причин, заставивших меня вмешаться. Но остальные члены вашей семьи, при всем моем уважении к ним, не обязаны мне ничем — я думал только о вас.

Элизабет была слишком смущена, чтобы что-то сказать. После непродолжительного молчания ее спутник добавил:

— Вы слишком великодушны, чтобы играть моим сердцем. Если ваше отношение ко мне с тех пор, как мы с вами говорили в апреле, не изменились — скажите мне сразу. Мои чувства и все мои помыслы — неизменны. Но вам достаточно сказать одно слово, и я больше не заговорю о них никогда.

Всей душой понимая неловкость его положения, Элизабет заставила себя ответить. И она сразу, хоть и не очень красноречиво, дала ему понять, что за протекшее время она стала смотреть на него совсем по-другому и теперь с благодарностью и радостью принимает его сегодняшние

заверения. Такого ощущения счастья, какое охватило его при этих словах, он еще никогда не испытывал. И он постарался вложить его в столь пламенные и глубокие слова, которые могли найтись только у человека, охваченного истинной страстью. Если бы Элизабет была способна посмотреть ему в глаза, она заметила бы, насколько красил его отраженный на его лице искренний восторг. Но, хотя она не осмеливалась на него смотреть, она могла его слушать. И по мере его рассказа о том, как много она для него значила, его привязанность к ней становилась для нее все дороже и дороже.

Они шли вперед, сами не зная куда. Слишком многое нужно было обдумать, почувствовать, сказать, чтобы внимание могло сосредоточиться на чем-нибудь постороннем. Вскоре Элизабет обнаружила, что понять друг друга им во многом помогли усилия леди Кэтрин. Тетка и впрямь встретила с ним, проезжая через Лондон, и рассказала ему о своей поездке в Лонгборн, причине этой поездки и разговоре с Элизабет. Она особенно подчеркивала, что, по ее мнению, ответы мисс Беннет ясно доказывали ее наглость и испорченность. Разумеется, она не сомневалась, что это поможет ей вырвать у племянника обещание, которого она не добилась в Лонгборне. Но, на беду ее сиятельства, рассказ произвел действие совершенно противоположное.

— Это вселило в меня надежду,— добавил он,— о которой я до той поры не смел и мечтать. Я знал вашу прямоту и понимал, что если бы вы

решительно были настроены против меня, то сказали бы об этом моей тетке открыто.

Покраснев и засмеявшись, она ответила:

— О да, вы достаточно знакомы с моей откровенностью. И вполне могли считать, что я на это способна. После того, как я разбранила вас прямо в лицо, мне, конечно ничего не стоило высказать свое мнение о вас кому-нибудь из вашей родни.

— Но разве вы что-нибудь обо мне сказали, чего я не заслуживал? И хотя ваши обвинения основывались на ошибочных сведениях и исходили из ложных представлений, мое поведение в тот вечер было достойно самого сурового порицания. Оно было непростительным. Я вспоминаю о нем с ужасом.

— Давайте не спорить о том, чья доля вины была в этот вечер больше,— сказала Элизабет.— Каждый из нас, если судить строго, вел себя небезупречно. Но, надеюсь, что с той поры мы оба немного научились учтивости.

— Я не могу простить себя так легко. Память о том, что я тогда наговорил,— о моем поведении, манерах, словах,— все эти месяцы вызывала и вызывает в моей душе жесточайшую душевную муку. Мне никогда не забудется ваш, столь заслуженный мною упрек: «Если бы вы вели себя, как подобает благородному человеку»,— сказали вы тогда. Вы не знаете, вы едва ли можете вообразить, какую боль причинили мне этой фразой. И я должен признаться, что лишь спустя некоторое время у меня хватило ума понять, насколько вы были правы.

— Но я даже представить себе не могла, что

эти слова могут произвести такое сильное действие. Я совсем не думала, что вы почувствуете их так глубоко.

— Легко этому верю. Вы ведь в самом деле тогда считали, что я лишен естественных человеческих чувств. Я никогда не забуду выражения вашего лица, когда вы сказали, что я не мог бы найти ни одного способа предложить вам свою руку, который склонил бы вас ее принять.

— Прошу вас, не надо больше повторять того, что я сказала в тот вечер. Все это было ошибкой и должно быть забыто. Поверьте, что уже давно память об этом не вызывает во мне ничего, кроме стыда.

Дарси напомнил о своем письме.

— Скажите, — спросил он, — сразу ли оно заставило вас обо мне лучше подумать? Когда вы его читали, вы ему верили?

Она рассказала, какое впечатление произвело на нее это письмо и как постепенно рассеивались ее прежние предубеждения.

— Я знал, — сказал Дарси, — что оно причинит вам боль. Но это было необходимо. Надеюсь, вы его уничтожили? Мне бы ни за что не хотелось, чтобы вы сейчас перечитали некоторые места — особенно из начала. Я припоминаю отсюда отдельные фразы, которые справедливо должны вызывать ко мне ненависть.

— Если, по-вашему, для сохранения моей привязанности это важно, я его сожгу. Но оно не может повлиять на мои чувства — они не настолько изменчивы. Хотя, как мы оба знаем, они и не всегда бывают незыблемыми.

— Когда я писал это письмо,— заметил Дарси,— мне казалось, что я совершенно холоден и спокоен. Но позже я понял, что оно было написано в минуту величайшего душевного волнения.

— Письмо поначалу и вправду горькое. Но позже оно становилось совсем другим. Его конец — само милосердие. Но давайте больше не думать об этом письме. Чувства того, кто его написал, и той, которая его прочла, настолько изменились, что все связанные с ним неприятные обстоятельства должны быть забыты. Одна из моих философских заповедей, с которыми я еще вас познакомлю, гласит: «Вспоминай что-нибудь только тогда, когда это доставляет тебе удовольствие».

— Признаюсь, я не очень-то высоко ставлю подобную философию. Вам в своих воспоминаниях настолько не в чем себя упрекнуть, что ваше спокойствие зиждится не на философии, а на более надежном основании — чистой совести. Со мной все обстоит по-другому. Я не смею, не должен отвергать приходящие в голову мучительные воспоминания. Всю жизнь я был эгоистом, если не по образу мыслей, то, во всяком случае, в своих поступках. Когда я был ребенком, мне дали понятие о правильном и неправильном, но не показали, как надо исправлять свой характер. Мне привили хорошие принципы, но позволили следовать им с гордостью и высокомерием. Будучи, на свою беду, единственным сыном (а в течение многих лет — и единственным ребенком), я был испорчен моими самими по себе добрыми родителями (мой отец был особенно добрым и отзывчи-

вым человеком). Они допускали, одобряли, почти воспитывали во мне эгоизм и властность, пренебрежение ко всем, кто находился за пределами нашего семейного круга, презрение ко всему остальному миру, стремление низко оценивать ум и достоинства других людей по сравнению с моими собственными. Таким я был от восьми до двадцати восьми лет. И таким бы я и оставался до сих пор, если бы не вы, моя чудеснейшая, моя обожаемая Элизабет! Чем только я вам не обязан! Вы преподали мне урок, который поначалу казался мне, правда, горьким, но на самом деле был необыкновенно полезен. Вы научили меня необходимому душевному смирению. Я предложил вам свою руку, не сомневаясь, что она будет принята. А вы показали мне, насколько все мои качества недостаточны для того, чтобы меня могла полюбить женщина, любовью которой стоит по-настоящему дорожить.

— Неужели вы тогда верили, что я могу принять ваше предложение?

— В том-то и дело! Что скажете вы о моем тщеславии? Мне казалось, что вы добиваетесь, ждете моего признания.

— Стало быть, мое поведение в чем-то было неправильным,— хоть и против моего желания, поверьте. Я вовсе не хотела вас обманывать. Но мое озорство вполне могло завести меня не туда, куда надо. Как вы должны были ненавидеть меня после этого вечера!

— Вас ненавидеть? Быть может, вначале я и рассердился. Но вскоре мой гнев обратился против того, кого следует.

— Я едва решаюсь спросить, что вы подумали обо мне, увидав меня в Пемберли. Вы очень осуждали меня за то, что я там появилась?

— Что вы, нисколько. Я просто был крайне удивлен.

— Вы не могли быть тогда удивлены больше, чем я. Совесть подсказывала мне, что я вовсе не заслуживаю любезного обращения и, признаюсь, я вполне ожидала, что со мной и поступят по заслугам.

— А мне хотелось тогда,— отвечал Дарси,— оказать вам все внимание, на которое я был способен, и убедить вас, что злопамятность мне несвойственна. Я надеялся добиться прощения, стараясь рассеять ваше дурное мнение о себе, показав, что ваши укоры пошли мне на пользу. Не могу точно сказать, когда у меня появились и некоторые другие желанья,— думаю, что не позже, чем через полчаса после того, как я вас увидел.

Он рассказал, как сильно она понравилась его сестре, и насколько Джорджиану огорчило, что их знакомство было внезапно прервано. Отсюда рассказ его, естественно, перешел к тому, чем это было вызвано. И Элизабет узнала, что решение уехать из Дербишира на поиски Лидии созрело у него еще до того, как он покинул гостиницу. Его задумчивый и печальный вид в тот момент объяснялся внутренней борьбой, которую он из-за этого должен был пережить.

Она еще раз его поблагодарила, но для обоих это была слишком болезненная тема, и они быстро замолчали.

Пройдя незаметно для себя несколько миль,

они, взглянув на часы, вдруг обнаружили, что им следовало уже вернуться домой. Заинтересовавшись, куда могли запропасться Бингли и Джейн, они заговорили об этих молодых людях. Дарси радовался их обручению, о котором его друг немедленно ему рассказал.

— Мне бы хотелось узнать, вы были этим очень удивлены? — спросила Элизабет.

— Нисколько. Перед отъездом я уже понимал, что это вот-вот должно случиться.

— Иными словами, вы дали свое согласие? Я так и предполагала.

И хотя он стал возражать против такого вывода, она поняла, что дело обстояло именно так.

— Накануне моего отъезда в Лондон, — продолжал Дарси, — я признался ему в том, в чем, вероятно, должен был признаться гораздо раньше. Я рассказал, каким образом я глупо и неуместно вмешался в его дела. Он был крайне удивлен, так как ему это даже не пришло в голову. Я сказал также, что, вероятно, ошибся, считая, что ваша сестра не отвечает на его чувства. Я убедился тогда, что его склонность к ней не исчезла и поэтому их будущий счастливый союз не вызывал у меня сомнений.

То, как он свободно распоряжался поведением друга, не могло не вызвать ее улыбки.

— Вы сказали ему, что Джейн его любит, — спросила Элизабет, — на основе собственных наблюдений, или со слов, услышанных от меня весной?

— Я убедился в этом своими глазами. Присмотревшись к ней во время двух последних посе-

щений Лонгборна, я больше не мог сомневаться в ее чувствах.

— Ну, а ваши слова его сразу же убедили, не так ли?

— О, да. Бингли, в самом деле, необыкновенно скромн. Неуверенность в себе не позволяла ему положиться в таком важном деле на собственное суждение. Но благодаря тому, что он мне полностью доверяет, все встало на свое место. Я должен был открыть ему одно обстоятельство, которое вполне справедливо на какое-то время его раздосадовало. Я не позволил себе оставить его в неведении о том, что ваша сестра провела три зимних месяца в Лондоне, что мне это было известно и что я сознательно ему об этом ничего не сказал. Это его рассердило. Но я уверен, что гнев его рассеялся, как только он перестал сомневаться в чувствах вашей сестры. Сейчас он уже от души меня простил.

У Элизабет вертелось на языке замечание о том, каким незаменимым другом является Бингли, готовый следовать любым советам своего старшего приятеля. Но вспомнив, что ей еще предстояло приучить его к своим шуткам, она сдержалась. Приниматься за это сейчас было еще слишком рискованно. Остаток пути заняли рассуждения ее спутника о будущем семейном счастье Бингли, которое будет уступать только счастью самого Дарси.

В прихожей они расстались.

Глава XVII

— Лиззи, дорогая, где вы так долго пропадали? — Этим вопросом встретила ее Джейн сразу, как только Элизабет вошла в комнату. Тот же вопрос задали ей и остальные члены семьи, когда все рассаживались за столом. Покраснев, она сумела только ответить, что они забрели в незнакомые места. Но ни краска на ее лице, ни какие-нибудь другие обстоятельства не вызвали ни малейших подозрений.

Вечер прошел тихо, без происшествий. Призванные влюбленные болтали и смеялись, непризнанные — молчали. Дарси не было свойственно искать выхода своим счастливым чувствам в бурном веселье, а взволнованная и смущенная Элизабет скорее сознавала свое счастье, нежели на самом деле его испытывала. Помимо обычной неловкости, которую при таких обстоятельствах переживает всякая молодая девица, она испытывала и многие другие опасения. Она заранее представляла себе, как члены ее семьи примут известие об их помолвке. И хорошо зная, что кроме Джейн все относятся к Дарси с большой неприязнью, она боялась, как бы это чувство не оказалось настолько сильным, что ни его состояние, ни положение в обществе не смогут его рассеять.

Перед тем, как уйти спать, она призналась во всем своей сестре. И хотя Джейн обычно не сомневалась в ее словах, на этот раз она проявила крайнюю недоверчивость.

— Ты шутишь, Лиззи? Этого не может быть!

Помолвлена с мистером Дарси! Нет, ты меня обманываешь. Я знаю, что это невозможно.

— Что ж, начало и впрямь малообещающее. Я только на тебя и надеялась. Если даже ты мне не веришь, как же я заставлю поверить других? Но, Джейн, милая, я говорю серьезно. Чистую правду. Он до сих пор меня любит, и мы помолвлены.

Джейн недоверчиво взглянула на сестру.

— Ах, Лиззи, это совершенно невероятно. Я же знаю, что ты его терпеть не можешь.

— Ты ничего не знаешь. Старое следует забыть полностью. Быть может, я не всегда его любила так, как сейчас. Но хорошая память при таких обстоятельствах непростительна. И сейчас я вспоминаю об этом в последний раз.

Мисс Беннет не знала, что и подумать. Элизабет снова и еще более серьезно уверила ее, что все сказанное — сущая правда.

— Боже милостивый! — воскликнула Джейн. — Неужели это могло случиться? И, однако, я теперь должна тебе верить. Лиззи, дорогая, я хотела бы, я была бы рада тебя поздравить. Но ты уверена, — прости мне этот вопрос, — ты вполне убеждена, что будешь с ним счастлива?

— В этом ты можешь не сомневаться. Мы уже решили, что будем счастливейшей парой на свете. Но ты не огорчена, Джейн? Сумеешь ли ты полюбить такого брата?

— Ну конечно же, всей душой. Для нас с Бингли это — самая большая радость. Мы с ним говорили об этом и, увы, решили, что это невозможно. Но ты в самом деле его любишь? Ах, Лиззи, делай все, что угодно, но только не выходи

замуж без любви! Ты совершенно убеждена, что испытываешь к нему достаточно сильное чувство?

— О да! Когда я признаюсь тебе во всем, ты сможешь только сказать, что я его люблю, пожалуйста, слишком сильно.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что, по совести говоря, я люблю его сильнее, чем Бингли. Но я боюсь, что ты на меня за это рассердишься.

— Лиззи, родная, постарайся удержаться от шуток. Нам с тобой нужно поговорить очень серьезно. Расскажи мне сейчас же все, чего я не знаю. Ты давно его любишь?

— Это росло во мне так постепенно, что я сама не могу сказать, когда это началось. Пожалуй, однако, началом можно считать тот день, когда я впервые увидела его восхитительное поместье в Дербишире...

Новый призыв к серьезности достиг желанной цели. И Элизабет вскоре достаточно убедила сестру в своей глубокой привязанности к мистеру Дарси. Когда, наконец, Джейн полностью в этом уверилась, ей больше ничего не оставалось желать.

— Вот теперь я вполне счастлива! — сказала она. — Потому что твоя жизнь будет такой же радостной, как и моя. Я всегда была высокого мнения о мистере Дарси. Одна только любовь к тебе служила ему в моих глазах достаточной рекомендацией. Но теперь, в качестве друга Бингли и твоего мужа, он станет для меня самым дорогим человеком на свете после тебя и Бингли. Но, Лиззи, откуда в тебе столько лукавства? Оказывается, ты от меня очень много скрывала! Я ведь

почти ничего не знала, что произошло в Пемберли и Лэмтоне. Все, что мне об этом было известно, я узнавала от других.

Элизабет объяснила ей причины своей скрытности. В то время она не хотела напоминать сестре о мистере Бингли. И еще недостаточно разобравшись в собственных чувствах, она в равной степени избегала имени мистера Дарси. Однако теперь ей уже не к чему было скрывать роль Дарси в замужестве Лидии. И после того, как все было сказано, они провели в разговорах еще половину ночи.

— Боже мой,— воскликнула на следующее утро, стоя у окна, миссис Беннет.— Неужели этот несносный Дарси опять увязался за нашим дорогим Бингли? О чем только он думает, проводя у нас с такой назойливостью целые дни? Я бы ни сколько не возражала, если бы он отправился на охоту или занялся другими делами и не стеснял нас своим присутствием. Что же мы сегодня будем с ним делать? Лиззи, придется тебе опять вытаскивать его на прогулку, чтобы он не торчал здесь на дороге у Бингли.

Элизабет едва удержалась от улыбки, настолько ее устраивало это предложение. Вместе с тем то, что ее мать постоянно сопровождает его имя подобными эпитетами, не могло не причинить ей душевной боли.

Как только молодые люди вошли, Бингли посмотрел на нее так выразительно и пожал ей руку с таким жаром, что нельзя было сомневаться в его осведомленности. Вскоре он сказал:

— Миссис Беннет, не найдется ли здесь в округе еще каких-нибудь мест для прогулок, где Лиззи снова могла бы заблудиться?

— Я бы посоветовала мистеру Дарси, Лиззи и Китти отправиться с утра на Оукхемский Холм²¹,— отвечала миссис Беннет.— Это — отличная прогулка, а мистер Дарси еще не видел этих мест.

— Что касается остальных участников,— сказал мистер Бингли,— то им это вполне подойдет. Но Китти, пожалуй, будет трудно туда добраться, не правда ли, Китти?

Китти подтвердила, что она предпочла бы остаться дома.

Вместе с тем мистер Дарси необыкновенно заинтересовался видом с Холма, и Элизабет молча согласилась его туда провести. Когда она поднялась наверх, чтобы приготовиться к прогулке, миссис Беннет пошла за ней, шепнув по дороге:

— Мне жаль, Лиззи, что тебе приходится брать на себя заботу об этом несносном человеке. Но ты, я надеюсь, не возражаешь? Тебе же понятно, что все делается ради Джейн. И тебе вовсе не нужно с ним разговаривать. Довольно сказать одно-два слова, пусть это тебя не тревожит.

Во время прогулки было решено испросить в этот вечер согласие мистера Беннета. Объяснение с матерью Элизабет взяла на себя. Как она воспримет известие, было трудно предвидеть. Иногда Элизабет начинала сомневаться, хватит ли богатства и знатности Дарси, чтобы смягчить всю ее неприязнь к этому человеку. Но должен

ли был будущий союз привести ее в негодование или в восторг, поведение миссис Беннет в эту минуту все равно не могло оказать чести ее уму. И для Элизабет было одинаково невыносимо, чтобы Дарси оказался свидетелем первого взрыва восторга или первого приступа негодования ее матери.

Вечером, вскоре после того, как мистер Беннет удалился в библиотеку, Элизабет увидела, как мистер Дарси поднялся вслед за ним. Она испытывала крайнее беспокойство. Едва ли она боялась, что ее отец откажет мистеру Дарси. Но ему предстояло большое огорчение; и то, что она, его любимое дитя, должна была опечалить отца своим выбором, вызвать в нем опасения за ее судьбу, удручало ее самым серьезным образом. В печали и тревоге просидела она до возвращения Дарси и, только взглянув на него и заметив легкую улыбку на его лице, она почувствовала некоторое облегчение. Через несколько минут он подошел к столу, за которым она вместе с Китти занималась шитьем, и, сделав вид, что любит ее работой, прошептал:

— Поднимитесь к отцу, он ждет вас в библиотеке.

Она сейчас же туда пошла.

Отец с мрачным и беспокойным видом расхаживал по комнате.

— Лиззи, — обратился он к ней, — что с тобой делается? В уме ли ты? Неужели тебе вздумалось выйти за него замуж? Разве ты не относилась к нему всегда с неприязнью?

Как горько жалела она в эту минуту, что в своих прежних высказываниях она не проявила достаточной сдержанности и осторожности. Если бы раньше она вела себя по-другому, сейчас она была бы избавлена от множества неприятнейших объяснений. Но теперь эти объяснения были необходимы, и Элизабет со смущенным видом завила отца в своем чувстве к мистеру Дарси.

— Значит, другими словами, ты решила выйти за него замуж. Ну что ж, конечно, он очень богат, и у тебя будет больше красивых платьев и экипажей, чем у Джейн. Но разве ты от этого станешь счастливой?

— У вас есть какие-нибудь другие возражения, кроме того, что вы не верите в мою привязанность к этому человеку?

— Ровно никаких. Мы все считали его гордым и не очень приятным человеком, но это бы не имело значения, если бы ты действительно его полюбила.

— Но я же его люблю, люблю всей душой! — отвечала она со слезами на глазах. — Я люблю его. И его напрасно считают гордецом. На самом деле он превосходный человек. Вы совсем не знаете, что он собой представляет. И я прошу вас, не делайте мне больно, говоря о нем таким тоном.

— Лиззи, — проговорил мистер Беннет, — я дал согласие. Он принадлежит к тем людям, которым бы я не осмелился отказать, если бы они соизволили меня о чем-то просить. Теперь все зависит от тебя — захочешь ли ты по-настоящему, чтобы он стал твоим мужем. Но позволь дать

тебе совет — подумай об этом очень серьезно. Я знаю твой характер, Лиззи. Мне хорошо известно, что ты не сможешь быть счастливой, не сможешь себя уважать, если только не будешь ценить своего мужа, если не станешь смотреть на него, как на человека, стоящего выше тебя. Твои остроумие и жизнерадостность грозят тебе, в случае неравного брака, многими бедами. Едва ли при этом ты сможешь избежать разочарования и отчаянья. Дитя мое, избавь меня от горя, которое я должен буду испытать, увидев, что ты потеряла уважение к спутнику жизни. Ты плохо себе представляешь, что это такое на самом деле.

Еще более взволнованная, Элизабет отвечала серьезно и искренне. Множество раз заверив отца в том, что мистер Дарси — ее настоящий избранник, она рассказала отцу, как постепенно изменились ее взгляды на этого человека. С восторгом перечислила она все его достоинства. Она рассказала отцу о своей абсолютной уверенности, что любовь Дарси к ней — не мимолетное увлечение и что эта любовь уже выдержала многие месяцы серьезного испытания, не встречая ответного чувства. И в конце концов ей удалось рассеять недоверие мистера Беннета и примирить его со своим предстоящим замужеством.

— Что ж, дорогая, — проговорил он, когда она замолчала. — Больше мне нечего тебе сказать. Если все, что я от тебя услышал, — правда, то он заслуживает того, чтобы стать твоим мужем. Я не смог бы, Лиззи, расстаться с тобой ради менее достойного человека.

Для того, чтобы еще больше поднять в его

глазах своего жениха, она рассказала отцу о том, что Дарси добровольно сделал для Лидии.

— Сегодня у нас в самом деле вечер чудес! Значит, все эти переговоры, расходы по свадебному контракту, выплата долгов Уикхема и покупка офицерского патента — все это дело рук Дарси? Ну, что же, — тем лучше. Это освобождает меня от множества забот и расходов. Если бы все сделал твой дядя, мне следовало бы и пришлось бы на самом деле с ним рассчитаться. Но эти неистовые влюбленные молодые люди всегда поступают по-своему. Завтра я предложу ему вернуть долг. Он начнет протестовать и наговорит всякий вздор, настаивая на своей страстной любви к тебе. И с этим делом будет покончено.

Тут мистер Беннет вспомнил, как она была смущена несколько дней тому назад при чтении письма мистера Коллинза. И, вдоволь посмеявшись над ней, он в конце концов отпустил ее, сказав:

— Если какие-нибудь молодые люди явились за Мэри и Китти, ты можешь их направить ко мне, у меня сейчас есть свободное время.

С души Элизабет свалилась величайшая тяжесть. И после получасовых сосредоточенных размышлений у себя в комнате она смогла достаточно успокоиться, чтобы вернуться в гостиную. Пережитые волнения были еще слишком свежи в ее памяти, чтобы она могла предаваться веселью, и остаток вечера прошел очень тихо. Но дальше ей уже нечего было бояться, и ее постепенно охватывало ощущение легкости и спокойствия.

Когда ее мать поднялась перед сном к себе в туалетную комнату, Элизабет заглянула туда и сообщила ей важную новость. Слова ее произвели ошеломляющее действие. Выслушав их, миссис Беннет некоторое время сидела в полном молчании, будучи не в силах что-нибудь произнести. Хотя обычно ее ум достаточно быстро усваивал все, что было выгодно для ее дочерей или хотя бы отдаленно касалось какого-нибудь их поклонника, прошло немало времени, прежде чем она смогла уразуметь смысл того, что ей рассказала Элизабет. В конце концов она начала приходить в себя, стала вертеться в своем кресле, вскакивала, садилась, изумлялась и благословляла свою судьбу.

— Боже праведный! Благословение неба! Подумать только! Что со мной делается? Мистер Дарси! Кто мог бы себе представить? Так это на самом деле правда? Лиззи, душенька моя! Какая ты будешь богатая и знатная! Сколько у тебя будет денег на мелкие расходы! Сколько драгоценностей, карет! Джейн даже и сравниться с тобой не сможет. Я в таком восторге, так счастлива! Какой очаровательный молодой человек! Такой статный! Такой высокий! Ах, Лиззи, миленькая! Ради бога, извинись перед ним за то, что я раньше его недолюбливала. Надеюсь, он об этом забудет. Душенька, душенька, Лиззи! Дом в городе! Любая роскошь! Три дочери замужем! Десять тысяч в год! О, боже! Что со мной будет? Я теряю рассудок.

Этого было достаточно, чтобы больше не сомневаться в ее согласии. И Элизабет, радуясь, что все эти душевные излияния были услышаны ею

одной, вскоре удалилась к себе. Но ей удалось провести в одиночестве не больше трех минут. Миссис Беннет сама прибежала к ней в комнату.

— Моя любимая девочка! Десять тысяч в год, а может быть, даже больше! Это ведь все равно, что выйти за лорда! И особое разрешение, — ты непременно должна будешь венчаться по особому разрешению. Но, дорогая моя, скажи мне, какое кушанье мистер Дарси больше всего любит к обеду? Я завтра же велю его приготовить.

Это было не слишком хорошим предзнаменованием будущего обращения матери с ее женихом. И Элизабет поняла, что даже после того, как она убедилась в самой нежной привязанности к ней мистера Дарси и заручилась согласием на их брак родителей, ей еще остается чего-то желать. Однако утро прошло гораздо более благополучно, чем она ожидала. Миссис Беннет испытывала такое благоговение перед своим будущим зятем, что была не в состоянии с ним разговаривать, кроме тех случаев, когда она могла оказать ему какую-нибудь услугу или выразить свое согласие с его мнением.

Элизабет обрадовалась, увидев, что отец старается ближе познакомиться с Дарси. И вскоре мистер Беннет уверил ее, что с каждым часом его мнение о Дарси становится все более благоприятным.

— Все три зятя кажутся мне великолепными. Боюсь, что Уикхем останется моим любимцем. Но твой муж будет мне нравиться, возможно, не меньше Бингли.

Глава XVIII

К Элизабет вскоре вернулось достаточно веселое расположение духа, чтобы она смогла потребовать от мистера Дарси отчета о том, как его угораздило в нее влюбиться.

— С чего это началось? — спросила она. — Я отлично могу себе представить, как пошло дело дальше. Но что могло послужить первым толчком?

— Мне теперь трудно назвать определенный час или место, или взгляд, или слово, после которых мною был сделан первый шаг. Слишком это было давно. И я понял, что со мной происходит только тогда, когда был уже на середине пути.

— Не правда ли, сначала моя внешность вам не понравилась? А что касается моих манер, — мое поведение по отношению к вам всегда было, по меньшей мере, не вполне вежливым. Не было случая, чтобы, разговаривая с вами, я не старалась вам досадить. В самом деле, не влюбились ли вы в меня за мою дерзость?

— Я полюбил вас за ваш живой ум.

— Вы вполне можете называть это дерзостью. Да оно почти так и было. Ведь дело в том-то и заключалось, что вам до тошноты опротивели любезность, внимательность и угодничество, с которыми к вам относились все окружающие. Вас тошнило от женщин, у которых в мыслях, в глазах и на языке была лишь забота о том, как бы заслужить вашу благосклонность.

Я привлекла к себе ваше внимание и интерес именно тем, что оказалась вовсе на них не похожей. Не будь у вас золотого сердца, вы должны были бы меня за это возненавидеть. Но при всех ваших стараниях скрыть свою истинную натуру, чувства ваши всегда были благородны и справедливы. И в душе вы питали глубокое презрение ко всем, кто за вами так прилежно ухаживал. Что ж — вот я и избавила вас от труда давать мне какие-нибудь объяснения. В самом деле, принимая во внимание все обстоятельства, моя догадка кажется мне разумной. Конечно, о настоящих моих достоинствах вы и не подозреваете. Но ведь, когда влюбляются, о них никто и не думает.

— Разве вы не доказали свою доброту, нежно заботясь о Джейн во время ее болезни в Нейзерфилде?

— Джейн — ангел! Кто не сделал бы для нее того же, что и я? Впрочем, пусть вам это кажется добродетелью. Мои хорошие качества находятся теперь под вашей опекой, и вам следует превозносить их как можно больше. А мне подобает выискивать в ответ любые поводы для того, чтобы с вами поссориться и вас подразнить. И я собираюсь приступить к делу без промедления. Позвольте-ка вас спросить — почему вы так долго уклонялись от решительного объяснения? Что заставляло вас упорно меня сторониться при вашем первом визите и позже, когда вы с Бингли у нас обедали? Ведь вы вели себя, особенно при первом посещении, так, будто вам до меня нет никакого дела.

— У вас был серьезный и мрачный вид. И вы меня ничем не ободрили.

— Да ведь я была смущена!

— Я тоже.

— И вы не сумели со мной переговорить, когда приезжали к нам на обед?

— Человек, который испытывал бы меньшее чувство, наверно сумел бы.

— Экая беда,— у вас на все находятся разумные отговорки. А я оказываюсь настолько рассудительной, что сразу же с ними соглашаюсь. Но интересно, долго ли вы еще откладывали бы объяснение, если бы были предоставлены самому себе? Когда бы вы, наконец, высказались, если бы я сама на это не напросилась? Не правда ли, немалую роль сыграла моя решимость поблагодарить вас за заботу о Лидии? Боюсь даже,— слишком большую. Что станет с нашей моралью, если нашему благополучию положило начало нарушение обещания? Ведь я не имела права вам об этом сказать. Едва ли из этого выйдет что-то хорошее.

— Вы не должны огорчаться. И не тревожьтесь за свои моральные принципы. С моей нерешительностью покончила моя тетка, которая так жестоко пыталась нас разлучить. И сегодняшним блаженством я обязан не вашей решимости выразить мне свою благодарность. Я не собирался ждать первого шага с вашей стороны. То, что мне рассказала леди Кэтрин, позволило мне надеяться, и я решил немедленно узнать о своем приговоре.

— Леди Кэтрин оказала нам неоценимую

услугу. Ее это должно радовать. Приносить пользу всем — ее страсть. Но скажите, с какой целью вы приехали в Незерфилд? Неужели только, чтобы смутиться при посещении Лонгборна? Или у вас были более далеко идущие планы?

— Моей истинной целью было — повидать вас. Я хотел понять, есть ли у меня какая-то надежда добиться вашей любви. А признавался я себе только в желании проверить, сохранила ли ваша сестра привязанность к Бингли. И, в случае, если бы я в этом удостоверился, я собирался перед ним исповедаться. Позднее я это сделал на самом деле.

— Хватит ли у вас когда-нибудь смелости сообщить леди Кэтрин о том, что ее ожидает?

— Мне, скорее, не хватает времени, а не смелости. Но это должно быть сделано, и, если вы дадите мне лист бумаги, я сделаю это сейчас же.

— А если бы мне не нужно было самой написать письмо, я могла бы сесть рядом с вами и восхищаться тем, насколько ровно ложатся ваши строчки, — как это уже однажды делала некая молодая леди. Но у меня тоже есть тетка. И я не имею права больше о ней забывать.

Элизабет до сих пор не ответила на длинное письмо миссис Гардинер. Ей трудно было признаться, что предположения тетушки о ее близости к мистеру Дарси были сильно преувеличены. Но теперь она могла сообщить ей необыкновенно приятную новость. И Элизабет почувствовала себя пристыженной, вспоминая, что ее тетя и дядя уже потеряли три дня, в течение которых

они могли бы радоваться ее счастью. Поэтому она отправила им следующее послание:

«Я должна была сразу поблагодарить Вас, моя дорогая тетушка, за Ваш подробный, дружеский и столь полный рассказ. Но, говоря по правде, мне было очень трудно писать. Своими догадками Вы опередили события. Зато теперь Вы уже можете предположить все, что хотите. Дайте волю Вашей фантазии. Разрешите ей нарисовать в Вашем воображении любую картину. И все же, если только Вам не придет в голову, что я уже замужем, Вы ошибетесь не очень сильно. Вы должны написать мне еще раз, как можно скорее, расхвалив при этом моего избранника гораздо подробнее, чем Вы это сделали в прошлом письме. Еще и еще раз благодарю Вас за то, что Вы не захотели поехать в Озерный Край. Как я была глупа, когда об этом мечтала! Ваша идея о низеньком фэртоне мне очень понравилась. Мы будем с Вами кататься по парку каждое утро. Я теперь — самое счастливое существо на свете. Быть может, то же самое произносили до меня и другие. Но ни у кого не было для этого столько оснований. Я даже счастливее Джейн. Она только улыбается, а я — хохочу! Мистер Дарси шлет Вам всю свою любовь, которую он утаил от меня. Вы должны непременно приехать в Пемберли на рождество.

Ваша и т. д.»

Письмо мистера Дарси к леди Кэтрин выглядело совсем по-другому. И совсем непохожим на оба послания был ответ мистера Беннета на последнее письмо мистера Коллинза:

«Дорогой сэръ,

Вам придется еще раз позаботиться о поздравлениях. Элизабет вскоре станет супругой мистера Дарси. Утешьте леди Кэтрин, насколько это будет в Ваших силах. Но будь я на Вашем месте, я рассчитывал бы на племянника. У него больше возможностей.

Искренне Ваш и т. д.»

Поздравление мисс Бингли, полученное ее братом в связи с его предстоящей женитьбой, было необыкновенно нежным и фальшивым. Она написала даже Джейн, выразив ей свой восторг и напомнив о своих прежних дружеских чувствах. И хотя Джейн не была обманута этим письмом, оно все же настолько ее тронуло, что она не удержалась и ответила на него, как она сама сознавала, гораздо приветливее, чем заслужила мисс Бингли.

Радость, которую выражала по тому же поводу мисс Дарси, была столь же искренней, каким было письмо, полученное ею от брата. Ей явно не хватило четырех страниц письма для выражений восторга и горячей надежды на то, что Элизабет сможет полюбить ее, как родную сестру.

Еще до того, как мог быть получен ответ от мистера Коллинза или поздравление от его жены, жители Лонгборна узнали, что сами Кол-

линзы пожаловали в Лукас Лодж. Причина их столь поспешного приезда вскоре стала достаточно ясной. Леди Кэтрин была приведена письмом племянника в такое крайнее негодование, что Шарлот, искренне радовавшаяся предстоящему браку, сочла за лучшее исчезнуть на то время, пока буря несколько не утихнет. Приезд подруги в такой момент несказанно обрадовал Элизабет. Однако, видя как мистеру Дарси приходится во время их встреч переносить назойливые и напыщенные любезности ее мужа, она начала думать, что эта радость была куплена слишком дорогой ценой. Впрочем, мистер Дарси проявлял необыкновенную выдержку. Он даже научился более или менее спокойно выслушивать жалобы сэра Уильяма Лукаса на похищение величайшей драгоценности этого края, а также его надежды на встречу в Сент-Джеймсе. И если он и пожимал плечами по временам, то делал это только после того, как сэр Уильям от него отворачивался.

Другое и, пожалуй, еще более тяжкое испытание ему приходилось выдерживать из-за вульгарности миссис Филипс. Правда, она, так же, как и ее сестра, настолько благоговела перед ним, что не решалась с ним разговаривать с фамильярностью, какую поощрял в ней добродушный нрав Бингли. Однако любая сказанная ею фраза непременно звучала вульгарно. Почтение к Дарси заставляло ее быть молчаливой, но не улучшало ее манер. Элизабет делала все, что могла, стараясь защитить Дарси от излишнего внимания мистера Коллинза и миссис Филипс.

Благодаря ее стараниям большую часть дня он проводил либо с ней, либо в обществе тех ее близких, разговор с которыми не вызывал в нем досады. Хотя из-за подобных беспокойств период обручения стал для Элизабет несколько менее счастливым, будущее счастье казалось от этого еще более привлекательным. И она с восторгом предвкушала то время, когда они смогут вырваться из столь неприятного для них обоих окружения и зажить спокойной и достойной семейной жизнью в Пемберли.

Глава XIX

Счастливым для материнских чувств миссис Беннет был день, когда она рассталась с двумя самыми достойными своими дочерьми. Легко можно себе представить, с каким восторгом и гордостью она после этого навещала миссис Бингли и говорила о миссис Дарси. И, ради ее семейства, я была бы рада сказать²², что исполнение ее самой заветной мечты — выдать замуж сразу нескольких дочерей — произвело на нее такое благотворное влияние, что в конце жизни она, наконец, стала приветливой и рассудительной женщиной. Однако, увы, она время от времени по-прежнему была подвержена нервическим припадкам и поминутно совершала какую-нибудь глупость, быть может, к счастью для своего мужа, который в противном случае не смог бы насладиться непривычным для него домашним уютом.

Мистеру Беннету очень недоставало его второй дочери, и его привязанность к ней заставляла его выезжать из дома чаще, чем по любому другому поводу. Он очень любил навещать Пемберли, в особенности тогда, когда его меньше всего там ждали.

Мистер Бингли и Джейн прожили в Незерфилде только около года. Столь близкое соседство с ее матерью и меритонскими родственниками оказалось нежелательным даже при его мягком нраве и ее нежном сердце. Заветная мечта его сестер, наконец, осуществилась, и он приобрел имение в графстве, граничащем с Дербиширом. Таким образом Джейн и Элизабет, в дополнение ко всем другим радостям, оказались на расстоянии всего тридцати миль друг от друга.

Китти стала, с большой пользой для себя, проводить время в обществе двух старших сестер. Характер ее благодаря этому заметно улучшился. Она не была так упряма, как Лидия. И теперь, освобожденная от ее влияния, она под руководством Джейн и Элизабет стала менее раздражительной, менее вялой и менее невежественной. Разумеется, ее всячески оберегали от общества Лидии. И, несмотря на то, что миссис Уикхем частенько приглашала ее к себе, заманивая сестру балами и обществом молодых людей, мистер Беннет никогда не соглашался на такую поездку.

Единственной дочерью, которая продолжала оставаться в Лонгборне, была Мэри. Ей поневоле пришлось бросить заботу о самоусовершенствовании, так как миссис Беннет ни на минуту не могла

оставаться в одиночестве. Таким образом Мэри стала принимать большее участие в жизни, хотя по-прежнему была способна читать наставления по поводу всякого пустяка. И, не чувствуя уже себя уязвленной тем, что она менее красива, чем ее сестры, она, как и предполагал ее отец, согласилась с этой переменой без особенных возражений.

Что касается Уикхема и Лидии, то замужество старших сестер не отразилось на их характерах. То, что Элизабет должна была теперь узнать до конца о его непорядочности и неблагодарности, было принято им с философским спокойствием. Несмотря ни на что, он не расставался с надеждой, что Дарси все же возьмет на себя заботу о его благосостоянии. Поздравительное письмо, полученное Элизабет ко дню свадьбы, свидетельствовало, что подобные надежды питал если и не он сам, то, по крайней мере, его жена. Вот что говорилось в этом письме:

«Моя дорогая Лиззи,

Желаю тебе всяческих радостей. Если ты любишь мистера Дарси хотя бы наполовину так сильно, как я люблю моего дорогого Уикхема, ты должна себя чувствовать очень счастливой. Как хорошо, что ты станешь такой богатой! Надеюсь, что когда тебе нечем будет заняться, ты вспомнишь о нас. Я уверена, что Уикхем был бы очень рад получить место при дворе, и боюсь, что у нас не будет хватать денег, чтобы прожить без некоторой поддержки. Думаю, что нам

подошло бы любое место с доходом в триста-четырееста фунтов в год. Однако, если ты не найдешь нужным, пожалуйста, не говори об этом мистеру Дарси.

Твоя и т. д.»

Так как ее сестра вовсе не находила это нужным, она постаралась в своем ответе положить конец всяким просьбам и ожиданиям подобного рода. Тем не менее Элизабет нередко посылала им то, что ей удавалось отложить благодаря экономии в собственных расходах, и находилось, таким образом, в ее личном распоряжении. Она отлично понимала, что средства, которыми располагали Уикхемы, были недостаточны для покрытия расходов двух людей, столь неумеренных в своих потребностях и столь мало заботящихся о будущем. И всякий раз, когда им приходилось переезжать с места на место, Элизабет или Джейн непременно должны были ждать просьбы о помощи в расплате с долгами. Их образ жизни, даже после того, как заключение мира позволило им вернуться на родину, оставался крайне безалаберным. Они вечно переезжали, стараясь устроиться подешевле, и вечно тратили денег больше, чем следовало. Привязанность Уикхема к Лидии очень скоро уступила место полному безразличию. Ее привязанность к мужу просуществовала немногим дольше. И, несмотря на молодость и полученное воспитание, она по-прежнему имела полное право на ту репутацию, которая за ней утвердилась после ее замужества.

Хотя Дарси никогда не соглашался принимать Уикхема в Пемберли, он все же, ради Элизабет,

продолжал оказывать ему помощь в его карьере. Лидия иногда гостила у них, в то время, когда ее муж развлекался в Лондоне или Бате²³. А у Бингли оба проводили нередко так много времени, что против этого восставал даже его ангельский характер, и он начинал говорить о необходимости намекнуть Уикхемам, что им уже пора уезжать.

Женитьба Дарси нанесла мисс Бингли глубокую рану, но так как она сочла полезным сохранить за собой возможность навещать Пемберли, она подавила обиду в своей душе, еще больше восторгалась Джорджианой, была почти так же, как прежде, внимательна к Дарси и вела себя безукоризненно вежливо по отношению к Элизабет.

Пемберли стал теперь для Джорджианы ее постоянным пристанищем. И между сестрами установилась та близость, на какую рассчитывал Дарси. Они даже полюбили друг друга именно так, как когда-то об этом мечтали. Джорджиана навсегда сохранила самое высокое мнение об Элизабет. Вместе с тем она с удивлением, почти близким к испугу, прислушивалась к ее зазорной и веселой манере разговаривать с братом. Человек, который всегда вызывал в ней бесконечное уважение, иногда даже более сильное, чем любовь, теперь нередко оказывался предметом веселых шуток. И она постепенно уразумела то, что ей раньше никогда не приходило в голову. На опыте Элизабет она поняла, что женщина может позволить себе обращаться с мужем так, как не может обращаться сестра с братом, который старше ее на десять лет.

Женитьба племянника привела леди Кэтрин в крайнее бешенство. И, отвечая на извещавшее ее об этом письмо, она дала полную волю свойственной ее характеру прямоте. В ответе, таким образом, содержались настолько оскорбительные выражения, в особенности по адресу Элизабет, что на некоторое время всякое общение с Розингсом было прервано. Однако со временем Дарси, по настоянию Элизабет, решил пренебречь полученным оскорблением и сделал шаг к примирению. После небольшого сопротивления, леди Кэтрин то ли из-за своей привязанности к племяннику, то ли желая узнать, как себя держит его жена, сменила, наконец, гнев на милость. И она снизошла до того, чтобы навестить Пемберли, невзирая на то, что его сень была осквернена не только присутствием недостойной хозяйки, но также визитами ее дяди и тети из Лондона.

С Гардинерами у них установились самые близкие отношения. Дарси так же, как и Элизабет, по-настоящему их полюбил. И оба они навсегда сохранили чувство самой горячей благодарности к друзьям, которые привезли ее в Дербишир и тем самым сделали возможным их союз.

Конец

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1946 году было напечатано изложение беседы с английским писателем Сомерсетом Моэмом. Его попросили назвать десять романов, которые он считает лучшими в мировой литературе. Моэм назвал два русских романа («Война и мир» и «Братья Карамазовы»), три французских («Красное и белое», «Отец Горио» и «Мадам Бовари») и пять романов, написанных на английском языке. Из этих пяти хорошо известны русским читателям были только два: «История Тома Джонса, найденыша» и «Дэвид Копперфилд». Два других — «Моби Дик» Генри Мелвилла и «Грозовой перевал» Эмили Бронте были изданы на русском языке и нашли у нас широкое признание в пятидесятых годах. И только десятый, — роман умершей 150 лет тому назад английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение» — до сих пор никогда не издавался в нашей стране.

Разумеется, перечень Моэма — условный и субъективный. Он не содержит некоторых прекрасных (может быть, не менее значительных) произведений названных и не названных в нем писателей. Например, в нем отсутствует «Герой нашего времени», — вероятно, лучшее произведение этого жанра во всей мировой литературе. Но

и того обстоятельства, что известный английский литератор поставил роман Остин в ряд с любимыми у нас девятью другими романами, достаточно, чтобы привлечь внимание к «Гордости и предубеждению».

В Предисловии к «Журналу Печорина» Лермонтов пишет: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она написана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

Романы Джейн Остин, такие сдержанные, ограниченные такими узкими сюжетными рамками, представляют собой истории человеческих душ, написанные с той зрелостью и наблюдательностью и в том этическом ключе, о которых говорил Лермонтов. И в этих романах несомненно есть что-то общее с «Героем нашего времени» — в камерности обрисованной автором общей сцены, в лаконизме и точности зарисовок, в сарказме и эпиграмматичности отдельных характеристик, в глубоком понимании свойств человеческой души, которое приводит иногда к почти лермонтовской разочарованности в людях, правда, прорывающейся сквозь задорно-оптимистический тон всей вещи, в лиричности повествования в целом. Даже названиями своих первых романов — «Разум и чувство», «Гордость и предубеждение», — Остин предупреждает, что в них речь пойдет прежде всего о душевном мире героев, — о том же, о чем по сути дела предупреждает Лермонтов.

своим названием «Герой нашего времени». Романы написаны удивительным языком, который дал некоторым англичанам повод говорить в наши дни, что у них был «только один по-настоящему большой мастер прозы — Джейн Остин». И это тоже сближает ее книги с прозой Лермонтова.

Закрывая в первый раз «Гордость и предубеждение», я почувствовал, что не могу так просто расстаться с автором этой книги, и решил попытаться сделать так, чтобы Остин заговорила по-русски. Первые переведенные главы я показал отцу, Самуилу Яковлевичу Маршаку, переводчику, редактору и воспитателю литературной молодежи. Редактируя эти главы, он помог мне «поставить правильно голос» и поверить в собственные силы. Смерть помешала отцу поработать над переводом после его окончания — рукопись пришлось отделять без него, пользуясь его заветами и замечаниями тех, кто принимал участие в подготовке этой книги. Буду рад, если книга позволит русским читателям хоть в какой-то мере воздать должное Джейн Остин — этому чудесному художнику, к которому с полным правом можно было бы отнести слова Лермонтова о другом английском писателе, весьма высоко ценившем творчество Остин: «Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую минуту, которую дарит эта книга».

И. Маршак

ДЖЕЙН ОСТИН И ЕЕ РОМАН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

Джейн Остин родилась 16 декабря 1775 года, пятью годами позже Уордсворта и Скотта. Отец ее, Джордж Остин, происходивший из старинной кентской семьи, был стипендиатом колледжа св. Иоанна в Оксфорде, а затем, по рекомендации отдаленного родственника, стал приходским священником в Стивентоне (графство Хэмпшир). Женился он на Кассандре Ли, дочери дворянина из старого, но обедневшего рода. Джейн Остин была предпоследним ребенком в семье; у нее было шестеро братьев и одна сестра, Кассандра, старше ее на три года.

Старший брат, Джеймс, был человеком ученым и умным, много читал, писал стихи и прозу. Так же, как и отец, он был стипендиатом колледжа св. Иоанна, где издавал журнал «На досуге» («The Loiterer»), в котором нередко печатался и сам. В 1801 году Джордж Остин передал ему свой приход в Стивентоне и уехал с семьей в Бат. Предполагают, что старший брат оказал большое влияние на Джейн Остин, руководил ее чтением и образованием.

О втором брате, Джордже, мы не знаем почти ничего. Известно только, что в детстве он страдал припадками. Ни в письмах, ни в воспомина-

ниях родных имя его не упоминается. Биографы Джейн Остин высказывают предположение, что он так и не научился говорить; этим объясняют тот неожиданный факт, что Джейн Остин знала азбуку немых¹.

Третьего брата, Эдварда, усыновила чета богатых бездетных родственников. Он женился на дочери баронета и вел жизнь богатого помещика. Джейн и Кассандра нередко гостили в его имениях в Кенте и Хэмпшире. После смерти отца в 1805 г. Джейн, Кассандра и миссис Остин оказались в весьма стесненных обстоятельствах. В 1809 году, когда умерла его жена, Эдвард предложил им дом в Чотрне (графство Хемпшир), где Джейн провела последние годы жизни.

Четвертый брат, Генри Томас, был, конечно, самым блестящим, хотя и не самым высоконравственным из братьев. Он сменил множество самых различных профессий. Он служил в армии, был банкиром, в течение нескольких лет преуспевал, но потом его фирма обанкротилась. Тогда он принял сан священника. Он женился на своей кузине Элайзе, вдове французского дворянина графа де Фейида, окончившего свои дни на гильотине. Элайза, которой удалось бежать из Франции, долгое время жила у Остинов. Ей Джейн обязана тонким знанием французского языка, столь необычным, как может показаться на первый взгляд, для дочери провинциального священника. С именем

---

¹ «Jane Austen. Facts and Problems» by R. W. Chapman. Oxford, 1948, p. 9.

Отец Джейн Остин — Джордж Остин

Элайзы связаны и театральные вечера в доме Остин. До получения рокового известия она с увлечением занималась театральными постановками, в которых принимали участие все члены семейства. Театром служил амбар, предоставленный мистером Остином специально для этих целей.

Генри жил в Лондоне. Джейн всегда останавливалась у него, когда приезжала туда погостить. Все ее дела с издателями вел также Генри Томас.

Младшие братья, Фрэнсис и Чарлз, были моряками, и оба дослужились до адмиральского чина. За перипетиями их судеб Джейн Остин следила

Мать Джейн Остин — Кассандра Остин

с неослабным вниманием. Она поддерживала оживленную переписку не только с братьями, но и с их женами, детьми и родственниками. Так до нее, жившей в глуши английской провинции, доходило дыхание большого мира.

Самым близким другом Джейн была ее старшая сестра Кассандра. Ей она поверяла все свои помыслы. Еще в детстве, когда Кассандру отправили в школу в Рединге, восьмилетняя Джейн настояла, чтобы и ее послали вместе с нею. Хотя ей решительно нечего было там делать в таком раннем возрасте, родители вынуждены были усту-

пить. «Если бы Кассандре отрубили голову,— говорила миссис Остин,— Джейн настояла бы, чтобы с ней поступили так же»². Расставаясь, Джейн писала Кассандре подробные письма. К сожалению, письма эти были впоследствии уничтожены. Опасаясь нескромности будущих биографов, Кассандра незадолго до смерти сожгла большую часть переписки с сестрой. Она оставила лишь то, что казалось ей слишком тривиальным, чтобы представлять интерес для потомков. Кассандра, так же, как и Джейн, не вышла замуж. В юности она была помолвлена с молодым священником Томасом Фаулом. Он умер от желтой лихорадки в Вест-Индии, куда отправился в надежде несколько увеличить свой скромный бюджет. Кассандре было тогда 24 года.

Кассандра была чрезвычайно предана сестре. Вот что писала она Фэнни Найт, любимой племяннице Джейн, на следующий день после ее смерти: «Я потеряла клад,— такую сестру, такого друга, равной которой не найти. Она была солнцем моей жизни, венцом всех моих радостей, утолением всех моих печалей. У меня не было ни одной мысли, которую я бы утаила от нее. Я чувствую себя так, словно потеряла часть самой себя»³.

---

² «Jane Austen. Facts and Problems» by R. W. Chapman, p. 11. Здесь и далее переводы автора статьи.

³ «Jane Austen's Letters to her sister Cassandra and others», collected and edited by R. W. Chapman, second edition. Oxford University Press. London, 1952, p. p. 513—514 (Appendix: «Cassandra's Letters to her niece Fanny Knight on the Death of her sister»).

О самой Джейн Остин нам известно очень немного. Она вела замкнутую жизнь — жила в деревне, в небольших провинциальных городах: сначала в Стивентоне, потом в Бате, Саутхэмптоне, Чотэне, последние месяцы своей жизни — в Уинчестере, куда она уехала с Кассандрой для лечения. Там она и скончалась 18 июля 1817 г. от неизвестной болезни, омрачившей ее последние годы. Лишь изредка Джейн Остин наезжала в Лондон, но и там знакомства ее не выходили за пределы семейного круга. В отличие от своей знаменитой соотечественницы Марии Эджуорт, она не путешествовала и не переписывалась с великими умами Европы. За год до ее смерти вышла восторженная статья В. Скотта, посвященная ее первым четырем романам; но знакома с ним Джейн Остин не была. Вероятно, она встретила где-то с М. Эджуорт, ибо, как нам известно, она послала ей экземпляр «Мэнсфилд Парка». Она получила записку от Ханны Мур, когда гостила в Лондоне, возможно, видела мельком — на улице, или в театре — своего любимого поэта Крабба.

Отзывы современников, дошедшие до нас, очень кратки и противоречивы.

Джейн «совсем не хорошенькая: она очень чопорна для своих двенадцати лет,— пишет ее кузина Филадельфия Остин после первого знакомства.— Она ведет себя капризно и принужденно». Некая миссис Митфорд, зная, по ее словам, сестер Остин в молодости, вспоминает, что «в жизни своей не видела другой такой хорошенькой вертушки, поглощенной поисками мужа,

как Джейн»⁴. Правда, позже выяснилось, что в последний раз она видела Джейн, когда той было восемь лет.

Безымянная подруга миссис Митфорд, посещавшая Джейн Остин за два года до смерти, заявляет в 1815 году, что Джейн «превратилась в застывший, молчаливый, перпендикулярный образчик «счастливого безбрачия» и что до той поры, пока «Гордость и предубеждение» не открыли всем, какой драгоценный алмаз скрывается в этом жестком футляре, в обществе на нее обращали не больше внимания, чем на кочергу, или на каминную решетку, или на любой другой тонкий и прямой предмет из дерева или железа, который мирно стоит себе в своем углу. Сейчас все изменилось, это все та же кочерга, но как все боятся этой кочерги! Сознаюсь, что такая молчаливая наблюдательность устрашает, — острослов, который в обществе слова не проронит, но зато так умеет обрисовать характеры, это действительно ужасно!»⁵ В приведенных словах звучит личная, недоброжелательная нота, — последние строки, пожалуй, все объясняют.

Это мнение оспаривает сэр С. Э. Бриджес, брат близкого друга Джейн Остин миссис Лефрой: «В те годы, когда я был знаком с Джейн Остин, я и не подозревал, что она пишет. Глядя на нее, я понимал, что она привлекательна и хороша собой, тонка и изящна, только щеки ее,

---

⁴ Цит. по статье: Virginia Woolf. Jane Austen; — «Jane Austen. A Collection of Critical Essays», edited by Jan Watt. London, 1961, p. 16.

⁵ Там же.

пожалуй, несколько слишком круглы»⁶. Единственный достоверный портрет писательницы, сделанный Кассандрой Остин в ранней юности, вполне отвечает этому описанию⁷.

Интересно стихотворное послание, принадлежащее, как полагают, юному племяннику Джейн Остин, Джеймсу Эдварду (род. в 1798 году). Оно написано, по-видимому, незадолго до публикации «Гордости и предубеждения» в 1813 году и посвящено «Мисс Джейн Остин, прославленному автору «Разума и чувства»».

Юный автор восхищается писательницей, соединившей два столь противоречивых начала — «чувство, любимицу стерновской музыки» и «тонкий, отточенный разум»⁸. Чтение любого романа

⁶ Sir S. E. Brydges. Autobiography. [s. l.], 1834, p. 40—41.

⁷ См. стр. 623.

⁸ Вот текст этого стихотворения (цит. по книге: «Jane Austen. Facts and Problems» by R. W. Chapman, p. 19).

On such Subjects no Wonder that she should write well,
In whom so united those Qualities dwell.
Where «dear Sensibility», Sterne's darling Maid,
With Sense so attempered is finely portray'd;
Fair Elinor's Self in that Mind is Exprest,
And the Feelings of Marianne live in that Breast;
Oh then, gentle lady! Continue to write,
And the Sense of your Readers t'amuse and delight!

Прозаический перевод этого сочинения звучал бы приблизительно так: «Немудрено, что она так хорошо пишет об этих предметах, ибо в ней самой совмещены эти качества; чувство, любимица стерновской музыки, тонко соединено в ней с отточенным разумом; в этом уме отражена прекрасная Элино́р, а это сердце волнуется чувствами Мэриэн; что ж, нежная душа!

Джейн Остин утверждает нас в этой мысли. В самом деле, только тот, кто сам испытал борьбу этих противоречивых начал, мог так верно их изобразить. Здесь снова приходится пожалеть о том, что в нашем распоряжении нет писем Джейн к Кассандре — в частности, тех, которые могли бы пролить свет на единственную привязанность Джейн. О ней нам известно очень немного; мы даже не знаем имени молодого человека. Внезапная смерть лишила Джейн надежды на счастье. Впоследствии она отвергла несколько предложений и так же, как Кассандра, посвятила себя семье⁹.

Остины были бедны. Они не держали слуг; лишь время от времени приходила деревенская девушка, чтобы помочь по хозяйству. Миссис Остин коптила окорока, варила мед и пиво; Кассандра готовила; Джейн обшивала всю семью.

В юности Джейн любила балы, танцы, веселье; прекрасно играла в мяч. Любовь к театру она сохранила на всю жизнь. Она обладала незаурядной выдержкой и сильными чувствами. По семейному преданию, когда Джейн услышала о решении покинуть Стивентон, где прошли ее детство и юность, она упала в обморок¹⁰. В юности, узнав, что сестре ее матери грозит тюрьма

Продолжай писать, восхищая и радуя сердца своих читателей».

⁹ См. главу «Romance» в книге «Jane Austen, Facts and Problems» by R. W. Chapman.

¹⁰ Там же, глава «Steventon».

по обвинению в мелком воровстве (биографы предполагают, что она стала жертвой шантажа), Джейн вместе с Кассандрой решили разделить с ней заключение. Друзья и родные вспоминают, что никогда не слышали от нее ни слова жалобы. Она умерла мучительной смертью. Единственная фраза, которой она себя выдала, была: «Боже, дай мне терпения! Молитесь за меня!».

Братья Остин, не склонные к незаслуженным панегирикам и восторгам, по свидетельству современников, «гордились сестрой и нежно любили ее; они ценили в ней ее таланты, добродетели и редкое очарование; каждому хотелось видеть в дочерях или племянницах сходство со своей милой Джейн, равной которой они, впрочем, и не надеялись найти»¹¹.

Из этих противоречивых и отрывочных отзывов встает образ Джейн Остин, какой ее знали в жизни,— очаровательная, но сдержанная, открытая с друзьями и родными, застенчивая и молчаливая с чужими; в кругу семьи ее обожают, в обществе боятся ее наблюдательности и остроумия. Читая ее романы, убеждаешься в верности этих предположений — Джейн Остин бывает и весела, и непосредственна, и очаровательна, но она может быть и «несгибаема», и «перпендикулярна».

Несколько больше известно нам о литературных склонностях Джейн. Отец ее был человеком академического склада ума. Он сам обучал своих

---

¹¹ «Jane Austen. Facts and Problems» by R. W. Chapman, p. 97.

детей и брал учеников в дом, — семья была большая, и на скромное приходское жалованье прожить было трудно. Джейн и Кассандра, правда, были посланы в школу в Рединге, но они вернулись, не пробыв там и года.

В семье много читали — не только во время уроков, но и собравшись по вечерам у камина в гостиной. Читали большей частью книги солидные и поучительные — Сэмюэля Джонсона в изложении его биографа Босвелла (Джонсона Джейн особенно любила, и уже взрослой называла «мой милый доктор Джонсон»), проповеди и богословские труды, «Историю Англии» Голдсмита, «Историю» Хьюма, многочисленные мемуары. Из романистов Джейн любила Ричардсона, Филдинга, Стерна, Марию Эджуорт, Фрэнсис Берни; из поэтов — Каупера, Попа, Томсона, Грея, Крабба. О последнем она как-то сказала, шутя, что он единственный человек, за которого она могла бы выйти замуж.

Она хорошо знала Шекспира, в ее библиотеке был «Вертер» Гете и некоторые другие переводные романы. Возможно, что благодаря Элайзе она знала и французов. Высказывалось предположение, что она могла читать Мариво, мадам де Севиньи, Лабрюйера, Ларошфуко. На мысль эту наводят отточенность и афористичность ее стиля, а также трезвый скепсис ее наблюдений. Интересно сопоставление с Ларошфуко, которое делает Ричард Олдингтон. Он приводит выдержку из главы XIV «Нортенгерского аббатства» и сравнивает ее с известной максимой Ларошфуко. Вот эта выдержка: «Там, где хотят добиться при-

вязанности, следует бояться знаний. Обладать знаниями и хорошо развитым умом значит лишиться возможности льстить тщеславию своих близких; разумный человек всегда старается избежать этого. Женщина, в особенности если ей случится, к несчастью, что-то знать, должна сделать все, чтобы скрыть это»¹².

Конечно, Джейн Остин читала и романтиков, но они навсегда остались для нее закрытой книгой. «Не сердись, что я начинаю еще одно письмо к тебе, — пишет она в 1814 году Кассандре. — Я прочитала «Корсара», починила нижнюю юбку, и теперь мне решительно нечего делать»¹³.

К Вальтеру Скотту Джейн Остин относилась с глубоким уважением, хотя, безусловно, как романист он был гораздо ближе ей, чем как поэт. «По какому праву Вальтер Скотт пишет романы, к тому же еще и хорошие? — восклицает она в письме к Кассандре, прикрываясь, как всегда, шуткой. — Это несправедливо. Ему достаточно должно быть славы и доходов как поэту. К чему лишать людей последнего куска хлеба? Мне он не нравится, и Уэверли мне не понравится, — я это твердо решила и не намерена отступить от своего решения. Боюсь только, что мне придется это сделать»¹⁴.

В последнем ее романе «Убеждение» мы находим следующее описание беседы между безутешным капитаном Бенвиком, потерявшим свою

---

¹² Richard Aldington. Jane Austen. Pasadena, 1948, p. 13.

¹³ «Letters», p. 379.

¹⁴ Там же, стр. 404.

возлюбленную, и героиней — Энн Эллиот: «И наконец, он коснулся поэзии, ее расцвета в наши дни... и попытался решить, следует ли отдать пальму первенства «Мармиону» или «Деве озера» и каковы достоинства «Абидосской невесты» и «Гяура», и, выше всего, как нужно произносить это последнее слово, показав себя таким знатоком всех нежнейших песен первого поэта и страстных описаний безнадежного страдания второго, с таким трепетным волнением повторяя те строки, в которых фигурировали то разбитое сердце, то повредившийся от душевной боли рассудок..., что она рискнула выразить надежду, что он не всегда читает одну лишь поэзию, добавив, что, по ее мнению, несчастье заключается в том, что наслаждение ею теми, кто способен наслаждаться ею полностью и до конца, редко проходит для них безнаказанно»¹⁵. Устами Энн здесь, конечно, говорит сама Джейн Остин, и, как всегда в ее произведениях, важно не только то, что она говорит, но и то, как она это говорит.

Еще более чужд ей был готический роман, и хоть она и относилась не без уважения к Анне Радклифф, последователей ее она высмеивала с удивительной веселостью и меткостью. «Нортенгерское аббатство», в частности, пародирует приемы этой школы.

Писать Джейн Остин начала очень рано. От первых, незавершенных опытов она с удивитель-

---

¹⁵ Jane Austen. Persuasion, chap. XI.

ной быстротой перешла к созданию зрелых произведений. При жизни писательницы были опубликованы четыре ее романа — «Разум и чувство» (1811), «Гордость и предубеждение» (1813), «Мэнсфилд Парк» (1814) и «Эмма» (1816). В 1818 году посмертным изданием вышли «Нортенгерское аббатство» и «Убеждение» (даты публикаций не совпадают с датами работы над романами). Все первые издания вышли без имени автора. В том обществе, в котором жила Джейн Остин, считалось неприличным, чтобы женщины писали романы. Она довольно долго скрывала свое авторство; многие из ее друзей и не подозревали того, что она пишет. Писала Джейн Остин на небольших листках почтовой бумаги — если бы кто-нибудь неожиданно вошел, их легко можно было бы спрятать или прикрыть. Дверь в холле скрипела, но Джейн не позволяла ее исправить, вероятно, потому, что скрип двери предупреждал о приходе гостей.

Обычно исследователи делят творчество Джейн Остин на два периода: ранний, когда были созданы романы «Разум и чувство» (1795), «Гордость и предубеждение» (1796—1797), «Нортенгерское аббатство» (1797—1798), и зрелый, когда она работала над романами «Мэнсфилд Парк» (1811—1813), «Эмма» (1814—1815), «Убеждение» (1815—1816). Деление это очень условно. По свидетельству самой писательницы, она не раз возвращалась к работе над ранними романами в более поздние годы. Создавая зрелые произведения, она продолжала тщательно редактировать своих первенцев, которым всегда

отдавала решительное предпочтение. И первые и вторые вышли в свет почти одновременно; в них мало различий в манере. Только в ранних романах, пожалуй, больше непосредственности, живого веселья и остроумия, тогда как в зрелых появляется налет дидактической серьезности («Эмма», «Мэнсфилд Парк») или грусти («Убеждение»).

Роман «Гордость и предубеждение» создавался в 1796—1797 годах. Джейн Остин начала работу над ним, когда ей едва исполнился 21 год, а закончила ее спустя 17 лет. Издатели отвергли рукопись, и она пролежала под спудом более пятнадцати лет. Лишь после успеха «Разума и чувства» Джейн Остин смогла опубликовать свой первый роман, который, по ее собственным словам, был ее «любимым детищем». Перед публикацией она подвергла его тщательной переработке, чем достигла необычайного сочетания: веселости, непосредственности, эпиграмматичности, зрелости мысли и мастерства.

Многие считают этот роман наиболее совершенным из всего, что написала Джейн Остин. Как бы то ни было, в нем нашли ярчайшее выражение многие особенности ее мастерства.

* * *

«Какие прелестные гиацинты! Я только недавно научилась любить гиацинты!

— Что может этому научить? Случай или размышление?.. Как бы то ни было, я рад, что вы научились любить гиацинты. Научиться лю-

бить — это очень важно»...¹⁶ Разговор этот происходит в Нортенгерском аббатстве; его ведут простодушная Кэтрин Морлэнд и любящий ее Генри Тилни. В коротком этом диалоге есть слова, в которых сжато выражен основной принцип построения не только этого, но — с известными вариациями — и всех других романов Джейн Остин. Слова эти, конечно, — «научиться любить». Все основные герои Джейн Остин — Элизабет Беннет и Фицуильям Дарси; Мэриэн и Эливор Дэшвуд; Кэтрин Морлэнд и Генри Тилни; Энн Эллиот и капитан Уэнтворт, даже капризная Эмма и благонравный Эдмунд Бертрам — все они «учатся любить», и всем им — и в этом особенность «счастливого конца» Джейн Остин — после долгих заблуждений и страданий, удается этому «научиться». Благодаря «случаю» или «размышлению»?

В романах Джейн Остин и то, и другое играет, пожалуй, одинаково важную роль. Воспитанная на лучших образцах Просвещения, писательница не представляла себе Любви, не шествующей рука об руку с Разумом. И если случай помогает ее ослепленным героиням (или героям) увидеть свое ослепление, последующие размышления укрепляют их в правильности принятого решения.

Структурное построение романов Остин можно было бы, в самых общих чертах, изложить так. Все героини (или герои) начинают с заблуждения. Оно может принимать самые различные

---

¹⁶ Jane Austen. Northanger Abbey, chap. XII.

формы: они любят не тех, кого следует (Мэриэн Дэшвуд, Эдмунд Бертрам) или не так любят (Энн Эллиот, капитан Уэртворт, в известной степени Кэтрин Морлэнд, Эмма, даже Генри Тилни). Случай — обычно где-то в середине романа — открывает им глаза на собственное заблуждение; на помощь случаю приходят размышления; вторая половина романа раскрывает сложный процесс освобождения от ошибок и заблуждений, поиски своего нового «я». (Тут возможны и отклонения, например, Энн Эллиот, одна из самых привлекательных героинь Джейн Остин, убеждается в своей ошибке в результате жизненного опыта и «рассуждений». Элемент «случая» в этом романе отсутствует, и за сжатой в несколько страниц экспозицией, посвященной ее заблуждению в юные годы, следует развернутый рассказ о прозрении и новой, хотя и к тому же человеку, любви.

Заблуждение — освобождение от него благодаря «случаю» или «размышлению» — обретение себя — вот, в самых общих чертах, структура романов Остин.

Что стоит на пути ее героинь (или героев) к обретению себя? На этот вопрос Джейн Остин дает недвусмысленный ответ. Это наследства, имения, земли или виды на наследства, имения, земли, — словом, соображения материальной корысти, характерные для английского общества начала XIX века; либо боязнь уронить себя, породившись с человеком более низкого положения, и многочисленные запреты — словом, снобизм во всех его видах. В четырех из шести романов Джейн Остин (исключение составляют «Эмма» и

«Убеждение») героини стоят по отношению к своим избранникам в положении Золушки: они гораздо ниже своих принцев родом и положением и часто страдают от вульгарности собственных родных¹⁷. Вульгарность эта выражается не только в отсутствии манер, но и просто в бедности (Элизабет Беннет; Фэнни Прайс). Вместе с тем Золушки эти часто значительно выше своих избранников душой и сердцем, а подчас и умом. Прозрение их, а вместе с ними и их избранников, состоит в том, что они отказываются от общепринятой оценки людей (происхождение, наследство, связи), осознав, что человеческие достоинства не определяются ни сословием, ни богатством.

Вот как эта структурная схема осуществляется в романе «Гордость и предубеждение». Элизабет Беннет, безусловно, выше своей среды, — она не только непосредственна, наблюдательна, весела, остроумна, но и образованна, умна и наделена высокими моральными принципами. Гордость ее страдает: она остро чувствует ничтожество своей матери и младших сестер, а также бесплодность парадоксальной иронии отца. Чувство это усиливается при знакомстве с Бингли и Дарси и с их окружением. Причин к тому великое множество — миссис Беннет отправляет Джейн в дождь верхом в имение Бингли, сестры Бингли не скрывают своего презрения к миссис Беннет, Дарси открыто пренебрегает Беннетами и пр. Все это Элизабет воспринимает как униже-

---

¹⁷ Richard Aldington. Jane Austen, p. 8.

ние. Попытки защититься ироническим смехом оказываются тщетными. Уязвленная гордость в соединении со случаем — знакомство с Уикхемом — порождают заблуждение. Элизабет уверена, что Дарси не только холодный и высокомерный гордец, но и злодей. Таким образом, причиной предубеждения Элизабет против Дарси служит прежде всего ее собственная гордость. Заблуждение Элизабет двойное: она не только считает Дарси лицемером и злодеем, погубившим не одну невинную жертву; Уикхем, подлинный злодей и лицемер, кажется ей невинно загубленной жертвой. Таковы экспозиция и завязка романа, занимающие первую его половину.

Кульминация романа — письмо Дарси, вызвавшее поток размышлений в уме Элизабет. С него начинается медленное, мучительное освобождение от ложных мыслей и толкований. Этому способствует «случай» — Уикхем соблазняет младшую сестру Элизабет; появляются и другие неопровержимые доказательства его вины. Элизабет осознает всю меру собственной гордости и предубеждения и, осознав, поднимается над ними.

В несколько измененном виде схема эта повторяется в линии Дарси. Вначале его основная черта также гордость, — не просто сословная гордость, но и гордость человека умного, образованного, сильного, сознающего свое превосходство не только над ничтожным обществом, которое его окружает, но даже и над друзьями (Бингли). Гордость эта так же, как и у Элизабет, ведет к предубеждению: он предубежден против семейства Беннет, так как они не ровня ему ни по положению в об-

ществе, ни по уму, ни по образованию, ни по силе характера; и даже против самой Элизабет, ибо она принадлежит к этому семейству.

Натура глубокая и страстная, он не может, однако, долго сопротивляться велениям собственного сердца. Он решается поступить наперекор всем соображениям и, не скрывая своих мыслей, предлагает Элизабет руку. Страсть, овладевшая Дарси вопреки всем его взглядам, такое же заблуждение, как и его предубеждение против семейства Беннет и против самой Элизабет. Недаром Элизабет воспринимает письмо Дарси как тяжкое оскорбление. Затем наступают нелегкие для Дарси дни (тем более нелегкие, что это натура недюжинная), дни осознания собственных заблуждений. В конце романа он освобождается от ложных принципов и от своего предубеждения. Обретая истинную любовь, он обретает и Элизабет.

Структура романа точна, гармонична и закончена. Действие связано симметричным повторением основного композиционного хода (Элизабет и Дарси — гордость; Элизабет и Дарси — заблуждение; Элизабет и Дарси — предубеждение; Элизабет и Дарси — осознание ошибки; Элизабет и Дарси — торжество подлинных принципов и чувств). Вынесенные в заглавие слова — «Гордость и предубеждение» — раскрываются не однолинейно (Дарси — гордость, Элизабет — предубеждение); они в равной степени относятся как к герою, так и к героине.

Джейн Остин, великолепный психолог и бытописатель, — художник глубоко трезвый и реа-

листический. Мысль ее проникает в скрытые причины поступков, на которые она указывает без дальних околичностей. Вспомним появление Дарси на балу, внимание к нему всего общества, вызванное не столько его внешностью, сколько известием о десяти тысячах годового дохода. Вспомним всеобщее благоволение к Бингли (Незерфилд Парк, дом в Лондоне, четверка лошадей, пять тысяч годового дохода), увлечение гарнизонными офицерами, отвращение, которое испытывала миссис Беннет к Дарси, пока не поняла, что он претендует на руку ее дочери, ее внезапную восторженность и многое другое. С беспощадной иронией показывает Джейн Остин общество, мысли и чувства которого полностью подчинены материальным соображениям.

Особенный смысл приобретают в этом плане образы леди де Бёр и мистера Коллинза, в которых Джейн Остин изобразила тех, кто с легкой руки Теккерея стали повсюду называться снобами. В этих характерах ясно видны черты сатирического преувеличения и гротеска. Здесь писательница идет вслед за великими романистами XVIII века и, в первую очередь, за Филдингом.

Современники живо реагировали на сатирическую остроту этих образов. Джейн Остин неоднократно упрекали в том, что священники в ее романах предстают в большинстве случаев как себялюбцы и снобы. Друзья ее отца и брата решительно не одобряли такой сатиры, а одна из современниц, как передают биографы, заметила, что «не следует в подобные времена создавать таких священников, как мистер Коллинз или мистер

Элтон»¹⁸. Замечание весьма знаменательное: «подобные времена» — это начало века, время революционных потрясений на континенте и в самой Англии. Сатира Остин приобретала на этом фоне особую остроту. Интересно, что имя Коллинз стало нарицательным в английском языке, так же, как имя Домби или Пиквик. Коллинз — это напыщенность, помпезность, низкопоклонство, упоеание титулом и положением. Существует даже выражение «He sent me a Collins» (Он послал мне «коллинза»), где «Collins», по принципу метонимии, означает письма того типа, которые мистер Коллинз был такой мастер писать.

* * *

В «Нортенгерском аббатстве» Джейн Остин заставляет свою героиню размышлять о человеческой природе. Выросшая на романах Анны Радклиф и ее последователей, Кэтрин Морлэнд склонна видеть в отце своего возлюбленного злодея и убийцу. Убедившись в своем заблуждении, Кэтрин винит в этом книги, которыми она увлекалась, и принимается сравнивать, как изображаются люди в этих романах и каковы они на самом деле. Размышления эти как будто принадлежат Кэтрин, писательница да лишь пересказывает их, — впрочем, в них слишком сильна интонация самой

---

¹⁸ «Jane Austen. Facts and Problems» by R. W. Chapman, p. 114. Мистер Элтон — один из персонажей «Эммы».

Джейн Остин, чтобы полностью отдать их семнадцатилетней Кэтрин (особенно сильно чувствуется это в иронических ссылках на Альпы и Пиренеи — Джейн Остин никак нельзя обвинить в том грехе, который весьма мягко зовется «национальной замкнутостью»). Вот эти размышления: «Как ни прелестны все романы мисс Радклиф и как ни прелестны даже романы всех ее подражателей, вряд ли в них следует искать точного описания человеческой природы, по крайней мере той, какую встретишь в центральных графствах Англии. Возможно, Альпы и Пиренеи — с их соснами и людскими пороками — очерчены там правдоподобно, а южная Франция, Италия и Швейцария, верно, на самом деле изобилуют всяческими ужасами... Кто знает, возможно, в Альпах и Пиренеях действительно нет смешанных характеров. Возможно, тамошние жители либо невинны, как ангелы, либо, словно исчадия ада, наделены всеми мыслимыми пороками. Но в Англии это не так. Англичане, насколько это было известно Кэтрин, все без исключения представляют собой смесь, хоть далеко и не равную в пропорциях, хорошего и дурного»¹⁹.

При всей иронии и несерьезности этих слов (любимый прием Джейн Остин, больше всего боявшейся деклараций), перед нами, конечно, художественный манифест. Джейн Остин отказалась от деления героев на злодеев, «голубых» и резонеров, — деления, которого придерживались все ее

---

¹⁹ Jane Austen. Northanger Abbey, chap. XXV.

предшественники. «Смешанные характеры» стали основным ее принципом.

Правда, на первый взгляд может показаться, что Джейн Остин следует теории «гуморов», разработанной еще Беном Джонсоном. Элизабет в таком случае — воплощенное предубеждение, Дарси — гордость, мистер Коллинз — низкопоклонство, леди де Бёр — высокомерие, мистер Беннет — насмешка, Мэри — педантизм, Лидия — кокетство и пр. Такое впечатление, однако, может возникнуть лишь при самом первом, поверхностном чтении. Джейн Остин действительно использует порой метод «гуморов», но только порой и с очень существенными ограничениями. Он применяется лишь к персонажам, которые условно можно было бы назвать комическими (или сатирическими), — мать и младшие сестры Беннет, мистер Коллинз, леди де Бёр. У этих персонажей одно общее свойство — они находятся на периферии действия. Ни миссис Беннет, ни даже леди де Бёр, хоть ее поступки, а еще более намерения, ведут к немаловажным поворотам сюжета, не находятся в центре повествования. Эти второстепенные персонажи выпуклы и ярки, однако в обрисовке их Джейн Остин нарочито «двухмерна». «Двухмерность» эта вызвана, очевидно, тем, что каждый из этих персонажей представляет собой сатиру на определенное явление. Однако и эти характеры не так просты, как кажется на первый взгляд; все они, по меткому выражению Э. М. Форстера, «склонны к объемности»²⁰. Там же, где сатиры

---

²⁰ E. M. Forster. Aspects of the Novel. New York, 1927, p. 113. «Она миниатюриста, но миниатюры ее ни-

нет, меняется и метод изображения. Вглядимся попристальнее в центральные фигуры романа. Разве Дарси — только гордость, а Элизабет — только предубеждение? Разве мистер Беннет — одна лишь насмешка и отрицание? Нет, в Дарси «смешано» множество черт: тут не только снобизм и сословная гордость, но и способность нежно и преданно любить (сестру, а позднее Элизабет), и редкий дар дружбы (пусть с людьми, мало достойными истинной дружбы, — Бингли, милым, пустым, податливым, как воск, в сильных руках Дарси), и знание людей и света, и недюжинный ум, и независимость, и сила характера. Все это «смешано в разных пропорциях»; на протяжении действия мы видим, как пропорции изменяются и как меняется сам характер. «Смесь» и изменение пропорций поражают и в характере Элизабет, и даже — правда, не без оговорок, — в характере мистера Беннета. Можно отметить склонность к «смешанным» характерам у Элизабет Беннет, с которой писательница не раз себя отождествляет. Вот одна из сцен романа — Элизабет беседует с Дарси и Бингли:

«Я и не подозревал, — продолжал Бингли, — что вы занимаетесь изучением человеческой природы. Это, должно быть, весьма интересный предмет.

— Да, особенно интересны сложные характеры. У них, по крайней мере, это преимущество.

— Провинция, — сказал Дарси, — дает немно-

когда не двухмерны, — пишет Форстер. — Все ее характеры объемны или склонны к объемности».

го материала для такого изучения. Слишком ограничен и неизменен круг людей, с которыми здесь можно соприкоснуться.

— Люди, однако, сами меняются так сильно, что то и дело можно подметить что-нибудь новое в каждом человеке».

Припоминая другие романы писательницы, видишь немало «смешанных» героев и героинь; самые удачные из них — Кэтрин Морлэнд и Генри Тилни («Нортенгерское аббатство»), Энн Эллиот и капитан Уэнтворт («Убеждение»). Романистка любит своих «смешанных» героев. Правда, это не мешает ей ясно видеть их заблуждения и недостатки и слегка иронизировать над ними (а заодно и над собой).

Итак, Джейн Остин удалось создать «смешанные» характеры и показать различные «пропорции смеси». Она замечает малейшие изменения в этих пропорциях, а значит, и изменения — органические, изнутри — и самих характеров. Не важное ли это достижение для автора, живущего в глуши английской провинции на рубеже XVIII и XIX веков? Оглянемся назад — много ли «смешанных» характеров знает XVIII век? Тома Джонса и пастора Адамса, да еще, может быть, дядю Тоби и некоторых героев «Сентиментального путешествия». Джейн Остин любила дядю Тоби и знала «Тома Джонса» до мельчайших подробностей. В двадцать лет она пишет в письме: «Мистер Том Лефрой и его кузен Джордж нанесли мне визит. Последний был на этот раз чрезвычайно любезен, а что касается первого, то я нашла в нем всего один недостаток, но время, как я наде-

юсь, избавит его от него. Недостаток этот заключается в том, что утренний его сюртук слишком светлого цвета. Он большой поклонник Тома Джонса и потому носит, как я решила, сюртук того же цвета, что и *он* при ранении»²¹.

Безусловно, Джейн Остин многому научилась у Филдинга. Однако в изображении «смешанных» характеров Джейн Остин идет гораздо дальше своих предшественников. И дело здесь не только в том, что у нее этих персонажей значительно больше или что они даже составляют подавляющее большинство. Важнее другое: «смеси» эти значительно тоньше, переходы гораздо плавнее и незаметнее, пропорции подвижнее и живее. Словом, Джейн Остин, как, пожалуй, никому другому из ее современников, удалось проникнуть в ту заповедную область, которую XX век зовет диалектикой души.

Замечательно, что в этом она превзошла не только своих предшественников, но и многих своих последователей (по времени). Действительно, ни Диккенс, ни Теккерея, ни сестры Бронте, ни Гаскелл, ни Джордж Элиот не создали «смесей», которые выдерживали бы сравнение с характерами Остин. Величие этих романистов проявлялось в других областях.

Лишь на рубеже нового, XX, века принцип «смешанных» характеров получил подлинное развитие. Возможно, в этом и ключ (или, вернее, один из ключей) к пониманию того, почему XX век

---

²¹ «Letters», p. 3.

«открыл» для себя Остин. Джейн Остин современна, как ни один из ее современников.

С XX веком Джейн Остин роднит и другая ее особенность. Это нелюбовь к прямым декларациям, к плоско преподанной морали, к дидактизму, к проповеди. Вирджиния Вульф называет эту особенность Джейн Остин «непроницаемостью»²².

«Непроницаемость» эта, конечно, не означает отсутствия авторской оценки. Такая оценка героев и событий есть. Джейн Остин вовсе не ставит себе цели полностью ее скрыть, она лишь убирает ее с поверхности, прикрывая то внешней бесстрастностью повествования, то легким покровом иронии. Джейн Остин не поддается поверхностному чтению. Нельзя за нее братья и тем глубокомысленным читателям, которые во всем ищут прямого наставления, — того и глядишь, примут ее «всеми признанные истины» за подлинные и обвинят автора в плоскости и конформизме.

Тот же эффект «непроницаемости» (употребим этот термин весьма условно) достигается использованием другого любимого приема — несобственно прямой речи. Автор словно смотрит на мир глазами своего героя и передает — просто передает, как бы не привнося в это собственного отношения, — его мысли и чувства. Но в том-то и дело, что все это «как бы» и «словно», все это только кажется на первый, поверхностный взгляд. Вглядитесь пристальнее — тончайший, почти неулови-

---

²² «Critical Essays», ed. by Jan Watt, p. 17 («She is impersonal, inscrutable»).

мый разворот фразы, точно выбранное слово, модальность, слегка преувеличенная или преуменьшенная эмоциональность интонации — и за этой «непроницаемостью» встает ироническое лицо автора.

Перечтите конец IV главы первой книги: Джейн Остин излагает впечатления Дарси и Бингли о меритонском обществе и бале. Писательнице «не схватишь за руку» — она как будто просто передает мысли двух своих героев, но в то же время ее отношение ясно чувствуется, хоть вы и не сможете указать на то слово (или те слова), в которых оно прямо выражено.

В более поздних романах Джейн Остин пошла дальше — там она уже не только передает речи героев, но и воссоздает целые картины и сцены не в своем, авторском, а в их восприятии, хоть этот подтекст неизменно присутствует. Исследователи заметили, что «Эмма» почти полностью написана этим приемом. Принято считать, что наследником Джейн Остин в этом плане стал спустя более чем полстолетие, Генри Джеймс. Цитируют по этому поводу рассказ Киплинга «Джейнисты», посвященный офицерам одного полка, поклонникам творчества Остин, которых имя писательницы, словно некий тайный пароль, связывало в единое братство. Рассказ ведется от лица официанта-кокни, который, подвыпив, заявляет собравшимся офицерам: «Нет уж, простите, господа хорошие, но тут я кое-что знаю, я можно даже сказать, достаточно проинформирован по этому вопросу. У нее-таки есть один законный отпрыск, сынок, — да-с. И зовут его — Генри Джеймс!»

Вопрос о «наследниках» Джейн Остин требует серьезного и очень тщательного изучения. Тут на ум приходит несколько имен,— среди них, в первую очередь, Э. М. Форстер.

Но об этом ниже.

* * *

Джейн Остин обладала одним качеством, которое не часто встречается у романистов, а особенно у романисток: она знала свои возможности и их пределы. Пятнадцатилетней девочкой, сочиняя в уголке классной комнаты свой первый, неоконченный роман, она уже твердо очертила школьным мелком тот круг тем, характеров и отношений, которые она признает «своими», тот круг, который она не преступит и в годы зрелого творчества.

По словам самой Джейн Остин, самой интересной для романиста темой ей представлялась «жизнь нескольких семейств, живущих в сельской местности»²³. На этом скромном, как может показаться на первый взгляд, материале писательнице удалось создать удивительно емкие образы и ситуации, сатирически освещающие жизнь так называемых «средних классов» английской провинции на рубеже столь различных веков. Джейн Остин смотрит на события эпохи в собственном, своеобразном ракурсе. Она пишет только о том, что знает досконально, по своему наблюдению и опыту, не из вторых рук. Обыденная жизнь обыденных людей, мелочи жизни провинциального существо-

---

²³ «Letters», p. 401.

вания — вот неизменная сфера применения таланта Остин. Однако благодаря тонкому уму и блестящей иронии ей удалось достигнуть в этой сфере необычайной глубины. Войны и революции, замки, синие горы и серебристые ручьи²⁴ находились по ту сторону круга. Она держалась своей сферы.

Характерны в этом отношении письма, написанные ею на склоне жизни племяннице, Энн Остин, затеявшей по примеру своей знаменитой родственницы писать роман. Энн собирается отправить Портмэнгов, героев своего романа, в Ирландию, где сама никогда не была. Джейн Остин решительно возражает: «Мы думаем, что будет лучше, если ты останешься в Англии. Пусть Портмэны едут в Ирландию, но так как ты ничего не знаешь о тамошнем образе жизни, то будет лучше, если ты с ними не поедешь. Иначе ты рискуешь дать всему неверное изображение. Оставайся в Бате с Форестерами. Там тебе ничего не грозит»²⁵.

Исследователи указывают, что в произведениях Джейн Остин мы не найдем ни одного эпизода, который не был бы основан на жизненном опыте самой писательницы. Было отмечено даже, что она избегает оставлять своих героев мужчин одних, без дамского общества. Когда же сюжет требовал чисто мужского общества, писательница ограничивалась коротким пересказом.

---

²⁴ См. ниже, стр. 581.

²⁵ «Letters», p. 395. В Бате в течение долгих лет жила семья Остин. «Мы» — это, конечно, Кассандра и миссис Остин; роман Энн читался вслух в семейном кругу.

Джейн Остин, как выяснили ее биографы, работала с календарем и справочником; в тех случаях, когда в ее романах появляются морские офицеры («Нортенгерское аббатство», «Убеждение»), она советовалась с братьями. Однако при всей приверженности к точному факту и знанию Джейн Остин прекрасно понимала важность отбора наиболее характерных явлений. Она далека от позитивистов, пытающихся позже, в середине XIX века, объявить ее своей единомышленницей. Она решительно восстает против простого копирования действительности. Вот что пишет она по этому поводу Энн Остин: «Я вычеркнула эпизод, где сэр Томас отправляется с друзьями в конюшню в тот самый день, когда сломал себе руку. Несмотря на то, что мне известно, что твой папенька именно так и поступил сразу же после того, как ему вправили руку, все же, пожалуй, это так непривычно, что может показаться *неестественным в романе...*»²⁶

Как ни скромны были картины семейной жизни, создаваемые писательницей, уже современники ясно осознавали весь смысл ее социальных разоблачений. Направление ее творчества вызывало недовольство не только в кругах провинциальных священников и дворян.

Интересна в этом плане история ее отношений с принцем-регентом, правившим в годы безумия короля Георга III (1811—1820), «первым джентльменом Европы», впоследствии королем Георгом IV, и его личным секретарем, преподобным

---

²⁶ «Letters», p. 394.

Дж. С. Кларком. Зимой 1815 года, когда писательница гостила в Лондоне, Дж. С. Кларк передал ей разрешение принца-регента посвятить ему будущие романы. Джейн Остин ответила на это письмо через четыре месяца. Объяснив свое долгое молчание нежеланием отнимать у высоких особ время, она спрашивает, является ли дарованное ей разрешение обязательным. Ей дают понять, что послушание невозможно. В декабре 1815 года выходит в свет «Эмма» с кратким (вспомним обычные посвящения тех лет) посвящением:

Его Королевскому Высочеству
Принцу-Регенту
С разрешения Его Королевского Высочества
труд этот
с уважением
посвящает
Его Королевского Высочества
Послушный и скромный слуга,
Автор.

В посвящении этом сказано до крайности мало: трижды повторен титул монарха, дважды повторена мысль о том, что автор посвящает роман «с разрешения» и «послушно». В ответ принц-регент просит своего секретаря выразить Остин благодарность за присланный ему издателем «красивый томик». В письме к издателю Дж. Мэррею Джейн Остин передает ему слова принца и добавляет: «Каково бы ни было мнение его высочества о моей доле труда, ваша получила достойную оценку»²⁷. На этом дело не кончилось. Вскоре Джейн Остин получила от Дж. С. Кларка

---

²⁷ «Letters», p. 453.

письмо, в котором делалась попытка повлиять на дальнейшее направление ее творчества.

Он предлагал писательнице отказаться от пагубной страсти к сатирическому изображению и просил создать образ священника, ничем не похожего на мистера Коллинза или Элтона. Это должен быть человек просвещенный, благочестивый, полный искреннего участия и братской любви к окружающим. Джейн Остин отвечала учтиво, но недвусмысленно: «Я чрезвычайно польщена тем, что вы считаете меня способной нарисовать образ священника, подобный тому, который вы набросали в своем письме от 16 ноября. Но, уверяю вас, вы ошибаетесь. В моих силах показать комические характеры, но показать хороших, добрых, просвещенных людей выше моих сил. Речь такого человека должна была бы временами касаться науки и философии, о которых я не знаю решительно ничего... Каково бы ни было мое тщеславие, могу похвастаться, что я являюсь самой необразованной и непросвещенной женщиной из тех, кто когда-либо осмеливался взяться за перо»²⁸. Ссылка на непросвещенность, конечно, была лишь вежливой отговоркой, о чем не мог не знать Дж. С. Кларк.

В марте 1816 года Дж. С. Кларк направляет Джейн Остин еще одно письмо, в котором советует ей написать исторический роман, прославляющий деяния Саксен-Кобургского дома, с которым соби-рался породниться принц-регент, и сообщает, что

---

²⁸ Там же, стр. 443.

такое произведение в данный момент было бы очень высоко оценено при дворе.

В ответ Джейн Остин пишет: «Я не сомневаюсь в том, что исторический роман... гораздо более способствовал бы моему обогащению и прославлению, чем те картины семейной жизни в деревне, которыми я занимаюсь. Однако я так же не способна написать исторический роман, как и эпическую поэму. Я не могу себе представить, чтобы я всерьез принялась за серьезный роман — разве что этого требовало бы спасение моей жизни! И если бы мне предписано было ни разу не облегчить свою душу смехом над собой или другими, я уверена, что меня повесили бы раньше, чем я успела бы кончить первую главу»²⁹. Было бы неверно недооценивать все значение приведенной переписки. Это была попытка оказать давление на писательницу, диктовать ей выбор тем и героев, определить направление ее дальнейшего творчества. Требовалось немалое мужество, чтобы противостоять такой попытке.

Стиль Остин необычайно сдержан и лаконичен. Она избегает излишних описаний и сцен, ненужных деталей и характеров, строго подчиняя все элементы повествования основному его развитию. В одном из писем к Энн Джейн Остин критикует романы, в которых «вводятся обстоятельства, имеющие видимое значение, которые, однако, ни к чему не ведут»³⁰. В романах самой Остин таких обстоятельств не было; в них все нужно

---

²⁹ «Letters», p. 452—453.

³⁰ Там же, стр. 395—396.

для дальнейшего развития действия или характеров.

Она стремительно вводит читателя прямо в самое действие. Перечитайте первую страницу «Гордости и предубеждения» — как выразительно и лаконично это начало!

В романах Джейн Остин почти нет описаний внешности героев, их туалетов, убранства их жилищ; почти отсутствует пейзаж. Она представляет в этом смысле разительный контраст с большинством своих современников. Исключение делается лишь для того, что строго необходимо для характеристики, развития действия или для комического эффекта. Больше всего боявшаяся красоты, Джейн Остин избегает «поэтических» эпитетов; в тех же случаях, когда она их употребляет, они всегда подчеркнута «смысловые», сдержанные, рациональные. Про мужчин она говорит — handsome, of good manners; про женщин — pretty, beautiful, fine. Цвет глаз на протяжении всего романа «Гордость и предубеждение» она упоминает два раза и то либо в прямой речи, либо иронически; туалеты не описывает вовсе. А ведь роман писался, когда самой Джейн едва исполнился 21 год! В сохранившихся письмах мы находим восторженные описания и шляпок, и платьев, и шарфов — Джейн вовсе не была «синим чулком».

В воображении Джейн Остин видела своих героев до малейших подробностей. Об этом свидетельствует одно из ее писем сестре Кассандре, где она рассказывает о посещении картинной галереи в Лондоне. Писательница ищет там своих героинь и, наконец, находит портрет, совпадающий с тем

образом Джейн Беннет, впоследствии миссис Бингли, который она создала в своем воображении. «Это сама миссис Бингли, до малейших подробностей, рост, общее прелестное выражение, — ничего более похожего я не видела! Она одета в белое платье с зеленой отделкой, и это убеждает меня в том, что я всегда подозревала: зеленый — ее любимый цвет. Думаю, что миссис Дарси ³¹ будет в желтом» ³². В том же письме она сообщает, что побывала на выставке Дж. Рейнолдса. Однако и там портрета Элизабет не оказалось. «Мне остается только подумать, что мистер Дарси настолько ценит любое ее изображение, что не захотел выставлять его на обозрение публики. Я полагаю, что у нас тоже было бы подобное чувство — смесь любви, гордости и сдержанности» ³³. Это утверждает нас в мысли о том, что Джейн Остин не описывает внешности своих героев не потому, что сама их не видит; сдержанность ее обусловлена художественной манерой романистки, стремящейся к предельной экономии используемых средств. Внимание Джейн Остин сосредоточено на внутреннем, скрытом, определяющем характер, а не на внешних деталях портрета, одежды. От этого герои ее романов несколько не проигрывают.

В тех редких случаях, когда Джейн Остин дает хоть сколько-нибудь развернутый портрет, она преследует обычно юмористические цели. Такого

---

³¹ Т. е. Элизабет Беннет.

³² «Letters», p. 310.

³³ Там же, стр. 312.

описание внешности толстухи миссис Масгров («Убеждение»).

Тот же принцип — необходимость для характеристики или комический эффект — соблюдается и в отношении убранства. В «Нортенгерском аббатстве», например, краткие описания убранства и мебелировки выполняют двойную функцию: пародии (пародируются ситуации готического романа) и характеристики генерала Тилни, сноба, претендующего на непритязательность и простоту. Последний прием особенно интересен, ибо вплоть до того момента, когда генерал Тилни выгоняет Кэтрин из дому, автор не дает ему никаких прямых характеристик и оценок. Что он за человек, можно установить лишь из свидетельств косвенных. В частности, мебелировка и убранство его дома, а главное, то, как он говорит об этом, является достаточным, хоть и скрытым, ему обвинением.

Пейзажа в романах Джейн Остин также почти нет. Несколько строк описания Розингса и Пемберли («Гордость и предубеждение»), полстранички о Лайме и описание лунной ночи в две строчки («Убеждение»). Интересно, что в обоих случаях описывается не столько сам пейзаж, сколько производимое им впечатление. Описания Розингса и особенно Пемберли даются, очевидно, потому, что они чрезвычайно важны для характеристики состояния Элизабет. В описании лунной ночи слово «луна» отсутствует, зато говорится о «безоблачном небе» и «глубоких тенях».

Язык Джейн Остин соответствует всей рационалистической манере ее письма. Он ясен и точен, чрезвычайно тонко оттенены отдельные значения

слова. Вместе с тем он прост. Джейн Остин избегает сложных и запутанных конструкций, построение ее фразы лаконично, изящно и недвусмысленно; она очень сдержанна в употреблении всяческих стилистических фигур; не выносит литературных штампов и многозначительностей. В письме к Энн она замечает: «Мне хотелось бы, чтобы ты не разрешала ему³⁴ погружаться в «вихрь наслаждений». Я против наслаждений ничего не имею, но не выношу этого выражения. Это такой пошлый писательский жаргон, и он настолько стар, что, думаю, еще Адам нашел его в первом романе, который взял в руки»³⁵.

Исследователи отмечают влияние С. Джонсона на строение ее фраз. Замечено было также, что в тех случаях, когда ей представляется выбор между словом с англо-саксонским и с латинским корнем, Джейн Остин отдает предпочтение последнему. Это придает ее прозе оттенок рационализма и некоторой формальной сдержанности³⁶.

Сжатость и емкость давались писательнице нелегко. Она подолгу редактировала свои романы, добиваясь лаконичной выразительности. «Я резала и кромсала во-всю», — пишет она в одном из писем³⁷. Принцип этот хорошо выражен в ее письме к Энн: «Мои исправления были так же

---

³⁴ Одному из героев романа Энн Остин. Роман этот, кстати, так и не был закончен. Уже после смерти Джейн Остин Энн сожгла его.

³⁵ «Letters», p. 404.

³⁶ W. S. Maugham. Ten Novels and Their Authors. London, 1963, p. 66.

³⁷ «Letters», p. 298.

несущественны, как и раньше: кое-где, как мне казалось, можно передать смысл меньшим количеством слов³⁸. Писательница не без горечи повторяет слова Вальтера Скотта, сравнившего ее роман с миниатюрами на слоновой кости. «Не более двух дюймов в ширину, — добавляет она, — и я пишу на них такой тонкой кистью, что, как ни огромен этот труд, он дает мало эффекта»³⁹. Она грустно замечает, что читатель был бы «точно так же удовлетворен, будь узор менее тонок и закончен». Впрочем, она хорошо понимала, что «художник ничего не может делать неряшливо»⁴⁰.

Произведения Джейн Остин отмечены тончайшей и всепроникающей иронией. Она окрашивает все события, все характеристики, все размышления в совершенно особые тона; она разлита повсюду — но неуловима; ее остро чувствуешь — но она не поддается анализу. Можно, конечно, привести примеры различных комических приемов. Джейн Остин любит прием, который англичане называют «understatement», — то есть, она говорит немного меньше того, что думает, — или, напротив, «overstatement», — то есть, она говорит немного больше того, что думает: примеров тому и другому можно было бы найти множество. Она постоянно употребляет еще один прием, который англичане называют «bathos», неожиданно и резко снижая весь тон (или значение) сказанного. Вспомним мистера Беннета, винящего себя в позоре своей младшей дочери, убежавшей с Уик-

³⁸ Там же, стр. 394.

³⁹ Там же, стр. 468—469.

⁴⁰ Там же, стр. 30.

хемом. Он говорит Элизабет, пытающейся утешить его: «Нет, Лиззи, дай мне хоть раз в жизни почувствовать всю глубину своей вины. Не бойся, это меня не сломит. Все это быстро выветрится у меня из головы».

Сама Остин не без иронии писала о «Гордости и предубеждении»: «Роман этот слишком легковесен, слишком блестит и сверкает; ему не хватает рельефности: растянуть бы его кое-где с помощью длинной главы, исполненной здравого смысла (да только где его взять!), а не то с помощью серьезной и тяжелой бессмыслицы, никак не связанной с действием, — вставить рассуждение о литературе, критику Вальтера Скотта, историю Буонапарте или еще что-нибудь, что дало бы контраст, после чего читатель с удвоенным восторгом вернулся бы к игривости и эниграмматичности первоначального стиля»⁴¹.

* * *

Имя Джейн Остин, даже в пору наименьшей ее известности, никого не оставляло равнодушным. Ею восторгались — либо возмущались; ее любили — либо третировали; в ее романах находили все новый и новый смысл и глубину — либо все новые и новые поводы для недовольства. Середины не было. Уже у первых критиков Джейн Остин особенность эта проявилась полностью.

Одним из самых ранних и преданных поклонников ее таланта был Вальтер Скотт. Вскоре по-

---

⁴¹ «Letters», p. 299—300.

сле ее смерти он пишет в дневнике (14 марта 1862 года): «Снова. вот уже по крайней мере в третий раз, перечитал превосходно написанный роман мисс Остин «Гордость и предубеждение». Эта молодая дама обладает талантом воспроизводить события, чувства и характеры обыденной жизни, талантом самым замечательным из всех, которые мне приходилось встречать. О глубоко-мысленных и высоких материях я пишу с такой же легкостью, как и любой другой в наше время; но мне не дан тот поразительный дар, который благодаря верности чувства и описания делает увлекательными даже самые заурядные и обычные события и характеры. Какая жалость, что такое талантливое существо умерло так рано!»⁴²

А в статье, специально посвященной Джейн Остин, Скотт пишет: «Понимание человеческих отношений, тот особый такт, с которым она рисует характеры, столь знакомые всем нам, напоминает о достоинствах фламандской школы». Он восхищается «силой повествования, необычайной точностью и четкостью, простым и в то же время комическим диалогом, в котором собеседники выявляют свои характеры, как в настоящей драме»⁴³.

Ту же мысль высказал Р. Шеридан, прославленный драматург и остролов. Он рекомендует всем, кто не читал «Гордости и предубеждения», познакомиться с этим романом и добавляет: «Ни-

---

⁴² «Sir Walter Scott's Journal», edited by J. G. Tait, [s. l.], 1939, p. 135.

⁴³ «Quarterly Review», XIV 1815 (March 1816), p. 256.

чего не читал умнее и остроумнее этого романа!»⁴⁴

Р. Саути писал, что в романах Джейн Остин «больше верности природе, и, как мне кажется, тонкого чувства, чем в любом другом произведении ее века»⁴⁵. Джейн Остин восхищались Колридж и Дизраэли, Маколей и Рэскин.

Т. Б. Маколей сравнивает Джейн Остин с Шекспиром. Его мнение разделяют Дж. Г. Льюис и А. Теннисон. Льюис пишет: «Мисс Остин называют Шекспиром в прозе; этого мнения придерживается, в частности, и Маколей. Несмотря на чувство несообразности, которое овладевает нами при звуках слов — Шекспир и проза, признаемся, что величие Джейн Остин, ее удивительное драматическое чувство сродни этому высочайшему свойству Шекспира...»⁴⁶ И еще: «По силе созидавия и оживления характеров Шекспир поистине нашел в Джейн Остин младшую сестру. Заметьте, однако, что взамен его поэзии мы должны поставить ее смелую прозу — смелую благодаря своей скромной правдивости»⁴⁷. Теннисон уточняет сравнение с Шекспиром: «Реализм и правдивость *Dramatis Personae* Джейн Остин ближе всего Шекспиру. Правда, Шекспир это солнце, в то время как Джейн Остин — маленький астероид, правдивая и блестящая звезда»⁴⁸.

---

⁴⁴ «Jane Austen. Critical Bibliography» by R. W. Chapman. Oxford, 1953, p. 20.

⁴⁵ Там же, стр. 24.

⁴⁶ Там же, стр. 27—28.

⁴⁷ Там же, стр. 28.

⁴⁸ Там же, стр. 25.

Среди первых «противников» Остин — Уордсворт, возражавший против «правды жизни, не озаренной всепроницающим светом воображения»⁴⁹; Т. Карлейль, презрительно называвший ее романы «обмывками» («dish-washings»); Шарлотта Бронте, обвинявшая Остин в отсутствии подлинных чувств. Последняя бросила вызов Льюису, восторженному поклоннику творчества Остин. Тот поднял перчатку. Возникшая полемика заслуживает, как нам кажется, внимания.

В одном из своих писем Шарлотте Бронте Льюис признается, что «гораздо больше хотел бы быть автором «Гордости и предубеждения», чем любого романа Вальтера Скотта». Бронте, не читавшая ранее Остин, торопится достать роман, но, прочитав, не понимает восторга своего учителя. «И что же я там нашла? — пишет она в ответ. — Точное, как на дагерротипе, изображение банального лица, тщательно отгороженный, хорошо ухоженный сад с ровными бордюрами и нежными цветами; ни одной яркой, дышащей физиономии, ни открытых просторов, ни синих гор, ни серебристых ручьев»...⁵⁰ Она сравнивает Джейн Остин с Жорж Санд и отдает решительное предпочтение последней. Жорж Санд она находит «глубокой и мудрой», Джейн Остин всего лишь «наблюдательной и неглупой». Льюис возмущен; в своем ответе он пишет: «Мисс Остин — не поэтесса»⁵¹, в

---

⁴⁹ Там же, стр. 28.

⁵⁰ «Critical Essays», p. 70.

⁵¹ Тут следует иметь в виду, что для Льюиса слова «поэтический», «эмоции» и пр. носили всегда отрицательный смысл (недаром последнее из них он сам бе-

ней нет ни «эмоций», ни красноречия, никаких безумств и поэтических восторгов, — и все же вы должны научиться ценить ее, ибо она принадлежит к величайшим художникам, величайшим знатокам человеческих характеров»⁵².

Спор этот окончен не был и продолжается до наших дней⁵³.

Весьма схематично, конечно, его можно было бы характеризовать как спор между реалистами и романтиками, понимая под этими терминами не столько литературные школы, сколько более общее восприятие жизни, особенности темперамента и самовыражения. Положение осложняется еще и тем, что Джейн Остин обладала редким даром иронии, в то время как романтикам типа Бронте эта область человеческого духа заповедана. Джейн Остин была мастером особой темы и окружения, манера ее была сжатой и лаконичной, — далеко не всем удавалось увидеть за этой спецификой темы и формы более широкие обобщения. Изысканный рационализм и глубокая, но сдержанная лиричность, — это своеобразное сочетание было чуждо пафосу романтиков.

рет в презрительные кавычки). Эти слова означали для него непомерное преувеличение, восторженность, ложный пафос.

⁵² «Critical Essays», p. 70.

⁵³ К сожалению, размеры данной статьи не позволяют нам дать сколько-нибудь подробный обзор критической литературы о Джейн Остин. Тема эта могла бы стать предметом специальной статьи. Отсылаем читателя к двум публикациям: R. W. Chapman. Jane Austen. A Critical Bibliography. Oxford. 1953; и предисловию к книге: «Jane Austen. A Collection of Critical Essays», ed. by Jan Watt. London. 1961.

Ирония заключалась в том, что Джейн Остин жила и писала именно в те годы, когда романтические волны захлестнули не только Англию, но и всю Европу. Еще при жизни она, по странному парадоксу авторских судеб, была осуждена на безвестность. Позже умами читающей публики завладели критические реалисты. Прошло столетие со дня смерти писательницы, и вот в канун первой мировой войны Англия вдруг «открыла» Джейн Остин. Начиная с 30-х годов, ее популярность необычайно растет, а за последние десятилетия творчество ее получает, наконец, широчайшее признание. Романы Остин выдерживают все новые и новые издания, их ставят в театре, экранизируют (интересно, что сценарий «Гордости и предубеждения» был написан Олдосом Хаксли). Выходят многочисленные исследования, биографии, комментарии. В Англии создаются Музей и Общество Джейн Остин. Публикуются многочисленные переводы на французский, немецкий, испанский, венгерский, итальянский языки, наконец, настоящим изданием восполняется, правда, только отчасти, досадный пробел, существовавший до сих пор в русской переводной литературе⁵⁴.

---

⁵⁴ Первая заметка о Дж. Остин на русском языке появилась в печати полтора столетия тому назад. Это было извещение о выходе «Эммы», напечатанное в «Вестнике Европы» за 1816 год (ч. 87, № 12, стр. 319). Затем наступило долгое молчание, прерванное лишь в середине 30-х годов XX века. Краткую характеристику творчества Джейн Остин найдем в «Истории западноевропейской литературы нового времени» Ф. П. Шиллера (Гослитиздат, 1935, стр. 324); в статье А. А. Елистратовой о В. Скотте в «Истории английской литера-

И если в XIX веке Джейн Остин нашла ценителей в лице Вальтера Скотта и Дж. Г. Льюиса, то в XX веке о ней пишут Вирджиния Вульф и Эдвард Морган Форстер, Ричард Олдингтон и Сомерсет Моэм, Ральф Фокс и Кингсли Эмис, Сильвия Таунсенд Уорнер и Ребекка Уэст, Джон Бойнтон Пристли и В. С. Притчет.

Лишь Фокс и Эмис выступают в роли «хулителей». Признавая за Остин «иронию», «критику», «способность правильно анализировать свои персонажи», Фокс ставит ей в вину то, что она смотрит на жизнь глазами своего общества и своего времени⁵⁵. Он совершает ошибку, столь характерную для многих критиков 30-х (и, к сожалению, не только 30-х) годов: он судит о Джейн Остин, исходя не столько из того, какой она была, сколько из того, какой, с его точки зрения, она должна была бы быть. То же отсутствие историчности —

туры» (Изд. АН СССР, т. II, вып. 1, 1953, стр. 174—175); в книгах С. А. Орлова «Исторический роман Вальтера Скотта» (Горький, 1960, стр. 117—119) и Б. Г. Рейзова «Творчество Вальтера Скотта» (Москва — Ленинград, 1965, стр. 368—370). Упоминается имя Джейн Остин в книгах В. В. Ивашевой «Творчество Диккенса» (М., 1954, Примечания, стр. 454) и «Теккерей-сатирик» (М., 1958, стр. 54—55). Единственной специальной работой является брошюра О. А. Поюровской «Борьба за реализм в английской литературе конца XVIII — начала XIX века» (по материалам творчества Джейн Остин; Харьков, 1957), где дается сжатый очерк творческого пути писательницы. В 1961 году «Издательство литературы на иностранных языках» выпустило «Гордость и предубеждение» на английском языке (Москва).

⁵⁵ Ральф Фокс. Роман и народ. Л., 1939, стр. 95—96.

оценке Кингсли Эмиса. Он дает своей статье броское название: «Что стало с Джейн Остин?», поясняя его в подзаголовке: «Мэнсфилд Парк». Эмис повторяет, почти дословно, рассуждение Фокса о «сдаче позиций». (Невольно спрашиваешь себя: неужели Эмис читал Фокса? Впрочем, конечно, это простое совпадение). В статье Эмиса есть известная доля логики: «Мэнсфилд Парк» действительно уступает двум первым романам в наглядности социальной сатиры. В нем нет «двухмерных» сатирических характеров типа леди де Бёр или мистера Коллинза. Однако из этого вовсе не следует, что сатира в этом романе полностью отсутствует. К тому же «Мэнсфилд Парк» — не последний роман Джейн Остин. Это середина пути — после него она написала еще два романа. И если «Мэнсфилд Парк» — некоторое отступление, то «Нортенгерское аббатство» и «Убеждение» опрокидывают поверхностную схему Эмиса.

Пожалуй, ближе всего к пониманию Джейн Остин подошли Вирджиния Вульф и Эдвард Морган Форстер. Это и неудивительно; при всем несходстве их дарований, в них есть черты, роднящие их с Джейн Остин. Для Вирджинии Вульф это «непроницаемость», о которой уже говорилось выше, свойство, которым сама она владела в высокой степени. «Из всех великих писателей Джейн Остин труднее всего «поймать на величии», — писала Вирджиния Вульф, восхищаясь «особой законченностью и совершенством ее искусства»⁵⁶. Для Э. М. Форстера это, наряду с

---

⁵⁶ «Collected Essays», edited by Jan Watt, p. 15.

«непроницаемостью», — удивительная объемность характеров (свойство это характерно и для первых, лучших романов Вульф). Форстер называет эти характеры «объемными» в отличие от «плоских», которыми изобилует литература не только прошлого, но и настоящего⁵⁷. Он пишет: «Почему герои Джейн Остин доставляют нам каждый раз новое наслаждение по сравнению с тем же наслаждением, которое мы испытываем, читая Диккенса? Почему они так хорошо комбинируются в диалоге? Почему заставляют друг друга выявлять себя, не прилагая к тому никаких усилий? Почему они никогда не актерствуют?.. Наилучший ответ заключается в следующем: герои ее, хотя они меньше, чем герои Диккенса, размерами, организованы более сложно. Они проявляют себя во всех отношениях, и, предъяви мы к ним требования еще более высокие, они все равно оказались бы на высоте»⁵⁸.

Сомерсет Моэм посвящает Джейн Остин специальную главу в книге «Десять авторов и их романы», в которой рассказывает о десяти шедеврах мировой литературы. «Гордость и предубеждение» занимает почетное место в списке, включающем также «Тома Джонса», «Красное и белое», «Отца Горнио», «Дэвида Копперфилда», «Мадам Бовари», «Моби Дика», «Грозовой перевал», «Братьев Карамазовых» и «Войну и мир».

«Юмор был самым драгоценным ее свойст-

---

⁵⁷ E. M. Forster. Aspects of the Novel, p. 113. («round and flat characters»),

⁵⁸ Там же, стр. 114

вом», — пишет Сомерсет Моэм⁵⁹, который воссоздает картину жизни в английской провинции тех лет, восхищаясь редким умением Джейн Остин осветить блеском таланта даже самые, казалось бы, обыденные темы. «Ее интересовало обыкновенное, а не то, что зовется необыкновенным. Однако благодаря остроте зрения, иронии и остроумию, все, что она писала, было необыкновенно»⁶⁰. Моэму вторит Сильвия Таунсенд Уорнер, которая восхищается сатирой Остин «с ее неуловимой абсурдностью, с ее сведением величественного к смешному», объектами которой были «та или иная разновидность притворства — в чувствах, манерах, помпезности»⁶¹. Интересны наблюдения Уорнер над стилем Остин, в частности, мысль об использовании разговорных штампов тех дней — «штампы используются для того, чтобы передать презрение автора к штампам»⁶². Не менее интересны замечания о роли детали в романах Остин: часто через деталь Остин передает мысль, которая нигде в тексте романа не выражается прямо.

Джон Бойнтон Пристли пишет об Остин в книге «Английские комические герои»⁶³. Величайшим достижением Джейн Остин в плане комедии он

---

⁵⁹ W. S. Maugham. Ten Novels and Their Authors, chap. II.

⁶⁰ Там же, стр. 64.

⁶¹ S. T. Warner. Jane Austen. Supplement to «British Book News». Published by the British Council and the National Book League. London, p. 10

⁶² Там же.

⁶³ J. B. Priestley. The English Comic Characters, London, [s. d.], p. 158—177.

считает характер мистера Коллинза. «Джейн Остин знакомит нас с целым собранием снобов,— пишет Пристли,— и мистер Коллинз, конечно, член этого общества. Он стоит в стороне от всех, ибо он не обычный сноб. То, что мы называем снобизмом, стало для него всепоглощающей страстью; низкопоклонство и чинопочитание превратилось для него в поэзию»⁶⁴.

Ричард Олдингтон задает вопрос, который волнует всех, кто задумывается о популярности Джейн Остин в XX веке. Почему ее романы живут? Почему, несмотря на то, что манеры и эпоха, породившие их, давно ушли в прошлое, они продолжают трогать и волновать читателей? Ответ на этот вопрос Олдингтон видит в том, что Джейн Остин была большим художником, обладавшим умением «жить жизнью своих героев и передавать это чувство читателям». Он добавляет: «Диккенс владел этим даром, но погрешности вкуса, предрасположенность к мелодраме, сентиментальности и карикатуре часто ослабляли его. Дар этот у Джейн Остин был, возможно, более скромным и сдержанным, но зато вкус ее был безупречен, и она никогда ему не изменяла»⁶⁵.

К сказанному Олдингтоном хотелось бы добавить всего несколько слов. Джейн Остин принадлежит к тем редким художникам, которые появляются задолго до того времени, когда их достижения могут быть должным образом оценены. Не случайно то, что она не нашла подлинного понимания

---

⁶⁴ J. B. Priestley. The English Comic Characters. p. 165.

⁶⁵ Richard Aldington. Jane Austen, p. 12.

ни у своих современников, ни в XIX веке. Лишь в XX веке, когда жанр романа пережил значительные изменения, творчество ее получило, наконец, признание. Это связано, в первую очередь, с предельной, по тем временам, объективизацией повествования, со стремлением отказаться от прямого поучения, заставив героев жить собственной, независимой от автора, жизнью. Не случайно также и то, что «наследники» у Джейн Остин появились лишь на рубеже XX века. Выше говорилось уже о Генри Джеймсе, сознательно проводившем принцип «непроницаемости» через все свое творчество. Э. М. Форстер, так же как Остин, блестяще владеет даром иронической «инсинуации». Из мелких событий обыденной жизни он воссоздает удивительно емкие и значимые картины эпохи («Путешествие в Индию», «Хауардс Энд»). Айви Комптон-Бернетт сделал остиновский диалог сердцевиной своего повествования, сведя до минимума авторский текст. Можно было бы назвать еще нескольких «наследников». Впрочем, употреблять этот термин следует с осторожностью; лучше говорить, по-видимому, о чертах сходства между Джейн Остин и этими писателями, которых отделяет от нее столетие.

И, наконец, причина вечной молодости Остин — в ее тонкой иронии и веселом смехе. Непреложные истины, внешне с почтением принимаемые ею, подвергаются ироническому осмеянию; смех ее не только веселит, но и будит мысль и подтачивает самые основы ложных общественных принципов. В этом непреходящее значение иронии Остин, ее гуманность и этическая ценность.

ПРИМЕЧАНИЯ

Судя по записи, сделанной Кассандрой Остин, «Первые впечатления» (первый вариант романа «Гордость и предубеждение») создавались между октябрём 1796 года и августом 1797 года. Таким образом, «Первые впечатления» были написаны сразу же после «Элинор и Мэриэн» (первый вариант романа «Разум и чувство»), но предваряли окончательный вариант «Разума и чувства». 1 ноября 1797 года отец Джейн отправил письмо издателю Кэддлу, в котором предлагал ему отпечатать за счет автора или каким-либо другим способом «рукопись романа в 3-х томах, объемом приблизительно с «Эвелин» мисс Берни». Предложение это было отклонено Кэддлом с обратной почтой. Больше название «Первые впечатления» в переписке семейства Остин не появляется. Окончательный вариант романа получил название «Гордость и предубеждение». Первоначальный вариант не сохранился, поэтому мы лишены каких бы то ни было возможностей для сравнительного анализа текста.

Причиной изменения заглавия послужило, очевидно, то, что в 1801 году вышел в свет роман М. Холфорд под названием «Первые впечатления».

Новое название — «Гордость и предубеждение» взято из романа Фэнни Берни «Цецилия» (1782). В пятом томе «Цецилии» доктор Листер, один из героев, так резюмирует мораль романа: «Вся эта грустная история — результат Гордости и Предубеждения. Однако, запомните вот что: если горести наши проистекают от Гордости и Предубеждения, то и избавлением от них мы бываем обязаны также Гордости и Предубеждению, ибо так чудесно уравновешены добро и зло в мире».

Эти слова, выделенные в романе крупным шрифтом и усиленные троекратным повторением, не могли не обратиться на себя внимания.

В юности Джейн Остин увлекалась романами Фэнни Берни. Она отдавала решительное предпочтение «Эвелин» (1778) и «Цецилии». Впрочем, было бы неверно полагать, что Фэнни Берни как-то влияла на творчество Остин. В романах «Гордость и предубеждение» и «Цецилии» очень мало общего. В «Цецилии» гордостью и предубеждением наделен герой, героиня же безупречна. В «Гордости и предубеждении» ни Дарси, ни Элизабет не свободны от этих чувств. Можно говорить лишь о каком-то, весьма незначительном, воздействии «Цецилии» на некоторые детали романа Остин. Исследователи находят сходство между названиями поместий Дарси — Пемберли и герцога Дервента (героя Берни) — Пембертон. В сцене с письмом усматривают также некоторое сходство с аналогичным эпизодом «Цецилии» (книга V, глава 1), где герой излагает возражения своей семье против брака с героиней.

28 января 1813 года в «Морнинг Кроникл» появилось сообщение о выходе в свет «Гордости и предубеждения». Издателем был Т. Эджертон. 27 января Джейн Остин получила первый авторский экземпляр. В твердом переплете книга стоила 18 шиллингов; Джейн Остин продала авторские права на издание книги за 110 фунтов; издатель, судя по всему, получил большую прибыль. Нам неизвестно, сколько было отпечатано экземпляров в первом издании. Известно только, что в том же году Т. Эджертон выпустил второе издание (ноябрь 1813 года). Судя по всему, Джейн Остин ничего не знала о втором издании. Кроме исправления нескольких опечаток, в нем ничего не изменено по сравнению с первым текстом издания; более того, ошибка, которую Джейн Остин заметила в первом издании и о которой пишет в письме от 4 февраля 1813 года, так и осталась неисправленной.

В основу перевода положено издание: «The Novels of Jane Austen» in five volumes. Volume II: Pride and Prejudice, third Edition. London, Oxford University Press, 1965.

КНИГА ПЕРВАЯ

¹ *Дорогой мистер Беннет...*— Формы обращения во времена Джейн Остин существенно отличались от тех, которые приняты в Англии сейчас. Они были более строго формализованы и ограничены.

Жены и мужья, даже в кругу семьи, говорят друг о друге «мистер» и «миссис»; та же форма употребляется и при обращении друг к другу. «Мой дорогой мистер Беннет»,— говорит миссис Беннет мужу; «Итак, миссис Беннет»...— говорит он ей.

Дети, как правило, обращаясь к родителям, называли их «сударыня» (или «мэ́дэм») и «сэр». Правда, Элизабет Беннет, в характере которой было много непосредственности и независимости, порой называет миссис Беннет «маменька», но и она гораздо чаще употребляет формы «мэ́дэм» («мэм»).

При обращении к родственникам более широко употреблялись слова, обозначающие степень родства. Если в наши дни таким образом употребляются лишь слова «отец», «мать», «бабушка», «дедушка», то во времена Остин возможны были обращения «брат», «сестра», «кузен» и пр. (Обращение «дочь» не употреблялось). Так, миссис Беннет, обращаясь к мистеру Гардинеру, говорит ему «брат».

В обращении между молодыми людьми наблюдалась большая сдержанность, чем в наши дни. Даже будучи хорошо знакомы друг с другом, они употребляли формы «мисс» и «мистер» с фамилией; по имени назывались лишь близкие родственники. Иногда употреблялась компромиссная форма — «мисс» в сочетании с именем (а не фамилией, как обычно). Так, мисс Бингли, обращаясь к Элизабет, называет ее «мисс Элайза». Обращение по имени при кратком или далеком знакомстве считалось признаком дурного воспитания.

Женщины, говоря о мужчинах, обычно употребляли слово «мистер» и фамилию; впрочем, на рубе-

же веков наблюдалось и употребление просто фамилии без слова «мистер». Так, сестры Беннет говорят об Уикхеме, не прибегая к слову «мистер»; ту же форму употребляет и миссис Гардинер. Употребление этой формы в обращении, однако, свидетельствует об известной вольности или даже фамильярности.

Употребление или опущение имени при фамилии имеет всегда определенный смысл. Так, Джейн Беннет, старшую из сестер Беннет, называют всегда «мисс Беннет», а Элизабет или Лидию — «мисс Элизабет Беннет» или «мисс Лидия Беннет».

- ² *Незерфилд Парк* (недалеко от Меритона) — вымышленное название поместья.
- ³ *Незерфилд... больше не будет пустовать...* — Уезжая за границу или живя постоянно в городе, владельцы поместья иногда сдавали его на это время. Срок такой аренды был обычно не меньше двух лет. Сдавались имения со всеми угодьями, поэтому плата была немалой.
- ⁴ *Из северной Англии...* — Слова эти звучат сладчайшей музыкой для миссис Беннет, ибо в северной Англии тех лет торговлей составлялись большие состояния.
- ⁵ *К Михайлову дню...* — Михайлов день, по церковному календарю, — 29 сентября. Это день памяти архангела Михаила. В Англии этот день считается одним из четырех дней, начинающих квартал года, с чем связаны сроки платежей.
- ⁶ *Когда у вас следующий бал, Лиззи?* — Во многих изданиях эта реплика отдается Китти. Между тем, как справедливо указывает Р. У. Чэпмен, на это нет никаких логических оснований. Зачем Китти спрашивать о том, что она безусловно знает и сама? И почему она говорит «у вас», обращаясь к Элизабет? Ведь сама она тоже будет на этом балу. Естественнее предположить, что слова эти были произнесены мистером Беннетом. В первом издании «Гордости и предубеждения» этой репликой начиналась строка, что, по-видимому, и привело к ошибке.

Ошибка эта была исправлена в издании Р. У. Чэпмена.

⁷ *Увидеть из верхнего окна...*— Первый визит нового соседа бывал кратким. Дамы к гостю не выходили. Они могли находиться в это время дня либо в комнате для завтрака, либо в туалетной. Расположение комнат в доме дворянина (богатого или средней руки) подчинялось одному плану. Если хозяин был побогаче, помещения, конечно, были просторнее.

Дома обычно бывали двухэтажные. Внизу находились холл, гостиная, столовая, комната для завтрака (иногда называвшаяся «утренней комнатой»), кабинет, библиотека. На первом этаже помещались также кухня, кладовая, чуланы, погреб (последние находились чаще всего в подвале). Там же могла находиться и небольшая пивоварня, так как эль, пиво и мед в те дни, как правило, варили дома.

В некоторых домах была еще и музыкальная комната, которая также находилась внизу. В доме попроще музыкальные инструменты (арфа, клавишин и пр.) стояли в кабинете или даже наверху в спальнях. Конечно, в гостиной всегда был инструмент.

Из холла на второй этаж вела парадная лестница. Была еще и лестница для слуг, ведущая наверх из кухни. Наверху помещались спальни. Слуги спали на втором этаже, либо в мансарде. Если же мансарды не было, а все комнаты второго этажа были заняты хозяевами, слуг помещали на чердаке. Мальчик на побегушках спал обычно в чулане под лестницей для слуг. Ванной комнаты в домах не было, зато в каждой спальне стоял туалетный столик (или комод) с кувшином и тазиком; по утрам горничные разносили в кувшинах воду. Несколько раз в год перед зажженным камином в спальне ставилась переносная ванна; ее наполняли горячей водой, принесенной все в тех же кувшинах из кухни.

В домах побогаче в комнатах стояли кровати с балдахинами и занавесками на четырех столбах.

Ночной воздух считался вредным, поэтому спали с закрытыми окнами, плотно задернув занавески. При этом следует помнить, что спальни обычно не отапливались. В домах попроще спали на низких деревянных кроватях без занавесок и балдахинов (в богатых домах на таких кроватях спали дети и слуги). Дети часто спали по-двое на одной кровати.

Труд слуг в те времена стоил очень немного: горничной платили 4—6 фунтов в год, дворецкому — 8—10 фунтов. Вот почему даже в домах небогатых дворян держали несколько слуг: кухарку, двух горничных, домоправительницу (или экономку), дворецкого, мальчика. Известный своими мемуарами («Woodforde Diary») священник Вудфорт, имевший 300 фунтов годового дохода, держал, например, двух горничных, помимо кухарки и батрака. Следует иметь в виду, что фунт в те годы стоил гораздо больше, чем сейчас. Было подсчитано, что годовой доход мистера Беннета (2000 фунтов) равняется приблизительно 10 000 фунтов в наши дни.

- 8 *Хартфордшир* — графство в юго-западной части Англии. Главный город Хартфорд.
- 9 *Дербишир* — графство в центральной части Англии (главный город Дерби).
- 10 *Все вернулись в Лонгборн...* — Лонгборн (в графстве Хартфордшир) — название этого селения вымышлено. Судя по всему, Беннеты были единственными дворянами в Лонгборне. Возможно, что прототипом для Лонгборна послужил Стивентон, где прошла юность Джейн Остин.
- 11 *Буланже он танцевал...* — Буланже — танец, который был весьма распространен во времена Остин. В одном из ее писем читаем: «Мы обедали в Гуднестоне, а вечером танцевали деревенские танцы и буланже». (Письмо Джейн Остин Кассандре от 5 сентября 1795 года).
- 12 *...домом с принадлежавшими ему охотничьими угодьями...* — По старым законам, действовавшим до 1808 года, правом на охоту мог пользоваться лишь

сам владелец поместья или его лесничий, который имел от помещика письменное разрешение. Согласно закону, право на охоту могло передаваться фермерам, арендаторам или съемщикам. В 1808 году был принят специальный акт парламента, по которому владельцу поместья разрешалось давать (или передавать) право на охоту людям, никак с их помещьем не связанным.

- ¹³ *Меритон* (в графстве Хартфордшир) — название города вымышлено.
- ¹⁴ *Титул баронета...*— Дворянское звание жаловалось королем за особые заслуги. Впрочем, был и более простой способ его получения: для этого достаточно было купить поместье. Сэр Уильям Лукас принадлежал к «новым» дворянам в первом поколении.
- ¹⁵ *Лукас Лодж* (недалеко от Лонгборна) — название поместья вымышлено. Получив дворянское звание, сэр Уильям Лукас, приобретший свое состояние торговлей, называет свое поместье «Лукас Лодж», словно оно из поколения в поколение переходило в его семье по наследству. В этом особенно чувствуется претензия «нового» дворянина на принадлежность к старинной земельной аристократии.
- ¹⁶ *Представление ко двору в Сент-Джеймсе...*— Сент-Джеймс, начиная с Генриха VIII (1491—1547 гг.), был резиденцией английских королей. Хотя королевская семья в это время жила, находясь в Лондоне, в Букингэмском дворце, купленном Георгом III в 1769 году, Сент-Джеймс продолжал считаться официальной резиденцией короля. Придворные сообщения выходили с пометкой — «Из нашего дворца в Сент-Джеймсе»; при провозглашении нового короля, он выходил на балкон Сент-Джеймского дворца.

Дворец находится в центре Лондона и окружен Сент-Джеймским парком, входящим в большое кольцо лондонских парков от Уайт-холла до Кенсингтонских садов.

В переносном смысле «Сент-Джеймс» значит «королевский двор», отсюда выражение «быть представленным в Сент-Джеймсе», т. е. быть представленным ко двору. Для вновь испеченных дворян вроде сэра Уильяма Лукаса церемония эта имела огромное значение, ибо после нее имена их заносились в «Придворный календарь», издававшийся почти во всех графствах Англии. В «Придворном календаре» приводились имена и основные сведения обо всех, кто был когда-либо представлен ко двору. По сути дела это был справочник имен и поместий всех титулованных и нетитулованных дворян.

- ¹⁷ *Наследовалось по мужской линии...*— Наследование по мужской линии является отличительной чертой майората — системы наследования, при которой имущество полностью переходит к одному лицу, по принципу старшинства в роде или семье (причем имеется в виду не только простое старшинство, т. е. возраст, но и близость по степени родства к наследодателю). Различают три вида майората: 1) сеньорат, где основанием наследственного права является простой факт старшинства по летам среди остальных родичей; в том случае, если среди них были несколько человек одного возраста, вопрос решался жребием; 2) майорат в собственном смысле (с ним мы знакомимся в романе), когда наследство получают в порядке старшинства лица, происходящие из одного колена и состоящие в одной степени родства, с исключением права представления: наследодателю наследует старший сын из оставшихся в живых, исключая внука от умершего старшего сына; и 3) право первородства, когда наследство переходит к перворожденному сыну, с правом представления его потомками по тому же принципу старшинства или первородства: наследует внук после умершего сына, а не брат наследодателя. Женщины при майорате из наследования или вовсе исключаются, или уступают место мужчинам в одном и том же колене, линии или степени (такова ситуация в романе).

Возникшая в эпоху раннего феодализма, майоратная система имела целью концентрацию земельной собственности в одних руках. С исключительными правами старшего в роде на имущество связывались обыкновенно и определенные обязанности по отношению к обделенным наследникам (покупка офицерского патента или прихода для младших сыновей, в некоторых случаях — обязательными платежами в пользу других наследников).

С уничтожением феодальных порядков землевладения исчезает и майорат. Во Франции майоратная система была уничтожена во время французской буржуазной революции. При Наполеоне, однако, система эта была восстановлена, не получив, правда, большого распространения. Более продолжительное время майорат сохранялся в Германии и России (так называемые заповедные имения). Англия является единственной страной в Европе, в которой майорат, как способ наследования, остался в новое время. Закон о майорате был принят в 1285 году; с тех пор он претерпел изменения, сохранившись, впрочем, до наших дней.

- 18 *Был стряпчим...*— Стряпчими (атторни) назывались юристы, ведущие всю подготовительную работу к судебному процессу. Они стояли на самой нижней ступеньке судебной иерархии. (Подробнее об этом см. прим. 30).
- 19 *В милицейском полку...*— Милиция — территориальные войска в английской армии. Армия в Англии состояла из трех видов войск: 1) регулярной армии с ее резервом; 2) милиции; 3) волонтеров. Милиция не выводилась из пределов Великобритании, созывалась лишь на время войны в прибрежных графствах для обороны страны от вторжения неприятеля. Игравшая в средние века важную роль в обороне страны, милиция к середине XVIII века потеряла былое значение, превратившись в весьма незначительный вспомогательный придаток к регулярной армии. В 1757 году она была реорганизована: хотя служба в милиции, по закону, все еще оставалась обяза-

тельной для всех граждан (в свое время даже такому «мирному» человеку, как Сэмюэл Джонсон, пришлось в ней служить), набор в нее производился жеребьевкой. Милиция созывалась обычно на два месяца в год. Офицерский состав милиции пополнялся из дворян графства. Во время войны с Францией (1793—1815 годы) милиция в Англии неоднократно созывалась и приводилась в боевую готовность на случай высадки французских войск. В 1815 году она была практически распущена, а в 1852 г. реорганизована на добровольческих (волонтерских) началах.

Вплоть до 1871 года в английской армии существовала система офицерских патентов. Она была результатом так называемых «прав собственности», которые получали офицеры королевской армии в прошлом. В обязанности офицеров входил набор необходимого количества рекрутов, обеспечение солдат довольствием, снаряжением, амуницией. На все это офицеру выдавались деньги; сумма эта зависела от количества завербованных солдат. Офицеры королевской армии, таким образом, получали значительную выгоду от дарованных им «прав собственности». В XVIII веке система патентов продолжала существовать, хотя «права собственности» офицеров были во многом ограничены. Офицерские патенты покупались за большие деньги. Так, патент подполковника в первоклассном полку стоил свыше 6000 фунтов. Уходя в отставку, офицер продавал свой патент.

Благодаря этой системе дети богатых дворян получали возможность занимать высокие посты в весьма юном возрасте. Так, Артур Уэсли, будущий герцог Веллингтон, победитель при Ватерлоо, в 24 года был уже подполковником 33-го пехотного полка.

²⁰ *Красные мундиры...*— Мундиры английских солдат и офицеров XVIII века были красного цвета. Исключением составляли гвардейцы, драгуны (после 1784 года) и королевские полки, носившие синие мундиры.

- ²¹ *Аптекарь* — так во времена Остин называли любого медика, практикующего в сельской местности. Иногда он имел специальную подготовку и даже был лицензиатом Общества Аптекарей, но чаще не имел никакого медицинского образования. Аптекарь занимал вторую ступень в медицинской иерархии. На первой стояли члены Колледжа Врачей, получившие специальное образование и практиковавшие в больших городах или в имениях вельмож. Гонорары таких врачей были весьма высокими.

Аптекари были гораздо скромнее. Они ставили диагноз, выписывали рецепт и сами изготовляли лекарства.

На низшей ступени медицинской иерархии стояли хирурги.

До 1745 года они находились в одной гильдии вместе с цирюльниками. Гильдия эта так и называлась — «Гильдия цирюльников и хирургов». Во второй половине XVIII века хирурги, однако, начали завоевывать признание, хотя им разрешалось оперировать лишь в присутствии дипломированного врача, а также испрашивать его согласие на все свои предписания. В 1800 году, после того, как был основан Королевский Хирургический Колледж, хирурги были, наконец, приравнены к врачам.

Интересно, что слово «доктор» в приложении к врачам не употреблялось; оно было монополией богословов. В нынешнем значении «врача» слово это начало употребляться лишь со второй половины XIX века.

- ²² *Жаркое она предпочитала рагу...* — В определенных слоях английских дворян, претендующих на изысканность и вкус, отдавали решительное предпочтение блюдам французского происхождения (хотя бы по названию). Над этим и иронизирует Джейн Остин; любовь к жаркому (а не к рагу) была в этих кругах достаточной характеристикой, свидетельствующей о «плебейских» вкусах. Тут можно вспомнить строфу из «Оды шотландскому пудингу „Хаггис“» Роберта Бернса (перевод С. Я. Маршака):

Кто обожает стол французский —
 Рагу и всякие закуски
 (Хотя от этакой нагрузки
 И свиньям вред),
 С презрением щурит глаз свой узкий
 На паш обед.

²³ *Чипсайд* — одна из центральных магистралей в Сити, деловом районе Лондона. В прошлом там находился один из рынков Сити; район этот был населен ремесленниками и торговцами, державшими там свои лавки («Чипсайд» буквально значит «дешевая сторона»).

²⁴ *Пемберли* (графство Дербишир) — название поместья вымышлено. Дарси, как заметил Р. У. Чэмпен, соединяет в своем имени две старинные иоркширские фамилии — Д'Арси, графов Холдернесс, род которых угас в 1778 году, и графского рода Фицуильям.

Подробному исследованию генеалогии Дарси посвящена специальная статья Дональда Грина в сборнике Уотта (см. стр. 582).

²⁵ *Все молодые леди — образованные?!.* — В этом разговоре нашли свое отражение общепринятые в те дни представления о женском образовании. Оно весьма существенно отличалось от того, которое получали в дворянских семьях мальчики. Если мальчиков отправляли в школу, то чаще в одну из так называемых «публичных» школ в Итоне, Уинчестере или Уэстминстере. Это были привилегированные школы закрытого типа; обучение в них стоило недешево. За год обучения в Уэстминстерской школе платили свыше 60 фунтов в год (сельскохозяйственный рабочий получал в год 10 фунтов). В «публичные» школы посылали мальчиков в 13—14 лет; через четыре года они переходили в университет (Оксфорд или Кэмбридж).

Девочек иногда посылали в пансион или в школы полублаготворительного типа, вроде Аббатской школы в Рединге, куда поступили было Кассандра и Джейн Остин. Существовали также благотворительные школы. Многие из них были основаны «Общест-

вом по распространению христианских знаний», которое существует и по сей день. Учили там очень немногому — катехизис, чтение, правописание, для мальчиков — ремесло, для девочек — рукоделие. Существовали также школы для детей бедных священников.

Высшего образования девушки не получали. Практически их образование ограничивалось чтением, письмом и всяческими, как тогда говорили, «совершенствами». Основное внимание уделялось танцам, пению, игре на различных инструментах и рукоделию. Иногда они получали какие-то крохи французского, итальянского и арифметики — в пределах, необходимых для того, чтобы вести подсчеты расходов по хозяйству или проигрышей в карты. Нельзя не вспомнить, в этой связи, следующих слов Н. В. Гоголя, относящихся, правда, к России, но вполне приложимых и к Англии на рубеже двух веков: «А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах, а в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время... В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепьяно, потом французский язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, то-есть вязание сюрпризов, потом французский язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают методы» (Н. В. Гоголь. Мертвые души, том I, гл. 1).

²⁶ *Пикет* — карточная игра для двух игроков. Играется с колодой в 32 карты.

²⁷ *Всякие четырехсложные словечки...* — Английский язык, как известно, изобилует короткими (односложными и двухсложными) словами. Употребление четырехсложных слов само по себе свидетельствует

об изысканности (или претенциозности) стиля, так как большинство таких слов не англосаксонского происхождения.

- 28 *Нет ничего более обманчивого, чем показная скромность. Под ней часто скрывается равнодушие к посторонним мнениям, а иногда и замаскированная похвальба...* — Эта фраза Дарси позволяет, в известной мере, судить о его начитанности и литературных вкусах. В словах Дарси справедливо усматривают ссылку на книгу Босвелла «Джонсон», где цитируются слова последнего: «Всякое порицание самого себя есть замаскированная похвальба» (Boswell, Johnson, April 25, 1778). В другом случае Джонсон заметил, что, «признавая за собой мелкие недостатки, человек тем самым заставляет предположить, что обладает гораздо большими достоинствами; одним словом, эта аффектация искренности или скромности на деле всего лишь форма замаскированного самолюбования» («Johnsonian Miscellanies», ed. Hill, London, [s. d.], p. 153). Примечательно, что эти слова Джейн Остин, высоко ценившая Джонсона, вкладывает в уста Дарси.

Несколько выше мы узнаем, что в имени Дарси собрана великолепная библиотека и что Дарси сам принимал в этом большое участие. Для характеристики Дарси показательны также то место, где он говорит об «образованных женщинах». Самое важное для Дарси в такой женщине — «развитый обширным чтением ум».

- 29 *Протанцевать рил...* — Рил — веселый шотландский танец. Обычно исполняется восемью партнерами — четырьмя кавалерами и четырьмя дамами.
- 30 *Представители одной и той же профессии, хотя и разных ее сторон...* — В словах этих чрезвычайно наглядно отражена судебная иерархия, столь характерная для Англии тех лет. Дед Дарси — судья, дядя Элизабет — атторни, т. е. попросту говоря, — стряпчий. Они стоят на двух различных концах лестницы судебных чинов. Еще в XIII веке в Англии были основаны корпорации юристов, так называемые «Инны». Они готовили полноправных юристов — су-

дей и баристеров, уполномоченных выступать во всех судах Англии (слово «баристер» произошло от слова «bar» — суд). Судебные Инны были строго аристократическими корпорациями; они управлялись старейшинами (бенчерами), издавна организовавшими юридические школы, студенты которых жили при Иннах и подчинялись распорядку, установленному бенчерами. С течением времени доступ в эти школы, обучение в которых стоило очень недешево, получили и представители средних слоев, но замкнутый характер этих корпораций не изменился. Юристы, получившие практическую подготовку в адвокатских конторах (атторни), не имели доступа в корпорации Иннов. Таким образом, в английском суде укоренился обычай, по которому всю сложную подготовительную работу к процессу вели атторни, но выступали на суде баристеры. Последние общались со своими клиентами также через атторни.

- ³¹ *Наготовит достаточно белого супа...*—Комментаторы расходятся в толковании этого термина. Некоторые полагают, что это старинное блюдо, подававшееся к ужину, который в те времена устраивался в конце бала. Другие думают, что это особый клейстер, которым слуги мазали волосы под пудру.
- ³² *Останутся в Незерфилде до вторника...*—Выше говорилось о том, что Джейн Остин, работая над своими романами, пользовалась обычно календарем. Исследователями было установлено, что для «Гордости и предубеждения» Джейн Остин пользовалась календарями 1811 и 1812 годов. Бал в Незерфилде состоялся во вторник 26 ноября 1811 года.
- ³³ *Подвергнут телесному наказанию рядовой...*—Телесное наказание было обычным явлением в армии и флоте тех лет. За малейшую провинность виновному приказывали раздеться по пояс,—привязывали его к столбу, который так и назывался — «столб для порки», и пороли кожаным ремнем. Сто, двести, триста, даже пятьсот ударов не вызывали ни в ком удивления. В армии и особенно во флоте царили варварские порядки. Вербовали солдат зачастую обманом, напоив их предварительно допьяна; прак-

тиковались насильные вербовки, когда юношей силой похищали из дому и сдавали в солдаты. Прибрежные деревни подвергались набегам своих же моряков, уводивших с собой все мужское население. Последний обычай считался освященным веками, ибо флот имел то «оправдание», что ему необходимы были люди, понимающие толк в навигации. Похищение отдельных людей вызывало, в тех случаях, когда сообщение о нем попадало в газеты, всеобщее возмущение. Известны были случаи, когда насильственно завербованных возвращали их семьям.

- ³⁴ *Сущность закона о майорате...*— См. прим. 17.
- ³⁵ *Хансфорд, около Уэстерхема, Кент...*— Хансфорд и Уэстерхем — вымышленные географические названия. Кент — графство в юго-восточной части Англии; главный город — Мейдстоун.
- ³⁶ *Удостоился прихода в поместье ее сиятельства...*— Приходом в Англии тех лет назывался район, во главе которого церковные власти ставили священника с правом взимать с населения налог в пользу государственной англиканской церкви (десятина). Десятина платилась обычно в начале декабря, когда заканчивались все полевые работы, после чего устраивался большой сельский праздник. Место настоятеля прихода (ректора) передавалось по наследству или покупалось, причем вносимая сумма увеличивалась в зависимости от количества и благосостояния прихожан (бывали «богатые» и «бедные» приходы). Крупные землевладельцы вроде леди де Бёр, на чьей земле находились приходы, как правило, сами представляли церковным властям кандидатов для утверждения на должность ректора. Таким образом, фактическое назначение настоятелей приходов в сельской местности находилось в руках крупных землевладельцев (лэндлордов).
- ³⁷ *Кадриль* — карточная игра для четырех игроков, весьма распространенная в XVIII веке.
- ³⁸ *Розингс Парк* (графство Кент) — вымышленное название имения.

- ³⁹ В списках придворных дам...— Другими словами, была ли мисс де Бёр принята при дворе и занесена в списки придворных дам (см. прим. 16).
- ⁴⁰ Книга из общественной библиотеки...— Уже в начале XVIII века во многих крупных городах и курортах Англии существовали так называемые «циркулирующие» или общественные библиотеки. Они были также местом встреч для молодежи; время от времени там устраивались публичные лекции или даже концерты.
- ⁴¹ Проповеди Фордайса...— Джеймс Фордайс (1720—1796 гг.) был пресвитерианским священником, оставившим ряд трудов богословского и нравоучительного содержания. Известностью пользовались его «Наставления молодым девицам», а также «Обращения к божеству», где, в частности, есть интересная характеристика Сэмюэля Джонсона, другом которого он был.
- ⁴² Триктрак — старинная игра для двух игроков. Играют на доске, разделенной на две части. У каждого игрока пятнадцать деревянных фигурок (шашек), которые он передвигает, бросая кости.
- ⁴³ Легкий горячий ужин...— Завтрак в дворянской усадьбе подавался обычно в 10 часов. «В десять, как всегда, мы сели за завтрак»,— говорит Лидия (стр. 432). Время до завтрака часто посвящалось различным занятиям: прогулкам, чтению, письмам. Обедали не раньше четырех часов пополудни; в знатных домах или домах, претендующих на «элегантность», время обеда отодвигалось на более поздний срок. Сестры Бингли, например, обедали в половине седьмого вечера. Между завтраком и обедом не было точно установленного часа, когда все семейство собиралось бы в столовой. Обычно в комнату для завтрака, где семейство часто проводило первую половину дня, подавался поднос с едой, чаще всего с холодным мясом и различными закусками. Скатерти при этом не стелили.

К обеду накрывался стол в столовой; дамы и мужчины переодевались; зажигались свечи в канде-

лябрах. Подавал обед обычно дворецкий. Мясо резал хозяин дома; в его отсутствие — старший сын или старший мужчина в доме. После обеда скатерть со стола снимали; на стол ставилось вино и десерт. Все оставались за столом или переходили к камину. После десерта дамы уходили в гостиную, где они пили кофе. Позже к ним присоединялись мужчины. Мужчины могли уходить из столовой поодиночке; им не обязательно было дожидаться друг друга.

Ели много. На обед подавались — ростбиф, жареная свинина, цыплята, пироги с телятиной и ветчиной, рыба, пирожные, сыр, пудинг и фрукты. Вудфорд описывает в своем дневнике обед, на который он пригласил пятерых гостей. Были поданы: «око-рок, три вареные индейки, сливовый пудинг, пара жареных уток, зажаренная свиная шея, пирог со сливами, пирог с яблоками, персики, яблоки и орехи, пиво и сидр». После обеда пили чай или кофе. В десять часов ужинали. Тот же Вудфорд предложил своим гостям ужин — «жаркое из птицы, утку, яйца и картофель». Впрочем, во многих семьях ужин был очень скромен или вовсе отсутствовал.

Чай все еще считался новинкой, поэтому его предпочитали кофе. Стоил чай от 12 до 16 шиллингов за фунт.

Утренних посетителей угощали кофе или стаканом вина с печеньем. Кофе был гораздо дешевле чая; он стоил от 4-х с половиной шиллингов до 5 шиллингов за фунт. Большое количество чая и кофе, наряду с сигарами, брэнди и другими напитками, ввозилось в Англию контрабандой. Многие предпочитали покупать контрабандные товары, так как они были гораздо дешевле (таможенные пошлины на эти товары были в те годы очень высоки).

⁴⁴ *Вист* — карточная игра для трех или четырех игроков. Игра состоит из нескольких партий. Три партии или две выигранные партии именуются роббер.

⁴⁵ *Йорк* — главный город графства Йоркшир на северо-востоке Англии.

⁴⁶ *Гровнор-стрит* — улица в Уэст-Энде, аристократическом районе Лондона.

КНИГА ВТОРАЯ

- ¹ *Грейсчёрч-стрит* — улица в одном из районов Лондона, где жили так называемые средние слои.
- ² *Озерный край* — живописный район на северо-западе Англии, находится на границах графства Кэмберленд, Ланкашир и Уэстморленд. Там же находятся самые крупные английские озера, включая Уиндермиер (10 с половиной миль в длину) и самые высокие в Англии горы, включая пик Скэффелл. Живописные пейзажи Озерного края, сочетание покрытых лесами гор, скал и озер, привлекли к себе внимание Даниэля Дефо, совершившего путешествие по этому краю в 1724 году. В XVIII веке Озерным краем восхищались Томас Грей, Уильям Гилпин и Анна Радклифф, описавшие свои путешествия в специальных эссе.

С Озерным краем связано имя замечательного английского поэта Уильяма Уордсворта, который жил там с 1799 года до самой своей смерти в 1850 году (дер. Грасмиер). Позже, привлеченные соседством с Уордсвортом, в Озерном крае поселились и два других поэта «озерной школы», С. Т. Колридж и Р. Саути. Среди тех, кто посещал Озерный край и восхищался им,— Скотт, Лэм, Шелли, Китс, Теннисон. Рэскин, Мэтью Арнольд, Шарлотта и Брэнвелл Бронте. В XX веке в Озерном крае жили писатели Хью Уолпол и Беатрис Поттер.
- ³ *Фэтон* — открытый двухместный экипаж, весьма элегантный и приятный для прогулок в хорошую погоду. Он не давал никакой защиты от дождя, так как в фэтоне не было даже откидного верха. Употреблялся обычно для коротких поездок.
- ⁴ *Установить перед ее глазами защитный экран...*— Чтобы свет от камина или свечей не бил слишком резко в глаза, на столе ставили небольшой защитный экран. Необходимая часть обстановки в XVIII веке, экраны были также предметами украшения. Их делали из бумаги и разрисовывали орнаментами (часто орнаменты бывали в восточном стиле; особенно модны были китайские) или рисовали

на них акварелью какие-либо сценки. Бывали экраны шелковые с вышивкой или шитые бисером.

⁵ *Казино* — карточная игра для четырех партнеров, где выигрывает тот, кто первый набирает 11 очков.

⁶ *Младшему сыну графа*... — По существующей традиции, имение наследовал старший сын (см. прим. 17); младшие сыновья должны были выбирать между армией, судопроизводством и саном священника. На покупку прихода, офицерского патента, а также для получения необходимого образования, выделялась определенная сумма. Иногда старший сын выплачивал младшим пожизненно определенную годовую сумму.

⁷ *Исписана оборотная сторона листа, служившего конвертом*... — Во времена Остин готовых конвертов не существовало. Письмо писалось на одной стороне листа, потом складывалось и заклеивалось облатками; адрес писался на обороте. Иногда употребляли самоделные конверты. Бумага была дорогой, с ней обращались очень бережно. Письма писались обычно убористым, мелким почерком. Размашистый почерк сам по себе был роскошью, которую позволяли себе лишь очень богатые люди. Интересно, что письмо Дарси, содержащее, как подсчитали, около 4000 слов, было уместено на двух листах бумаги. Правда, конвертом ему служил третий лист, также исписанный с одной стороны.

В те времена письма и всяческие другие почтовые отправления оплачивал не отправитель, а адресат. Оплата была сложная, она зависела не только от расстояния, но и от числа листков. Подсчет стоимости письма, которую оплачивал адресат, был длительным и сложным. Случалось, что адресат отказывался от уплаты и получения письма.

В пределах Лондона существовала особая почта. Оплата городских писем в Лондоне была унифицирована; в XVII веке — одно пенни, а с конца XVIII века — два пенса.

⁸ *Кэмбридж* — город в восточной части Англии, известный своим университетом, основанным в XII веке. Университет делится на несколько колледжей,

имеющих свой устав, но подчиненных ректору Университета.

Большая часть города лежит на восточном берегу речушки Кэм, притока Аузы. Живописные берега, множество парков, старинная архитектура создают своеобразный облик этого, по мнению некоторых англичан, «единственного подлинно университетского города». Кэмбридж издавна соперничает с Оксфордом во всем, вплоть до спорта. Соперничество это ощущалось уже во времена Остин.

⁹ *Рэмсгейт* — порт в восточной части графства Кент, расположенный в 79 милях от Лондона. Известен также как курорт. В середине XVIII века был большим и преуспевающим портом, но к 1790 году утратил былое значение.

¹⁰ *Путешествовали на почтовых лошадях...* — Поездки в другие города или графства были во времена Остин нелегким делом. Пассажирские кареты курсировали между городами, не придерживаясь определенного расписания. Владельцами этих карет были частные предприниматели. Места в каретах надо было заказывать заранее и вносить за них аванс. Междугородные кареты были окрашены в различные цвета, большей частью яркие. Некоторые из них носили названия. Так, например, по Лондонской дороге курсировала карета, носившая название «Воздушный шар» («Балун») в честь первого полета, осуществленного братьями Монгольфье в 1783 году. В каретах внутри обычно помещались четыре пассажира, а снаружи до двенадцати: впереди, рядом с кучером, сидело двое, позади, рядом с кондуктором, — еще двое, а остальные помещались на плоской крыше кареты. Там же помещался багаж (часть его укладывалась под сиденья кучера и кондуктора).

В 1784 году парламент принял акт о реформе почтового транспорта. Государство приняло на себя организацию сети почтовых контор, отправлявших в другие города специальные почтовые кареты. Почтовые кареты, в отличие от пассажирских,

ходили по расписанию. Они перевозили не только почту, но и пассажиров. В почтовых каретах внутри сидело также четыре пассажира, но наверху помещалось меньше, так как на крыше находилась почта. Плата за проезд была очень высокая: внутренние пассажиры платили пять пенсов с мили, наружные — три пенса.

За право проезда платили дополнительно. Через определенные интервалы на дорогах находились ворота-«вертушки», миновать которые можно было, лишь выплатив определенную сумму. Через каждые восемь миль меняли лошадей.

Народ победнее путешествовал в фургонах, огромных восьми- или десятиколесных экипажах, в которых помещалось 30—40 человек. В фургон впрягали в две упряжки восемь лошадей. Шел он медленно: сто миль делал за несколько дней. Чтобы доехать от Эдинбурга до Лондона, требовалось в те годы 3 недели. Ездить в почтовых каретах было, конечно, удобнее, чем в пассажирских, и все же эти поездки оставались делом утомительным и неприятным. Люди хоть сколько-нибудь состоятельные имели собственные, пусть скромные, экипажи (вспомним семейство Беннетов) и лошадей.

В дальних поездках обычно своими лошадьми не пользовались, разве что до первой остановки. Потом их либо отсылали обратно, либо выпрягали, привязывали сзади и продолжали путь на перекладных (Хёрсты, например, живя в Незерфилде, имели свой экипаж, но своих лошадей там у них не было).

При поездках в частных экипажах багаж обычно посылали фургоном. С собой брали только самое необходимое. Мужчины обычно ехали верхом. Состояние дорог во времена Остин было очень плохим; весной и осенью в распутицу кареты увязали в грязи, а канавы и ямы были причиной постоянных несчастных случаев. Ночами, хоть у экипажей и были фонари, ездить избегали. В сельской местности выезды вечерами в большой мере зависели от времени месяца. Обычно балы и вечерние приемы старались

приурочить к полнолуннию. В безлунные ночи из дому предпочитали не выезжать. Интересно, что фонари на каретах назывались «moon» (т. е. «луны»).

- ¹¹ *Бромли* — городок в северо-западной части графства Кент. Расположенный на берегу небольшой реки Рэвинсборн, Бромли окружен лесами, поросшими раkitником (отсюда название города: «broom» по-английски раkitник). В центре города высится церковь св. Петра и Павла, прекрасный образец норманнской архитектуры. В 1775 году в Бромли был выстроен дворец епископов Рочерстерских.
- ¹² «*Колокол*» — гостиница в Бромли.
- ¹³ *Брайтон* — город в восточном Сассексе, знаменитый морской курорт на южном побережье Англии. Первые упоминания о Брайтоне относятся к XIV веку. С 1783 года Брайтон стал резиденцией принца Уэльского, позже принца-регента и короля Георга IV. Брайтон — один из лучших образцов архитектуры «георгианского» периода. Королевский Павильон (так назывался королевский дворец) был выстроен в псевдо-индийском стиле, убранство его было китайским (китайский интерьер был в те времена очень моден). Были разбиты многочисленные парки и террасы, распланированные в классическом духе того времени. В 1850 году дворец был продан королевой Викторией городу, сохранившему его в первоначальном виде. В годы наполеоновских войн в Брайтоне размещались полки милиции.
- ¹⁴ *Ливерпуль* — один из крупнейших английских городов и портов, расположенный на западном побережье Англии.
- ¹⁵ *Мэтлок* — курорт с минеральными источниками в центральной части графства Дербишир; *Чэтсуорт* — городок на севере графства Дербишир, известный своей картинной галереей; *Давдейл* — красивая долина в графстве Дербишир, место паломничества английских художников; *Пик* — горный район на севере графства Дербишир, славящийся своими известковыми пещерами.

¹⁶ *Оксфорд* — город в центральной части Англии (графство Оксфордшир), на берегу Темзы, знаменитый своим университетом. Полагают, что Оксфорд был основан в IX веке; впрочем, там найдены старинные саксонские захоронения, принадлежащие к более раннему периоду. В годы Возрождения и Реформации город принимал бурное участие в политической жизни страны. Однако в последней четверти XVIII века он отказался от своей роли политического центра. Город рос медленно. В 1801 году, во время первой переписи, в нем было 12 тысяч населения.

Уорик (или Уорвик) — город в графстве Уорикшир, расположенный на реке Эвон. Еще до норманнского завоевания здесь находился город, состоящий из 225 домов, 113 из которых находились в руках короля, в то время как другие принадлежали горожанам. Вильгельм Завоеватель отдал город Генри де Ньюбергу, пожаловав ему титул графа Уорика. Замок, который высится на месте крепости англосаксов, был, очевидно, выстроен Генри де Ньюбергом. В средние века в Уорике устраивалась ежегодная ярмарка, на которую съезжалось множество народа из других графств. До наших дней сохранилась часть крепостной стены, окружавшей город, западные и восточные ворота и часовни, выстроенные между ними. В XVIII веке Уорик привлекал множество посетителей своими историческими памятниками.

Кенилворт — город в Уорикшире, расположенный на одном из небольших притоков Эвона, находится в 99 милях к северо-западу от Лондона. Город знаменит развалинами средневекового замка (см. «Кенилворт» Вальтера Скотта). Сохранилась часть замковой стены, которая достигает 16 футов толщины, башня Мелвина и некоторые другие постройки. Недалеко от замка находятся руины августинского монастыря, основанного в 1122 году и превращенного позднее в аббатство. Во время гражданской войны замок был разрушен солдатами Кромвеля и с тех пор не восстанавливался.

- ¹⁷ *Бирмингем* — один из крупнейших городов Англии, большой промышленный центр; *Лэмтон* — вымышленный городок (графство Дербишир).

КНИГА ТРЕТЬЯ

- ¹ *Пемберлейский Лес*...— Лесом в те времена нередко назывался парк, окружавший помещичий дом. Описание красот Пемберли свидетельствует о том, что Джейн Остин, так же, как и ее героиня, была поклонницей школы Гилпина. Об этом свидетельствует и ее брат, писавший, что «в очень юном возрасте она была очарована книгой Гилпина о живописном».

Уильям Соури Гилпин (1762—1843) был известным акварелистом и художником по планировке парков — искусстве, которое в XVIII веке стояло на чрезвычайной высоте. Гилпин был президентом Общества акварелистов (1804—1806 гг.). Он распланировал парки во многих известных имениях (Дейнсфилд, Эннискиллен Касл и др.). Он был также автором трех эссе («О живописной красоте», «О живописных путешествиях» и «О писании ландшафтов»), вышедших в свет в 1792 году. В них он выступал противником академичности в планировке парков, высмеивая попытки «академиков» достигнуть естественности путем уничтожения прямых аллей и создания искусственных руин. Классическая простота и естественность были идеалом Гилпина.

Джейн Остин безусловно читала и работы других последователей «живописной» школы: Хораса Уолпола, Мейсона, У. Прайса, Х. Рептона и П. Найта.

Доказательства тому мы находим не только в «Гордости и предубеждении», но и в «Мэнсфилд Парке», где Хамфри Рептон называется по имени, в «Нортенгерском аббатстве» и в «Разуме и чувстве». Интересно замечание Элизабет, обращенное к Дарси, ведущему под руку сестер Бингли: «Вы образуете такую живописную группу. Гармония будет нарушена, если к вам присоединится четвертый».

Здесь слова «живописная группа» употреблены в их специальном смысле. Прайс, высмеивая живописцев, неизменно изображающих группы из трех деревьев, рассказывает о человеке, «привыкшем на все смотреть глазами художника». Когда жена его, из соображений экономии, предложила ему продать одну из трех коров, он воскликнул: «Но, милая, двух коров никак не сгруппируешь!».

² *Бейкуелл* — небольшой городок в графстве Дербишир, расположенный на реке Уай, в 25 милях к северо-западу от Дерби. Недалеко от Бейкуелла на Замковом холме находятся остатки древнего поселения саксов (гончарная мастерская и пр.). Во время чумы 1665 года город почти весь вымер. В XVII веке, когда в окрестностях были открыты минеральные источники, он снова возродился.

³ *Гретна-Грин* — местечко в южной Шотландии, на границе с Англией. Согласно английским законам, для совершения бракосочетания требовалась специальная лицензия корпорации юристов гражданского и церковного права, так называемой Докторс-Коммонс, либо трехкратное предварительное оглашение в церкви.

Для того, чтобы получить лицензию в Докторс-Коммонс, нужно было присягнуть в том, что препятствий для брака нет, и уплатить за лицензию (правило это существовало до ликвидации церковных судов в 1857 году). Действие английских законов о бракосочетании, однако, на Шотландию не распространялось, а Гретна-Грин было ближайшим к Англии местом, где можно было без дальних проводов вступить в брак.

⁴ *Клэпхем* — район в южной части Лондона.

⁵ *Эпсом* — город в графстве Сёррей, расположенный в 15 милях к юго-западу от Лондона. В 1816 году в Эпсومه были открыты минеральные источники; спустя столетие он превратился в широко известный курорт. Уже при короле Иакове I в Эпсومه проводились ежегодные скачки; в 1730 году был разработан

порядок проведения скачек, сохранившийся и по сей день.

С 1780 года в Эпсоме ежегодно проводятся два типа скачек: «дерби» — названные так в честь двенадцатого графа Дерби; и «оукс» — по названию его родового поместья, расположенного поблизости. Скачки проводятся каждый год в последнюю неделю мая или первую неделю июня: «дерби» — в среду, «оукс» — в пятницу.

- ⁶ *В гостиницах Барнета и Хэтфилда...* — Барнет — город в графстве Хартфордшир, расположенный в 10 милях к северу от Лондона. Он состоял из двух частей — Чиппинг-(или Хай)Барнет и Ист-Барнет. Хай-Барнет, как явствует из самого названия («хай» по-английски «высокий») расположен на холме. В средние века в этой части находился рынок (старинное название рынка «чиппинг»). Здесь в 1471 году произошло ожесточенное сражение, решившее исход многолетних войн Алой и Белой розы. В память об этом сражении на одной из центральных площадей возвышается обелиск.

В XVIII веке Барнет, расположенный на Большом северном тракте, был крупной почтовой станцией. Он был также известен своими кожевенными и металлическими фабриками. Ист-Барнет расположен в двух милях к югу от Хай-Барнета.

Хэтфилд — город в Хартфордшире, расположенный в 17 милях к северу от Лондона. Знаменит старинной архитектурой — церковь св. Этельреды, образец ранней английской готики, часовня Салисбери — в классическом стиле; епископский дворец XII века, жилые здания XVII века. Город славился также своим парком, достигающим 10 миль в диаметре, и старинным монастырским виноградником на берегу реки Ли.

- ⁷ *Ист-Бёрн* — курортный городок в юго-восточной части графства Сассекс, недалеко от Брайтона.
- ⁸ *Свожу тебя в какое-нибудь обозрение...* — В Лондоне существовало несколько увеселительных садов и парков, где в теплый летний вечер можно было погулять, полюбоваться иллюминацией, выпить чаю,

полакомиться пирожными и всякими сладостями и, кроме того, посетить музыкальное обозрение в одном из так называемых «музыкальных залов». Наиболее роскошным был музыкальный зал в парке Воксхолл. Известностью пользовалась также «Ротунда» в Ранелагских садах, где, помимо концертов и музыкальных обозрений, давались также и балы-маскарады.

Увеселительные сады, расположенные поблизости от церкви Сент-Мэри-ле-бон, славились еще и тем, что там нередко происходили дуэли (хотя, по закону, дуэли были запрещены).

В Сэддлерс-Уэллс можно было выпить минеральной воды из горячих источников (названных так по имени землемера Сэддлера, открывшего их в 1683 году) и посмотреть музыкальное обозрение, включавшее в себя, помимо песен, выступления канатоходцев, жонглеров и клоунов. Наибольшей известностью пользовались в те годы песни доктора Арна (он положил на музыку песни Шекспира и был также автором известного гимна «Правь, Британия»...).

- ⁹ *Хэй Парк, Стоук, Эшурт, Палвис Лодж* (вблизи от Лонгборна) — названия всех этих поместий вымышлены.
- ¹⁰ *Ньюкасл* — крупный промышленный город и морской порт Северной Англии, расположенный в устье реки Тайн.
- ¹¹ *Настрелять больше птиц первого сентября...* — Первое сентября — день, когда в Англии разрешается начало осенней охоты.
- ¹² *Наденет ли он синий мундир...* — См. прим. 20, книга I. Лидию интересует, появится ли Уикхем в мундире нового полка.
- ¹³ *Малый театр* — театр в Лондоне. Был выстроен в 1720 году на участке земли, примыкающей с севера к теперешнему Хеймаркетскому театру. В 1821 году, когда было завершено новое здание Хеймаркетского театра, Малый театр был снесен. В Лондоне в это время существовало два боль-

ших театра — Оперный театр в Ковент-Гардене и Королевский театр на Друри-Лейн.

Из драматических актеров популярностью пользовались Джон Рич, Колли Сибер, Чарлз Мэклин; однако это были звезды второй величины по сравнению с Сарой Сиддонс и Дэвидом Гарриком.

Труппы были не постоянные, а набирались для постановки данного спектакля. Ставили в те дни Шекспира, различные маски, в частности, маску «Комус» Мильтона, Шеридана, Голдсмита, «Оперу нищих» Джона Гея. Внутреннее устройство театров было к концу XVIII века преобразовано и приняло современный вид.

¹⁴ *Эдвард-стрит* — улица в Лондоне в одном из малофешенебельных районов.

¹⁵ *Твоего отца уже не было...* — Здесь, по-видимому, вкралась ошибка, одна из очень немногих ошибок в книге Остин. Миссис Гардинер не могла приехать после отъезда мистера Беннета и последовавшего за ним разговора Дарси и Гардинера, так как она, судя по всему, приехала в карете, которая была послана за Беннетом в Лондон.

¹⁶ *Кимтон* (графство Дербишир) — название деревни вымышлено.

¹⁷ *Сообщалось в «Курьере» и «Таймсе»...* — Сообщения о браках печатаются в «Таймсе» и по сей день в той же лаконичной форме под рубрикой «Браки». Обычно указываются имена родителей новобрачной и место их жительства; в данном случае опущение было нарочитым.

¹⁸ *Скарборо* — город в Северном Райдинге (графство Йоркшир). Уже в начале XVII века Скарборо был известным курортом (в 1620 году там были открыты минеральные источники), привлекавшие множество туристов.

¹⁹ — *Иной раз бывает удивительно трудно сделать так, чтобы тебе поверили! — А бывает и совсем невозможно!* — В первых изданиях «Гордости и предубеждения» реплики эти сливались в одну. Джейн Остин обнаружила эту ошибку еще в первом изда-

нии, однако исправлена она была лишь в издании Р. У. Чэпмена.

- ²⁰ *Находились в столовой...*—Здесь, как указывает Р. У. Чэпмен, очевидно, вкралась опечатка. Возможно, что она была допущена в первых изданиях и сохранилась до сих пор. В это время дня дамы вряд ли сидели в столовой; они могли находиться либо в комнате для завтрака, либо в туалетной. В этой мысли нас утверждает и последующее описание: Элизабет спустилась с леди де Бёр вниз (столовая не могла находиться наверху); проходя через холл, леди Кэтрин отворила двери в столовую и гостиную и заглянула в них.

Вернувшись в дом, Элизабет находит миссис Беннет наверху у дверей туалетной. Очевидно, вместо «столовой» (dining-room) следует читать «туалетная комната» (dressing-room): из предыдущего текста следует, что когда Бингли и Дарси пришли с визитом, их провели в туалетную.

- ²¹ *Оукхемский Холл* (вблизи от Лонгборна) — название вымышлено.

- ²² *Я была бы рада сказать...*— Это место примечательно тем, что здесь единственный раз на протяжении всего романа Джейн Остин говорит от собственного лица.

- ²³ *Бат* — известный курорт в юго-западной части Англии (графство Сомерсетшир). Город основан в 1660 году; знаменит своими горячими минеральными источниками. Расположенный широким амфитеатром на изгибе реки Эвон и окруженный со всех сторон высокими холмами, Бат по праву считается одним из самых красивых городов Англии. В архитектурном отношении заслуживают внимания здания георгианского периода, построенные Джоном Вудом в 1728 году, а также знаменитая Галерея, с источником, которая служит также местом для прогулок. Рядом со зданием Гильдий (1776 год), находятся картинная галерея и библиотека, одна из старейших в Англии.

ХРОНОГРАФ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДЖЕЙН ОСТИН

- 1775
16 декабря В Стивентоне (Сев. Хэмпшир) родилась Джейн Остин.
- 1782 Джейн и Кассандра Остин гостят в Оксфорде и Саутхэмптоне.
- 1784 Джейн и Кассандру посылают в Аббатскую школу в Рединге.
- 1785 Джейн и Кассандра возвращаются в Стивентон.
- 1795 Работа над «Элинор и Мэриэн».
- 1796
октябрь Начаты «Первые впечатления» (завершены в августе 1797 года).
- 1797
ноябрь Кассандра и Джейн с матерью гостят в Бате.
Начаты «Разум и чувство». «Первые впечатления» предложены издателю Кэддлу и отклонены им.
- 1797—1798 Работа над «Нортенгерским аббатством» («Сьюзен»).
- 1799
май-июнь Джейн с матерью гостят в Бате у Эдварда Остина.
- 1801 Джордж Остин передает приход в Стивентоне своему старшему сыну Джеймсу. Осенью семейство Остин переезжает в Бат.

- 1802 Джейн и Кассандра проводят лето в Стивен-
тоне и Мэнидауне.
- 1802
сентябрь-
октябрь Джейн и Кассандра гостят в Кенте и
Стивентоне.
- 8 декабря
1803 Джейн и Кассандра возвращаются в Бат.
Издательство «Кросби и К^о» покупает
«Нортенгерское аббатство». Поездка в
Рэмсгейт и Лайм. Работа над «Уотсо-
нами».
- 1805
21 января Работа над «Леди Сьюзен».
В Бате скончался отец Остин.
- 1806 Семья Остин уезжает из Бата.
- 1807 Осенью семья Остин переезжает в Саут-
хэмптон.
- 1809 Джейн и Кассандра с матерью переез-
жают в Чотэн (Хэмпшир).
- 1811 Начат «Мэнсфилд Парк» (закончен вско-
ре после июня 1813 года).
- ноябрь В издательстве Т. Эджертонна выходит
«Разум и чувство» («Сочинение дамы»).
- 1812
июнь Джейн с матерью гостят в Стивентоне.
- ноябрь Т. Эджертон покупает «Гордость и пред-
убеждение» («Первые впечатления»).
- 1813
январь В издательстве Т. Эджертонна выходит
«Гордость и предубеждение» («Сочине-
ние автора «Разума и чувства»»).
- ноябрь Вторым изданием выходят «Разум и
чувство» и «Гордость и предубеждение».
- 1814
21 января Начата «Эмма» (закончена 29 марта
1815 года).
- май В издательстве Т. Эджертонна выходит
«Мэнсфилд Парк» («Сочинение автора

«Разума и чувства» и «Гордости и предубеждения»»).

1815
январь

Джейн и Кассандра гостят в Уинчестере и Стивентоне. Начата работа над «Убеждением».

декабрь

В издательстве Д. Мэррея выходит «Эмма» («Сочинение автора «Разума и чувства», «Гордости и предубеждения» и пр. и пр.»). В Париже выходит первый перевод «Разума и чувства» на французский язык.

1816
март

Выходит очередной номер «Куотерли ревью» со статьей Вальтера Скотта об «Эмме». Выходит второе издание «Мэнсфилд Парка». Летом закончено «Убеждение» (первый вариант). В Париже выходят первые переводы «Мэнсфилд Парка», «Гордости и предубеждения» и «Эммы» на французский язык.

1817
январь-март
27 апреля
18 июля

Работа над «Сандитоном».

Джейн Остин составила завещание.

Джейн Остин скончалась в Уинчестере.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

Джейн Остин. Рисунок ее сестры Кассандры 4

Единственное достоверное изображение Джейн Остин. Ее племянник и первый биограф — Джеймс Эдвард Остин-Ли в своих мемуарах (1870) использовал этот портрет. Он писал: «Внешне она была весьма привлекательна: высокая и стройная фигура, легкая и твердая походка, весь облик, исполненный здоровья и воодушевления. Она была шатенкой с яркими красками на лице, округлыми щеками, маленькими носом и ртом хорошей формы, светлокарими глазами и вьющимися вокруг лица волосами. Черты ее лица не были такими правильными, как у ее сестры, но имели свое особое очарование». Помимо этого портрета существуют еще три рисунка, предположительно изображающих Джейн Остин, в том числе силуэт, помещенный на суперобложке настоящего издания. Этот силуэт вклеен в экземпляр прижизненного издания романа «Мэнсфилд Парк» (1816), приобретенный в 1955 г. лондонской Национальной портретной галереей. Над силуэтом неизвестной рукой сделана надпись: «L'aimable Jane», на основании которой произведена его предположительная идентификация.

<i>Титульный лист первого прижизненного издания романа «Гордость и предубеждение»</i>	176
<i>Рукопись романа «Убеждение». Автограф</i>	177
<i>Дом в Чотэне, ныне музей Джейн Остин</i>	192
<i>Бал в Бате. Гравюра начала XIX века</i>	193
<i>Отец Джейн Остин — Джордж Остин</i>	540
<i>Мать Джейн Остин — Кассандра Остин</i>	541

СОДЕРЖАНИЕ

Гордость и предубеждение. (Перевод И. С. Маршака)	
Книга первая	5
Книга вторая	184
Книга третья	332
П Р И Л О Ж Е Н И Я	
От переводчика	535
Н. М. Демурова. Джейн Остин и ее роман «Гордость и предубеждение»	538
Примечания (Составили Н. М. Демурова и Б. Б. Томашевский)	590
Хронограф жизни и творчества Джейн Остин (Составила Н. М. Демурова)	620
Список иллюстраций	623

Джейн Остин

Гордость и предубеждение

Утверждено к печати

Редакцией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства О. К. Логинава

Художник С. А. Данилов

Технические редакторы В. В. Тарасова, Н. Ф. Егорова

Сдано в набор 18/IV 1967 г. Подписано к печати 1/VIII 1967 г.

Формат 70×90^{1/32}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 22,1

Тираж 20000. Тип. зак. 2509. Цена 1 р. 49 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука».

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
76	2 св. }	Николас	Николс
452	2 св. }		
146	10 св.	мы	ты
579	3 св.	1862	1826

Джейн Остин. Гордость и предубеждение.

